ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE

MAR 31 1959

WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

1959

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. (Сборник статей). Симферополь. Крымиздат. 1958. 315 стр. 5 000 экз. 6 р. 90 к.

ВАЛКИНА И. В. и др. **Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории.** М.-Л. Изд-во АН СССР. 1958. 603 стр. 1 400 экз. 21 р. 70 к.

ВИРНЫК Д. Ф. **Коммунистическая партия Украины в борьбе за создание и расцвет индустриально-колхозной республики.** Киев. Изд-во АН УССР. 1958. 83 стр. 6 000 экз. 1 р. 10 к. На украинском языке.

Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей. М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленинградское отделение. 1958. 388 стр. 4 000 экз. 15 р. 90 к.

ГЕРЦЕН А. И. **Собрание сочинений.** В 30-ти томах. Т. 13. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1857—1858 годов. М. Изд-во АН СССР. 1958. 675 стр. 22 000 экз. 15 руб.

Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 года.— Манифест мира. М. Госполитиздат. 1958. 128 стр. 10 000 экз. 3 руб.

ИВАНОВ П. П. **Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.).** М. Изд-во восточной литературы. 1958. 247 стр. 3 800 экз. 8 руб.

История города Иванова. В 2-х частях. Ч. 1. Дооктябрьский период. Иваново. Кн. изд-во. 1958. 396 стр. 7 000 экз. 7 руб.

КАМАЛОВ С. **Завоевание каракалпаков хивинскими ханами в конце XVIII — начале XIX вв.** Нукус. Каракалпакгиз. 1958. 47 стр. 2 000 экз. 1 руб.

КАПИЦА М. С. **Советско-китайские отношения.** М. Госполитиздат. 1958. 424 стр. 10 000 экз. 11 р. 45 к.

КОКАНБАЕВ А. **Борьба за установление и упрочение Советской власти в Фергане.** Ташкент. Госиздат УзССР. 1958. 119 стр. 3 000 экз. 1 р. 50 к. На узбекском языке.

Комитеты бедноты Белоруссии. Сборник документов и материалов. Минск. Изд-во АН БССР. 1958. 651 стр. 2 000 экз. 15 руб.

Коммунистическая партия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник статей. М. «Советская наука». 1958. 381 стр. 6 000 экз. 16 р. 85 к.

Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций. 1918—1956 (Сборник). Киев. Госполитиздат УССР. 1958. 752 стр. 20 000 экз. 13 р. 10 к.

Москва в двух революциях. Февраль — октябрь 1917 г. (Сборник статей.) М. «Московский рабочий». 1958. 416 стр. 6 000 экз. 6 р. 35 к.

Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. (Сборник статей.) М. Изд-во АН СССР. 1958. 314 стр. 1 800 экз. 22 р. 40 к.

ПЕРШИНА З. В. и РАКОВСКИЙ М. Е. **Хроника революционных событий в Одессе. Период борьбы за становление Советской власти. Январь 1917 г.— декабрь 1918 г.** Одесса. Обл. изд-во. 1958. 183 стр. 3 000 экз. 3 р. 50 к. На украинском языке.

РАШИН А. Г. **Формирование рабочего класса России.** Историко-экономические очерки. М. Соцэкгиз. 1958. 623 стр. 12 000 экз. 24 р. 50 к.

Резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии Латвии. Ч. 1. 1904—1940. Рига. Латгосиздат. 1958. 642 стр. 2 000 экз. 55 к. На латышском языке.

РЫБАКОВ М. В. **Из истории гра[illegible]ской войны на северо-западе в 1919[illegible]** Госполитиздат. 1958. 158 стр. 10 000 1 р. 90 к.

РЫНДЗЮНСКИЙ П. Г. **Городское [illegible]данство дореформенной России.** М. [illegible] АН СССР. 1958. 559 стр. 1 500 экз. 90 к.

САИДАЛИЕВ С. С. **Борьба за о[illegible]ствление ленинского кооперативного [illegible]на в Узбекистане.** Ташкент. Гос[illegible] УзССР. 1958. 131 стр. 5 000 экз. 1 р.

Сорокалетие образования Коммун[illegible]ческой партии Белоруссии (1918—195[illegible] Минск. Госиздат БССР. 1958. 47 10 000 экз. 55 коп.

ТАРЛЕ Е. В. **Северная война и шве[illegible] нашествие на Россию** М. Соцэкгиз. 480 стр. 30 000 экз. 18 руб.

Установление советской власти в [illegible]шии. Сборник статей. Чебоксары. Чу[illegible]госиздат. 1958. 211 стр. 2 000 экз. 75 к.

ШАУМЯН С. Г. **Сочинения.** В 3-х т[illegible] Т. 3. Ереван. Айпетрат. 1958. 523 10 000 экз. 7 руб. На армянском язы[illegible]

Всеобщая история

АНТОНОВА К. А. **Английское завоев[illegible] Индии в XVIII веке.** М. Изд-во восто[illegible] литературы. 1958. 326 стр. 3 800 экз. 20 к.

ВОЛКОВ Ф. Д. **Англо-советские отн[illegible]ния.** 1924—1929 гг. М. Госполитиздат. 464 стр. 5 000 экз. 12 руб.

ГОЛДОБИН А. М. **Египетская револ[illegible] 1919 года.** Л. Изд-во Ленинградского [illegible]верситета. 1958. 96 стр. 1 600 экз. 3 р.

ДОСТЯН И. С. **Борьба сербского на[illegible] против турецкого ига.** XV — начало X[illegible] М. Изд-во АН СССР. 1958. 195 стр. [illegible] экз. 7 руб.

ДУБИНСКИЙ А. М. и ЛАВРОВ Н[illegible] **Пробуждение Азии. Буржуазные рев[illegible]ции в Иране, Турции и Китае. Национ[illegible]но-освободительная борьба народов [illegible]дии в конце XIX — начале XX века.** [illegible]ции. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1958. 64 18 000 экз. 1 р. 10 к.

ЕФИМОВ Г. **Внешняя политика К[illegible] 1894—1899 гг.** М. Госполитиздат. 1[illegible] 423 стр. 5 000 экз. 11 руб.

ИВАНОВ Р. Ф. **Борьба негров за зе[illegible] и свободу на Юге США (1865—1877 гг.)** Изд-во АН СССР. 1958. 322 стр. 2 000 12 р. 90 к.

История войны на Тихом оке[illegible] В 5-ти томах. Т. 5. Мирный договор. П[illegible]вод с японского. М. Изд-во иностра[illegible] литературы. 1958. 507 стр. 14 руб.

История Польши. В 3-х томах. Т[illegible] М. Изд-во АН СССР. 1958. 667 стр. 6[illegible] экз. 36 р. 30 к.

КРУС М. **Филиппины в борьбе за св[illegible]ду.** Перевод с английского. М. Изд-во [illegible]сточной литературы. 1958. 91 стр. 2[illegible] экз. 2 р. 60 к.

ТЮЛЬПАНОВ С. **Колониальная сист[illegible] империализма и ее распад.** М. Соцэк[illegible] 1958. 258 стр. 35 000 экз. 4 р. 15 к.

Ученые записки Института востоко[illegible]дения. Т. 16. М.-Л. Изд-во АН СС[illegible] Ленинградское отделение. 1958. 566 с[illegible] 1 500 экз. 22 р. 75 к.

Хрестоматия по новой истории. Ч. [illegible] 1642—1870. Пособие для учителя. [illegible] ред. А. И. Молока и В. А. Орлова. М. [illegible]педгиз. 1958. 307 стр. 35 000 экз. 6 р. 70

КАДЕМИЯ НАУК СССР
ТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3 МАРТ 1959 г.
ДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — XXI съезд КПСС — историческое событие в жизни партии и народа 3

СТАТЬИ

Гарри Поллит, Председатель Исполкома Коммунистической партии Великобритании — Сорокалетие Коммунистического Интернационала 29

Ференц Мюнних, Председатель Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства — Октябрьская революция и венгерская Красная Армия 34

В. Т. Пашуто — Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма 60

Ю. М. Мельников — Роль американо-германских противоречий в возникновении второй мировой войны 77

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. Я. Сюзюмов (Свердловск) — Некоторые проблемы истории Византии 98

В. И. Корецкий — Из истории Крестьянской войны в России начала XVII века 118

ИСТОРИОГРАФИЯ

И. Г. Кабин — Борьба СЕПГ против ревизионизма, за укрепление единства своих рядов 138

СООБЩЕНИЯ

Г. Кольбе (ГДР), **И. Цельт** (ГДР) — Немецкие коммунисты и Венгерская Советская Республика 151
Ю. А. Соколов (Ташкент) — Первое русское посольство в Ташкенте 166

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

История СССР

Н. Семенов, Н. Чикин — С. Ф. Найда. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР 178
Л. С. Жарихин — П. Н. Соболев. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции 185
А. О. Зильберман — «Библиография русской библиографии по истории СССР» 193

Всеобщая история

С. Л. Тихвинский — Мэри Клэбоу Райт. Последнее сопротивление китайского консерватизма. Реставрация Тунчжи. 1862—1874 . . . 196

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Т. В. Игнатошвили — В Институте истории партии МК и МГК КПСС 205
Хроникальные заметки 207

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

И. В. Созин — Сорокалетие Коммунистической партии Польши . . . 209
Г. Шильферт (ГДР) — 24-я конференция Общества историков Германии в Трире 220
Хроникальные заметки 222

XXI СЪЕЗД КПСС — ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ ПАРТИИ И НАРОДА

Закончившийся недавно внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза обсудил перспективы развития нашей страны в 1959—1965 годах. Работа съезда и принятые им решения вызвали огромный интерес во всем мире и долгие годы будут оказывать свое воздействие на судьбы народов. Обсужденная на съезде и приобретшая силу партийного закона семилетняя программа коммунистического строительства в СССР, глубокий анализ внутреннего положения страны и событий на международной арене, разработка целого ряда важных теоретических проблем социалистического и коммунистического строительства, определение путей и средств дальнейшего укрепления Коммунистической партии и Советского государства — все эти вопросы привлекли большое внимание не только трудящихся СССР, но и широких масс во всем мире, и прежде всего в странах народной демократии.

Собравшись на рубеже нового периода в развитии Советского Союза — периода развернутого коммунистического строительства, определив величественную программу деятельности партии и народа на этом этапе, XXI съезд КПСС явился провозвестником грядущих исторических свершений, еще выше поднял международное значение и роль нашей Родины.

★

Подготовка к XXI съезду была ознаменована мощным трудовым и политическим подъемом. В ответ на решение сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1958 г.) о предстоящем созыве съезда возникло и вскоре приобрело широкий размах всесоюзное социалистическое соревнование, которое увенчалось большими успехами во всех областях народного хозяйства. С огромным энтузиазмом были встречены трудящимися СССР одобренные Центральным Комитетом партии и вынесенные на всенародное обсуждение тезисы доклада Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров товарища Н. С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». В ходе обсуждения тезисов ярко проявилась неразрывная связь партии и народа. Намеченные в тезисах контрольные цифры были восприняты массами как новое проявление заботы партии о благе народа, о росте могущества Советского государства, о построении коммунистического общества. Советские люди вновь воочию убедились в том, что Коммунистическая партия советуется с народом при решении вопросов развития страны, обращается к его мудрости для проверки правильности своих мероприятий, не только учит массы, но и учится у масс.

О том, как дорого для партии мнение народа, свидетельствует и тот порядок, на основе которого составлялся самый проект контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Разработка плана семилетки началась на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, на стройках и предприятиях, а затем была продолжена в плановых органах республик. Она проводилась под руководством местных партийных организаций и при активном участии профсоюзов

и комсомола. Тем самым в намеченном проекте контрольных цифр были учтены достижения практического опыта масс, многочисленные предложения производственных коллективов и местных организаций всех районов страны. Когда же проект основных показателей семилетки был разработан плановыми органами и одобрен Центральным Комитетом партии, трудящиеся приняли активное участие в его обсуждении, которое вылилось в подлинный общенародный референдум.

В своих решениях XXI съезд КПСС выразил глубокое удовлетворение ходом и результатами обсуждения тезисов доклада товарища Н. С. Хрущева. Это обсуждение превратилось в мощную демонстрацию творческой инициативы и активности советского народа, его сплоченности вокруг своего испытанного вождя — Коммунистической партии. Весь советский народ единодушно одобрил контрольные цифры развития народного хозяйства, воспринял семилетний план как свое кровное, родное дело и выразил полную готовность выполнить и перевыполнить его задания. В ходе обсуждения тезисов по всей стране состоялось более 968 тыс. собраний на заводах и стройках, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях и учебных заведениях, в частях армии и флота, в советских учреждениях. На этих собраниях присутствовало более 70 млн. человек. С замечаниями, дополнениями и предложениями выступило 4 672 тыс. товарищей. На Украине, например, в обсуждении тезисов доклада Н. С. Хрущева участвовало 12 млн. рабочих, колхозников, интеллигенции; свыше 1 млн. человек выступило с замечаниями и предложениями. В городах, селах и аулах Казахстана состоялось 28 856 собраний трудящихся; в них приняло участие около 2 млн. человек. Кроме того, в центральные и местные партийные и советские органы, в редакции газет, журналов, радио и телевидения от трудящихся СССР поступило свыше 650 тыс. писем и статей с предложениями и замечаниями, причем более 300 тыс. из них было опубликовано.

XXI съезд КПСС подвел итоги этого подлинно массового обсуждения проблем семилетнего плана и отразил в своих решениях думы и чаяния трудящихся СССР.

На съезде были представлены лучшие из лучших сыны и дочери советского народа, достойно проявившие себя на тех или иных участках коммунистического строительства, на партийной, государственной и хозяйственной работе, на поприще науки и культуры. Состав делегатов свидетельствует о том, что партия выростила, идейно воспитала и закалила многочисленные кадры, способные решать самые сложные и ответственные задачи.

Работа съезда и принятые им решения наглядно показывают всему миру, что Коммунистическая партия Советского Союза является великим кормчим нашего народа, его коллективным вождем, вдохновителем и организатором всей его деятельности.

Огромное теоретическое и политическое значение имеет доклад товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». Он является важнейшим документом нашей партии и всего мирового коммунистического и рабочего движения на современном этапе. Этот замечательный документ проникнут ленинской глубиной и мудростью, представляет собой образец нераздельного единства теории марксизма-ленинизма и практики коммунистического строительства, обобщает гигантский жизненный опыт трудящихся нашей страны и народов всего мира. Именно поэтому доклад Н. С. Хрущева приобрел исключительное значение и для Коммунистической партии нашей страны и для всех братских коммунистических и рабочих партий.

В докладе затрагивается громадный круг проблем внутренней политики партии, международного положения Советского Союза. И это вполне естественно и закономерно, ибо семилетний план развития на-

родного хозяйства является конкретным воплощением ленинской генеральной линии партии на современном этапе. Богатейший по идейному и конкретно-историческому содержанию, этот доклад освещает великие победы советского народа, главные задачи семилетнего плана развития народного хозяйства СССР, основные черты решающего этапа экономического соревнования мировой социалистической системы и системы капитализма, а также показывает то огромное воздействие на международную обстановку, которое окажет успешное выполнение экономических планов Советского Союза и других социалистических стран.

Главные положения доклада и принятых съездом решений явятся основой для выработки новой программы нашей партии. В них отражены важнейшие направления деятельности КПСС на этапе развернутого коммунистического строительства, определена ее генеральная линия в новый период развития СССР. Наличие этой надежной идейно-политической основы даст возможность осуществить разработку партийной программы в наиболее короткий срок, что, в свою очередь, поднимет деятельность партии на новую, еще более высокую ступень.

Огромное теоретическое и политическое значение имеют выступления на съезде членов и кандидатов в члены Президиума, секретарей Центрального Комитета партии. Раскрывая различные стороны деятельности КПСС, освещая ряд вопросов коммунистического строительства, внутренней и внешней политики партии, они обогатили идейную сокровищницу марксизма-ленинизма важными выводами и положениями. Это явилось одним из ярких свидетельств мудрости партийного руководства, единодушия и коллегиальности в работе Центрального Комитета, способствовало еще большему повышению идейного уровня работы XXI съезда КПСС и принятых им решений.

Характеризуя одержанные советским народом великие победы, XXI съезд подчеркнул, что самым главным результатом героической борьбы и труда советского народа является созданный им новый общественный строй — социализм и соответствующий ему политический строй — Советское социалистическое государство. В борьбе за социализм и на основе его победы были достигнуты исторические успехи нашей страны на фронте хозяйственного и культурного строительства, в результате чего Советский Союз превратился в могучую индустриальную и колхозную державу. В докладе Н. С. Хрущева и в решениях съезда раскрыты блистательные итоги поступательного развития Советского государства, подготовившего условия для перехода к новому периоду борьбы за коммунизм — развернутому коммунистическому строительству.

Как показано в докладе Н. С. Хрущева и в решениях XXI съезда, советский народ добился огромных успехов в последние годы и особенно со времени XX съезда нашей партии. СССР теперь занимает первое место в Европе и второе место в мире по объему промышленного производства. В 1958 г. валовая продукция промышленности в стране по сравнению с 1913 г. выросла в 36 раз, в том числе производство средств производства — в 83 раза, продукция машиностроения и металлообработки — в 240 раз, производство предметов потребления — в 14 раз, выпуск товаров культурно-бытового назначения — более чем в 45 раз. По сравнению с 1913 г. в 10 раз увеличилась производительность труда в промышленности. В 15 раз повысился национальный доход по расчету на душу населения. В 1950—1958 гг. в народное хозяйство СССР было внедрено около 10 млн. изобретений и рационализаторских предложений. Вследствие этого только за последние три года было сэкономлено около 24 млрд. рублей.

Благодаря принятым партией мерам обеспечен крутой подъем сельского хозяйства. Декабрьский Пленум ЦК КПСС (1958 г.), явившийся, по существу, политическим отчетом партии перед народом об осуще-

ствлении этих мероприятий, подвел итоги проведенной за недавние годы огромной работы в области земледелия и животноводства. В результате освоения огромных массивов целины наша страна за последние пять лет дополнительно заготовила миллиарды пудов хлеба и не только возместила все расходы по освоению новых земель, но и получила чистого дохода свыше 18 млрд. рублей. В 1958 г. было заготовлено 3 млрд. 500 млн. пудов зерна — на 1 млрд. 600 млн. пудов больше, чем в 1953 году. По сравнению с предыдущим пятилетием среднегодовые размеры производства зерна увеличились на 39%.

На основе мощного подъема производительных сил страны обеспечены выдающиеся успехи в развитии науки и техники. В СССР организовано серийное производство межконтинентальных баллистических ракет. Наша страна осуществила запуск трех искусственных спутников Земли, причем на орбиту последовательно выводились спутники со значительно большим весом, чем предыдущие, и с более совершенной научной аппаратурой и техническим оснащением. Великим достижением советской науки и техники является запуск в космическое пространство в сторону Луны многоступенчатой ракеты, которая стала первой искусственной планетой солнечной системы. СССР опередил другие страны и в разработке проблем использования атомной энергии в мирных целях.

Только за последние годы в больших размерах увеличились реальные доходы рабочих и крестьян. В осуществление решений XX съезда КПСС проведены такие крупные мероприятия, как повышение заработной платы низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих, сокращение рабочего дня в предпраздничные и предвыходные дни, перевод на сокращенный рабочий день рабочих и служащих ряда отраслей тяжелой промышленности, установление шести- и четырехчасового рабочего дня для подростков. Улучшено обеспечение трудящихся пособиями по социальному страхованию, увеличена продолжительность отпусков для женщин по беременности и родам, значительно повышены пенсии рабочим и служащим. Советское государство все больше ассигнует средств на удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся.

Истекший после XX съезда период был одним из важнейших в истории Коммунистической партии и Советского государства. Осуществляя решения съезда и последующих пленумов Центрального Комитета КПСС, трудящиеся СССР значительно продвинулись вперед по пути к коммунизму. События последних лет неоспоримо доказали первостепенное значение решений XX съезда партии как для коммунистического строительства в СССР, так и для всего международного коммунистического и рабочего движения, для упрочения мира на всем земном шаре.

Жизнь изо дня в день убеждает нас в том, что Центральный Комитет КПСС ведет партию и страну по правильному, марксистско-ленинскому курсу, осуществляет большую организаторскую и идейно-теоретическую работу, претворяя в жизнь генеральную линию партии. В ходе XXI съезда была ярко раскрыта руководящая и организующая роль ленинского Центрального Комитета во главе с товарищем Н. С. Хрущевым в делах партии и государства. В многочисленных выступлениях делегатов съезда, в решениях местных партийных конференций и съездов коммунистических партий в республиках была всесторонне освещена неутомимая, инициативная, ведущая и направляющая деятельность ЦК КПСС, глубоко вникающего во все стороны жизни страны.

Характеризуя пройденный партией со времени предыдущего съезда путь, XXI съезд целиком и полностью одобрил деятельность Центрального Комитета и проведенные им меры в области внутренней и внешней политики. В резолюции съезда указано, что важнейшие решения партии о перестройке управления промышленностью и строительством, об уско-

енном развитии химической индустрии, о реорганизации машинно-
рактерных станций и дальнейшем развитии колхозного строя, об уве-
ичении производства сельскохозяйственной продукции, об укреплении
вязи школы с жизнью и развитии системы народного образования в
тране имеют огромное значение для подъема экономики и культуры,
овышения благосостояния трудящихся.

XXI съезд отметил, что вся деятельность Центрального Комитета
артии базировалась на творческом применении марксистско-ленинской
еории при решении задач коммунистического строительства, строилась
а основе глубокого изучения опыта масс и постоянной связи с жизнью
арода, на умении находить решающие звенья в цепи исторического
азвития, раскрывать перспективы, мобилизовать массы, смело и реши-
ельно ломать все отживающее, что мешает движению вперед.

Духом творческого марксизма-ленинизма была проникнута вся ра-
ота XXI съезда. Съезд продемонстрировал подлинно научный подход
ПСС к определению задач своей внутренней и внешней политики, ее
остоянную заботу о развитии марксистско-ленинской теории на основе
обобщения практического опыта масс. Наиболее ярко это отразилось
докладе товарища Н. С. Хрущева и в принятых съездом решениях.
ти выдающиеся партийные документы представляют собой образец
еразрывной связи революционной теории с жизнью.

XXI съезд прошел в обстановке исключительного единодушия, по-
азав тем самым полное единство и монолитную сплоченность рядов
ашей партии под знаменем марксизма-ленинизма. Съезд одобрил под-
ержанные всей партией и народом решения июньского (1957 г.) Пле-
ума ЦК КПСС об антипартийной, ревизионистской, заговорщицкой
руппе Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина и Шепилова.
рименяя самые низкие приемы фракционной борьбы, используя под-
ые методы и двурушничая, пряча свое подлинное лицо и прикрываясь
емагогическими фразами, эта группа пыталась разрушить единство
артии, свернуть ее с ленинского пути.

В то время как партия и народ, претворяя в жизнь решения
X съезда, решительно добивались подъема народного хозяйства и на
той основе дальнейшего улучшения благосостояния тружеников города
деревни, эти дезертиры пытались внести неуверенность в ряды борцов
а коммунизм, подорвать партийную дисциплину, организационную
ощь КПСС, посеять раздор, заглушить творческий подход к оценке дей-
твительности и перспектив развития партии и государства. В то время
ак партия и ее ленинский Центральный Комитет во главе с товарищем
. С. Хрущевым по-новаторски ломали устаревшие понятия, решительно
ичевали рутину, отсталость и консерватизм, члены антипартийной груп-
ы старались сковать энергию и инициативу партии и ее руководящих
рганов. Фракционеры и двурушники рьяно выступали против всех
ажнейших мероприятий Центрального Комитета, проводившихся в осу-
ествление решений XX съезда КПСС. Естественно, что оторвавшиеся
т жизни отщепенцы подверглись сокрушительному разгрому. Разобла-
ив и идейно разгромив антипартийную группу, партия еще теснее спло-
илась вокруг своего Центрального Комитета, еще выше подняла поли-
ическую бдительность и зоркость.

Осуществление задач семилетнего плана Коммунистическая партия
советский народ встретили в расцвете творческих сил, преисполнен-
ые решимости преодолеть любые трудности на пути к великой цели,
плоченные и монолитные. Испытывая революционную гордость за со-
еянное и достигнутое, они отдают себе отчет в том, что ближайшее
удущее в истории нашей Родины открывает перед ней еще более вели-
ественные перспективы. Намеченная на 1959—1965 гг. программа раз-
ития народного хозяйства СССР по своим грандиозным масштабам не
меет себе равных в истории. В докладе товарища Н. С. Хрущева, в

резолюции XXI съезда и в утвержденных им контрольных цифрах определены как главные направления развития страны в годы семилетки, так и конкретные пропорции в развитии отдельных отраслей народного хозяйства, национальных республик и областей.

С исключительной глубиной и ясностью Никита Сергеевич Хрущев показал главные задачи партии и народа в нынешнем семилетии, раскрыл основное содержание их деятельности в различных областях. Эти задачи закреплены в резолюции XXI съезда по докладу Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы».

Как указывается в решениях XXI съезда, главными задачами партии в нынешнем семилетии являются:

в области экономической — всестороннее развитие производительных сил страны, достижение такого роста производства во всех отраслях экономики на основе преимущественного развития тяжелой индустрии, который позволил бы сделать решающий шаг в создании материально-технической базы коммунизма и в обеспечении победы СССР в мирном экономическом соревновании с капиталистическими странами. Усиление экономического потенциала страны, дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства, непрерывный рост производительности общественного труда должны обеспечить значительное повышение жизненного уровня народа;

в области политической — дальнейшее укрепление социалистического строя, единства и сплоченности нашего народа, развитие советской демократии, активности и самодеятельности масс в строительстве коммунистического общества, расширение функций общественных организаций в решении государственных вопросов, повышение организационной и воспитательной роли партии и государства, всемерное укрепление союза рабочих и крестьян, дружбы народов СССР;

в области идеологической — усиление идейно-воспитательной работы партии, повышение коммунистической сознательности трудящихся и прежде всего подрастающего поколения, воспитание их в духе коммунистического отношения к труду, советского патриотизма и интернационализма, преодоление пережитков капитализма в сознании людей, борьба с буржуазной идеологией;

в области международных отношений — последовательное проведение внешней политики, направленной на сохранение и упрочение мира и безопасности народов на основе ленинского принципа мирного сосуществования стран с различными социальными системами; осуществление курса на прекращение «холодной войны» и смягчение международной напряженности; всемерное укрепление мировой социалистической системы и содружества братских народов.

Характеризуя вопросы дальнейшего развития социалистической промышленности и транспорта, Н. С. Хрущев в своем докладе на съезде указал, что в годы семилетки по-прежнему будет обеспечено первоочередное развитие производства средств производства. На строительство и реконструкцию предприятий черной и цветной металлургии, например, предполагается вложить средств больше, чем их было вложено за прошедшие 30 лет. При среднем росте всей промышленности за семь лет в 1,8 раза общий объем производства химической промышленности должен увеличиться почти в 3 раза, в том числе производства искусственных волокон — почти в 4 раза, пластических масс и смол — более чем в 7 раз. Химическая индустрия будет развиваться ускоренными темпами и на совершенно иной, чем до сих пор, основе, с использованием наиболее дешевого сырья — природного газа и газов нефтеперерабатывающих заводов — и с применением современных технологических процессов и высокопроизводительного оборудования. В области топливной промышленности взят решительный курс на преимущественное развитие добычи

переработки нефти и газа. Добыча нефти увеличится в 1965 г. в 2 с ишним раза, а добыча и производство газа — примерно в 5 раз.

Как заявил в своем докладе Н. С. Хрущев, семилетка явится ре ающей стадией в осуществлении идеи великого Ленина о сплошной лектрификации страны. Годовая выработка электроэнергии к 1965 г. олжна увеличиться до 500—520 млрд. киловатт-часов, а мощность лектростанций — более чем в 2 раза. Потребление электроэнергии в ромышленности увеличится в 2,2 раза, а электровооруженность про ышленных рабочих — почти в 2 раза. В годы семилетки предусматри ается ускоренное развитие всех современных отраслей машинострое ия, и прежде всего тяжелого машиностроения, приборостроения, произ одства средств автоматики и телемеханики. Особое внимание обращает я на создание и производство новейших машин, основанных на исполь овании достижений и открытий науки и техники — радиоэлектроники, олупроводников, ультразвуков, радиоактивных изотопов и т. д. В годы емилетки предусматривается коренная техническая реконструкция сновных видов транспорта, особенно железнодорожного, замена паро озов экономичными локомотивами — электровозами и тепловозами.

XXI съезд подчеркнул, что решающим условием успешного осуще твления задач семилетки и создания материально-технической базы оммунизма являются широкое внедрение новой техники, комплексная еханизация и автоматизация производственных процессов, специали ация и кооперирование во всех отраслях народного хозяйства. В связи тем, что осуществление мер по механизации и более широкой автома изации производства имеет не только экономическое, но и социальное начение, съезд поручил Центральному Комитету КПСС, местным пар ийным органам взять под неослабный контроль проведение в жизнь сех мероприятий в этой области.

Что касается развития сельского хозяйства в семилетке, то его сновной задачей, как это было определено в решении декабрьского Пленума ЦК КПСС (1958 г.), является достижение такого уровня, кото ый позволит полностью удовлетворить потребности населения в продо ольствии, а промышленности в сырье, обеспечить все другие нужды го ударства в сельскохозяйственной продукции. Для осуществления этой адачи предстоит довести валовой сбор зерна за семилетие до 0—11 млрд. пудов; хлопка-сырца — до 5,7—6,1 млн. т; сахарной свек ы — до 76—84 млн. т; мяса в убойном весе — не менее чем до 6 млн. т (в 2 раза больше, чем в 1958 г.); молока — до 100—105 млн. т в 1,7—1,8 раза больше, чем в 1958 г.).

Главной линией в земледелии на ближайшие годы по-прежнему стается всемерное увеличение производства зерна как основы всего ельского хозяйства. Если раньше увеличение валового сбора зерновых ультур достигалось прежде всего посредством освоения целинных и за ежных земель, то основной источник роста этого вида продукции в ынешней семилетке — повышение урожайности хлебов. В области жи отноводства в 1959—1965 гг. главной задачей является увеличение роизводства мяса, молока, шерсти и яиц как за счет резкого увеличе ия поголовья скота, птицы и кроликов на колхозных и совхозных фер ах, так и путем повышения продуктивности животноводства.

Н. С. Хрущев убедительно показал в своем докладе, что наши кол озы и совхозы имеют возможности не только выполнить, но и перевы олнить установленные семилетним планом задания. Съезды компартий краины, Белоруссии, Казахстана и других республик, краевые и обла ные конференции, обсуждая контрольные цифры и решения декабрь кого (1958 г.) Пленума ЦК, наметили конкретные мероприятия по езкому увеличению сельскохозяйственной продукции в ближайшие го ы. Высокие социалистические обязательства труженики деревни берут а себя сейчас в связи с обсуждением решений и материалов XXI съез-

да КПСС, единодушно одобряя намеченную партией программу развития земледелия и животноводства, изыскивая резервы и возможности для ее досрочного выполнения.

Успешному осуществлению сложнейших задач, стоящих перед сельским хозяйством в семилетке, будут способствовать намеченные XXI съездом меры по дальнейшему укреплению общественного хозяйства колхозов, усилению механизации и электрификации сельскохозяйственного производства, значительному росту производительности труда и снижению себестоимости продукции. Съезд особо подчеркнул, что развитие всех отраслей сельского хозяйства и в будущем должно быть в центре внимания партийных, советских и сельскохозяйственных органов, всех тружеников колхозов и совхозов.

Большое место в докладе Н. С. Хрущева и в других документах XXI съезда уделено вопросам капитального строительства и размещения производительных сил. Согласно утвержденным съездом контрольным цифрам, объем государственных капитальных вложений на 1959—1965 гг. по сравнению с предыдущим семилетием возрастет в 1,8 раза и выразится в сумме 1 940—1 970 млрд. руб., что почти равняется капитальным вложениям в народное хозяйство за все годы Советской власти. Распределение государственных средств в капитальном строительстве в полной мере отражает основные направления развития народного хозяйства, предусмотренные семилетним планом. Оно обеспечивает дальнейшее усиление индустриальной мощи страны, повышение ее обороноспособности, более рациональное размещение производительных сил, всемерное и всестороннее развитие хозяйства и культуры советских национальных республик и областей.

Контрольные цифры семилетки определены с таким расчетом, чтобы обеспечить вовлечение в хозяйственный оборот богатых по содержанию и выгодных по условиям эксплуатации природных ресурсов, особенно в восточных районах страны, наиболее полное использование трудовых сил в соответствии с накопленным опытом и наличием производственных фондов в различных местах страны, дальнейшее приближение промышленности к источникам сырья и топлива, всемерное развитие специализации и кооперирования, улучшение межрайонных хозяйственных связей, рациональное использование всех видов транспорта.

Как указывается в решениях XXI съезда КПСС, основные сдвиги в размещении производительных сил в настоящем семилетии произойдут прежде всего в направлении ускоренного подъема экономики восточных районов страны. На развитие этих районов в 1959—1965 гг. будет израсходовано свыше 40% общего объема капиталовложений. Удельный вес восточных районов в общесоюзном производстве увеличится и составит в 1965 г.: по производству чугуна — примерно 44%, выплавке стали — 48%, производству проката — 49%, добыче угля — примерно 50%, нефти — 30%, выработке электроэнергии — 46%, производству пиломатериалов — свыше 45%. В предстоящем семилетии предусматривается ввод в действие мощностей третьей металлургической базы страны.

Семилетний план знаменателен и с точки зрения дальнейшего претворения в жизнь ленинской национальной политики. В нем нашли яркое воплощение идеи пролетарского интернационализма и дружбы народов, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи социалистических наций. Как указывал Н. С. Хрущев в своем докладе, семилетний план обеспечивает, с одной стороны, наиболее эффективное использование ресурсов республик, а с другой — правильное сочетание их интересов с интересами Советского Союза в целом. План намечает усиление межреспубликанских экономических связей и социалистического разделения труда между различными районами страны. Забота Коммунистической партии о судьбах народов СССР проявляется и в том, что семилетний

лан предусматривает прежде всего рост тех отраслей хозяйства республик, для развития которых имеются наиболее благоприятные природные и экономические условия. В то же время план семилетки противостоит националистическим тенденциям, решительно преграждает путь местничеству и автаркии, любым попыткам пренебрежения общесоюзными интересами в угоду неправильно понятым национальным интересам.

Не противопоставление местных и общесоюзных, национальных и интернациональных интересов обеспечивает подлинный расцвет материальных и духовных сил народов, а их гармоническое сочетание в ходе коммунистического строительства. Это убедительно доказано как предшествующим развитием Советского многонационального государства, так и развитием других стран социалистического лагеря. Из этого исходят и контрольные цифры семилетнего плана 1959—1965 гг., знаменуя собой новый этап укрепления содружества народов СССР.

Вся работа XXI съезда КПСС и принятые им решения проникнуты горячей заботой партии о благе народа. Мощный рост производительных сил, обеспечиваемый семилетним планом, открывает реальные возможности для еще более быстрого повышения экономического и культурного уровня масс. Как указывается в резолюции съезда по докладу Н. С. Хрущева, теперь имеются все условия для того, чтобы в ближайшее время советский народ стал жить еще лучше, более полно удовлетворял свои материальные и духовные потребности. К этой цели направлены и практические мероприятия съезда, получившие конкретное воплощение в контрольных цифрах семилетнего плана. В их числе — значительное повышение национального дохода СССР и на этой основе серьезное увеличение реальных доходов трудящихся; сокращение продолжительности рабочего дня и уменьшение числа рабочих дней в неделю; увеличение производства товаров народного потребления и повышение их качества; широкий размах жилищного строительства; улучшение общественного, культурного и бытового обслуживания населения.

За семь лет национальный доход в стране возрастет на 62—65% и превысит уровень довоенного 1940 г. почти в 6 раз. В основном в тех же размерах — на 60—63% — вырастет народное потребление. На 40% увеличатся реальные доходы рабочих, служащих и крестьян. За семилетку предполагается построить 650—660 млн. кв. м жилой площади, или 15 млн. квартир, что превысит весь городской жилищный фонд, созданный за годы Советской власти.

В огромных размерах увеличатся расходы государства на выплаты по социальному страхованию, на пособия, пенсии, стипендии учащимся, на бесплатное обучение, медицинское обслуживание, оплату отпусков, на содержание школ-интернатов, детских садов, яслей, санаториев, домов отдыха, домов для престарелых и на другие выплаты и льготы. Тем самым будет совершен новый большой шаг вперед по пути подъема народного благосостояния.

Благодаря принятым Коммунистической партией и Советским правительством мерам по укреплению связи школы с жизнью и дальнейшему развитию народного образования в стране предстоящие годы явятся важнейшим этапом в развитии советской высшей и средней школы. В 1959—1965 гг. намечается значительное расширение общего среднего образования в городах и в сельских местностях, расширение вечернего и заочного высшего и среднего специального образования. Будет осуществлен переход от 7-летнего к 8-летнему всеобщему и обязательному обучению, реорганизована сеть старших классов 10-летних школ в разные типы городских и сельских средних трудовых школ, значительно расширена сеть городских и сельских школ, дающих среднее образование без отрыва от производства. В соответствии с задачами развития народного хозяйства и культуры намечено дальнейшее расширение и

улучшение подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Как отмечается в утвержденных XXI съездом «Контрольных цифрах», в годы семилетки будут созданы необходимые условия для еще более быстрого развития всех отраслей науки, осуществления важных теоретических исследований и новых крупных научных открытий. С этой целью намечается широкая программа исследовательских работ, концентрация научных сил и средств на главных проблемах, имеющих большое теоретическое и практическое значение. В семилетнем плане предусмотрены крупные капиталовложения для строительства новых научных учреждений, оснащения институтов и лабораторий новейшим оборудованием. Значительно расширится сеть научных учреждений, в частности в восточных районах страны, увеличится количество подготовляемых научных кадров.

В условиях мощного подъема народного хозяйства на новую ступень поднимутся все отрасли социалистической культуры, дальнейшее развитие получат кино, печать, радио, телевидение, литература и искусство. Деятели литературы, кино и театра, музыки, изобразительного искусства призваны Коммунистической партией и Советским правительством поднять идейно-художественный уровень своего творчества, быть и впредь активными помощниками партии и государства в коммунистическом воспитании трудящихся, в развитии советской многонациональной культуры, в формировании высоких эстетических вкусов, в пропаганде принципов коммунистической морали.

Таким образом, контрольные цифры семилетнего плана свидетельствуют об огромном размахе творческой деятельности советского народа в различных отраслях материального производства и во всех областях духовной жизни. Чудесная симфония гигантских цифр семилетнего плана, за которыми стоит героический труд миллионов советских людей различных национальностей, укрепляет в строителях коммунизма чувство высокого советского патриотизма, согревает яркой надеждой на лучшее будущее народные массы всего мира. В то же время гигантская программа коммунистического строительства, начертанная в докладе Н. С. Хрущева и утвержденная XXI съездом КПСС, приводит в бешенство врагов социализма, глубоко обеспокоенных бурными темпами развития народного хозяйства нашей страны, огромными достижениями советской науки и техники, которые явно превосходят в ряде областей капиталистическую науку и технику. Наш семилетний план — это открытый, прямой, смелый вызов всей капиталистической системе, и прежде всего ведущей стране капитализма — Соединенным Штатам Америки, вызов на мирное экономическое соревнование, имеющее своей целью повышение жизненного уровня народа, развитие материального производства, науки и культуры, прогресс во всех областях знания.

★

Н. С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде подробно рассмотрел международное значение семилетнего плана. Он показал, что современный период в развитии СССР является решающим этапом экономического соревнования социализма с капитализмом, в ходе которого еще нагляднее проявится превосходство социалистического строя над капиталистическим. Раскрывая существо и коренные черты этого этапа, Н. С. Хрущев обстоятельно проанализировал место семилетнего плана в реализации основной экономической задачи нашей страны.

В докладе первого секретаря ЦК КПСС и в других документах съезда семилетний план предстает перед всем прогрессивным человечеством как план созидания, как ярчайшее свидетельство миролюбия Советского

осударства, его твердого и последовательного курса на мирное сосуще-твование стран с различными социальными системами, на неуклонное крепление дружественных связей с братскими социалистическими го-ударствами. Значительное место в докладе Н. С. Хрущева и в решениях ъезда уделено анализу взаимовлияния коммунистического строитель-тва в СССР и международного коммунистического и рабочего дви-кения.

Вопрос об экономическом соревновании социализма и капитализма, ак известно, был практически поставлен Коммунистической партией с ервых же лет существования Советской власти. И хотя наша страна ыла в ту пору отсталой, что являлось наследием царизма и капитализ-а и следствием военной разрухи, тем не менее В. И. Ленин и ленинцы ыли твердо уверены в успехе социалистического строительства. Враги рудящихся внутри Советской республики и за ее пределами предрека-и неизбежный провал планов социалистического государства, распро-траняли всяческую ложь и клевету о наших людях, глумились над троителями первых советских индустриальных объектов, «доказывали» евозможность для рабочих и крестьян собственными силами добиться аучного и технического прогресса, вывести свою Родину в число разви-ых в экономическом отношении стран. Но советские люди доказали а деле, что правы они, а не их злонамеренные критики. Уже в годы ервых пятилеток советский строй проявил огромную силу и жизнеспо-обность. СССР продемонстрировал свое бесспорное преимущество перед апиталистическими странами в отношении темпов хозяйственного разви-ия, добился серьезных успехов в решении основной экономической зада-и — догнать и перегнать главные капиталистические державы по произ-одству продукции на душу населения.

Благодаря высоким темпам развития, которые объясняются преиму-ествами социалистической системы, наша Родина из года в год сокра-ала расстояние, отделяющее уровень ее экономики от уровня наиболее азвитых капиталистических стран, и прежде всего Соединенных Шта-ов Америки. То были не прожекты беспочвенных мечтателей, как в те ремена расценивали деятельность нашей партии и Советского государ-тва представители реакционных буржуазных кругов, а трезвый и твер-ый расчет уверенных в своем успехе людей, хорошо знающих направ-ение и законы общественного развития.

Уже до войны, в 1940 г., Советский Союз производил в 8,5 раза ольше промышленной продукции, чем царская Россия в 1913 году. В США за этот же период промышленная продукция увеличилась менее ем в 2 раза. Иначе говоря, СССР в промышленном отношении разви-ался в 4 с лишним раза быстрее, чем Соединенные Штаты. Даже после евиданно тяжелых лет Великой Отечественной войны, когда мы понесли громные потери и жертвы, Советский Союз не снизил, а увеличил темпы воего экономического развития. В 1950 г., например, наша промыш-енность почти в 15 раз превосходила уровень 1913 г., а американская — 3,2 раза, то есть у нас промышленность развивалась в 4,7 раза быстрее, ем в Соединенных Штатах.

В последующие годы разрыв в темпах увеличился еще более в ользу Советского Союза и к невыгоде США. В 1958 г., на рубеже семи-етки, наша страна в 36 раз превысила уровень 1913 г. по объему про-ышленного производства. В США за тот же срок промышленность вы-осла менее чем в 4 раза. Таким образом, в настоящее время темпы про-ышленного развития Советского Союза в 9,5 раза выше, чем Соеди-енных Штатов Америки. Весьма отрадно и то, что они более чем в 2 ра-а превосходят довоенные, наглядно свидетельствуя о неуклонном уве-ичении индустриальной мощи Советской социалистической державы. то касается семилетнего плана, то, как показывают предварительные одсчеты, к концу 1965 г. темпы промышленного развития СССР по

сравнению с 1913 г. будут в 13 раз выше, чем в Соединенных Штатах Америки.

В этом и надо видеть причину того замечательного явления, что промышленность, а на ее основе и все народное хозяйство СССР и других стран социалистического лагеря быстро и неуклонно идут в гору, одерживают все большие успехи в экономическом соревновании с лагерем империализма, располагая реальными возможностями в исторически короткий срок окончательно выиграть это соревнование. СССР уже теперь по общему объему промышленной продукции далеко превзошел развитые страны Западной Европы и вышел на второе место в мире. В 1958 г. объем нашего промышленного производства значительно превысил продукцию Франции, Англии и Западной Германии, вместе взятых.

Семилетний план открывает новый этап экономического соревнования социализма с капитализмом. Гигантский труд советского народа, руководимого ленинской Коммунистической партией, поднял нашу страну на такую высоту, что она может не только успешно соревноваться в экономическом отношении с Соединенными Штатами Америки, но и добиться полной победы в этой исторической битве, оставить далеко позади ведущую капиталистическую державу. **«Ныне задача состоит в том,** — говорил Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС, — **чтобы добиться перевеса социалистической системы над капиталистической системой в мировом производстве, превзойти наиболее развитые капиталистические страны по производительности общественного труда, по производству продукции на душу населения и обеспечить самый высокий в мире жизненный уровень».**

В итоге выполнения семилетнего плана Советский Союз будет выпускать промышленной продукции на душу населения больше, чем производится ее сейчас в наиболее развитых капиталистических странах Европы — Англии и Западной Германии, и выйдет по этому показателю на первое место среди европейских держав. По абсолютному приросту некоторых главнейших видов продукции СССР превзойдет, а по другим — приблизится к нынешнему уровню промышленного производства в Соединенных Штатах Америки. К этому времени производство важнейших продуктов сельского хозяйства в целом и на душу населения в нашей стране превысит современный уровень США. После этого понадобится примерно пять лет, чтобы догнать и превзойти Соединенные Штаты Америки по производству промышленной продукции на душу населения. Таким образом, к 1970 г., а может быть, и раньше, Советский Союз выйдет на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству продукции на душу населения. Это будет всемирно-историческая победа социализма в мирном соревновании с капитализмом.

Быстрыми темпами развиваются и другие социалистические страны, внося свой вклад в общее дело мирного экономического соревнования с капитализмом. В то время, как империалистические государства систематически испытывают кризисы в экономике, страны социализма неуклонно идут в гору, добиваются все новых и новых успехов в подъеме промышленности, сельского хозяйства и других отраслей материального производства. Тем самым с каждым годом растет могущество социалистического лагеря, а лагерь империализма теряет одну позицию за другой.

Уже теперь страны социализма, вместе взятые, догнали мировую капиталистическую систему по производству промышленной продукции на душу населения. В социалистических странах сосредоточено около третьей части населения земного шара и свыше трети мирового промышленного производства. Значительный удельный вес занимают социалистические государства в мировой сельскохозяйственной продукции. На

к долю приходится почти половина мирового производства зерна и 3% производства хлопка.

В ходе выполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР и быстрого роста экономики других социалистических государств баланс мирового производства еще резче склонится в сторону мировой социалистической системы. В результате выполнения семилетнего плана в СССР и высоких темпов развития экономики стран народной демократии мировая социалистическая система, по подсчетам экономистов, будет иметь более половины всей мировой промышленной продукции. Тем самым будет обеспечено превосходство мировой системы социализма над мировой системой капитализма в материальном производстве — решающей сфере человеческой деятельности. А это, в свою очередь, еще выше поднимет международный вес и авторитет лагеря социализма, воочию покажет трудящимся всего мира, какие неограниченные возможности раскрываются перед народами в результате раскрепощения их от гнета капитала.

«Семилетний план развития народного хозяйства СССР, успехи строительства социализма в СССР и во всех социалистических странах,— говорится в утвержденных XXI съездом КПСС «Контрольных цифрах»,— разоблачают измышления наших врагов о том, что социалистическая революция несет с собой разрушение цивилизации. На самом деле только при социализме начинается стремительное, действительно массовое движение вперед во всех областях общественной и личной жизни, бурный рост материального производства, подъем благосостояния трудящихся, невиданный расцвет науки и культуры. Только социалистическая революция позволила Советскому Союзу превратиться из отсталой, полуграмотной страны в передовую, индустриальную державу, решающую перед собой совершенно реальную задачу — в исторически короткий срок выйти на первое место в мире по обеспечению материального и культурного уровня жизни своих граждан».

Осуществление семилетки окажет благотворное воздействие на развитие всех стран социалистического лагеря, откроет еще более широкие перспективы для их экономического и научно-технического сотрудничества, будет способствовать расцвету материальных и духовных сил всех народов мировой социалистической системы. Если отношения между капиталистическими государствами основываются на господстве одних и подчинении других, если в лагере империализма имеют место острейшие противоречия, то отношения между социалистическими государствами основаны на полном равноправии, братском сотрудничестве и единстве, что способствует укреплению сил и всей мировой социалистической системы в целом и каждой из стран, входящей в нее, в отдельности. Если в лагере капитализма усиление мощи одной страны основывается на ущемлении интересов других государств, подрывает их позиции на международной арене, то в мире социализма рост силы и могущества той или иной страны не только не противоречит интересам других братских государств, но, наоборот, благоприятствует подъему их общего экономического уровня и благополучия. При этом весьма важно подчеркнуть, что развитие национальной экономики и культуры социалистических государств не ведет к их обособлению и изоляции, а способствует установлению еще более тесных связей между ними. Более того, успешное развитие всех социалистических стран возможно только при условии их всестороннего сотрудничества на равноправной и взаимовыгодной основе.

Одна из коренных особенностей семилетнего плана в том именно и состоит, что он исходит из необходимости дальнейшего развития братского сотрудничества стран социалистического лагеря, предусматривает на основе взаимности оказание активной и действенной помощи народам всех братских государств и соответственно получение помощи и под-

держки с их стороны, укрепление внутри социалистического лагеря теснейших контактов во всех областях экономической, культурной и иной деятельности.

Мощное развитие экономики социалистических государств дает им возможность осуществить дальнейшую межгосударственную специализацию и кооперирование производства путем товарищеского согласования планов развития взаимосвязанных отраслей. Тем самым открывается новый этап международного разделения труда в социалистических странах, при котором каждая из них может в полной мере использовать все выгоды братского союза с другими социалистическими государствами. Рациональное размещение производства, сочетающее национальные интересы каждого социалистического государства с интересами укрепления и развития всего социалистического лагеря, является одним из источников ускорения темпов роста производительных сил во всех социалистических странах.

Как подчеркивается в резолюции XXI съезда КПСС по докладу товарища Хрущева, «Советский Союз считает своей важнейшей задачей и впредь содействовать укреплению единства социалистических стран, развитию тесных экономических и культурных связей между ними, еще большему сплочению братской семьи свободных народов на основе великих идей марксизма-ленинизма, принципов пролетарского интернационализма».

Реализация семилетнего плана окажет огромное воздействие на всю международную обстановку. Как отметил XXI съезд, осуществление семилетнего плана явится новым доказательством выполнения трудящимися Советского Союза своего интернационального долга перед трудящимися всех стран, международным коммунистическим и рабочим движением, перед всем прогрессивным человечеством. Развитие и процветание СССР и мировой системы социализма в целом облегчат рабочему классу и всем трудящимся капиталистических стран борьбу за свои насущные интересы, за мир, демократию и социализм. Успехи социалистического лагеря являются моральной поддержкой для всех борцов против империализма. Такая поддержка имеет особое значение в современных условиях, когда в капиталистических странах появились признаки нового наступления реакции и фашизма. Мощный рост сил социализма, укрепление единства социалистических государств способствуют обеспечению единства действий рабочего класса капиталистических стран как в международном, так и в национальных масштабах. В ходе классовой борьбы широкие массы рабочих — социал-демократов и их организации будут все больше осознавать новые возможности, которые открываются перед международным пролетариатом в связи с успехами социализма.

XXI съезд КПСС с удовлетворением отметил, что состоявшиеся в ноябре 1957 г. в Москве Совещания представителей коммунистических и рабочих партий продемонстрировали полное единство сил международного коммунизма. Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран была одобрена всеми братскими партиями и стала боевой программой их действий. Съезд подчеркнул далее, что правильность выводов Декларации полностью подтверждена жизнью. После ноябрьских совещаний еще больше укрепилась сплоченность коммунистических и рабочих партий на идейной основе марксизма-ленинизма. О монолитности братских партий и их полном единодушии свидетельствует то, с какой непримиримостью были встречены ими выступления ревизионистов и внутри отдельных партий и на международной арене.

Единодушное осуждение всеми марксистско-ленинскими партиями встретили теория и практика югославских ревизионистов, отошедших от позиций рабочего класса, от принципов пролетарского интернациона-

зма. Несмотря на усиленные попытки внести раскол в международное ммунистическое и рабочее движение, стремление столкнуть коммуни-ические партии друг с другом, югославские ревизионисты потерпели лный провал в своих раскольнических действиях и оказались факти-ски в изоляции на международной арене.

Великой демонстрацией интернационального единства и междуна-дной пролетарской солидарности коммунистических и рабочих пар-й явился XXI съезд КПСС. На съезде присутствовали делегации зарубежных коммунистических и рабочих партий. С дружескими при-тствиями в адрес съезда обратились и те братские партии, представи-ли которых не смогли приехать в Москву. В приветственных речах и сланиях братские марксистско-ленинские партии выразили КПСС и ководимым ею трудящимся массам Советского Союза чувства искрен-й дружбы и солидарности от имени коммунистов, рабочего класса и иллионов трудящихся своих стран. В этих приветствиях прозвучали лнующие слова большого доверия и искренней симпатии, которые пи-ют к нашей партии и нашей стране народы социалистических госу-рств, сторонники мира, демократии и прогресса во всем мире. Деле-ции братских партий социалистических стран поделились на съезде ра-стными сообщениями о замечательных успехах и победах своих наро-в в социалистическом строительстве. Представители братских партий питалистического мира рассказали о трудной, героической борьбе оих партий за дело рабочего класса, против империалистической реак-ии. Выступления представителей коммунистических и рабочих партий, приветствия съезду были проникнуты идеями пролетарского интерна-ионализма, глубокой признательности Коммунистической партии Со-тского Союза; в них отмечалось огромное значение опыта КПСС для еждународного коммунистического и рабочего движения.

В приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии итая XXI съезду КПСС говорилось о том, что со времени московских вещаний сплоченность социалистического лагеря и международного ммунистического движения значительно окрепла. Это сказалось как области защиты и развития марксизма-ленинизма, так и во взаимной ддержке, во взаимной учебе и обмене опытом.

Глава делегации ЦК Коммунистической партии Китая товарищ жоу Энь-лай в своем выступлении отметил огромное международное начение XXI съезда нашей партии. «Созыв XXI съезда Коммунистиче-кой партии Советского Союза,— сказал он,— является великим собы-ием в современной политической жизни. Народы видят в этом съезде е только демонстрацию несравнимой мощи Советского Союза — само-о могучего оплота мира во всем мире, но и величественную, прекрасную ерспективу всего человечества — коммунизм. Это чрезвычайно радует воодушевляет народы всех стран, которые настойчиво борются за мир о всем мире и прогресс человечества». Чжоу Энь-лай говорил о вечной нерушимой дружбе народов СССР и Китая, которая прошла длитель-ые испытания.

Авторитетная позиция, которую завоевала Коммунистическая пар-ия Советского Союза в международном рабочем движении, сказал на ъезде первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии оварищ Владислав Гомулка, является следствием исторического разви-ия, вытекает из того факта, что КПСС — первая партия, которая со-ершила в своей стране победоносную социалистическую революцию, ревратила прежде отсталую Россию в могущественную социалистиче-кую державу, построила социализм, накопила богатый и ценный для сех опыт, вступила на путь строительства коммунизма. Коммунистиче-кой партии Советского Союза никто не придал того огромного автори-ета, каким она пользуется, заявил далее В. Гомулка. Она завоевала его ама, завоевала как для себя, так и для марксизма-ленинизма, который

является источником ее побед и творческой силой, а также общим фундаментом и общей вехой для всех коммунистических и рабочих партий, стоящих на почве единства международного рабочего движения.

Делегация Коммунистической партии Чехословакии, сказал первый секретарь ЦК КПЧ товарищ Антонин Новотный, рассматривает свое участие в работе XXI съезда КПСС не только как честь для себя, но также и как дальнейшую помощь в работе компартии Чехословакии. «Мы говорим об этом на основании нашего многолетнего опыта,— заявил он.— Наша партия по праву всегда видела в Коммунистической партии Советского Союза свой образец, своего опытного учителя. Результаты, достигнутые в нашей работе за последний период, опираются на выводы, которые мы сделали из итогов XX съезда КПСС для деятельности Коммунистической партии Чехословакии в конкретных условиях нашей страны». Товарищ Антонин Новотный выразил уверенность в том, что внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза будет иметь не менее важное значение для дальнейшего развития всей мировой истории. Он подчеркнул, что пример СССР, его богатый опыт и бескорыстная помощь, растущий международный авторитет являются и будут являться и впредь основными факторами мощного развития мировой социалистической системы.

Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии товарищ Тодор Живков отметил в своем выступлении на съезде, что чем больших успехов добьется Советский Союз, тем более непобедимым и могучим станет социалистический лагерь. Характеризуя семилетний план развития народного хозяйства СССР, Т. Живков подчеркнул, что план этот является радостью, гордостью и вдохновением и для болгарских коммунистов. И для нас, болгарских коммунистов, сказал Т. Живков, работа XXI съезда КПСС служит программой и призывом к наиболее полному использованию возможностей социалистического строя, к максимальному изысканию резервов, ускорению нашего движения вперед. «Судьба нашей страны,— отметил он,— неразрывно связана с судьбой великой Советской страны, судьба нашей Коммунистической партии — с судьбой великой партии Ленина».

Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии товарищ Янош Кадар в выступлении на съезде подчеркнул, что XXI съезд КПСС в своей работе опирается на результаты политики XX съезда и развивает дальше взятую им линию. Он показал, что теоретические выводы XX съезда, основанные на богатом опыте социалистического строительства в СССР, оказали замечательную помощь и в работе венгерских коммунистов. Мы стараемся, сказал Я. Кадар, с учетом наших условий использовать эти выводы в интересах укрепления венгерского участка фронта мира и социализма, на благо нашего народа.

Первый секретарь ЦК Албанской партии труда товарищ Энвер Ходжа отметил, что работа и решения XXI съезда КПСС наполняют радостью и новыми надеждами сердца простых людей всех континентов, умножают их силы и энергию, еще больше укрепляют веру трудящихся всех стран в окончательную победу социализма и коммунизма во всем мире. Товарищ Э. Ходжа обратил внимание на значение творческого развития Коммунистической партией Советского Союза теории марксизма-ленинизма, представляющего собой обобщение богатейшего опыта социалистического строительства в СССР и в других странах, международного коммунистического и рабочего движения. Доклады Н. С. Хрущева как на XX, так и на внеочередном XXI съезде, заявил Энвер Ходжа, являются ценным сокровищем для всех коммунистов мира, для международного коммунистического движения, потому что они творчески развивают бессмертное учение марксизма-ленинизма.

Духом пролетарского интернационализма были проникнуты и дру-

гие выступления представителей братских партий. В речах делегатов съезда, в приветственных выступлениях руководителей делегаций марксистско-ленинских партий выявились их полное единодушие и солидарность по всем вопросам международного коммунистического и рабочего движения. Подтверждая правильность положений Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, все выступавшие на съезде подчеркивали беспредельную верность коммунистов всего мира великим идеям марксизма-ленинизма, их непреклонность в борьбе против ревизионизма как главной опасности в современных условиях.

Работа и решения XXI съезда были проникнуты горячей заботой КПСС об укреплении интернациональных связей народов нашей страны с трудящимися всего мира, о дальнейшем упрочении монолитного единства социалистического лагеря, нерушимой сплоченности коммунистических и рабочих партий. В резолюции по докладу Н. С. Хрущева XXI съезд указал на необходимость «развивать и расширять братское сотрудничество коммунистических и рабочих партий на основе полной самостоятельности каждой партии, на основе пролетарского интернационализма, добровольного сотрудничества и взаимной помощи. Коммунистическая партия Советского Союза, выпестованная В. И. Лениным в духе пролетарского интернационализма, рассматривает себя как один из составных отрядов международного рабочего и коммунистического движения. Вместе с другими коммунистическими партиями КПСС несет ответственность за судьбы социалистического лагеря, за судьбы мирового коммунистического движения. Она и впредь будет неотступно следовать великому интернациональному учению Маркса, Энгельса и Ленина, бороться против ревизионистов всех мастей, за чистоту марксизма-ленинизма, за новые успехи мирового коммунистического и рабочего движения».

В докладе Н. С. Хрущева и в решениях XXI съезда КПСС нашел отражение вопрос об отношениях между братскими марксистско-ленинскими партиями внутри международного коммунистического и рабочего движения. В точном соответствии с основными принципами ленинизма съезд подчеркнул, что эти отношения строятся на базе полнейшего равноправия и независимости партий, на основе пролетарского интернационализма. Каждая партия вырабатывает свою политику самостоятельно, в соответствии с идеями марксизма-ленинизма и конкретными условиями данной страны, исходя из коренных интересов рабочего класса. В коммунистическом движении нет партий «вышестоящих» и «подчиненных», нет никаких тенденций к «гегемонизму», вмешательства во внутренние дела друг друга. И именно потому, что все партии равноправны, они установили между собой отношения доверия и братского сотрудничества, добровольно и сознательно стремятся к единым действиям как составные части единого международного коммунистического и рабочего движения.

Эта ясно выраженная позиция XXI съезда КПСС, являющаяся отражением политики и практической деятельности нашей партии в области взаимоотношений с братскими партиями, способствует дальнейшему укреплению международного коммунистического и рабочего движения на ленинских принципах пролетарского интернационализма, еще большему развитию дружбы и товарищества между марксистско-ленинскими партиями. Она наносит удар по врагам социализма, по ревизионистам всех мастей, которые, фальсифицируя действительность, утверждают, будто бы КПСС и Советский Союз навязывают свою волю другим партиям и социалистическим странам. В основе нерушимого единства социалистических стран, коммунистических и рабочих партий лежит не диктат и подчинение одних другим, а согласие, ясное сознание общности и нераздельности коренных вопросов, главных задач и целей.

Опыт показывает, что успех национального дела рабочего класса немыслим без интернациональной солидарности всех его отрядов.

Важнейшая черта XXI съезда КПСС состоит в том, что он является съездом мирного созидания, что утвержденные им контрольные цифры семилетнего плана представляют собой яркое воплощение ленинской миролюбивой политики СССР. Как указал Н. С. Хрущев в заключительном слове, в работе съезда выражена воля партии, воля всего советского народа претворить в жизнь планы коммунистического строительства, сделать все для того, чтобы сохранить мир, обеспечить мирное сосуществование государств с разными социальными системами. Значение семилетнего плана состоит, во-первых, именно в том, что он проникнут духом миролюбия, что он не преследует и не может преследовать каких бы то ни было агрессивных целей и намерений, ибо является планом социалистического государства, внешняя политика которого — это политика мира, а не войны. Во-вторых, выполнение семилетки еще больше увеличит экономический потенциал СССР, что вместе с ростом экономического могущества всех социалистических стран обеспечит решающий перевес в соотношении сил на международной арене в пользу мира и тем самым создаст новые, еще более благоприятные условия для предотвращения войны.

В докладе Н. С. Хрущева и в резолюции съезда сформулированы в высшей степени ценные положения о возможности устранения войн как средства решения международных вопросов. Прежде всего XXI съезд подчеркнул, что жизнь полностью подтвердила вывод XX съезда об отсутствии фатальной неизбежности войн на современном этапе развития человечества. В настоящее время еще яснее видна правильность этого вывода, ибо силы мира вновь возросли, а силы агрессии и войны стали слабее. Огромное увеличение мощи Советского Союза в результате выполнения семилетнего плана, дальнейшее укрепление могущества всего социалистического лагеря в целом, рост количества стран, входящих в «зону мира» в связи с продолжающимся распадом колониальной системы империализма,— все это, вместе взятое, еще больше изменит положение на международной арене в пользу мира, укрепит уверенность народов в недопустимости войны. Опираясь на силу лагеря социализма, миролюбивые народы смогут тогда заставить воинствующие круги империалистических стран отказаться от планов развязывания новых войн. Таким образом, еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части земного шара, возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества.

Этот смелый теоретический вывод, являющийся дальнейшим развитием марксизма-ленинизма, имеет огромное практическое и политическое значение. Он пробуждает новую энергию у борцов за мир, укрепляет их уверенность в правоте своего дела, сплачивает под знаменем мира широкие слои народов всей земли. В то же время Коммунистическая партия предупреждает трудящихся СССР против беспечности и благодушия перед лицом агрессоров, учит их величайшей бдительности и зоркости, воспитывает в них сознание необходимости неуклонного укрепления обороны Родины.

XXI съезд КПСС единодушно одобрил ленинскую миролюбивую политику Советского правительства, создающую непреодолимые преграды на пути империалистических агрессоров. Как указывается в резолюции съезда по докладу Н. С. Хрущева, своевременными и правильными являются предпринятые в последнее время СССР мероприятия, направленные на мирное разрешение германского вопроса, достижение соглашений о прекращении испытаний и полном запрещении ядерного оружия, о разоружении, о прекращении холодной войны, о созыве совещания глав правительств великих держав. Съезд поручил Центральному

омитету партии и Советскому правительству и впредь последовательно роться за осуществление этих и других предложений, направленных а обеспечение мира и безопасности народов.

★

В докладе товарища Н. С. Хрущева и в решениях XXI съезда подчерк-то особое значение в современных условиях разработки вопросов мар-истско-ленинского учения о социализме и коммунизме. Вступив в период азвернутого коммунистического строительства, наметив грандиозную кон-ретную программу действий, наша партия в то же время теоретически бобщила богатейший опыт деятельности народа в борьбе за коммунизм, казала ему наиболее верные пути и средства к осуществлению великих елей, раскрыла коренные черты и особенности современного этапа разви-ия Советского социалистического государства. В этом вновь проявилась оль Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы арода, его вдохновителя и организатора.

На всем историческом пути развития Советского Союза наша партия егда выступала как подлинный коллективный вождь народа, освещая о путь светом революционной теории, раскрывая перед ним и особенно-и наших дней и перспективы дальнейшего развития. Коммунистическая артия оказалась на высоте своего положения и на современном ответ-твенном этапе в жизни народов СССР, когда перед многомиллионными ассами вплотную, в конкретно осязаемой форме, как практическая за-ача дня, встали вопросы перехода от социализма к коммунизму.

Богатейший по своему идейно-теоретическому содержанию доклад . С. Хрущева на XXI съезде КПСС имеет поистине эпохальное значение в этом отношении. В нем поставлены и творчески решены многие корен-ые вопросы строительства коммунистического общества, решены не в бщетеоретическом плане, не в порядке гипотез и научных прогнозов, а в онкретно осязательном виде, в качестве научного обоснования главных аправлений деятельности партии и народа на различных участках ком-унистического строительства.

В числе вопросов марксистско-ленинской теории, разработанных в окладе Н. С. Хрущева,— положения о двух фазах коммунистического бщества и закономерностях перехода от социализма к коммунизму, создании материально-технической базы коммунистического общества, распределении в условиях социализма и коммунизма произведенных бществом материальных и духовных благ, о путях развития и сближения олхозной и общенародной форм социалистической собственности, о поли-ической организации общества, государственном устройстве и управлении период развернутого строительства коммунизма, о развитии мировой оциалистической системы.

Всестороннее теоретическое освещение в докладе Н. С. Хрущева и решениях съезда ряда жизненно важных проблем современности будет пособствовать ускорению коммунистического строительства. В этом вновь роявилась великая преобразующая сила марксизма-ленинизма, его твор-еский революционный дух, умелое сочетание теории и практики в дея-ельности Коммунистической партии. Глубокий теоретический и полити-еский анализ внутренней жизни и международного положения СССР, еразрывная связь политики и практической работы партии с жизнью арода, с повседневным опытом масс являются характерной чертой дея-ельности Президиума Центрального Комитета и первого секретаря ЦК ПСС товарища Н. С. Хрущева по руководству партией и страной.

Исторические предначертания XXI съезда есть органическое разви-ие идей XX съезда КПСС. Все теоретические и политические положения X съезда партии выдержали историческую проверку и полностью под-ердились практикой социалистического строительства в СССР и в стра-

нах народной демократии, опытом международного коммунистического и рабочего движения. XXI съезд продолжил линию XX съезда и в международных вопросах и в области внутреннего развития страны, углубил разработку проблем перехода советского общества от социализма к коммунизму. Тем самым наша партия идейно вооружила народ в борьбе за осуществление планов хозяйственного и культурного строительства, всесторонне подготавливает его к решению ответственных задач семилетнего плана.

Поистине всемирно-историческое значение имеет содержащийся в докладе Н. С. Хрущева вывод о том, что в мире нет теперь сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь, что опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена, что социализм победил не только полностью, но и окончательно. Этот вывод, основанный на глубоком анализе внутренней обстановки в СССР и в странах социалистического лагеря, положения в международном коммунистическом и рабочем движении, является ценнейшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма. Он еще больше укрепляет непоколебимую уверенность народов СССР и трудящихся всего мира в победе коммунизма, воочию показывает превосходство их сил над силами империализма. Закрепляя этот теоретический и политический вывод, XXI съезд подчеркнул, что вопрос о построении социализма в одной стране и его полной и окончательной победе решен всемирно-историческим ходом общественного развития.

Глубокую теоретическую разработку в докладе товарища Н. С. Хрущева получил и вопрос о двух фазах коммунистического общества, о закономерностях перерастания социализма в коммунизм. Всестороннее раскрытие этого коренного положения представляет собой новый крупный вклад в теорию научного коммунизма. Товарищ Н. С. Хрущев показал в своем докладе, что, во-первых, переход от социалистической стадии развития к высшей фазе есть закономерный процесс, который нельзя произвольно нарушить или обойти, что к коммунизму общество не может перейти от капитализма, не пройдя социалистическую стадию. Во-вторых, при всем отличии коммунизма от социализма между ними нет какой-либо стены, разделяющей обе эти фазы. Коммунизм вырастает из социализма, является его прямым продолжением. Уже теперь все более развиваются коммунистические формы труда и организации производства. В социалистическом обществе, построенном в СССР, имеется много ощутимых и зримых черт коммунизма, которые будут в дальнейшем все более развиваться и совершенствоваться.

В-третьих, переход к коммунизму нельзя понимать как какое-то замедленное движение. Наоборот, это период быстрого развития современной индустрии, крупного механизированного сельского хозяйства, всей экономики и культуры при активном и сознательном участии миллионов строителей коммунистического общества. Закономерный процесс перерастания социализма в коммунизм может быть ускорен на основе высокого развития материального производства, которое достигается еще в период социализма. «Нельзя торопиться и поспешно вводить то, что еще не созрело,— подчеркивает Н. С. Хрущев.— Это привело бы к извращениям и компрометации нашего дела. Но нельзя и задерживаться на достигнутом, так как это вело бы к застою».

Характеризуя условия перехода от социализма к коммунизму, Н. С. Хрущев обратил внимание на то, что основной практической задачей нашей страны в данное время является создание материально-технической базы коммунистического общества, новый мощный подъем производительных сил, ибо только таким путем можно обеспечить изобилие материальных и культурных благ. Н. С. Хрущев показал, далее, что с ростом производительных сил будут совершенствоваться и социалистические производственные отношения. Он дал всестороннюю характеристику

ого, в каком направлении и каким образом будет осуществляться это овершенствование. Большое внимание уделил Н. С. Хрущев и проблеме аспределения произведенных обществом материальных и духовных благ ри социализме и коммунизме.

Положения доклада Н. С. Хрущева о двух фазах коммунистического бщества имеют первостепенное значение в деятельности партии и народа. ни вносят полную ясность в этот жизненно важный вопрос, кладут конец коропалительным и ошибочным выводам, содержащимся в работах неоторых философов, экономистов и историков, ставят теоретическую раоту по вопросу перехода от социализма к коммунизму на конкретную очву.

Крупнейшее теоретическое и практическое значение имеет разработанный в докладе товарища Н. С. Хрущева вопрос о путях развития колозной и государственной форм социалистической собственности. Показав ясно и определенно неизбежность слияния воедино при коммунизме осударственной и кооперативно-колхозной собственности, товарищ Хрущев в то же время предупредил против форсирования этого дела на современном этапе, подчеркнул важность всемерного развития и укрепления аряду с государственной собственностью собственности кооперативноолхозной. В этой глубоко диалектической постановке вопроса заключено ольшое теоретическое и практическое содержание. Кооперативно-колхозая собственность еще далеко не исчерпала свои положительные возможости. Формы собственности изменяются не произвольно, а развиваются а основе экономических законов, зависят от характера и состояния проводительных сил.

Анализируя богатейший опыт развития социалистического сельского озяйства, товарищ Н. С. Хрущев показал, что по мере дальнейших успеов колхозного производства произойдет сближение кооперативной собственности с общенародной путем повышения уровня обобществления кономики колхозов. Во-первых, будут все больше возрастать неделимые онды сельскохозяйственных артелей, составляющие экономическую осноу дальнейшего развития колхозов и постепенного сближения колхозноооперативной собственности с общенародной. Во-вторых, общественное олхозное производство станет полнее охватывать различные отрасли кономики деревни, что увеличит возможности для систематического расирения роли общественного хозяйства в удовлетворении личных потребостей колхозников. В-третьих, неизбежно расширятся межколхозные роизводственные связи, различные формы сотрудничества между колозами. В-четвертых, благодаря дальнейшей электрификации сельского озяйства, механизации и автоматизации производства будет происходить се большее соединение, своеобразное слияние колхозных средств производства с государственными, общенародными, и сельскохозяйственный руд постепенно превратится в разновидность индустриального труда.

Таким образом, исторически неизбежное слияние кооперативно-колозной собственности с собственностью общенародной произойдет не в езультате свертывания кооперативно-колхозной собственности, а путем овышения уровня ее обобществления при помощи социалистического годарства. Это слияние — не простое организационно-хозяйственное мероиятие, а решение глубокой проблемы преодоления существенного разичия между городом и деревней.

Всесторонняя разработка в докладе товарища Н. С. Хрущева вопроса слиянии кооперативно-колхозной и общенародной собственности в едиую коммунистическую собственность имеет не только огромное теоретиеское значение, представляя собой дальнейшее развитие идей ленинского ооперативного плана, но и не менее важное практическое значение. Тем амым ясно раскрывается перспектива дальнейшего развития колхозов, оторое будет происходить в гармоническом сочетании с общим движелем всей страны к коммунизму.

Если в период социалистического строительства в СССР крупнейшую роль сыграла разработанная партией на основе ленинского кооперативного плана теория коллективизации сельского хозяйства, то в период развернутого коммунистического строительства первостепенную роль призваны сыграть установки XXI съезда КПСС о слиянии двух форм социалистической собственности, ибо они определяют путь колхозного крестьянства к коммунизму.

Освещая вопросы политической организации общества, государственного устройства и управления в период развернутого коммунистического строительства, товарищ Н. С. Хрущев высказал целый ряд важных теоретических и политических положений о дальнейшем развитии и укреплении советского общественного и государственного строя. Он убедительно показал, что по мере продвижения нашей страны к коммунизму еще больше возрастет участие масс в управлении государством, увеличатся значение и роль в хозяйственном и культурном строительстве общественных организаций, к которым постепенно перейдут некоторые функции государственных органов. В ходе создания материальной базы коммунизма будет неуклонно повышаться значение хозяйственно-организаторской и воспитательной функции диктатуры пролетариата, главное в которой не насилие, как при диктатуре буржуазии, а именно воспитательная, преобразовательная деятельность.

В докладе товарища Н. С. Хрущева получили разработку вопросы дальнейшего укрепления многонационального Советского государства, расширения прав союзных республик, гармонического сочетания национальных и интернациональных интересов и задач трудящихся, неразрывного единства в государственном строительстве суверенитета народов и демократического централизма.

Глубокое освещение в докладе проблем развития социалистического государства решительно направлено против буржуазных и ревизионистских извращений в этой области, преследующих цель ослабления и подрыва диктатуры пролетариата в социалистических государствах, идейного обезоружения народов перед лицом международного империализма. Решение этих кардинальных вопросов имеет программное значение, ибо оно дает ясное и определенное представление о политическом устройстве общества при переходе от социализма к коммунизму.

Исключительный интерес для трудящихся СССР и народов всего мира представляют положения доклада товарища Н. С. Хрущева об условиях осуществления социалистического и коммунистического строительства в различных странах мира. Вопреки лживым утверждениям проповедников «национального коммунизма» из лагеря реакционной буржуазии и ревизионистских элементов, «предрекающих» обособленное развитие социалистических стран и их неизбежные столкновения между собой, Н. С. Хрущев показал, что социалистические государства, используя заложенные в социалистическом строе возможности, будут более или менее одновременно переходить к высшей фазе коммунистического общества. В противоположность закону неравномерности экономического и политического развития, действующему в мире капитализма, в социалистической системе хозяйства действует закон планомерного, пропорционального развития. Экономически отставшие в прошлом страны, опираясь на опыт и поддержку других социалистических государств, быстро наверстывают время, повышают уровень своей экономики и культуры, в результате чего общая линия экономического и культурного развития всех социалистических стран выравнивается.

Эти глубоко интернационалистские положения доклада товарища Н. С. Хрущева наносят сокрушительный удар по ревизионистским утверждениям о якобы неизбежной неравномерности в развитии социалистических государств, о будто бы имеющихся у некоторых из них, и прежде всего у Советского Союза, тенденциях к «гегемонизму», к подчинению

дних стран другим. Своим подлинно научным положением, сформулированным впервые в истории марксистской мысли, товарищ Хрущев показал, что в отношениях между социалистическими странами, как и внутри социалистических государств, действует закон планомерного, пропорционального развития, а мировой социалистический лагерь представляет единую экономическую систему. Со временем между странами социализма будут все больше осуществляться координация государственных планов, творческое общение, взаимопомощь и взаимоподдержка к их общей пользе, благополучию и прогрессу.

Выдвинутые и разработанные в докладе товарища Хрущева и в решениях XXI съезда теоретические положения по вопросам коммунистического строительства в СССР имеют крупнейшее методологическое значение в деятельности работников общественных наук, в частности советских историков. Эти положения должны стать руководящими для исследователей в области истории партии и Советского государства. Они вооружают их ясными и четкими установками о характере и закономерностях социалистического и коммунистического строительства, учат умению глубоко анализировать явления жизни, решительно бороться против рутины и косности в научной работе.

Доклад Н. С. Хрущева и решения XXI съезда КПСС — ярчайшее свидетельство творческого подхода нашей партии к развитию революционной теории, к обобщению опыта коммунистического строительства. Партия обращает внимание на то, что в новый период развития Советского Союза, когда вопросы коммунистического воспитания приобретают особо важное значение, идеологическая работа выдвигается на одно из наиболее видных мест. Теперь, когда наша страна находится в полном расцвете своих творческих сил, имеются все условия для дальнейшего подъема социалистической сознательности трудящихся СССР, для ликвидации пережитков капитализма в сознании людей. Однако эти пережитки не истомрут сами собой. Требуется большая, систематическая работа по их преодолению. Осуществление этого тем более необходимо, что реакционные, империалистические силы стремятся отравлять сознание советского народа ядом антинародных идей, распространять ложь и клевету на социалистический строй, извращать существо действующих в нашей стране законов и порядков. Было бы большой ошибкой недооценивать вред буржуазного влияния, игнорировать возможность проникновения в нашу среду, особенно в среду молодежи, вредных идей, взглядов и нравов.

Империалистические государства, и прежде всего империалисты Соединенных Штатов Америки, затрачивают огромные средства на ведение подрывной работы в странах социалистического лагеря, содержат многочисленную армию «специалистов» по изучению (вернее по извращению) положения в этих странах, выпускают бесчисленное множество печатных «трудов», используют для вредоносных целей своей лживой пропаганды радио, кино, телевидение и другие идеологические средства. Чтобы противостоять империалистическим диверсиям, работники идеологического фронта социалистических стран должны быть во всеоружии, проявлять максимум энергии и активности в разоблачении происков и козней врагов мира и социализма. Они обязаны вести систематическое наступление на буржуазную идеологию, разоблачать ее порочные установки, вскрывать ее несостоятельность и антинародный характер.

Ответственная роль в борьбе против буржуазной идеологии и ревизионизма, в разработке проблем коммунистического строительства принадлежит общественным наукам. Как указал в своем докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев, наши экономисты, философы, историки призваны глубоко исследовать закономерности перехода от социализма к коммунизму. Долг советских ученых — изучать опыт хозяйственного и культурного строительства, способствовать воспитанию трудящихся в коммунистическом духе. Перед работниками в области общественных наук,

особенно экономистами, стоит задача творческого обобщения и смелого теоретического решения новых вопросов, выдвигаемых жизнью. Весьма важно также всесторонне анализировать положение в мире капитализма, разоблачать всякого рода буржуазные фальсификации, бороться за чистоту марксистско-ленинской теории.

В выступлениях ряда руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского государства на XXI съезде КПСС отмечались крупные недостатки в деятельности работников общественных наук, их серьезное отставание от жизни, от задач, осуществляемых партией и народом. С момента XX съезда КПСС, в огромной мере способствовавшего развитию советской науки и культуры, начался подъем всех отраслей общественных наук. Однако сделанное — лишь начало той большой и многогранной работы, которая должна быть осуществлена. С трибуны XXI съезда КПСС были подвергнуты острой критике советские экономисты, которые в ряде случаев плелись в хвосте событий, занимались проблемами, уже опрокинутыми жизнью, «открывали» давно открытое, отстаивали устаревшие, утратившие свое значение положения, тянувшие экономистов и практиков назад, к пройденному этапу развития нашего общества. Ряд критических замечаний на съезде был высказан и в адрес советских историков, которые также не использовали полностью в своей деятельности предоставленные им Советской властью богатейшие возможности, все еще не обеспечили разработки ряда коренных проблем отечественной и всемирной истории.

В ряде наших исторических учреждений не уделяется должного внимания исследованию наиболее важных проблем истории советского общества и государства. До сих пор не изжит эмпиризм и узковедомственный подход к изучению исторических явлений и событий, иногда упускаются из виду наиболее актуальные из них, сосредоточивается внимание на второстепенных вопросах и мелочах, уводящих исследователя в сторону от главного. Недостаточно разрабатываются советскими историками проблемы историографии. Особенно слабо ведется критика буржуазной историографии в целом и прежде всего фальсификаторских работ по истории советского общества и государства.

В период, когда внимание партии и народа нацелено на выполнение семилетнего плана, когда в стране развертывается мощный патриотический подъем в борьбе за осуществление исторических решений XXI съезда КПСС, обязанность советских историков — в первую очередь заниматься исследованием современности. Коммунистическая партия ждет от нас обстоятельного анализа исторического пути советского народа, исследования его богатейшего опыта в строительстве социалистического и коммунистического общества, выяснения уроков прошлого для более успешного решения современных задач.

Партия и ее Центральный Комитет неуклонно борются против отрыва идеологической работы от практики коммунистического строительства. Они решительно искореняют догматизм, начетничество, талмудизм, пресекают любые попытки извращения явлений жизни в угоду устаревшим теоретическим положениям. Они требуют от ученых идти в выводах и обобщениях не от заранее готовых формул, а от анализа реальной действительности. Теперь особенно необходимы конкретность и целеустремленность в идеологической работе, глубокое знание дела, партийная принципиальность и выдержанность.

Долг советских историков — помочь Коммунистической партии и Советскому государству в осуществлении семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг., внести свой вклад в дело дальнейшего повышения трудовой и политической активности советского народа, в неуклонное развитие его патриотических и интернациональных чувств. Всестороннее изучение героического опыта прошлых лет, освещение деятельности партии и народа на фронте социалистического строительства

ужат целям коммунистического воспитания трудящихся, повышению их литической сознательности, усилению трудовой и политической активсти советского народа.

У советского народа есть все возможное для того, чтобы успешно полнить и перевыполнить грандиозный план семилетки. Наша страна сполагает мощной социалистической промышленностью, крупным мезированным сельским хозяйством и другими высокоразвитыми отслями экономики, находящимися в состоянии крутого подъема. СССР имеется огромное количество квалифицированных кадров, спобных решать самые сложные и ответственные задачи в различных обстях народного хозяйства и культуры. Выдающиеся успехи в развии советской науки и техники, благодаря которым мы опережаем каталистические страны в ряде важнейших проблем знания, дают возжность неуклонно совершенствовать производство и повышать провводительность труда. Наличие огромных природных богатств и неиссяемых источников энергии позволяет форсировать развитие самых разчных отраслей производства.

Действующие при социализме экономические законы и порядки, рожденные им движущие силы открывают безграничный простор для звития производительных сил. Этому способствует и то, что в ходе разрнутого коммунистического строительства еще больше преобразятся сами участники исторического дела — миллионы и миллионы трудяихся. При этом наибольшее значение имеет растущее и крепнущее ммунистическое отношение людей к труду как первейшей жизненной отребности. Одна из коренных черт нового периода развития СССР в м и состоит, что на данном этапе будут одержаны решающие успехи осуществлении задачи коммунистического воспитания трудящихся.

У нас имеется колоссальный запас творческих сил и энтузиазма в роких массах советского народа, преображенного социализмом, вдохвляемого великими идеями коммунистического строительства, прониктого горячей любовью к Советской Родине. Во главе трудящихся идет удренная гигантским историческим опытом, закаленная в боях и тру, вооруженная всепобеждающими идеями марксизма-ленинизма, бесредельно преданная народу Коммунистическая партия. Вместе с нами пути строительства новой жизни идут страны народной демократии, атская дружба с которыми в огромной мере умножает силы и мощь ветского Союза.

Коммунистическая партия и руководимые ею массы понимают сложсть и ответственность задач семилетки. Для выполнения этих задач требуются мобилизация сил и резервов, новое повышение уровня организаторской и идейно-воспитательной работы партии. По мере дальнейего развертывания коммунистического строительства партия будет окавать все большее воздействие на жизнь и деятельность советского соалистического общества, будет непрерывно возрастать ее значение как ллективного вождя и воспитателя народа. XXI съезд КПСС особо дчеркнул правильность и жизненную силу одного из важнейших полоений ленинизма о том, что в процессе строительства коммунистическообщества роль партии должна возрастать, а не ослабляться, как то верждают современные ревизионисты. В дальнейшем укреплении парии, в усилении ее связей с народом, в подъеме всей ее многогранной ятельности — важнейший залог успеха в борьбе за победу коммузма.

«Главная задача Коммунистической партии, ее Центрального Комига состоит сейчас в том,— говорится в решениях XXI съезда КПСС,— обы обеспечить безусловное выполнение семилетнего плана развития родного хозяйства страны и этим еще более укрепить могущество наей Родины, еще выше поднять материальный и культурный уровень изни народа. Чтобы успешно решить эту историческую задачу, партия

и впредь, следуя ленинским принципам руководства, должна неустанно укреплять свои связи с массами, единство своих рядов, шире развертывать критику и самокритику, развивать инициативу и повышать ответственность за выполнение государственных заданий каждой партийной организации, всех коммунистов, поднимать роль Советов, профсоюзов, комсомола в осуществлении планов коммунистического строительства».

В нашей стране развертывается мощный трудовой подъем в борьбе за выполнение исторических решений XXI съезда КПСС, за реализацию грандиозного семилетнего плана. Все слои советского общества, все народы могучего Союза Советских Социалистических Республик единодушно одобряют предначертания съезда, еще теснее сплачивают свои ряды вокруг Коммунистической партии. Ясно сознавая, что успех семилетнего плана будет решаться непосредственно на предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях и других коллективах, советские люди принимают все меры для еще большего упорядочения своей работы, всестороннего выявления и максимального использования имеющихся резервов и возможностей, дальнейшего улучшения организации и подъема производительности труда.

В ходе этой благотворной самоотверженной деятельности, проникнутой чувствами советского патриотизма и пролетарского интернационализма, еще ярче проявляются воспитанные Коммунистической партией высокие моральные и политические черты трудящихся СССР, еще выше поднимается их неукротимая творческая энергия и трудовая активность. Две великие силы нашей страны — народ и партия — в едином строю, сплоченные и монолитные, вдохновленные историческими постановлениями XXI съезда КПСС, вступили в новый период развития СССР, полные энергии и решимости победоносно осуществить великую программу развернутого коммунистического строительства. Нет никаких сомнений в том, что эта историческая программа будет выполнена и перевыполнена. Ничто в мире теперь не в состоянии преградить путь советского народа к коммунизму.

СТАТЬИ

СОРОКАЛЕТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Гарри Поллит,
Председатель Исполкома Коммунистической партии Великобритании

С большим удовольствием я выполняю просьбу редакции журнала «Вопросы истории» о написании статьи, посвященной сорокалетию Коммунистического Интернационала. Хотя я и не считаю себя историком, но, будучи тесно связан с Коммунистическим Интернационалом, сохранил в своей памяти немало ярких воспоминаний о его разнообразной деятельности. В результате моей многолетней связи с III Интернационалом я прошел большую школу и обогатился огромным опытом.

Революционные деятели международного рабочего движения давно были знакомы с политикой предательства и ревизионизма, проводившейся лидерами II Интернационала, особенно в годы первой мировой войны. Поэтому мы очень обрадовались, когда узнали, что 4 марта 1919 г. представители революционных рабочих, находившиеся в Москве, встретились со своими русскими товарищами и торжественно, на I конгрессе, основали Коммунистический Интернационал, или, как он более широко известен, III Интернационал.

Мы глубоко чувствовали, что наконец создан подлинно революционный Интернационал рабочего класса, призванный руководить деятельностью революционных рабочих всего мира, объединять ее и в то же время сплачивать различные группы и разрозненные революционные секции рабочих в единые коммунистические партии.

На I конгрессе были приняты важные резолюции: о платформе Коммунистического Интернационала; тезисы В. И. Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата; об отношении к «социалистическим» течениям и Бернской конференции; тезисы о международном положении и политике Антанты и весьма знаменательная резолюция о необходимости участия женщин-работниц в борьбе за социализм. Об этой резолюции я упомянул потому, что постоянное внимание к работе среди женщин являлось отличительной чертой деятельности Коммунистического Интернационала в течение всего периода его существования.

Задачи Коминтерна были ясно изложены в принятом I конгрессом манифесте, обращенном к международному пролетариату: «Семьдесят два года тому назад коммунистическая партия возвестила миру свою программу в виде манифеста, написанного величайшими провозвестниками пролетарской революции Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом...

Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран Европы, Америки и Азии, собравшиеся в Советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возвещена 72 года тому назад. Наша задача состоит в том, чтобы обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей примеси оппортунизма и социал-патриотизма, объединить усилия всех истинно-революционных партий мирового пролета-

риата и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире» [1].

В тот же период В. И. Ленин писал: «Основание III Интернационала произошло в такой мировой обстановке, что никакие запрещения, никакие мелкие и мизерные уловки империалистов «Согласия» или лакеев капитализма, как Шейдеманы в Германии, Реннеры в Австрии, не способны помешать распространению в рабочем классе всего мира вести об этом Интернационале и сочувствия к нему» [2].

В июне 1920 г. вышла работа В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Она сыграла огромную роль в укреплении компартий и в работе II конгресса Коммунистического Интернационала, открывшегося 19 июля 1920 года.

Я думаю, этот конгресс знаменателен тем, что он повел непримиримую борьбу против всех проявлений сектантства и оппортунизма в революционном рабочем движении. Хорошо известна полемика В. И. Ленина с английскими и немецкими товарищами, которая позднее способствовала объединению коммунистов в Англии и Германии.

Самое важное решение II конгресса касалось правил приема в Коммунистический Интернационал, которые стали широко известны под названием «21 условие». В этом документе была сформулирована ленинская концепция революционных принципов демократического централизма, единства и дисциплины, обязательных для революционных рабочих и коммунистических партий во всем мире.

Конгресс одобрил и другие важные резолюции: основные задачи Коминтерна; коммунистические партии и парламентаризм; национальный и колониальный вопросы; аграрный вопрос; роль коммунистической партии в пролетарской революции; профессиональное движение; фабрично-заводские комитеты и III Интернационал.

Несомненно, в образовании коммунистических партий во всем мире и оформлении их политических платформ II конгресс сделал особенно много. Он заложил твердый фундамент для созыва в июне 1921 г. III конгресса Коммунистического Интернационала.

У меня очень хорошо сохранился в памяти III конгресс потому, что это был первый конгресс, на котором я имел возможность присутствовать. Для участия в работе конгресса в Москву съехались делегаты со всего мира. Его заседания проходили в Кремле, в зале, где теперь собираются сессии Верховного Совета СССР и съезды Коммунистической партии Советского Союза. В этом зале я впервые встретился с товарищем Лениным.

Выдающиеся решения III конгресса касались как тактических, так и организационных вопросов: о международном положении; о женском движении; о кооперативном движении; о коммунистической молодежи; о тактике Российской коммунистической партии (большевиков). Я и сейчас прекрасно помню, какое огромное впечатление произвела речь товарища Ленина по вопросу о причинах введения новой экономической политики в Советской России и то большое внимание, с которым делегаты слушали выступление Тома Манна, изложившего тезисы по колониальному вопросу.

III конгресс стимулировал создание Красного Интернационала профсоюзов, организационное оформление которого произошло в Москве сразу же после окончания работы конгресса.

Некоторые буржуазные правительства рассматривали тезисы и резолюции, принятые III конгрессом, как «бунтарские» и «подрывные» и очень опасались воздействия идей Интернационала на трудящиеся массы. Многие товарищи были отправлены в тюрьмы за то, что они опубликовали эти решения в своих странах.

[1] «Коммунистический Интернационал в документах». Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932. М. 1933, стр. 53—54.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 280

IV конгресс Коммунистического Интернационала проходил в ноябре — декабре 1922 года. Как и предыдущие, он проделал большую и плодотворную работу, помогая многим молодым коммунистическим партиям исправить их ошибки и укрепить связи с массами.

На этом конгрессе рассматривались следующие главные вопросы: Версальский мирный договор; аграрный вопрос; задачи коммунистов в профессиональных союзах; восточный вопрос. Доклад о прогрессирующем упадке капитализма сделал товарищ Варга.

V конгресс Коминтерна состоялся в Москве в июне — июле 1924 года. Он обсудил вопрос о едином фронте и указал, при каких обстоятельствах коммунисты могут поддерживать различные типы «рабочих правительств». Председатель Коммунистической партии Великобритании, покойный Артур Мак-Манус, сделал на конгрессе важное заявление о положении в Англии и о тактике компартии. Был также обсужден вопрос о профсоюзах.

Во время работы V конгресса состоялась волнующая демонстрация на Красной площади, где присутствовали все делегаты конгресса. С трибуны мавзолея к ним обратился товарищ Калинин с речью о Ленине и Коммунистическом Интернационале.

VI конгресс Коммунистического Интернационала проходил в 1928 г. в Москве. Выдающимися событиями этого конгресса были: принятие программы Коминтерна; обсуждение вопросов о коммунистическом движении и о международном положении; о революционном движении в колониях и об экономическом положении в США.

Горячий спор разгорелся по вопросу о колониях. Одна сторона пыталась доказать, что британский империализм, например, стремился индустриализовать такие страны, как Индия. Другая сторона, возглавлявшаяся товарищем Куусиненом, выступила против этого и показала, как британский империализм фактически задерживал индустриализацию и тем самым давал толчок национальному движению, стремившемуся выбросить из Индии иностранных капиталистов. Конгресс вынес решение в пользу последней точки зрения.

По вопросу о США высказывались мнения о том, что это капиталистическая страна «исключительного характера», обладающая иммунитетом против обычных капиталистических кризисов. Противники этих взглядов утверждали, что таких исключений быть не может. И действительность показала, что осенью 1929 г. Соединенные Штаты были поражены одним из самых серьезных экономических кризисов, которые когда-либо знала эта страна. На конгрессе была принята последняя точка зрения.

VII конгресс Коммунистического Интернационала состоялся в Москве в июле 1935 г. и целиком был посвящен вопросу борьбы против растущей опасности фашизма. Именно эта идея и составляла основное содержание известного доклада, сделанного VII конгрессу Георгием Димитровым, который стал Генеральным секретарем Коммунистического Интернационала. Не может быть сомнений в том, что этот доклад послужил толчком к единству действий против фашизма во всем мире. С того времени борьба за единство действий стала характерной чертой в работе всех коммунистических партий. Доклад оказал глубокое влияние на всех демократически мыслящих людей. Бесспорно, он вдохновил на проведение многих кампаний и создание правительств народного фронта.

У меня нет сомнений, что II и VII конгрессы Коммунистического Интернационала были самыми важными в его истории.

Конечно, то, что я написал, дает только поверхностное представление о деятельности Коммунистического Интернационала. В промежутках между конгрессами постоянно функционировали или собирались на сессии президиум, секретариат, расширенные исполнительные комитеты и специальные комиссии. На таких заседаниях пристальное внимание уделя-

лось повседневной работе коммунистических партий. Она детально анализировалась и проверялась комиссиями, состоявшими из представителей других коммунистических партий. Критические замечания и предложения, которые при этом делались, свидетельствовали о творческом, марксистско-ленинском подходе к партийной работе.

У меня нет возможности подробно рассказывать об этом, но пару примеров, которые сразу пришли мне на память, хотелось бы привести. Я вспоминаю английскую комиссию, которая была создана Коммунистическим Интернационалом осенью 1931 года. Ее работа была исключительно полезной для Коммунистической партии Великобритании. Старые члены партии хорошо помнят важную резолюцию, принятую комиссией и известную в нашей партии под названием «Январская резолюция». Она оказала глубокое влияние на Коммунистическую партию Великобритании.

Я также вспоминаю, как Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала в мрачные дни 1934 г. направил обращение ко II Интернационалу с призывом создать единый фронт борьбы против фашизма. Мне думается, если бы это обращение и доклад Димитрова на VII конгрессе были приняты II Интернационалом и легли в основу его практической деятельности, вторую мировую войну можно было бы предотвратить.

Вследствие военной угрозы, а затем и начала войны в 1939 г. не было возможности для созыва очередного всемирного конгресса. Коммунистические партии самостоятельно определяли свою политику и всюду проявляли себя как самые стойкие борцы против фашизма и подлинные защитники интересов рабочего класса.

Бросая взгляд в прошлое, я вспоминаю, как однажды, в субботу 1 мае 1943 г., когда я задержался до позднего часа на работе, в дверь постучали и мне вручили очень длинную телеграмму из Москвы. Меня как члена Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала просили высказать точку зрения на следующее: «Коммунистический Интернационал как руководящий центр международного рабочего движения распустить, освободив секции Коммунистического Интернационала от обязанностей, вытекающих из Устава и решений конгрессов Коммунистического Интернационала. Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала призывает всех сторонников Коммунистического Интернационала сосредоточить все свои силы на всемерной поддержке и активном участии в освободительной войне народов и государств антигитлеровской коалиции для скорейшего разгрома смертельного врага трудящихся — немецкого фашизма и его союзников и вассалов».

Я немедленно созвал других товарищей, связанных с Коммунистическим Интернационалом, и мы обсудили полученную телеграмму. Она была одобрена мною как членом Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, Уильямом Галлахером, членом Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, Палмом Даттом, Кэмпбеллом и Беном Брэдли, кандидатами в члены Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Позднее это решение Президиума Исполкома Коминтерна было одобрено и Исполнительным Комитетом Коммунистической партии Великобритании на его заседании 24 мая 1943 года.

Так окончился еще один период в истории международного коммунистического и рабочего движения. 40 лет — небольшой отрезок истории, из которых Коммунистический Интернационал просуществовал 24 года, но за это время он добился больших успехов и прежде всего создания коммунистических партий почти во всех странах мира. В некоторых странах эти партии более многочисленны, в других — менее, но все они благодаря опыту, работе и руководству Коммунистического

Интернационала стали стойкими и непоколебимыми в борьбе за дело рабочего класса.

Когда я вспоминаю о бурных дебатах по принципиальным вопросам марксизма в первые годы существования Коммунистического Интернационала, то не могу не улыбаться, слыша заявления наших сегодняшних критиков, «что мы слишком резко выступаем против ревизионистов». Тогда была, пожалуй, еще более трудная борьба, чем сейчас, и в ходе ее обучались и воспитывались стойкие и убежденные коммунисты, которые были закалены для борьбы против любых сил врага, стремились преодолевать все и всяческие препятствия, твердо верили в достижение конечной цели. Именно таких коммунистов, занявших свое место в рядах сражающегося международного фронта рабочего класса, помогал воспитывать Коммунистический Интернационал. И это всегда будет являться его великой заслугой.

Когда я писал эту статью, мне неизбежно вспоминалось историческое Совещание представителей 64 коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в ноябре 1957 года. Как мне кажется, это совещание возродило в современных условиях лучшие традиции Коммунистического Интернационала. Особое впечатление произвел на меня один из заключительных параграфов совместной Декларации. В этом параграфе говорится: «Как и всякое прогрессивное движение в истории человечества, коммунистическое движение неизбежно встречается на своем пути с трудностями и извилинами. Однако как в прошлом, настоящем, так и в будущем, любые трудности и извилины не могут изменить объективные закономерности исторического развития, не могут сломить великую решимость рабочего класса преобразовать старый мир и создать новый мир. С тех пор, как коммунисты вступили на арену борьбы, они подвергаются травле и преследованиям реакционных сил, но коммунистическое движение героически отбивает их атаки и выходит из испытаний еще более сильным и закаленным. На попытки реакционных империалистических сил помешать развитию человеческого общества к новой эпохе коммунисты отвечают дальнейшим укреплением своего единства и сплоченности...

Участники Совещания единодушно выражают свою твердую уверенность в том, что, сплачивая свои ряды и на этой основе сплачивая рабочий класс и народы всех стран, коммунистические и рабочие партии несомненно преодолеют все преграды на пути движения вперед и приблизят новые великие победы дела мира, демократии и социализма в мировом масштабе»[3].

Для меня лично время существования Коммунистического Интернационала было периодом большого политического образования и приобретения опыта борьбы.

Я хотел бы закончить свою статью словами из работы В. И. Ленина «Третий Интернационал и его место в истории», написанной им в апреле 1919 г.: «Всемирно-историческое значение III, Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата»[4].

[3] «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года». М. 1957, стр. 21, 22.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 281.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЕНГЕРСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

Ференц Мюнних,
Председатель Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства

21 марта 1919 г. венгерский рабочий класс взял власть в свои руки и провозгласил Венгерскую Советскую Республику. Эта историческая победа, подготовленная объективными условиями и всей агитационной, пропагандистской и организаторской работой Коммунистической партии Венгрии, была достигнута под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

С первого дня существования Венгерская Советская Республика заключила союз с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. Молодое Советское государство, героически боровшееся тогда против армий 14 империалистических держав и банд внутренней контрреволюции, помогло Венгерской Республике не только морально, но и своими военными действиями. Весть о том, что советские войска, вынудив к отступлению на территории Галиции и Бессарабии румынскую армию, приближаются к венгерским границам, воодушевила трудящихся Венгерской Советской Республики, ее Красную Армию и укрепила в них веру в будущее. Орган Венгерской Красной Армии газета «Vörös Katona» писала: «Мы не одиноки в этой борьбе. Русская Красная Армия начала всеобщее наступление в Галиции и Бессарабии, и на этом участке фронта румынские войска в панике бегут» [1].

Горячий отклик среди трудящихся венгров встретила телеграмма В. И. Ленина от 13 мая 1919 г.: «Привет крепнущей Красной Армии венгерских рабочих и крестьян. Зверский мир Антанты усилит везде сочувствие к Советской власти. Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр» [2].

16 мая 1919 г. «Правда» в передовой статье отмечала: «Красная Армия Советской России наступает на врагов Советской Венгрии. Она уже освободила от гнета румынских помещиков Бессарабию и теперь, перейдя через Днестр у Тирасполя, теснит румынские войска с востока... Русская Красная Армия на Румынском фронте должна использовать тот благоприятный оборот, который создан остановкой румынских войск и отступлением чехословацких в Венгрии. Она должна самым энергичным образом продолжать начатое наступление, помня, что этим она защищает не только Россию, но и единственного пока социалистического ее союзника — Красную Венгрию».

Румынское командование с целью усиления бессарабской армии вынуждено было в это время отвести свои войска с линии Тисы. Относительная пассивность румынской армии во время наступления чешских войск против Венгерской Красной Армии в значительной мере объяснялась военными действиями советских войск.

Позже из-за временного успешного продвижения в России контрре-

---

[1] «Vörös Katona», 22 апреля 1919 года.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 468.

волюционной армии Деникина на Орловско-Тульском направлении положение изменилось: румыны получили вновь возможность бросить значительную часть бессарабских войск в район Тисы.

У Венгерской Советской Республики, кроме Советской России, были и другие союзники. В контрреволюционных армиях, угрожавших стране, росло недовольство затянувшейся войной и несправедливым империалистическим походом против Венгерской Советской Республики.

Газета «Vörös Ujság» сообщала о том, что в Уйсегеде 11 апреля часть сербских солдат провозгласила здравицу в честь пролетарской диктатуры, бросила оружие и перешла Тису [3]. На другой день в Сегеде солдаты югославских отрядов сложили из своих ружей костер и вместе с венграми демонстрировали на улицах, распевая революционные песни; они заявили, что не хотят больше сражаться, что желают последовать примеру венгерского пролетариата. Трудящиеся и солдаты Сербско-Хорватско-Словенского государства ненавидели войска французских империалистов, оккупировавших их страну и совершавших насилия над местным населением. Французские солдаты в своей массе также хотели вернуться домой. Однажды в Загребе патрули колониальных частей французской армии вступили ночью в перестрелку с патрулями югославской армии. Французские офицеры не осмеливались близко подходить к солдатам, многие из которых прятали у себя красные повязки. В первые недели пролетарской диктатуры в Венгрии французский батальон в полном составе сдался у Серега небольшой артиллерийской части Венгерской Красной Армии. Освободительные идеи Октябрьской революции глубоко подрывали боевой дух буржуазных армий и осложняли осуществление агрессивных планов империалистов.

Значительную помощь Венгерской Советской Республике и ее Красной Армии оказала героическая борьба Коммунистической партии Германии против объединившейся с контрреволюцией предательской социал-демократии и офицерских банд Носке. Важными воодушевляющими факторами были также образование Баварской Советской Республики и борьба австрийского пролетариата против правительства Реннера — Бауэра, защищавшего интересы крупных капиталистов.

Но по вине социал-демократических партий, изменивших делу рабочего класса, в начале лета 1919 г. начался спад революционной волны. Это обстоятельство оказало влияние и на борьбу революционного народа Венгрии. Неудача международной стачки солидарности 21 июля в защиту Венгерской Советской Республики была уже предвестницей краха. Этой стачке помешали изменники рабочего класса — лидеры социал-демократических партий.

Борьба Венгерской Советской Республики и ее Красной Армии являлась органической частью той великой битвы, которую вели рабочий класс России и международный пролетариат против империализма и капиталистического гнета. Венгерская Красная Армия была армией пролетарского интернационализма, она была оружием того нового патриотизма, в котором сочеталась любовь трудящихся венгров к своей Родине с их преданностью первому социалистическому государству, нашему верному союзнику. Этот патриотизм связывал воедино нашу борьбу с освободительной борьбой пролетариев и угнетенных трудящихся других стран.

ФОРМИРОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И ЕЕ ПЕРВЫЕ БОИ

Военное положение Венгерской Советской Республики уже в самом начале было чрезвычайно тяжелым. Стране угрожали готовившиеся к нападению войска империалистов: на севере и северо-востоке — чехословацкие войска, на востоке и юго-востоке — румынская и балканская армии

[3] «Vörös Ujság», 15 апреля 1919 года.

Франше д'Эспере, а на юге — войска Сербско-Хорватско-Словенского государства. Лишь на западных границах не было непосредственной военной угрозы, ибо вследствие сопротивления австрийского пролетариата социал-демократическое правительство Австрии не могло отважиться на активные действия. Правда, с тем большей готовностью оно предоставляло убежище различным комитетам бежавших из Венгрии контрреволюционеров и шпионским организациям Антанты. Чтобы представить сложность создавшегося положения, достаточно указать, что на севере чехословацкая армия находилась в 45 км от Будапешта — политического и военно-промышленного центра Республики — и лишь в нескольких километрах от Шалготарьяна — единственного тогда значительного угольного бассейна страны.

В этой ситуации создание классовой армии пролетариата являлось жизненной необходимостью. В день провозглашения пролетарской диктатуры на демаркационных линиях — временных границах страны — расположились войска, составленные главным образом из остатков старой армии. Командирами этих войск были реакционные офицеры. Ясно, что защиту нового, пролетарского государства нельзя было доверить подобным вооруженным силам.

Группа коммунистов — членов объединенной партии под руководством Тибора Самуэли подготовила строевой устав Венгерской Красной Армии по образцу организационной структуры армии Советской России. По инициативе этой группы 25 марта Революционный Правительственный Совет издал указ об образовании Венгерской Красной Армии. Указ устанавливал, что Красная Армия должна состоять в первую очередь из организованных рабочих, а также из пролетариев-солдат из состава старой армии, ибо только таким образом может быть создана классовая армия пролетариата. Указ вменял в обязанность солдатам «защиту интересов революционного пролетариата от всех внутренних и внешних врагов и освобождение мирового пролетариата». Командиров, начиная с ротных и выше, назначал Народный комиссариат по военным делам. В соответствии с указом доверенные лица профорганизаций являлись одновременно командирами взводов. Отделения же сами выбирали своих командиров. Устанавливалось, что командиры должны назначаться из числа рабочих. Однако это требование удавалось осуществлять лишь в исключительных случаях.

Народный комиссариат внутренних дел принял постановление о создании Красной Охраны в целях поддержания внутреннего порядка.

6 апреля 1919 г. Народный комиссариат по военным делам издал приказ об использовании кадровых офицеров, об образовании интернациональных полков из добровольцев-военнопленных, главным образом русских. Инициаторами создания интернациональных отрядов явились сами военнопленные, которых в то время оставалось в Венгрии все еще много. Русские военнопленные (подобно венграм, находившимся в России), проявляя солидарность, добровольно вступали в интернациональные соединения. 30 марта в университетском городке «Гоявар» состоялось собрание, на котором было зачитано обращение Венгерского революционного правительства к русским военнопленным. В нем говорилось: «Военнопленные! Вы пережили все ужасы империалистической войны, испытали на себе гнет русской и венгерской буржуазии. Всеми силами поддержите молодую Венгерскую Советскую Республику. Враги уже объединились против венгерского и русского пролетариата. Место каждого русского и венгерского рабочего и крестьянина — в Красной Армии. Находящиеся в России венгерские пролетарии включились в борьбу, которую ведут там революционные массы. Вставайте на защиту венгерского пролетариата! Венгерские и русские рабочие борются за общие интересы всех пролетариев».

Обращение было встречено с огромным энтузиазмом. Выступивши

на собрании Мозеш Габор от имени 1-го Интернационального полка приветствовал присутствовавших и призвал их последовать примеру русских товарищей, составивших IV батальон этого полка. Затем выступили многие русские военнопленные, горячо поддержавшие обращение. От имени Революционного Правительственного Совета собравшихся приветствовал заместитель народного комиссара по военным делам Тибор Самуэли. «Мы, — сказал он, — не хотели возвращаться из России на Родину до тех пор, пока не была гарантирована власть рабочих от посягательств капиталистов. Мы хотели защищать русский пролетариат. Венгерский пролетариат также взял власть в свои руки. Я обращаюсь к вам с просьбой поддержать нас, ибо вскоре наступит время, когда объединится пролетариат всего мира».

Русские военнопленные большими группами приходили на мобилизационные пункты интернациональных отрядов. Они героически сражались в рядах Венгерской Красной Армии, с честью выполняя свой интернациональный пролетарский долг. Немало боевых подвигов совершили русские товарищи, но особенно выдающуюся роль они сыграли при взятии Лошонца 30 мая, в боях у Зойома, продолжавшихся с 10 до 12 июня, а также при форсировании Тисы во время июльского наступления в 1919 году.

Социалистическая революция в Венгрии оказала громадное влияние на пролетариат соседней Австрии. Уже в первые недели на границе 60 австрийских солдат через представителей предложили свои услуги Венгерской Советской Республике. Они привезли с собой 18 пулеметов.

Солдатские Советы Венской народной милиции обсуждали в Доме железнодорожников вопрос об оказании помощи венгерской революции. Целые батальоны выходили из австрийского «фольксвера», чтобы встать на сторону Венгерской Красной Армии. Уже в начале апреля 1919 г. почти 300 человек из состава «фольксвера» направились в Венгрию. На венском Восточном вокзале собралось около тысячи человек. Так как поезда были переполнены, многие пешком отправились в Брук на Лейте. 3 апреля 1919 г. специальным поездом на будапештский Восточный вокзал прибыли 1 200 австрийских добровольцев, где их встретил почетный караул 1-го Интернационального полка.

Австрийские пролетарии были мужественными борцами социалистической революции. На Восточном фронте они принимали участие в боях в районе Хайдусобосло. Здесь, сражаясь за великое дело социализма, погиб их руководитель Игнац Ротцигель. В Красную Армию вступали также пролетарии из других соседних государств: сербы, хорваты, румыны, словаки.

О высокой революционной сознательности и героизме солдат интернациональных частей свидетельствует письмо австрийца Антона Энгелья: «Дорогие родители! Когда вы получите это письмо, меня уже не будет в живых. Не плачьте, не печальтесь. Я пал за правое дело, за освобождение веками эксплуатируемых и гонимых пролетариев. Можно надеяться, что очень скоро победа будет за нами. Смело и гордо смотрю я в лицо смерти... Мы, как учил наш руководитель товарищ Ротцигель, с оружием в руках будем бороться до победы мировой социальной революции... Зейц и Реннер (австрийские правые социал-демократические руководители.— *Ф. М.)* — большие подлецы, ведь они за чечевичную похлебку продают права и свободу эксплуатируемых пролетариев. Но наступит день, когда и над моей Родиной засияет солнце свободы».

Такими были солдаты Красной Армии — венгры, русские, австрийцы и представители других народностей. С безграничной верой в свое правое дело боролись они за свободу пролетариата и всех трудящихся, за грядущую победу социализма и коммунизма.

В защите Венгерской Советской Республики приняли участие также освобожденные пролетарской революцией национальности. По инициативе класс Народный комиссариат по делам закарпатских украинцев 9 апреля

1919 г. издал указ о создании Красной Гвардии закарпатских украинцев. Однако, несмотря на большое количество желающих, самостоятельные русинские соединения так и не удалось сформировать, ибо вскоре Закарпатская Украина была оккупирована. Все же большое количество закарпатских украинцев сражалось в частях Венгерской Красной Армии.

Притягательная сила венгерской пролетарской революции была такова, что многие трудящиеся оккупированных империалистическими войсками областей с риском для жизни переходили вражеские кордоны, чтобы встать в ряды Красной Армии Венгерской Советской Республики. Так поступили шахтеры Печского угольного бассейна, находившегося в то время в условиях сербской оккупации. Более половины их перебралось через демаркационную линию Республики и самоотверженно сражалось на различных фронтах. Венгерские капиталисты, сотрудничая с империалистическими оккупантами, выбрасывали на улицу беззащитные семьи шахтеров-красноармейцев, но даже этой подлой местью им не удалось подорвать боевую силу сознательных пролетариев.

Важное значение в обороне Советской Республики имел Союз рабочей молодежи, ставший помощником и резервом партии. В значительной мере благодаря агитации, проводимой революционной молодежью, подавляющая часть вооруженных сил в марте 1919 г., да и раньше прислушивалась к голосу КПВ. Члены Союза рабочей молодежи активно участвовали в организации Красной Армии. В боях они показывали примеры личной храбрости и отваги, коллективного героизма и воинской инициативы.

В защите Советской Республики приняли участие и женщины. 12 апреля 1919 г. в Будапеште состоялся многолюдный митинг женщин, на котором они требовали, чтобы и им было дано место в оборонной работе, в рядах действующей армии. Многие женщины самоотверженно трудились на предприятиях, в армейских госпиталях, в медицинских пунктах. Движение распространилось и в провинции. В Секешфехерваре, например, 80 женщин и девушек попросили принять их в Красную Армию.

7 и 8 апреля Народный комиссариат по военным делам издал приказ о реорганизации дивизионной артиллерии и авиационных соединений, а 10 апреля — приказ о сформировании железнодорожного полка. В интересах укрепления армии Революционный Правительственный Совет вынес решение об образовании курсов по подготовке пролетарских командиров. Осуществлению этого, правда, мешало тяжелое военное положение Республики. Тем не менее игнорирование подготовки пролетарских командиров даже и в тогдашних условиях надо считать серьезной ошибкой. Необходимо было на краткосрочных курсах подготовить по меньшей мере несколько сот пролетарских командиров. Находясь во главе рот и батальонов, они могли бы стать сильным препятствием для контрреволюционной, подрывной деятельности кадровых офицеров. 18 апреля Правительственный Совет принял постановление о том, чтобы и младшие командиры назначались (до этого они выбирались). Правительственный Совет учредил также Институт политических комиссаров. 3 мая была сформирована морская бригада, выполнявшая главным образом карательные функции.

Дальнейшее развитие военных событий показало, однако, что все эти меры были недостаточно эффективны, к тому же они медленно осуществлялись. Тогда Правительственный Совет решил 19 апреля 1919 г. призвать к оружию весь пролетариат. В тот же день на пленарном заседании Будапештского Совета рабочих и солдатских депутатов было принято предложение коммунистов об отправке половины членов Рабочих Советов, а также народных комиссаров на фронт для поднятия боевого духа войск. Началось массовое вступление рабочих в Красную Армию. Только из солдат, мобилизованных в 1-й, 29-й, 69-й и в Красный чепельский полки, в Будапеште можно было создать до 31 мая 16 новых пролетарских батальонов.

19 апреля Правительственный Совет издал приказ о формировании

Будапештской Красной дивизии металлистов. Главной задачей данного соединения, сформированного исключительно из рабочих, была защита сердца Республики — Будапешта, обеспечение его безопасности.

На этом закончился первый этап создания Красной Армии.

Образование Венгерской Советской Республики привело в замешательство империалистов. Социалистическая революция, диктатура пролетариата, Советская власть стали реальной действительностью и в Венгрии. Империалисты направили в Венгрию английского генерала Смэтса, чтобы он информировал их о положении в Республике. Одновременно осуществлялась строжайшая экономическая блокада страны, экспроприировавшей капиталистов. Используя все имевшиеся в их распоряжении средства, империалисты подготовили и начали вскоре вооруженную интервенцию против революционной Венгрии. 16 апреля войска румынской буржуазии начали наступление на всем протяжении Восточного фронта.

Вооруженные силы Венгерской Республики в этот период даже в организационном отношении не были подготовлены к военным действиям, охватившим такой широкий фронт. В первые недели существования пролетарской диктатуры руководство всеми военными делами осуществлял Народный комиссариат по военным делам. Структурно он состоял из главной группы по военным действиям и главной группы по организации. В задачу первой входило выполнение функций главного командования и генерального штаба действующей армии. Вторая ведала формированием войск, их материальным снабжением, обеспечением техникой и артиллерией.

Однако вследствие многих причин Народный комиссариат по военным делам оказался непригодным для решения вопросов руководства военными действиями. Главной группе по военным действиям, помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, приходилось заниматься и другими делами. Она находилась далеко от театра военных действий, была плохо связана с войсками. Между воинскими частями на фронте отсутствовала постоянная связь. Построение действующей армии не позволяло осуществлять операции широкого масштаба. Основу организационной структуры составляли бригадные группы, оставшиеся еще со времени правительства Каролыи. Каждая бригадная группа должна была включать пехотный полк в составе трех батальонов, трех пулеметных взводов, технической роты, взвода пехотных орудий, телеграфного взвода и артиллерийский полк с четырьмя легкими орудиями калибром 75 миллиметров и таким же количеством 80-миллиметровых полевых орудий, восемью 100-миллиметровыми полевыми гаубицами, двумя 150-миллиметровыми тяжелыми гаубицами. Однако данная структура нигде не соблюдалась, так что дивизии, в которые входило по три бригадных группы, имели разную численность и состав и резко отличались друг от друга по боеспособности. К тому же дивизии и самостоятельные бригады, действуя независимо от соседних соединений, не заботились о связи с ними. Каждое соединение получало приказы непосредственно от главной группы; туда же оно отправляло, в свою очередь, донесения. При таком порядке дела централизованное руководство оказывалось медлительным и неуверенным. К тому времени, когда приказы главной группы доходили до войск, обстановка обычно менялась настолько, что им приходилось действовать на собственный страх и риск. Предпринимая неожиданные передвижения, отдельные части нередко ставили своих соседей в критическое положение и, нарушив взаимодействие, сами, таким образом, могли осуществлять лишь частичные операции. Слабая дисциплина в войсках, отсутствие четкого, твердого центрального руководства позволяли командирам из реакционных офицеров произвольно отдавать распоряжения об отступлении. Как правило, за необоснованные отступления ни один командир не был привлечен центральным руководством к ответственности.

Первое время действия противника — начатое им 16 апреля наступ-

ление — были облегчены прежде всего тем, что Красная Армия проходила тогда стадию организации. Дивизии Республики не имели в своем непосредственном распоряжении артиллерии, кавалерии. Плохо налаженная связь мешала оперативному использованию резервов, которые в необходимых случаях можно было бы ввести в бой.

Наступление противника обнажило недостатки Красной Армии. Необходимо было немедленно и коренным образом улучшить ее организацию и укрепить руководство. Имелось также много трудностей материального характера. Было мало оружия и военных материалов. Народный комиссариат по военным делам выдал, например, 21 апреля каждой дивизии по восьми 90-миллиметровых минометов, но прицельные приспособления имели только четыре миномета из восьми. Не хватало лошадей для конных соединений, хотя вследствие топографических особенностей театра военных действий сильная конница могла бы иметь решающее значение.

О политическом руководстве войсками еще не было и речи. Политические комиссары прибыли в армию лишь к концу апреля, и, таким образом, до этого времени она полностью находилась в руках командиров, среди которых было немало реакционеров. Характерно, например, что одним из комиссаров 6-й дивизии тогда являлся капитан королевской гвардии Апт Альбин. Реакционные офицеры сеяли в войсках панические слухи и прибегали к всевозможным формам деморализации. Они старались изобразить общее положение хуже, чем оно было в действительности, говорили о бесперспективности борьбы, чтобы подорвать боевой дух и стойкость солдат. Положение осложнялось еще и тем, что на большом участке румынского фронта стояли секлерские войска, реакционный командир которых, полковник Кратохвил, ожидал лишь удобного момента, чтобы сдаться противнику и напасть на Республику с тыла. Уже 6 апреля он вел переговоры с французским и румынским командованием. Изменник Родины Кратохвил первым отдал приказ об отступлении.

Это предательство было тем более тяжелым ударом для Республики что секлерские войска в то время выделялись среди других частей Красной Армии своей организованностью и дисциплиной. Солдаты-секлеры выходцы из Трансильвании, были готовы мужественно сражаться за свою Родину. Под руководством честных командиров-патриотов они сумели бы отразить наступление румын, начатое небольшими силами. Но полковник Кратохвил и большая часть его офицеров были врагами рабочего класса. Они сознательно пошли на предательство, ссылаясь на превосходящие силы противника.

Секлерская дивизия отступила в сторону Надькарой-Сатмарнемети. Тем самым румынской армии был открыт путь в тыл красных войск, расположенных к югу от секлерской дивизии. Началось отступление по всему фронту. Отдельные части, в которых преобладали солдаты из городских и деревенских пролетариев, дрались героически, но они не могли остановить противника, в лучшем случае задерживая его продвижение. 24 апреля Красная Армия временно остановилась на линии Надькалло — Теглаш, Хайдусобосло, Бекеш, Кидьош. Румыны медленно продолжали наступать.

В это время на фронт прибыли первые части, сформированные после решения, принятого 19 апреля Рабочим Советом по предложению коммунистов. Эти части состояли в значительной мере из добровольцев — прогрессивно мышленных рабочих, причем в каждой из них уже имелся политический комиссар. 18 апреля началась переброска тех батальонов, из которых Народный комиссариат по военным делам собирался создать за Тисой 1-ю и 4-ю дивизии и перейти в контрнаступление. Но вследствие измены Кратохвила этот план мог быть реализован лишь частично. Декретом Революционного Правительственного Совета от 21 апреля 1919 г. вводилось армейское командование, призванное осуществлять единое руководство войсками румынского фронта. Начальником штаба Восточного армейского

командования стал патриот, талантливый военный деятель полковник Аурел Штромфельд.

2 мая противник стоял на востоке у Тисы, на северо-востоке — у Гернад, а на северо-западе он активизировал свои действия в районе Мишкольца и Шалготарьяна. На южных границах царило относительное спокойствие. Для длительной, сложной организационной работы не оставалось времени. Необходимо было собрать и соответствующим образом перегруппировать те силы, которые имелись налицо.

Начальник штаба Штромфельд пытался задержать продвижение румынской армии с помощью контратак. Он хотел выиграть время для возможно более успешной переброски частей Красной Армии на правый берег Тисы. Эти атаки во многих случаях проходили успешно. 24 апреля войска Красной Армии отбросили румын у Хайдусобосло. Прибывшая на поле боя 1-я дивизия предприняла контрудары в районе Ньиредьхаза. Она отбросила наступавшие румынские части, захватив при этом пленных и значительное количество винтовок, орудий, различных военных материалов. В этом бою особенно отличились II/32-й Чепельский рабочий батальон и вооруженный отряд ньиредьхазских рабочих.

26 апреля значительная часть секлерской дивизии под давлением полковника Кратохвила и других офицеров — изменников Родины сложила оружие перед румынами. Другая часть дивизии распалась. В результате остались без какого бы то ни было прикрытия средний и северный участки фронта. Южный фланг оказался в катастрофическом положении. Контратаки Красной Армии, проведенные по плану Штромфельда, в отдельных местах прошли успешно, благодаря чему продвижение противника резко замедлилось.

Из-за предательства Кратохвила отступление войск Республики за Тису стало неизбежным. Оно облегчалось осторожной, медлительной тактикой противника. Штромфельд понимал, что, лишь используя в качестве естественной преграды Тису, можно реорганизовать и сделать боеспособными деморализованные, павшие духом войска. Переход за Тису удался, несмотря на то, что многие соединения отступали беспорядочно. Исключение составляла 6-я дивизия, которая, отходя от Мароша в полном порядке, достигла места назначения — Сольнока. В первые дни мая она была единственной боеспособной частью на западном берегу Тисы.

Войска Венгерской Советской Республики заняли позиции у мостов в Токае, в Тиса-фюред и в Сольноке, в то время как на всей линии побережья реки были оставлены лишь немногочисленные наблюдательные и дозорные отряды. Армия приводила в порядок, укрепляла свои ряды за Тисой.

Хочется подчеркнуть интересную, не отмечавшуюся до сих пор следующую деталь из истории Красной Армии: более полутора тысяч сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян из районов, в которых были расположены поместья графов Дегенфельда, Паллавичини и других крупных помещиков, присоединилось к отступавшей 6-й дивизии. При реорганизации добровольцы были зачислены в части дивизии. В связи с реорганизацией, проводившейся в Надькереше и его окрестностях, в дивизии были взяты на учет вернувшиеся на Родину бывшие военнопленные, которые принимали участие в русской революции. Многие из них назначались на командные должности. В результате этих мероприятий и проведенной политической, воспитательной работы в последующих наступательных операциях 6-я дивизия отлично сражалась за Венгерскую Советскую Республику. Вернувшиеся из России венгры-красногвардейцы были и в других воинских соединениях.

Чтобы остановить наступление румынской армии, Народный комиссариат по военным делам, руководивший военными действиями еще в первые недели, отдал приказ о контрнаступлении и выдвинул вперед около 4 пехотных батальонов, собранных в тылу. Кроме того, с чешского фрон-

та было снято и направлено в район Эрмихайфалва — Надькарой 11 батальонов и 5 батарей (без которых этот фронт мог обойтись). Но вследствие измены командования секлерской дивизии ввести эти войска в бой не удалось, их также пришлось отвести за Тису.

27 апреля сербские части заняли Мако и Надьлак. 29 апреля чехи перешли в наступление у Банрева и через Хедьаля, а затем через долину Хернада и Шайо начали продвижение к Мишкольцу. 30 апреля сербы и французы вступили в Ходмезевашархей. 1 мая рухнула оборона предмостных позиций у Сольнока, и румынские войска заняли позиции вдоль Тисы на всем ее протяжении. Тогда командование фронтом взяло на себя армейское командование, перебазировавшееся из Сольнока в Геделле. 2 мая красным частям пришлось оставить Мишкольц.

Военное положение Венгерской Советской Республики стало критическим. Правые социал-демократы, воспользовавшись этим, пытались убедить трудящихся в бесперспективности всякой дальнейшей борьбы. Они распространяли преувеличенные, тревожные слухи о силе противника и его наступательных планах, выдавая их за сведения, полученные якобы из достоверных источников. Всеми средствами они старались подорвать уверенность пролетариата в своих силах. Главнокомандующий армией социал-демократ Вильмош Бем 1 мая без ведома правительства в циркулярной телеграмме дал указание командирам войсковых соединений просить перемирия у командующих противостоящих им частей противника, обсудить с ними условия капитуляции красных войск и отправки домой пополненных за Тисой частей. В своей ответной телеграмме 6-я дивизия, протестуя против этого распоряжения, сообщала, что солдаты и политические комиссары хотят и дальше сражаться, что через несколько дней после реорганизации войска будут готовы к бою.

Отдельные части, в которых политическое руководство находилось не в руках коммунистов, послали к противнику парламентеров. Однако командующие чешскими, румынскими, французскими и сербскими войсками отказались с ними разговаривать. Между тем некоторые венгерские социал-демократы и их представители вели в Вене лихорадочные переговоры с посольствами стран Антанты, а также с контрреволюционными группами, состоявшими главным образом из бежавших в Австрию аристократов и крупных капиталистов. Они пытались сломить пролетарскую диктатуру, оказавшуюся в тяжелом военном положении, путем подрыва боевого духа рабочего класса, путем усиления империалистической интервенции.

Но коммунисты верили, что рабочий класс, массы трудящихся последуют за ними. И они не обманулись в своих ожиданиях. 2 мая на заседании Будапештского Совета рабочих и солдатских депутатов после выступлений членов Совета Бела Куна, Тибора Самуэли, Ене Ландлера и других вопреки паническим речам правых социал-демократов было решено, что рабочие возьмутся за оружие для защиты Советской Республики. Такие же постановления принимались на массовых митингах, состоявшихся на заводах.

Новые рабочие отряды немедленно включались в боевые порядки сражавшейся Красной Армии. В результате в кратчайший срок изменилась ее социальная структура. Она в большой мере стала классовой армией Советской Республики. В ее рядах усилились политическое воспитание и контроль, активизировалась деятельность политических комиссаров. В армию, в которую до этого входило 17 полков, состоявших из 55 батальонов, и один отдельный батальон, влились свежие революционно настроенные полки и батальоны рабочих, находившиеся в полной боевой готовности. К ним мы можем также причислить бригаду моряков, Интернациональную бригаду в составе 5 батальонов, два полевых красных полка и два отдельных батальона. Во время мировой войны значительная часть рабочих была освобождена от военной службы и вслед-

ствие этого не прошла военной подготовки. Теперь в течение нескольких дней необходимо было дать солдатам из числа таких рабочих элементарные военные знания, обучить их боевым действиям в строю, обращению с оружием. Эти спешно подготовленные солдаты, вчерашние рабочие, смело и решительно шли в бой, ибо они хотели отстоять свободу, завоеванные права, свое пролетарское государство.

В истории венгерского рабочего движения, в истории Венгерской Советской Республики открылась новая страница, принесшая венгерскому пролетариату вечную славу. В схватках с врагами бойцы Красной Армии показали блестящие примеры любви к Родине, самоотверженности и героизма.

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ УСПЕХИ РЕОРГАНИЗОВАННОЙ КРАСНОЙ АРМИИ И ПОБЕДОНОСНЫЙ СЕВЕРНЫЙ ПОХОД

После того, как румынские войска достигли линии Тисы, в военных действиях наступил кратковременный перерыв, длившийся несколько дней. Под твердым руководством начальника штаба Штромфельда это время было использовано для приведения в порядок войск, их пополнения и обучения. 3 мая Штромфельд представил план, согласно которому 6-я дивизия должна была освободить Шалготарьян; из рабочих батальонов в качестве армейского резерва предлагалось сформировать 1-ю и 4-ю дивизии. Советское правительство одобрило этот план. 6 мая было создано Главное командование, которому подчинялись все вооруженные силы. Политико-воспитательной работой в армии руководили в первую очередь Бела Кун, Тибор Самуэли и Ене Ландлер. Они оказали огромную помощь комиссарам дивизий в повышении сознательности и боевой готовности солдат.

Между тем батальоны, носившие название «Будапештской группы», под командованием Тибора Самуэли и Отто Штайнбрука отвоевали Сольнок, оккупированный небольшими силами румын, а также бандами из местных контрреволюционеров. Влияние этого успеха на моральное состояние войск было огромно.

У Красной Армии не много было времени для приведения в порядок своих рядов, хотя чешские войска пока что совершали передвижения, носившие скорее разведывательный характер. На некоторых участках фронта, однако, их действия приобретали опасный характер. 6 мая чешские войска при поддержке броневых автомобилей и бронепоездов прорвали фронт, заняли Надьсечень и, не встретив сильного сопротивления, вторглись в Петервашар и Сарвашкэ. Со всех сторон — от Балашадьярмат, Литке, Лошонца, Феледа и Фюлека — они приближались к единственному значительному угольному району страны — Шалготарьяну и его окрестностям. 80-я бригада, которой была поручена оборона угольного бассейна, отступила на линию Чингерхедь, Шагуйфалва, Каранчшач, Лапуйто, Шалго, Задьварона, Варна. Когда из Будапешта прибыли руководители, посланные Советским правительством, казалось, что Шалготарьян уже потерян. Эти руководители созвали доверенных лиц профсоюза горняков, а затем на большом митинге трудящихся объяснили решающее значение защиты бассейна. Опираясь на революционную самоотверженность горняков, они энергично отклонили пессимистические «стратегические» концепции правых социал-демократических предателей и офицеров 80-й бригады о невозможности удержать шахтерский район. По их призыву массы рабочих Шалготарьяна, его окрестностей взялись за оружие и вместе с остатками 80-й бригады заняли оборонительные позиции на северном переднем крае шахтерского округа. Горняки дрались самоотверженно; частыми контратаками они беспокоили противника и задерживали его продвижение вперед.

Это позволило выиграть время для подготовки освободительных военных действий против чехословацких войск. 10 мая 80-я бригада и роты вооруженных рабочих вынудили противника к отступлению на северном фронте Шалготарьяна. В преследовании чешских войск активное участие приняла 6-я дивизия, с помощью которой части Красной Армии 12 мая достигли Фюлека.

Империалисты Антанты использовали любые средства для подавления Венгерской Советской Республики. Не сумев в первое время организовать согласованное наступление буржуазных армий, они постарались привести в замешательство командование Красной Армии ложными слухами о том, что будто бы на южной границе, в районе Сегеда и Загреба, происходит концентрация крупных сил французских войск. Главнокомандующий Вильмош Бем, оказавшийся, как выяснилось позднее, изменником, с радостью воспринимал любые панические слухи. Он сделал заведомо неправильный вывод, что Антанта готовится к общему наступлению. Эта ошибка оказала влияние на руководство армией. Командование игнорировало наиболее активный в то время чешский фронт. Оно сняло войска с этого фронта, направив 6-ю и 4-ю дивизии в район Кечкемета для отражения «ожидаемого» с юга наступления противника. Лишь позднее была установлена безосновательность слухов. Выяснилось даже, что ряд французских гарнизонов был передвинут отсюда в другое место. Пришлось быстро принять меры к возвращению на северный фронт, имевший решающее значение, посланных на юг красных дивизий.

Именно в то время группа французских солдат сдалась бойцам Красной Армии, не сделав ни одного выстрела. На допросе пленные заявили, что их войска не готовы к наступлению, что солдаты хотят вернуться домой. Ряд других сообщений также показывал, что не было никаких оснований ожидать нападения с юга. Исходя из этого, начальник штаба Штромфельд решил стянуть отовсюду силы, сосредоточить их против чехословацких частей и перейти в наступление на стыке флангов чешской и румынской армий. Тогда уже имелись предпосылки для осуществления такого плана. К середине мая в основном удалось реорганизовать распавшуюся вследствие тисского отступления Красную Армию. С мобилизацией рабочих полков улучшилось настроение солдат и поднялась дисциплина.

Армия в этот период подразделялась на 3 армейских корпуса и 8 дивизий, в составе которых было 113 батальонов, 84 пулеметные роты, 8 кавалерийских рот (эскадронов), 39 батарей, 16 технических и 8 авиационных рот. На их вооружении находились 51 588 ружей, 682 пулемета, 870 лошадей, 63 орудия, 5 горных орудий, 81 гаубица, 6 тяжелых минометов и 37 самолетов.

Используя хорошо действовавшую систему железных дорог, Красная Армия могла в кратчайший срок перебросить крупные соединения с одного участка фронта на другой. Поэтому она была в состоянии, в случае необходимости, в нужное время и на нужном месте направить соответствующие силы против чешской армии, которая, кстати сказать, плохо координировала свои военные операции с румынами, а то и вовсе не координировала их. Красная Армия могла прибегать к тактике переброски войск до тех пор, пока подрывная деятельность правых социал-демократов и усилившаяся с ростом трудностей в Венгерской Советской Республике офицерская контрреволюция не подорвали боевой дух и дисциплину войск.

Красной Армии прежде всего предстояло освободить Мишкольц и его окрестности. Эта задача была быстро выполнена войсками III армейского корпуса. 21 мая войска Красной Армии находились уже на линии Мишкольц — Диошдьер; к 22 мая 1-я дивизия достигла Онода, Жольца и Шайосентпетера, а 5-я дивизия — района Надашда и Петервашара. Если бы в эти дни 6-я и 4-я дивизии действовали в районе Мишкольца, вместо того чтобы идти в Кечкемет для отражения мнимого наступления Антан-

ты, то это могло бы иметь громадное значение. Приняв во внимание отсутствие угрозы с юга и опираясь на успехи операций на севере, Штромфельд решил разорвать внутреннее кольцо, связывавшее чешскую и румынскую армии, нанести удар по чешским войскам и, в случае благоприятного поворота, перейти Тису и напасть на румынскую армию.

Для претворения в жизнь хорошо задуманного в тех условиях плана Штромфельд выдвинул следующие задачи. III армейский корпус под командованием Ене Ландлера (находившийся в направлении главного удара Красной Армии), куда входили 1-я, 4-я и 6-я дивизии, а также 10-я бригада 5-й дивизии, в кратчайший срок должен был выйти на линию Шатораљяуйхей, Кашша, Сепшы. 5-я дивизия должна была к 29 мая прорваться к Римасомбату и выдвинуть части к Рожньо и Тисольцу для обеспечения флангов. 3-я дивизия к 29 мая должна была занять Лошонц и бросить в Зойом отряд для обеспечения правого фланга. 1-я бригада должна была 29 мая усиленными частями обеспечить левый фланг наступающей группы у Левы.

Это был рискованный, но смелый план, ибо на линии Тисы, к югу от Токая, против румын оставались лишь наблюдательные группы, в то время как против французов и сербов стояли 7-я и 2-я дивизии, 44-я и 20-я бригады. Но Штромфельд учитывал пассивность противника на этих фронтах. Он был уверен, что неожиданность наступления против румынских и чешских войск, его размах заставят противника пренебречь другими участками фронта и использовать все силы для отражения наступления. На западном участке чешского фронта позиции Красной Армии, хорошо защищенные благодаря природным условиям, простирались вдоль рек Гарам и Дунай, представлявших мощную естественную преграду.

Общее наступление, начавшееся 30 мая, развивалось по всему фронту. Оно было успешным даже на правом фланге наступавших войск, где военные действия носили преимущественно связывающий характер и имели целью помешать чехам перебросить отсюда силы против войск Красной Армии, сражавшихся на главном направлении наступления. Здесь, на правом фланге, 1-я бригада достигла реки Гарам и заняла Ипойшаг, а также высоты, находившиеся к северу от Балашдаврмата. Эти войска захватили 2 полевых орудия, 20 пулеметов, большое количество снарядов и взяли около 100 пленных. 46-я и 80-я бригады продвинулись через Фюлек и Рапп по направлению к Лошонцу. 65-я бригада 5-й дивизии вступила в Шайоказа и Путнок. На фронте III армейского корпуса 10-я бригада в ходе ожесточенных боев достигла линии Мучонь — Жилиз, а правый фланг 6-й дивизии — района Франкхедь — Сиксо. 1-я дивизия у Хернаднемета вела тяжелые бои с противником, имевшим перевес в артиллерии. 30 мая 3-я дивизия освободила Лошонц; на другой день 5-я дивизия освободила Римасомбат, а 10-я бригада — Эделень. Прибывшие к Хернаднемету артиллерийские части разгромили 1 июня вражеские батареи. Заслуживает упоминания тот факт, что здесь были впервые применены 350-миллиметровые мортиры. Под массированным ударом 4-й дивизии румыны бежали к Тисе.

Эти успехи были достигнуты благодаря громадному воодушевлению, которое в то время охватило Красную Армию, и умелому военному руководству Аурела Штромфельда. Большую роль сыграл героизм влившихся в армию рабочих отрядов, а также радостный и искренний прием, оказанный наступавшей Красной Армии трудящимися освобожденных территорий. Рабочие отряды служили для солдат-крестьян образцом стойкости и мужества. Героизм пролетарских бойцов останется вечно живым примером для всех народов, борющихся за свое освобождение.

Штромфельд принимал меры, чтобы быстро использовать достигнутые результаты. Ввиду поспешного отступления правого фланга румын он решил направить часть сил через Тису в глубь коммуникаций румынской армии. Он приказал 3-й бригаде продолжать наступление к Шатораљя-

уйхею, а 4-й дивизии — перейти Тису у Токая и вместе с 1-й и 8-й дивизиями наступать к Ньиредьхаза. После занятия Токая и Бодрогкерестура 4-я дивизия отбросила противника на левый берег Тисы. Форсировать Тису, однако, не удалось, так как румыны взорвали токайские мосты, а 4-я дивизия не располагала достаточными военными средствами для создания быстрой переправы и преследования врага. Поэтому, опираясь на естественную защиту Тисы и Бодрога, 3-я бригада прорвалась прямо к Шаторальяуйхею.

На чешском фронте Красная Армия продолжала победоносное наступление. 3 июня были отброшены войска противника за Эршекуйвар, Лева, Вамошфалева, Сендре и Генцруека. 6-я дивизия чрезвычайно быстро продвигалась в направлении Сиксо — Кашша. Выдвинутая впереди пехоты артиллерия не позволила значительным силам чешской артиллерии закрепиться на позициях. 4 июня 6-я дивизия отбросила противника за Абауйвар и Бузита. 5 июня 3-я бригада уже сражалась на окраинах Шаторальяуйхея, 6-я дивизия — на линии Абауйвар — Надьида, а одно подразделение 3-й дивизии — у Араньоимарота. 6 июня 16-й полк вторгся в Корпона и Шелмецбанья. 6-я дивизия, стремительно продвигавшаяся вперед, в направлении главного удара, изгнала чехов из Кашши и ее окрестностей.

Занятие Кашши имело огромное значение, ибо этот железнодорожный узел являлся ключом шоссейных и железных дорог, проходивших по северному бассейну реки Хернад; здесь же разветвлялись железные и шоссейные дороги в сторону Эперьеш — Бартфа. Население с огромной радостью встретило победоносные войска Красной Армии, красноармейцы были желанными гостями в доме каждого трудящегося. Торжественный прием был также оказан делегации Будапештского Совета рабочих и крестьянских депутатов, прибывшей в Кашшу.

После короткого отдыха войска 6-й дивизии продолжали преследовать противника. 9 июня 10-я бригада достигла Торны, 5-я бригада — линии Силич — Пелшец — Четнек — Полшва; 39-я бригада — села Хачшо. На левом фланге 1-я бригада отбила атаку чешских войск и продвинулась к Бестерцебанья. Еще 9 июня 1-я дивизия освободила Эперьеш. На некоторых участках фронта войска чешской армии предприняли контратаки, но они не могли приостановить наступления Красной Армии.

Дипломаты Антанты поспешили на помощь чешским войскам. 8 июня Клемансо от имени Антанты направил Венгерскому Советскому правительству ноту, в которой требовал прекращения военных действий и отвода войск Красной Армии на прежние рубежи, где они находились перед наступлением чешских частей.

9 июня III армейский корпус предложил командованию армии план, согласно которому Красная Армия, используя благоприятную обстановку на фронте, должна была с целью уничтожения чешских войск энергично продолжать наступление в долине Хернада и на западе, вдоль берега реки Ваг. У командования армии были иные соображения. Еще в начале военных действий против чешских войск Штромфельд наметил план, согласно которому Красная Армия, отбросив чешские войска и разрезав на две части чешско-румынский фронт, своими главными силами должна была обратиться против румын. Переправившись через Тису на участке выше Токая и проникнув в глубь румынской обороны, Красная Армия должна была вынудить противника к отступлению в районе среднего течения Тисы и, отрезав значительную часть румынских войск, уничтожить их. В основном замысел Штромфельда и теперь оставался прежним. Он видел предпосылки к его осуществлению в том, чтобы на длительное время сделать чешскую армию неспособной к наступательным действиям. К этому он и стремился. Поэтому Штромфельд отказался от плана форсирования Тисы и наступления против румын и ограничился обеспечением обороны Кашши и ее окрестностей. Против отступавших в долине

Хернада чехов было решено оставить 1-ю и в качестве резерва — 6-ю дивизии. Решающий же удар по чехословацким силам предстояло нанести в Кишалфельде. С этой целью 3-я, 4-я и 8-я дивизии вновь организованного V армейского корпуса вышли в район Лева — Парканья, чтобы предпринять наступление в направлении Ньитры и Эршекуйвара.

В связи с освобождением словацких территорий возникло движение за образование Словацкой Советской Республики. К командирам наступавших красных войск приходили словацкие трудящиеся, в том числе много молодых людей, которые просили принять их в Красную Армию. 16 июня 1919 г. была образована Словацкая Советская Республика. Политический комиссар 6-й дивизии добыл в Будапеште для частей словацкой Красной Армии полное военное снаряжение на 5 тыс. человек, но оно уже не могло быть использовано, ибо в день прибытия снаряжения в Кашшу войска Венгерской Советской Республики, как мы увидим ниже, уже отступали.

Поскольку Венгерское Советское правительство не удовлетворило требования империалистов, Клемансо 13 июня повторил их, заявив, что, если Красная Армия отступит на линию, на которой она находилась перед наступлением чешских войск, Антанта заставит румынские части отойти от Тисы на старую демаркационную линию.

Главнокомандующий Вильмош Бем, поддерживавший постоянную связь с другими изменниками — правыми лидерами социал-демократических партий, а через них — с Антантой и комитетами бежавших в Вену венгерских контрреволюционных групп, 16 июня сообщил армии содержание нот Клемансо и одновременно отдал приказ о прекращении военных действий.

Коммунисты считали, что Красная Армия не должна уходить из освобожденных ею территорий до тех пор, пока правительство Советской Республики не получит соответствующих гарантий в том, что и румынские войска очистят оккупированные ими затисские территории. На съезде Советов социал-демократические предатели добились принятия решения об отступлении. Войска не понимали подлого приказа Вильмоша Бема об отступлении, имевшего целью добиться падения диктатуры пролетариата. Солдаты не понимали, почему они должны очистить территории, освобожденные ценою их крови. Красные солдаты хотели и дальше сражаться за пролетарскую диктатуру.

16 июня чешские соединения напали на Леву и развернули планомерное наступление по всему фронту. Командование Красной Армии вынуждено было 17 июня отдать приказ о продолжении военных действий. Критическое положение, создавшееся в районе Левы, спасла 4-я дивизия. 8-я дивизия подошла к Эршекуйвару, а на восточном фланге 6-я дивизия с боями продвинулась до линии Маргитфалва — Койшо — Аранькхида. 21 июня войска 1-й дивизии почти достигли гористой местности Браниско, находящейся к северо-западу от Эперьеша, и в ходе боев захватили пулеметы, орудия и пленных. 6-я дивизия изгнала чешские войска из Гельницбанья, 23 июня она продвинулась до Сепешнемета и Сомольнока.

22 июня французский генерал Пелле, представитель Антанты, предложил Венгерскому Советскому правительству отвести красные войска с территорий, указанных в нотах Клемансо.

Правые социал-демократические руководители-предатели и их представители в профсоюзах использовали новое обращение Антанты в своих контрреволюционных целях. В столице они распространяли слух о том, что будто бы Красная Армия уже начала отходить, что падение Советского правительства — вопрос нескольких дней и что под руководством Антанты будет создано новое правительство при участии правых социал-демократов и представителей буржуазных партий. Антанта будет поддер-

живать это правительство не только оружием, но и продовольствием, говорили социал-демократы.

Трусливо прятавшаяся до сих пор контрреволюция в Будапеште подняла голову. 24 июня к контрреволюционерам присоединились дунайские мониторы, стоявшие в порту Обуды. Они подвергли обстрелу гостиницу «Хунгария», где находилась официальная резиденция Советского правительства. Группа курсантов бывшей военной академии Людовика, также ставших на сторону контрреволюции, захватила телефонную станцию в Йожеф-вароше. Большая часть коммунистических руководителей в это время была на фронте. Начальник дивизии металлистов Йожеф Хаубрих, имея в своем распоряжении несколько тысяч людей и значительную артиллерию, ничего не сделал для подавления контрреволюционного мятежа. Благодаря смелому выступлению нескольких частей будапештского гарнизона, руководимых коммунистами, артиллерийских батарей, преданных диктатуре пролетариата, а также добровольческих отрядов рабочих контрреволюционный путч, к которому массы не присоединились, удалось быстро подавить. Пассивность, проявленная в эти дни Вильмошем Бемом, Йожефом Хаубрихом и другими правыми лидерами социал-демократии показала следующее: они не посмели открыто выступить против пролетарской диктатуры, ибо увидели, что рабочие остались верными Советской Республике и поднялись на ее защиту.

24 июня Вильмош Бем вновь отдал приказ о прекращении военных действий, а 29-го — об очищении освобожденных территорий.

Это было началом распада Красной Армии. Распоряжения, непонятные войскам, вызвали в солдатской массе отчаяние. Лишь благодаря укрепившемуся авторитету политических комиссаров, принятым ими мерам была предотвращена немедленная катастрофа, сохранено единство армии, обеспечено отступление и перегруппировка войск, согласно приказу.

Сражавшиеся на чешском фронте части Красной Армии были расположены следующим образом: 2-я бригада — у Токая, 3-я бригада — у Шаторальяуйхея, 1-я дивизия — у Сиксо, 5-я дивизия — у Шайосентпетер — Путнок, 80-я бригада — у Шалготарьяна — Пасто, 3-я дивизия — у Ретшаг — Вереце, 4-я дивизия — у Дунакеси — Алага, 6-я дивизия — в районе Ясладань — Уйсаса.

После перегруппировки войск Аурел Штромфельд ушел в отставку с поста начальника генерального штаба, увидев, что нет возможности для осуществления его планов, что его замыслы не одобряются главкомом. Его отставка была тяжелой потерей для Красной Армии.

Главнокомандующий Вильмош Бем, ссылаясь на болезнь, также попросил отставки. Он получил пост посла в Вене, где мог вести непосредственные переговоры с посольствами Антанты, с реакционными венгерскими помещиками и контрреволюционными комитетами крупных капиталистов о свержении в Венгрии пролетарской диктатуры.

Социал-демократические лидеры, вступившие в соглашение с противником, тогда уже были уверены в том, что пролетарская диктатура долго удержаться не сможет, и потому легко согласились на передачу главного командования Красной Армии самоотверженному революционеру Ене Ландлеру.

Выдвижение Ене Ландлера произошло в результате тех больших успехов, которые были достигнуты III армейским корпусом под его руководством во время майско-июньского наступления против чешских войск. В ходе боев Ене Ландлер, который до того никогда не был военным, показал себя командиром, хорошо разбиравшимся в вопросах стратегии и тактики. Во главе штаба армии был поставлен подполковник Ференц Юлиер, бывший начальник штаба III армейского корпуса.

Нового главнокомандующего ждали трудные задачи. Внутренние вра-

ги, социал-демократические предатели и контрреволюционная организация кадровых офицеров уже в период победоносного наступления делали все, чтобы подорвать моральное единство и боевой дух армии. Но тогда влияние их было весьма незначительным, к тому же подрывную работу они вели с большой осторожностью. Отступление красных войск создало для контрреволюционеров более благоприятную почву. Деморализующее воздействие их агитации проявилось уже во время перегруппировки войск. В армии участились случаи нарушения дисциплины, самовольного ухода солдат, открытых выступлений контрреволюционных офицеров.

На свои новые позиции Красная Армия прибыла с сильно поредевшими рядами, пошатнувшейся дисциплиной, поколебленным единством. Несомненно, новому командующему армией легче было бы бороться со всем этим, если бы рядом с ним на посту начальника штаба находился Аурел Штромфельд. Новый начальник генерального штаба тайно поддерживал любую деморализующую деятельность и пытался защищать все откровенно контрреволюционные группы офицеров. К сожалению, лишь позднее стало известно, что он изменник Родины.

Ене Ландлер, занятый другими делами, смог приступить к выполнению обязанностей главнокомандующего только около 22 июня. До этого на посту его заместителя оставался Вильмош Бем, который не принимал никаких мер для восстановления единства и дисциплины в армии. Наоборот, он покрывал деморализующую деятельность нового начальника штаба Юлиера и групп контрреволюционных офицеров. Работа по поднятию уровня боевой подготовки и дисциплины, а также просветительная работа в это время шла лишь в тех частях, где политическое руководство находилось в руках коммунистов. Таких частей, однако, было немного, ибо политических комиссаров назначал Секретариат партии, состоявший в своем большинстве из социал-демократов.

НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ НА ФРОНТЕ РЕКИ ТИСЫ

После того, как Красная Армия ушла с освобожденных ею территорий, в военных действиях наступил кратковременный перерыв. Правительство Советской Республики удовлетворило требования, изложенные в нотах Клемансо, отведя свою армию на линию, где она находилась перед наступлением чешских войск. Румыны же не были склонны, несмотря на обещание Клемансо, очистить занятые ими области за рекой Тисой. Таким образом, Венгерская Советская Республика потеряла свои наиболее значительные по производству хлеба районы. И без того тяжелый продовольственный кризис еще более усилился. Встал вопрос: что нужно предпринять в интересах сохранения и защиты Советской Республики? Правые социал-демократы видели только один путь: отставку Советского правительства, капитуляцию перед Антантой и восстановление в стране капиталистического режима. Коммунисты же хотели продолжать борьбу. Они учитывали и то обстоятельство, что международные рабочие организации наметили на 21 июля международную забастовку солидарности с Венгерской Советской Республикой. Коммунисты были того мнения, что перерыв в военных действиях, наступивший вследствие нерешительности международной реакции и временной неспособности чехословацкой армии к боевым действиям, необходимо использовать для укрепления Красной Армии, пополнения ее рядов. Контрреволюционные силы использовали спор, возникший в результате предательского поведения правых социал-демократов.

Начальник штаба Ференц Юлиер понимал, что вопреки колебанию одной части социал-демократов и предательству другой коммунисты в состоянии поставить на ноги Красную Армию и повысить ее боеспособность. Поэтому он использовал свое положение начальника штаба и свой авто-

4. «Вопросы истории» № 3.

ритет специалиста, добиваясь безотлагательного решения Советского правительства о новом наступлении Красной Армии.

Контрреволюционные офицеры из штаба Красной Армии передали с помощью Бетлена, Хорти, Гембеша план наступления командованию румынской армии. Таким образом, румынский генеральный штаб мог заранее предпринять соответствующие контрмеры.

Не дожидаясь указания Советского правительства о начале наступления, Юлиер 5 июля отдал следующее распоряжение: «Командование армии намерено, независимо от того, очистят ли румыны территории за Тисой или нет, переправить основные силы армии через Тису и продвинуться пока до насильственно навязанной нам демаркационной линии. Для этого образуются две группы: а) I армейский корпус со 2-й, 6-й и 7-й дивизиями в районе Сольнока, с 8-й дивизией — в районе Чонграда. Направление: Бекешчаба, одной колонной к Надьвараду; б) III армейский корпус с 1-й и 5-й дивизиями, 2-й и 3-й бригадами в районе Токая. Направление: Дебрецен, одной колонной к Надькарою».

С целью отвлечения вражеских сил одной бригаде нужно было перейти Тису в районе Поросло, чтобы ввести в заблуждение противника относительно направления главного удара.

К началу военных действий Красная Армия была слабее, чем во время победоносного Северного похода. Вследствие деморализующей агитации социал-демократов значительная часть рабочих полков, отправленных в мае на фронт и так хорошо там себя проявивших, в ходе перегруппировки разбежалась. Это существенно изменило социальный состав армии. Только остатки отдельных войсковых частей, руководство которыми находилось в руках коммунистов, выполнили приказ и заняли указанные им позиции за Тисой. К тому же контрреволюционные офицеры не использовали для наступления все силы, имевшиеся в их распоряжении. Бронепоезда, сыгравшие значительную роль во время Северного похода при освобождении Шалготарьяна, в военных действиях у Сиксо — Кашша — Эперьеш и в других операциях, не могли быть переброшены на левый берег реки, так как мосты через Тису были взорваны.

Сильная, единая Коммунистическая партия и в этой ситуации, несомненно, нашла бы путь к рабочим массам, вызвала бы среди них мощный подъем, подобный тому, какой имел место в начале мая, и в короткий срок пополнила бы поредевшие ряды Красной Армии новыми рабочими отрядами. Но такой партии тогда не было. Поэтому подрывная деятельность социал-демократического руководства и предательские махинации начальника генерального штаба неудержимо влекли пролетарскую диктатуру к гибели.

Тем не менее последующие события показали, что и в таких условиях Красная Армия оставалась революционной армией, армией диктатуры пролетариата.

Вследствие недостаточной технической оснащенности Красной Армии форсирование Тисы являлось трудной задачей, и все же ее удалось решить. Главные силы Красной Армии, поддержанные огнем 210 орудий, установленных перед Сольнокским мостом, с достойным восхищения героизмом осуществили такую сложную операцию.

Наступление началось 20 июля, в 3 часа утра. Первыми переправились через реку войска 7-й дивизии. Они наступали тремя группами: северную группу составлял 101-й полк 6-й дивизии, среднюю группу — 4-й полк 7-й дивизии, южную группу — полк моряков. В короткий срок артиллерия Красной Армии заставила замолчать румынские батареи, установленные на восточном берегу Тисы, и парализовала сопротивление противника. 6-я дивизия уже к 9 часам утра переправилась через Тису, а 5-я стояла наготове для переправы в районе Сольнокского вокзала. К 9 часам вечера уже вся сольнокская наступающая группа находилась на левом берегу Тисы, заняв там широкую предмостную позицию.

На предмостных укреплениях красные войска захватили 9 румынских орудий, много пулеметов и пленных. Во время допроса пленных выяснилось, что румынское военное руководство считало Красную Армию неспособной к такой мощной операции по форсированию Тисы, заставившей румынские части беспорядочно отступать.

На южном, чонградском участке, на фронте 2-й дивизии около 9 часов утра 20 июля через Тису переправился 15-й полк, достигший линии Курцапатак. 1-й батальон 38-го полка перешел Тису у Сентеша, а II/68-й батальон вступил в Миндсент. Чонградская группа располагала незначительной артиллерией, и поэтому на этом участке противник оказал более сильное сопротивление. Часть дивизии, перешедшая реку — два батальона с западного направления, а II/68-й батальон через Сегвар, — двигалась к Сентешу. 30-й полк еще вечером 20 июля на правом берегу Тисы готовился к переправе. 21 июля части 2-й дивизии изгнали румынских солдат из Сентеша.

Наступление северной, токайской группы задержалось вследствие густого тумана, распространившегося на рассвете. Артиллерия только около 7 часов утра смогла поддержать переправу. Под прикрытием артиллерийского огня I/39-й батальон у Тисадоба и два патруля 23-го полка у Сабдча, не встретив сопротивления, перешли Тису. До 9 часов вечера того же дня 21-й полк достиг намеченной линии на левом берегу Тисы, восточнее окраины деревень Тимар и Ракамаз. II/34-й батальон освободил Надьфалу, а III/30-й батальон — Тисаеслар. XIII истребительный батальон, который представлял собою резерв, наступавший вдоль дороги Ракамаз — Ньиредьхаза, занял позиции в западной части Ракамаза. 32-й, 9-й и 16-й полки еще переходили Тису, а их передовые части заняли предмостные позиции на восточном берегу. Технические подразделения дивизии возвели у Токая понтонный мост и приступили к строительству тяжелого запасного моста. При переправе всей группы красные войска понесли незначительные потери, в то время как у противника было захвачено 4 гаубицы и пленные. Сольнокская группа 21 июля продолжала свои наступательные операции. 101-й полк 6-й дивизии, опираясь левым крылом на части, расположенные в Тисапюшпеке, продвинулся на территорию, лежащую между Терексентмиклошом и Пустаалмышом. На участке 6-й дивизии румыны при поддержке артиллерии предприняли контратаку, но она была отражена. Один батальон 33-го полка 6-й дивизии достиг Терексентмиклоша. Части 7-й дивизии приостановили контратаку противника, начавшуюся между Блашковичтанья и Теньятанья.

Менее успешной была операция поросло-тисафюредской группы. Здесь противник имел значительное превосходство в артиллерии, и поэтому только штурмовой полуроте I/26-го батальона и небольшому подразделению III/26-го батальона удалось вечером 20 июля переправиться через Тису.

Части 1-й дивизии, посланные на усиление токайской группы, медленно, с боями продвигались вперед. I и III/9-й батальоны вели с противником жестокий рукопашный бой. Перегруппировавшиеся части III армейского корпуса в ходе боев к востоку от Токая вышли 22 июля к западной окраине села Сабояч и восточной окраине села Надьфали и Тисаэслар, а 23 июля — к линии Гава, Преихалом, Чеххалом, Надьфали, Тисаэслар. Положение поросло-тисафюредской группы также улучшилось. Части 80-й бригады вступили в Тисаэрвень, Эдьек и Тисачег.

На фронте I армейского корпуса 6-я дивизия, преследуя отступавших румын, 22 июля была уже на линии Федьвернек — Сапарфалу и железнодорожной станции Федьвернек. К Туркеве, Кишуйсаллаш, Кендереш и Кунхедьеш были высланы роты, пополненные пулеметными взводами. 7-й конный полк подошел к линии Кендереша. С юга от железной дороги Кишуйсаллаш — Сольнок противник напал на части 7-й дивизии. При поддержке посланной ей на помощь 5-й дивизии румынское нападение

было отражено. Сентешская группа успешно отбила атаку румын, направленную против ее южного фланга.

В районе действий I армейского корпуса части 6-й дивизии освободили Кишуйсаллаш и Кендереш. Наступавшая румынская кавалерия была отброшена атакой 7-го конного полка. Части 5-й дивизии достигли в ходе боев Туркеве, а часть 7-й дивизии — Мазетура. Утром 23 июля из I армейского корпуса доносили, что противник в панике, беспорядочно отступает. Пленные румынские офицеры, в большинстве своем трансильванцы, говорили о весьма низком моральном состоянии румынских войск.

Каким бы успешным ни было начатое 20 июля наступление Красной Армии, все же положение, сложившееся на фронте к 23 июля, должно было бы вызвать беспокойство у армейского командования и в первую очередь у начальника генерального штаба. Среди наступавших групп, переправившихся через Тису у Сольнока, только главная группа продвинулась вперед от Тисы на 35—40 км; остальные даже на 4-й день наступления продвинулись всего на 2—5 километров. Фланги наступавших групп, в особенности сольнокской, были обнажены, и румынское военное командование использовало это обстоятельство. Несомненно, что размах и успех наступления сольнокской группы вызвали замешательство в румынских войсках. Но, обладая планами наступления Красной Армии, румынское командование могло быстро ликвидировать этот кризис. Начавшиеся через 3 дня контратаки румынских войск были направлены против главной силы Красной Армии — сольнокской группы, а затем против ее флангов. Образовавшиеся между наступавшими группами широкие бреши еще больше расширились; становилось все более опасным отставание и топтание на месте войск, действовавших на севере и юге от сольнокской группы. Всякое дальнейшее продвижение сольнокской группы без усиления и подтягивания находившихся к югу и северу от нее групп могло бы дать противнику возможность провести операцию по ее окружению.

Только войска сознательные, дисциплинированные, находившиеся под командованием верных Советской власти офицеров, могли бы ликвидировать опасность окружения и угрозу своим флангам. Все эти качества в то время уже отсутствовали в Венгерской Красной Армии.

Начальник генерального штаба изменник Юлиер поддерживал связь через антантовские миссии в Вене с контрреволюционным сегедским правительством и командованием румынской армии. Он имел сведения о том, что посланные в Вену агенты правых социал-демократов Вильмош Бем и другие ведут переговоры с миссиями Антанты, с представителями графа Иштвана Бетлена и даже с посланцами Хорти о свержении пролетарской диктатуры. Нетрудно понять, почему, игнорируя критическое положение на фронте, Юлиер 24 июля дал приказ о всеобщем наступлении. Он видел, что это мероприятие еще более усилит оторванность и изолированность наступавшей группы и облегчит противнику обход ее флангов и окружение.

В тот день одно подразделение 6-й дивизии достигло Карцага, 10-й пехотный полк 5-й дивизии — Пустаэчега, а конный эскадрон 7-й дивизии продвинулся вперед в направлении к Девааньи. Тем самым брешь между главной, сольнокской группой и поросло-тисафюредской и чонград-сентешской группами увеличилась, а фланги сольнокской группы еще более обнажились. Румынское командование воспользовалось этим. Части 2-й румынской истребительной дивизии через Пюшпекладань, в Кишуй-Саллашском направлении, напали на северный фланг сольнокской группы. В то же время войска южной, чонград-сентешской группы были отведены от Тисы без всякого давления со стороны противника начальником штаба группы подполковником Политовски, который через Юлиера вступил в сношения с хортистами.

Офицерская контрреволюция стала действовать еще более решитель-

но. Реакционные командиры использовали охвативший солдат страх перед окружением. Под предлогом «спасения войск» офицеры во многих местах отдавали приказы об отступлении, вызывая этим среди солдат панические настроения. Реакционные командиры нашли усердных помощников в лице правых социал-демократов, находившихся в армии. Они стремились настроить солдат против коммунистов, политических комиссаров, которые хотели восстановить боевой дух войска.

26 июля, то есть через два дня после начала всеобщего наступления, Юлиер отдал приказ о всеобщем отступлении. Политическое и моральное состояние румынской армии в то время убедительно характеризовал тот факт, что беспорядочное отступление Красной Армии за Тису прошло без потерь. Даже многочисленную артиллерию сольнокской группы удалось спокойно переправить на правый берег Тисы.

Таким образом, вследствие подрывной деятельности социал-демократов и предательства реакционных офицеров в Красной Армии, отступавшей под незначительным давлением румынских войск, началось полное разложение. Теперь уже было невозможно восстановить порядок в войсках и заставить их оборонять линию Тисы. В одиночку и целыми группами солдаты начали разбегаться. Из-за деятельности социал-демократов было также невозможно использовать для укрепления распадавшегося фронта и обороны Советской Республики находившийся в Будапеште IV армейский корпус, располагавший 22 тыс. винтовок и 30 орудиями.

Красная Армия Венгерской Советской Республики, героическая защитница пролетарской диктатуры, одержавшая столько побед, в результате отступления перестала существовать. Но ее славные дела стали героической страницей истории революционных боев нашего рабочего класса и всего трудового народа, истории борьбы за создание социалистической Венгрии.

Советское правительство было заменено правительством предателей, кабинетом Пейдля. Спустя пять дней это правительство передало власть буржуазной реакции, министерству авантюриста Иштвана Фридриха. За этим последовал кровавый белый террор Хорти, которого правые социал-демократы своим лозунгом «Пусть виновные понесут наказание» подстрекали против коммунистов.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ПРАВОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ И ОФИЦЕРСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ. ГЕРОИЗМ КРАСНЫХ СОЛДАТ

В результате героического решения, принятого венгерским рабочим классом 2 мая 1919 г., добровольческие рабочие отряды усилили Красную Армию и коренным образом изменили ее состав. Красная Армия стала классовой армией пролетарской диктатуры. Однако способ комплектования рабочих полков, который в то время объясняли спешкой, позднее отрицательно сказался на дисциплине этих полков, а также всей армии. В великие дни 1 и 2 мая уполномоченные объединенной партии на массовых митингах по-разному разъясняли обстановку рабочим, которые были готовы бороться за диктатуру пролетариата. Коммунисты призывали трудящихся к защите власти пролетариата. Они не обещали им легкой победы, не говорили, что напряжение сил будет кратковременным, а жертвы незначительными. Коммунисты ссылались на героический пример трудящихся масс России, которые уже в течение года вели борьбу не на жизнь, а на смерть с интервенционистскими вооруженными силами 14 империалистических государств и бандами внутренней контрреволюции. Социал-демократы, оказавшиеся вследствие громадного воодушевления среди рабочих в затруднительном положении, наоборот, заявляли, что нужно-де сделать лишь «одно усилие», что достаточно будет «одного натиска». Выдвигая этот лозунг, они каждый раз готовили какой-нибудь вариант ком-

промисса. Позже социал-демократический лозунг «об одном нажиме» стал в руках предателей средством деморализации армии.

Рабочие полки и батальоны объединяли представителей определенных профессий, предприятий. Сформированные таким образом части в значительной мере представляли собой нечто вроде вооруженной профсоюзной организации. Единственным преимуществом подобного метода было быстрое формирование войск. Но во всех остальных отношениях эта система была вредной.

Руководство профсоюзами и после объединения обеих партий оставалось преимущественно в руках социал-демократов. В данном случае это означало, что в большей части рабочих отрядов социал-демократическое влияние оставалось решающим. Солдаты-рабочие давно уже знали друг друга, знали, кто остался дома, кому благодаря связям с социал-демократической партией удалось вернуться с фронта. Солдаты имели неограниченную возможность для переписки с тылом, родными и близкими, что также было использовано контрреволюцией в ее подрывной деятельности. События, происходившие на фронтах, были до мельчайших подробностей известны в тылу. Солдаты получали преувеличенную информацию о бедственном положении своих домашних.

Первые недели, когда героизм рабочих полков увлек за собой всю армию, эти факторы оказывали небольшое влияние. Но оно возросло после освобождения Кашши, когда военные действия велись с меньшей силой. Уже тогда социал-демократы всячески стремились насаждать в тылу и армии пораженческие настроения, подрывать дисциплину. Они использовали в этих целях переписку солдат с родными, близкими и товарищами по работе. Играя на продовольственных трудностях, переживаемых Республикой, на фактах бюрократизма в работе некоторых тыловых органов, прибегая к нашептываниям, они добивались того, что из тыла на фронт шли письма с многочисленными жалобами. Родственники солдат писали, например, что «на фронте теперь уже находятся только ослы», поименно называли самовольно возвратившихся домой, подчеркивая, что никакой беды с ними оттого не случилось и они спокойно работают на своих прежних местах. Десятки и сотни разных форм деморализации использовались для подрыва дисциплины в армии.

На фронте правые социал-демократы вели агитацию в таком направлении: рабочие полки, мол, пошли на фронт только «для одного нажима», и поскольку этот «нажим» оказался успешным, то солдаты могут уже попросить отпустить их домой. Подобные настроения очень быстро распространялись среди уставших от войны, находившихся под влиянием плохих вестей из дома солдат. Революционная верность и стойкость коммунистов-солдат и политических комиссаров могли лишь замедлить начавшееся разложение, но не могли помешать этому. К тому же комиссары имелись лишь в немногих соединениях, ибо главнокомандующий Вильмош Бем всячески старался их дискредитировать и под различными предлогами многих из них удалил из армии. Он стремился ограничить круг деятельности политических комиссаров, которые, по его мнению, «не должны были вмешиваться в решение военных вопросов, так как ничего в них не понимали». Лишь реакционных кадровых офицеров Вильмош Бем считал пригодными к военному руководству. Главнокомандующий возглавлял подрывную деятельность социал-демократов в армии.

В этих условиях не могло быть и речи о том, чтобы революционные военные трибуналы, о создании которых Бем громогласно возвестил в одном из приказов, отвечали своему назначению в деле поддержания дисциплины. Социал-демократические предатели и контрреволюционные офицеры могли свободно проводить в армии разлагающую агитацию и пропаганду.

Вильмош Бем и его окружение использовали любые трудности, возникавшие на фронте, чтобы доказывать «неспособность» армии продол-

жать военные действия, необходимость немедленного заключения мира. Всеми способами они пытались внушить солдатам мысль о неизбежности отступления. «Мир любой ценой», «строительство социализма при помощи Антанты», «демократия — это мясо, сало, вино» — такими лозунгами правые социал-демократы ввели в заблуждение многих солдат и деморализовали Красную Армию. О разложении рабочих отрядов позаботились и социал-демократические руководители профсоюзов — Карой Пейер и К°. Что же касается частей, в которых было значительное число крестьян из лежащих за Тисой районов и которые, следовательно, не имели связей с тылом, деморализующее влияние на них оказывал факт отступления, кажущаяся бесперспективность в будущем; сыграл здесь свою роль и тот факт, что среди солдат слабо велась политическая работа.

В армии активизировалась офицерская контрреволюция. Венгерская Советская Республика, безусловно, нуждалась в кадровых офицерах, военных специалистах. Но, оказывая доверие хорошо, честно работавшим командирам, необходимо было обеспечить постоянный и строгий политический контроль за деятельностью офицеров. Такой контроль в Венгерской Красной Армии, как правило, отсутствовал. Практически он осуществлялся лишь в некоторых соединениях, где были сознательные, обладавшие боевым опытом, и в особенности опытом русской революции, политические комиссары. Многие из посланных на фронт политических комиссаров впервые в своей жизни оказались в армии. Они зачастую не знали, какие задачи в военной обстановке являются наиболее важными. С одной стороны, комиссары учитывали точку зрения авторитетного социал-демократического большинства из окружения главнокомандующего: «политические комиссары не должны вмешиваться в военные вопросы, так как ничего в них не понимают»; с другой стороны, их вводили в заблуждение расшаркивания и предупредительная вежливость офицеров. В военном и политическом отношениях комиссары были подготовлены весьма поверхностно; в армию большинство из них было рекомендовано социал-демократами. Они не могли осуществить лозунг вооруженной борьбы в защиту пролетарской диктатуры в то время, когда в социал-демократических организациях они слышали только пацифистские речи, а также разговоры о том, что необходимо договориться с Антантой, поскольку-де цели пролетарской диктатуры неосуществимы.

Вследствие всего этого в значительной части военных соединений реакционным офицерам нетрудно было развернуть контрреволюционную деятельность. В первое время эта деятельность не могла быстро развиваться потому, что офицеры, служившие в Красной Армии, не представляли собой единой группы. Небольшая их часть, принадлежавшая к коммунистам, являлась одной из сил сохранения единства Красной Армии. Некоторые из офицеров следовали за начальником штаба Аурелом Штромфельдом и, хотя и не по убеждению, как Штромфельд, а под влиянием его авторитета и примера, старались добросовестно выполнять свои обязанности. Часть офицеров вступила в Красную Армию ввиду отсутствия источников существования, рассчитывая на то, что в результате их руководства в армии «восторжествует национализм» и она перейдет в их руки. Большинство офицеров, принадлежавших к социал-демократам или к буржуазным партиям, были распространителями пацифизма и контрреволюционных настроений.

Контрреволюционные офицеры в первое время действовали осторожно. После характерных для буржуазно-демократических и социал-демократических правительств в Венгрии нерешительности и колебаний на них сильное впечатление произвела большая энергия Советского правительства и целеустремленность его мероприятий. Офицеры видели, что вопреки насаждаемым в массах врагами Советской Республики антивоенным настроениям пролетарской диктатуре удалось создать Красную Ар-

мию и улучшать, хотя и медленно, дисциплину в ней. Это и заставляло их быть осторожными. Когда же Красная Армия впервые отступила от Тисы, офицеры, уверенные в близком крахе пролетарской диктатуры, попытались с помощью своей лживой пропаганды подорвать боевой дух войск, состоявших преимущественно из крестьян, клеветнически утверждая, что «пролетарии не защищают собственную власть». Поведение офицеров становилось все более вызывающим. Это выражалось, например, даже в том, что они, желая подчеркнуть свою кастовость и привилегированное положение, при обращении друг к другу постоянно добавляли к званию слово «господин». Издеваясь над коммунистами, они говорили друг другу: «товарищ господин».

После создания главного командования армии офицерскому движению противостояли патриотическое, самоотверженное отношение к делу пролетариата начальника штаба Аурела Штромфельда, его большой авторитет специалиста. В первый период деятельности Штромфельда в качестве начальника штаба контрреволюционные офицеры ограничивали свою работу главным образом поддержанием подпольных связей между собой. Сдерживающее влияние на контрреволюционное поведение офицеров оказали героическое решение, которое рабочий класс принял 2 мая, мобилизация масс и успех начавшихся тогда военных операций. Вместе с тем на офицеров в то время ободряюще действовало покровительственное отношение к ним главнокомандующего армией Вильмоша Бема. Последний открыто проявлял свою враждебность к коммунистам, занял отрицательную позицию в вопросе о военном и политическом контроле комиссаров над офицерами.

Героическая борьба Советской Республики, ее революционные мероприятия и практическая деятельность усиливали воодушевление солдат, их любовь к своей пролетарской Родине. Однако в Красной Армии (за исключением немногих частей) отсутствовала планомерная агитационная и пропагандистская работа, которая знакомила бы солдат с целями и задачами революции, воспитывала бы в них сознательную, активную любовь к Родине. Как мы уже отмечали, часть политических комиссаров была непригодна к выполнению своей роли. Развертыванию агитации и пропаганды мешало и то обстоятельство, что листовки и другие печатные материалы рассылались из центра без всякого учета особенностей различных частей.

Накануне июльского наступления офицеры распространили слух о том, что в состав румынской армии будто бы входят венгерские части. Советское правительство, говорили они, посылает Красную Армию на «братоубийственную войну». Но в массах красных солдат эта реакционная офицерская агитация возымела слабое действие. Красноармейцы хорошо понимали, что если даже и в самом деле имелись венгерские отряды, поддерживавшие румынскую армию, то они никак не могли быть их «братьями», ибо помогали восстановлению старого строя.

Тем сильнее подхватывались эти слухи организациями контрреволюционного офицерства. Например, офицеры 101-го артиллерийского полка 6-й дивизии на своем тайном собрании обсуждали вопрос: сражаться или нет против «братьев», находившихся в румынской армии? И решили, что сражаться не будут. Преданные диктатуре пролетариата солдаты сообщили об этом собрании политическому комиссару 6-й дивизии. По его приказу комиссары полка и артиллерийских дивизионов при помощи солдат взяли офицеров под стражу и препроводили их в главное командование армии.

Когда Вильмошу Бему донесли из 6-й дивизии о «превышении» политическим комиссаром власти, он взял арестованных офицеров к себе в ставку в Геделле. К удивлению политических комиссаров и солдат, спустя несколько дней главнокомандующий прислал офицеров в дивизию с

приказом о восстановлении их на прежних должностях, ибо, говорилось в приказе, «они признали свои ошибки и обещали, что будут выполнять свои обязанности». Солдаты открыто выражали свое возмущение. Они заявили офицерам, что будут внимательно следить за каждым их шагом и в случае малейшего подозрения не пощадят их. Благодаря решительному, сознательному поведению солдат 101-й полк сыграл важную роль в артиллерийской подготовке форсирования Тисы у Сольнока.

После падения диктатуры пролетариата значительная часть офицеров, прежде пресмыкавшаяся перед трудящимися, вновь сбросила маску и приняла участие в кровавых злодеяниях террористических отрядов Пронаи, Остенбурга и других бандитов, в расправах над рабочими и крестьянами.

Социал-демократические предатели вели свою враждебную, подрывную работу по свержению пролетарской диктатуры не только в армии, профсоюзах, среди трудящихся масс; то же самое они делали в руководящих государственных органах, а также и на международной арене, в области внешней политики, где они использовали свои связи с агентами разведок интервентов.

В противовес саботажу и активной контрреволюционной деятельности правых социал-демократических руководителей массы рабочего класса, и в первую очередь рабочая молодежь, во главе с коммунистами показывали блестящие образцы пролетарского героизма. В тяжелой боевой обстановке, когда могли бы дрогнуть и хорошо обученные, вымуштрованные части, рабочие отряды проявляли вызывавшие восхищение храбрость и самопожертвование. Так, например, в начале операций по освобождению Мишкольца один рабочий батальон был окружен в Ашошольце. Истекавшие кровью бойцы смело оборонялись и не сдали своих позиций. Прибывшие на помощь части благодаря этому смогли вступить в бой при более благоприятных условиях. Другой батальон в боях за село Вилмань попал в подстроенную противником ловушку: внезапно с тыла по батальону открыл огонь пулемет, установленный в башне сельской церкви. Несмотря на значительные потери, батальон уничтожил врага, напавшего на него с тыла, и обеспечил продвижение дивизии вперед.

История боев Красной Армии знает много примеров не только коллективного героизма целых воинских частей. Отдельные красноармейцы, а также мелкие группы и звенья бойцов на каждом шагу доказывали свою верность пролетарской Родине. Памятен подвиг патруля из молодых добровольцев. За несколько дней до освобождения Кашши этот патруль, пробравшись в тыл врага, неожиданным налетом вынудил к бегству расположенный в аббатстве Ясо штаб французского генерала, командовавшего чешскими войсками. Это лишило чешские войска центрального руководства, значительно облегчило Красной Армии освобождение чрезвычайно важного пункта — города Кашша. Вечной славой покрыли себя безымянные молодые солдаты, которые в начале июльского наступления, переплыв Тису, разведали артиллерийские позиции румынской армии и дали возможность артиллерии красных войск направить огонь по точно установленным целям.

Особого упоминания в истории сражений Красной Армии заслуживают солдаты бронепоездов. Это были преимущественно промышленные рабочие. Они не имели специального образования, но, несмотря на это, попав в незнакомый род войск, быстро осваивали особенности своего оружия. Они с превосходным тактическим чутьем и героической самоотверженностью разрешали поставленные перед ними задачи.

Впервые значительную роль бронепоезда сыграли в освобождении Шалготарьяна. Опытный в военном отношении противник принимал все меры, начиная от разбора рельс и кончая минированием мостов, чтобы

помешать наиболее важным тогда действиям бронепоездов — разведывательным операциям. Поезда были сделаны из простых товарных вагонов, обшитых стальными листами. Укрепляли их в спешке, так что в лучшем случае они защищали от огня стрелкового оружия и пулеметов. Установленные на них орудия и пулеметы были укреплены лишь настолько, чтобы сдержать силу отдачи, возникавшую при выстрелах.

У Шалготарьяна разведку вели бронепоезда № 2 и № 6. Учитывая, что противник примет оборонительные меры, бронепоезда продвигались осторожно. Они часто останавливались и высылали вперед пешие патрули для осмотра путей. Последние выполняли свою работу под огнем противника и, если встречали разобранные или расшатанные рельсы, восстанавливали путь, держа противника под обстрелом. Бронепоезда вызывали на себя огонь неприятельских батарей и пулеметов, раскрывая тем самым позиции противника, в первую очередь расположение его артиллерии. Паровоз одного из бронепоездов наскочил на вражескую мину, но получил при этом лишь незначительные повреждения. Солдаты под артиллерийским и пулеметным огнем врага отремонтировали паровоз и, выполнив задание, вернулись на стоянку.

С таким же героизмом по всей стране сознательные рабочие и следовавшие за ними деревенские пролетарии выступали против врагов диктатуры пролетариата. Исключительны заслуги в борьбе за защиту Советской власти политического комиссара Народного комиссариата внутренних дел в Эстергоме Шандора Сентея. Изменник Иштван Сабо при помощи скрывавшихся в Эстергоме контрреволюционеров и расположенных на северном берегу чешских войск арестовал 21 мая местных руководителей Советской власти. Было совершенно ясно, что чешские войска, перейдя через мост, который тогда еще не был разрушен, смогут беспрепятственно захватить город. Шандору Сентею удалось перетянуть на свою сторону введенных в заблуждение солдат, которые были посланы для охраны моста. С ними и с присоединившимися к ним рабочими он отправился защищать мост. Здесь им встретился выступивший для захвата города авангард чешских войск во главе с изменником Иштваном Сабо. Отряд Шандора Сентея открыл по противнику огонь. Застигнутые врасплох, чешские солдаты беспорядочно отступили. Действия, предпринятые Шандором Сентеем, помешали противнику переправиться на южный берег Дуная, обеспечив тем самым одну из предпосылок начавшегося вскоре большого наступления Красной Армии. Советская Республика выиграла время для укрепления позиций у Эстергомского моста и уничтожения местной контрреволюции.

Незабываемый пример героизма показали в мае 1919 г. рабочие Мишкольца-Диошдьера. Когда чешские войска, перейдя демаркационную линию, неожиданно напали на малочисленный местный гарнизон, рабочие, не дожидаясь приказа, немедленно поспешили к нему на помощь. Они с оружием в руках защищали Мишкольц и Диошдьерский завод, имевший огромное значение для Советской республики. Под давлением превосходящих сил противника им пришлось временно отступить. Во время военных действий Красной Армии, начавшихся 20 мая, рабочие Мишкольца-Диошдьера доблестно сражались в первых рядах освободителей. Их мужество, готовность пожертвовать собой, отличное знание местности в значительной мере способствовали тому, что Красная Армия в короткий срок (в течение двух дней) и с относительно небольшими потерями изгнала противника из Мишкольца и его окрестностей.

Приведенные примеры — капля в бесчисленном множестве героических дел. В них следует искать ответы на вопрос: что сделало Красную Армию способной к длительной, продолжавшейся несколько месяцев борьбе? Несмотря на неимоверные трудности, предательство правых социал-демократов и подрывную деятельность контрреволюционного офи-

дерства, окруженная со всех сторон врагами Венгерская Советская Республика часто одерживала победы над превосходящими ее по вооружению и численности империалистическими силами. Личный пример коммунистов, самоотверженность пролетарских масс города и деревни, героизм сотен тысяч красноармейцев и их руководителей укрепили Красную Армию и сделали ее способной вести эту трудную борьбу. Славные боевые дела рабочих и солдат обогатили освободительные традиции венгерского народа.

Согласованная подрывная деятельность внутренней контрреволюции, руководителей социал-демократии, предавших Родину заговорщиков — офицеров, кулаков, клерикальной реакции, а также крупных помещиков и капиталистов — могла ослабить, но не победить героический рабочий класс Венгрии. Поражение Венгерской Красной Армии было вызвано в первую очередь превосходящими силами империалистов.

НАША НАРОДНАЯ АРМИЯ — НОСИТЕЛЬНИЦА ТРАДИЦИЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА

Военные подвиги Красной Армии Венгерской Советской Республики заслуженно вызывали и вызывают восхищение и уважение международного рабочего класса, всего прогрессивного человечества. Созданная буквально за несколько недель, эта армия была замечательным творением венгерского рабочего класса, трудящихся масс страны. Память о ней и ее героическом пути священна для солдат и офицеров Народной Армии.

Борьба Красной Армии явилась новым этапом и продолжением той битвы за свободу и независимость, которая велась в стране в течение тысячи с лишним лет. История Венгрии заполнена кровавой борьбой трудового народа против гнета и порабощения. Свободолюбие и патриотизм простых венгров воспеты в пламенных стихах не только венгерских поэтов, но и великих поэтов других стран.

Венгерский народ, сбросив в 1945 г. при поддержке победоносной армии Советского Союза ярмо капиталистической эксплуатации, приступил к строительству подлинно народной армии, классовой армии трудящихся. Деморализующее влияние порочной политики прежнего партийного и государственного руководства привело к тому, что во время контрреволюционного мятежа осенью 1956 г. Народная Армия оказалась бессильной. Мы учли прошлые ошибки и ныне создали такие вооруженные силы, солдаты и офицеры которых являются преданными сыновьями народа, бдительно стоящими на страже социалистического Отечества, на страже мира. Призванные защищать родную страну, ее права и свободу, они всегда готовы отразить любое нападение империалистов, откуда бы оно ни исходило.

Солдаты Народной Армии воспитываются на славных традициях прошлого. Они свято чтут бесчисленные жертвы, принесенные народом во имя Родины в различные периоды ее истории, подвиги Надь Антала Будаи, Дьердя Дожи, Бочкаи, Бетлена, Ференца Ракоци II, гонведов Кошута, красных бойцов в 1919 г., героические деяния коммунистов. Уроки прошлого учат воинов Венгерской Народной Республики, что лишь тот народ заслуживает свободы, который способен бороться за нее и защищать ее.

Народ и армия в нашей стране составляют единое целое. Венгерская социалистическая рабочая партия, правительство, все трудящиеся рассматривают Народную Армию как свое кровное детище и проявляют постоянную заботу о ней. Клич пламенного поэта освободительной борьбы Шандора Петефи: «За народ — в огонь и в воду!» — является лозунгом солдат Венгерской Народной Республики.

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА» — ИДЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО РЕВАНШИЗМА

В. Т. Пашуто

Партийная и общеисторическая печать Германской Демократическо Республики и Польши в последнее время уделяет большое внимание борь бе с идеологией «изучения Востока», широко распространенной в ФРГ Можно назвать содержательные статьи В. Шечиновского[2] и Ф. Гентце на[3], опубликованные в ГДР, работы Г. Лабуды[4], А. Каминьского[5] М. Бискупа[6] и других авторов, вышедшие в Польше. Систематическ публикует статьи и заметки по данному вопросу польский журна «Przegląd Zachodni».

Что же такое «изучение Востока»?

Германский империализм всегда старался использовать историогра фию в своих целях[7]. Не случайно в 1915 г., в разгар первой мирово войны, 325 немецких профессоров выступили с требованием «возвраще ния» Германии земель Восточной Европы[8]. Большую роль немецка историография сыграла в идеологической подготовке разбойничьей агрес сии гитлеровской Германии против народов Европы и прежде всего Со ветского Союза. Немецкая буржуазная историография порвала с тради циями гуманизма в науке, не подняла голоса в защиту мира и не выпол нила своего долга перед немецким народом ни во время первой, ни во время второй мировой войны[9]. Восприняв варварские идеи книг

---

[1] См. решение ЦК Социалистической единой партии Германии «Об улучшени изучения и преподавания исторической науки» в ГДР. Опубликовано в «Zeitschrift fü Geschichtswissenschaft» (далее—ZG), Berlin, 1955, H. 4, SS. 507—527, см. стр. 518.

[2] W. Szczesinowski. Die Organisation der «Ostforschung» in Westdeutsch land. ZG, II. Jahrgang. Berlin. 1954. Heft 2, SS. 288—309; см. новейшую статью Ф. Гентцена, И. Калиша, Г. Фойгта и Э. Вольфграмма — «Die «Ostfo schung» ein Stoßtrupp des deutschen Imperialismus. Там же. 1958, H. 6, S. 1181—1220

[3] F. H. Gentzen. Die «Ostforschung» westdeutscher Historiker — eine Hetz gegen die Sowjetunion und Volkspolen. «Einheit». Berlin. 1955. H. 12, SS. 1214—1222 его же. Sprawa ziem polskich w rewizjonistycznej historiografii niemiec zachodnic i w pracach historików NRD. «Kwartalnik historyczny». 1955, LXII, № 1, str. 278—290 его же. «Ostforschung» zachodnio-niemieckich historików. «Przegląd Zachodni (в дальнейшем — PZ). Poznan. 1956, № 3—4, str. 291—300.

[4] G. Labuda. Stare i nowe tendencje w historiografii zachodnio-niemieckiej. PZ 1956, № 7—8, str. 224—252; см. также PZ. 1958, № 1, str. 186—193.

[5] A. J. Kamiński. Słowo o «Göttinger Arbeitskreis». PZ. 1954, № 5—6 str. 203—220.

[6] M. Biskup. Najnowsze prace zachodnio-niemieckie nad historią zakon krzyżackiego. «Kwartalnik Historiczny». 1957. LXIV, № 6, str. 204—211.

[7] J. Kuczynski. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd. II Propagandaorganisationen des Monopolkapitals. Berlin. 1950.

[8] W. Szczesinowski. Указ. соч., стр. 293, ср. J. Kuczynski. Указ. соч стр. 64—65 и др.

[9] См. очень содержательную статью L. Stern. Gegenwartsaufgaben de deutschen Geschichtsforschung. Sonderdruck aus der Wissenschaftlichen Zeitschri der Martin-Luther-Universität. I. 1951/1952. Heft 3, Halle-Wittenberg, SS. 1, 1 см. также Л. Зандберг. Немецкие историки на службе германского империализм «Вопросы истории». 1948, № 11, стр. 92—104.

Гитлера «Моя борьба» [10], фашистские историки распространяли ложные взгляды о якобы «исконных правах» Германии на востоке Европы.

После разгрома германского фашизма в 1945 г. и оккупации Германии американское и английское правительства приняли все меры к сохранению кадров фашистских историков и использованию их в своих политических интересах. В начале 1952 г., еще в бытность американским верховным комиссаром, Дж. Макклой сообщал своему правительству, что западногерманские университеты и другие высшие школы (в том числе учреждения для «изучения Востока») получили от американских властей 29 млн. марок [11].

Смысл и цель «изучения Востока» — организация пропаганды реваншизма. Этим занимаются в Федеративной Республике Германии около 50 институтов и исследовательских учреждений; с 1953 г. в школах введено специальное преподавание истории «утраченных» на Востоке земель (Ostkunde) [12].

Таким образом, перед историками поставлена задача прививать идеи реваншизма будущим поколениям с детских лет. Само возникновение главных учреждений по «изучению Востока» и роль их руководителей, о чем дают ясное представление упомянутые выше работы историков Польши и ГДР, достаточно характерны. Познакомимся с некоторыми, наиболее крупными из них.

В Гёттингене с 1946 г. существует «Гёттингенское исследовательское общество» (Göttingen Arbeitskreis), появившееся на свет в связи с потребностью тогдашнего государственного секретаря США Дж. Маршалла в материалах для обоснования пересмотра польской границы по Одеру и Нейсе. Оно тесно связано с так называемым «Министерством для изгнанных» (Bundesministerium für Vertriebene) в Бонне (имеются в виду немцы, переселенные из стран Восточной Европы) и особенно с его главой Оберлендером, бывшим СА-фюрером Кёнигсберга. Общество готовит правительству пропагандистский материал, имеет свое издательство в Китцигене (Майн), издает «Schriftenreihe des G. A.». Кстати говоря, в Западной Германии и поныне действует Кёнигсбергский университет Альберта; его проникнутые идеями реваншизма «Jahrbücher» также издает «Гёттингенское общество» [13].

В 1949 г. в Штутгарте было образовано «Немецкое общество для изучения Восточной Европы» (Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde). Издаваемый им антисоветский журнал «Osteurora» посвящен жизни СССР и стран народной демократии. Редактор его, Клаус Менерт,— в прошлом корреспондент в Москве; среди активных сотрудников — Борис Мейсснер, занятый также в Гамбургском университете и являющийся советником канцлера Аденауэра; издатель — Отто Шиллер, выпускавший антисоветские книги еще при Гитлере.

В Марбурге возник сперва Исследовательский совет, а затем с 1950 г.— Институт И. Г. Гердера (Johann Gottfried Herder Institut). Здесь имеет место маскировка, к которой охотно прибегают адепты Ostforschung. В данном случае они прикрыли свой институт именем выдающегося немецкого гуманиста. Гердер принадлежал к числу тех, кто возмущался немецким «натиском на Восток»: «Человечество ужасает кровь, которая здесь проливалась в долгих диких войнах до тех пор, пока древние пруссы не были окончательно истреблены, а курши и леты

---

[10] Гитлер, как известно, писал: «Если хотеть земель (Grund und Boden) в Европе, то в целом этого можно достигнуть только за счет России. Тогда новая империя должна вновь двинуться в поход по пути прежних рыцарей Ордена, чтобы немецким мечом добыть пашню немецкому плугу, нации же — насущный хлеб». A. Hitler. Mein Kampf. München. 1933, S. 154, ср. S. 742 и сл.

[11] F. Gentzen. Die «Ostforschung» westdeutscher Historiker... S. 1216.

[12] F. Gentzen. «Ostforschung» zachodnio-niemieckich historyków, str. 293—294.

[13] A. Kamiński. Указ. соч., стр. 204—205.

обращены в рабство, под игом которого они томятся еще и ныне» [14]. Он мечтал о времени, когда эти народы вновь обретут землю и свободу, гнусно украденную у них рыцарями. Так писал Гердер.

А вот что пишет Эрих Кейзер, член ученого совета Гердеровского института, в его органе «Zeitschrift für Ostforschung»: деятельность института «не может быть связана политически или партийно. Мы должны чувствовать ответственность только перед истиной, ибо лишь тогда посредством ее исполнятся в отношении народов восточно-срединной Европы слова евангелиста — «Истина сделает вас свободными». Хорошие слова, но далее Э. Кейзер раскрывает свое понимание истины, свободы и подлинную сущность «изучения Востока», заявляя, что незнание Восточной Европы явилось причиной одной из «фатальных ошибок в немецком политическом и военном способе ведения войны» [15].

Как видим, нет ничего общего между гуманными идеями Гердера и лицемерными речами новоявленного евангелиста Э. Кейзера, для которого истинно лишь то, что служит целям реваншистов. Гердеровский институт — один из глашатаев ревизии восточноевропейских границ. Тому же служат, в частности, изданные им работы Г. Роде, Б. Шумахера и др. [16].

В Мюнхене, важнейшем центре антисоветской пропаганды, находится Институт Восточной Европы (Osteuropainstitut), во главе которого стоит Ганц Кох. В издаваемом институтом журнале «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» систематически публикуются материалы по истории СССР. Здесь, в частности, были напечатаны обширные обзоры советской историографии, сделанные австрийским историком Гюнтером Штёклем. В Мюнхене же находится Институт для исследования истории и культуры СССР (Institut für Forschung der Geschichte und Kultur der UdSSR), сотрудники которого подобраны из махровых предателей нашей Родины.

Наконец, назовем Восточноевропейский институт свободного университета Берлина (Osteuropainstitut der Freien Universität Berlin), существующий с 1951 г. и финансируемый в счет 100 млн. долларов, которые американский конгресс отпускает на «обеспечение взаимной безопасности». Один из руководителей института — белоэмигрант М. Фасмер.

Вся система учреждений, занятых «изучением Востока», то есть прежде всего СССР и стран народной демократии, имеет единое руководство. Она тесно связана с бонским правительством. Эти учреждения выполняют задания по антикоммунистической пропаганде и готовят кадры «специалистов по Востоку». Обслуживают они и нужды бундесвера, который имеет свои печатные исторические органы.

★

Какие же идеи в области истории СССР развивают поборники «изучения Востока»? Чтобы по достоинству оценить эти «идеи», надо иметь в виду условия, при которых они возникли. В результате двух военных потрясений — 1914—1918 и 1939—1945 гг. — немецкие милитаристы были изгнаны из захваченных ими земель на востоке Европы. Этим был нанесен удар и основной концепции немецкой империалистической историографии, твердившей о культурном и расовом превосходстве немецкой нации и об исторической «миссии» Германии на востоке Европы. Наступило отрезвление немецкого народа, который начал понимать, особенно после образова-

[14] J. G. Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. IV. Teil. Riga-Leipzig. 1791, S. 21.

[15] E. Keyser. Länder und Völker im östlichen Mitteleuropa. «Zeitschrift für Ostforschung». 1952. H. I, S. 102 и др.

[16] См. G. Rhode. Die Ostgrenze Polens. Bd. I. Köln-Graz. 1957 (см. библиографию его работ, там же, стр. 420); оценку этой книги см. в рецензии Г. Ловмяньского «Kwartalnik Historyczny». LXIV, № 2, str. 132—139.

ния народной Польши и Германской Демократической Республики, что долгие годы проливал кровь за чужое дело. «Немцы стали забывать о своих правах на Поморье, на Восточную Прибалтику», — заволновалась пресса поборников реванша. «Изучение Востока» призвано вновь пробудить в немецком народе реваншистские иллюзии.

Кроме этой цели, у реваншистов имеется и другая, не менее для них важная. После второй мировой войны в странах народной демократии начался пересмотр с позиций марксизма-ленинизма концепций немецкой историографии, имевших здесь глубокие корни. Понадобилось что-то противопоставить бурному росту национального самосознания народов Восточной Европы и теоретической зрелости славяноведения, найти средства «от истории», подрывающие единство лагеря социализма. Это также стало задачей «изучения Востока». Обе они, в сущности, преследуют одну цель: исторически оправдать и, подновив, широко пропагандировать прежнюю концепцию «натиска на Восток».

Как справляются с этим делом адепты «изучения Востока» и какие трудности встают перед ними, можно видеть из серии новейших работ, в частности из последней статьи В. Шлезингера [17].

Работа В. Шлизенгера — это доклад, с которым он выступал в различных городах Германии [18]. Автор утверждает, будто оценка экспансии немецких феодалов и самого «изучения Востока» как «опаснейшей составной части западнонемецкой реакционной историографии» совершенно неосновательна, и сетует на то, что даже в английской науке (он, в частности, ссылается на А. Тойнби) западнонемецкие историки наталкиваются на недопонимание [19]. Он предлагает считать, что никакого немецкого «натиска на Восток» не существовало, не было и немецкой колонизации [20], а происходило «движение на Восток» (Ostbewegung), которое представляло собой «распространение политического господства»; «оно было миссией, заселением (Siedlung) и распространением на Восток западных форм мировоззрения, права и хозяйства в немецком облике» (буквально: одеянии — Gewande) [21]. Притом, хотя немцам в этом движении принадлежала виднейшая роль, оно являлось делом всего «западного мира», который породил и самоё идею миссии: «Идеи крестовых походов издавна присущи преимущественно западным народам. В Германию их во всяком случае перенесли: в идеях крестовых походов коренится метод миссии немецкого Ордена» [22].

Слов нет, немецкий Орден действовал не в одиночку. В работах советских ученых — Н. П. Грацианского, И. П. Шаскольского, П. И. Пакарклиса, польского историка Т. Мантейффеля и др. показано, что он получал постоянную помощь и папской курии и Германской империи. После провала крестовых походов в Переднюю Азию французское и английское рыцарство также устремилось в Прибалтику.

Нам представляется весьма перспективным сравнительно-историческое исследование истории крестовых походов в Переднюю Азию и Восточную Европу. Два направления походов были тесно связаны; их возглавляла реакционная сила тогдашней Европы — папская курия. Золотой иерусалимский крест в черном кресте великого магистра тевтонов — это не только свидетельство признания роли немецких рыцарей в борьбе с

---

[17] W. Schlesinger. Die geschichtliche Stellung der mittelalterlichen Ostbewegung. «Historische Zeitschrift». München. 1957, Bd. 183.

[18] Там же, стр. 517, примеч. 1.

[19] Там же, стр. 519.

[20] Там же, стр. 520.

[21] Там же, стр. 530.

[22] Там же, стр. 535. Здесь автор лишь модифицирует старую идею немецкой историографии (отраженную в трудах Э. Машке, Э. Каспара, Ф. Бланке и др.). См. о ней В. Т. Пашуто. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.). «История СССР». 1958, № 6, стр. 54—57.

арабами, но и символ захватнической политики, распространенной на ис вую часть мира.

Большой интерес представляет исследование взаимосвязи освободи тельной борьбы народов Передней Азии и Восточной Европы. Такой под ход к теме еще рельефнее раскрывает разбойничью сущность агрессивно политики Ордена.

Пытаясь снять ответственность с немецких феодалов за «натиск н Восток», а с немецкого Ордена — за кровавую «миссию», автор оставляе на долю Германии только «заселение Востока» (Ostsiedlung), которое, п мнению В. Шлезингера, надо решительно отделить от «движения на Во сток», ибо заселение «было не военным, а в целом мирным явлением» [23] Немецкая колонизация не похожа на все другие, в том числе и на рус скую колонизацию Сибири [24]. Это была «общность поселения и хозяйств немцев и славян, которая превратилась в общность судеб и названием «колонизация» полностью охвачена быть не может» [25].

Попытка представить немецкую колонизацию как идиллию хозяй ственного сотрудничества немецких поселенцев с аборигенами не выдер живает критики. Прежде всего эта колонизация — результат завоевания Договоры Ордена, заключенные с нобилями Эстонии, Латвии, Пруссии других земель, правовые кодексы, регулировавшие жизнь этих народов под властью Ордена, многократные постановления, оттиравшие коренно население от занятий ремеслом и торговлей,— все эти источники ясно ха рактеризуют политику Ордена как политику беспощадного угнетения ассимиляции завоеванных народов.

Неосновательно и противопоставление В. Шлезингером немецкой ко лонизации русской. Едва ли можно усмотреть различия в классовой при роде политики Германии и России, но исторические последствия ее различ ны. Работами советских сибиреведов (С. В. Бахрушина, В. И. Шункова А. П. Окладникова, Б. О. Долгих, З. Я. Бояршиновой, А. А. Преображен ского и др.) доказано, что колонизация Сибири, содействуя хозяйствен ному развитию этого края, не привела к истреблению и ассимиляции ко ренных народов, как это имело место на значительной части завоеванно Орденом Прибалтики.

«Заселение Востока», продолжает В. Шлезингер, не только обеспе чило «процветание» Польши, Чехии и Венгрии [26], но и сыграло решающую роль в истории поморских славян и пруссов. Автор признает, что здесь «на ставшем действительно немецким Востоке» (под этим понятием он хитроумно объединяет и земли, на которых стоят Берлин и Вена, и земли исторически и этнически связанные с Польшей, Литвой, Русью), дела шли иначе [27], здесь были «бесчеловечные» войны «с обеих сторон» [28] (то обсто ятельство, что, с одной стороны, они были захватническими, а с другой — освободительными, автор, разумеется, опускает), но «надо отчетливо сказать, что по окончании этих войн (которые тянулись столетия! — *В. П.*) происшедший на немецком Востоке процесс ассимиляции (буквально Einschmelzungsprozeß) протекал ненасильственно»; столь же мало на сильственной была здесь и церковная миссия [29].

Немецкое «движение на Восток» одержало верх над одновременно происходившим славянским «движением на Запад» (так автор именует стремление Польши к объединению славяно-прусских земель Поморья) Заслуга в этом принадлежала немецкому крестьянству (Bauernstand) [30].

---

[23] W. Schlesinger. Указ. соч., стр. 530.
[24] Там же, стр. 522.
[25] Там же, стр. 521.
[26] Там же, стр. 532.
[27] Там же, стр. 535.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же, стр. 538.

Оказывается, не немецкие императоры и феодалы при содействии папства сотни лет разоряли и заливали кровью земли славян, в течение полувека опустошали Пруссию, много столетий угнетали Эстонию и Латвию, двести лет почти ежегодно грабили литовскую Жемайтию; не они, покорив страну, надели на славян и пруссов колониальное ярмо и привели эти народы к вымиранию и ассимиляции. Вовсе нет! Ассимиляция народов — результат лишь мирной деятельности немецкого крестьянства. «Это крестьянское сословие обладало силой, чтобы в течение длительного процесса уравнять с собой туземное славянское население, с которым оно совместно жило и хозяйствовало, и в конце концов растворить его» [31]. Результатом такого «онемечивания» (Eindeutschung) [32] было «превращение» (Umvolkung) [33] этих народов в немцев. Предложенной В. Шлезингером трактовке нельзя отказать в политическом смысле: она имеет для поборников «Ostforschung» то удобство, что годится и для оправдания содеянного в прошлом и для привлечения внимания немецкого народа к «освобождению» Востока в настоящем.

Эта трактовка не соответствует исторической истине [34]. Но это мало смущает поборников «Ostforschung»: они рассчитывают на то, что гитлеровская геополитическая историография достаточно подготовила почву и им можно уверенно утверждать, что нигде славяне не были истреблены и «далеко не все порабощены» [35], что «о насильственной германизации не может быть и речи» [36].

Первый общий вывод из статьи В. Шлезингера можно сформулировать так: славяне и пруссы «не погибли, они растворились в немечестве» (im Deutschtum) [37]. Выходит, что СССР и Польша, восстановив свои права в Поморье, выселили отсюда не только немцев, но и «без принуждения ставших немцами» [38] славян и пруссов. Это вывод, так сказать, pro domo suo.

Другой вывод касается уже всего «западного мира», всех поборников «интегральной Европы». Утверждается, что на основе немецкого «заселения Востока», приведшего к расширению «земли немецкого народа» более чем на одну треть [39], была создана «восточная срединная Европа» [40]. Это — дело всего Запада, чьи интересы выражали немцы [41]. «Срединная Европа» лежала между «Западной» и «Восточной» Европой [42]. Теперь, в результате второй мировой войны, ее нет, и потому миновало прежнее значение Европы в мире, «но Европа не только бессильна, она больна», больна по многим причинам, «в том числе и из-за утраты этой середины» [43].

Ослепленный реваншизмом В. Шлезингер — плохой диагност. Образование народно-демократических государств в Восточной Европе, став-

---

[31] Там же.
[32] Там же, стр. 533.
[33] Там же, стр. 535.
[34] Польский историк Г. Лабуда справедливо возражал В. Шлезингеру, говоря, что, во-первых, колониализм был, он получал помощь немецкого правительства и служил его видам; отвечают за него не немецкие крестьяне и ремесленники, а феодалы; во-вторых, нельзя игнорировать соотношение уровней развития производительных сил славян и немцев и, недооценивая первых, писать, что изгнание славян с их земли было им на пользу; в-третьих, нельзя игнорировать роль прибалтийских народов, Литвы, Руси, Византии, наконец Турции, в истории Центральной Европы; в-четвертых, немецкая духовная культура в ее немецкой и латинской формах не помогала развитию национальной культуры славян (PZ. 1958, № 1, str. 190—191).
[35] W. Schlesinger. Указ. соч., стр. 521.
[36] Там же, стр. 539.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же, стр. 537.
[40] Там же, стр. 530.
[41] Там же, стр. 534, 541.
[42] Там же, стр. 541.
[43] Там же, стр. 542.

ших важным фактором в борьбе за всеобщий мир, оздоровило положение в Европе. Угрозу ее безопасности создают стремления реваншистов вновь подчинить свободные народы власти германского империализма. Статья В. Шлезингера — очередная попытка исторически оправдать эти стремления: его призывы к восстановлению исторических прав немцев и «растворенных» в них славян и пруссов на Востоке полностью совпадают с целями союзников по «интегральному» Атлантическому блоку, с задачей воссоздания «Срединной Европы» под эгидой Германии. Это ли не реваншизм!

Примечательна еще одна черта статьи В. Шлезингера. Автор отлично сознает, что сейчас уже нельзя полностью воспроизводить взгляды довоенной немецкой историографии. Он признает тот установленный нашей наукой факт, что «миссия» немцев в Пруссии была связана с политикой [45], что не одни только немцы создавали города в Восточной Европе [46], что на землях, на которые наступали немецкие феодалы, не было «ни политического, ни хозяйственного вакуума» [47].

Но признав все это, автор спешит выдать нужду за добродетель: мы «освободились» от «национализма», который был присущ нашей науке XIX—XX вв., мы уже не смотрим на народы Востока как на неполноценные [48]. Мы, следовательно, объективны. Вынужденным отказом от явных несуразностей В. Шлезингер хочет подкрепить свое право толковать о мирном «перевоплощении» и «растворении» народов. Шаткая опора!

Если в Мюнхене В. Шлезингер «переосмысливает» понятие «натиска на Восток», то в Штутгарте журнал «Die Welt als Geschichte» печатает переработанный доклад Генри Корд Мейера «Натиск на Восток» в 1860—1914 гг.», прочитанный на X Международном конгрессе историков в Риме, в котором вообще отрицается самое право на существование этого понятия. Автор признает, что «в средние века немецкое распространение на Восток (Ausbreitung nach dem Osten) несло славянским и балтийским народам не только городскую культуру и христианство, но также и угнетение и часто смерть». И тем не менее, утверждает Мейер, это не был «натиск»; такого термина мы не знаем: его придумали панслависты [49], а использовали советские историки. Автор тщится доказать, что «советско-русские историки рассматривают «натиск на Восток» как некое хозяйственное и общественное производное» от так называемого западно-буржуазно-капиталистического строя, чтобы «нагнать страх на русские народы и государства» [50]. Не очень грамотно, но в общем понятно. «Натиск на Восток» не политика германского империализма, унаследованная от древних времен, не credo Гитлера и его духовных преемников, а выдумка советских историков. Может быть, и теории «места под солнцем», «народа без земли», «крови и земли» тоже созданы фантазией советских ученых? Советская историческая наука уже давно доказала несостоятельность подобных теоретических вымыслов идейных вдохновителей западногерманского милитаризма [51].

Кстати, не только у панславистов, но и у передовых мыслителей России того времени были основания опасаться некоторых идей немецких историков. Еще Н. Г. Чернышевский выступил против «тевтономании»

---

[45] Там же, стр. 528.
[46] Там же, стр. 532.
[47] Там же, стр. 529.
[48] Там же, стр. 540.
[49] Henry Cord Meyer. Der «Drang nach Osten» in den Jahren 1860—1914. «Die Welt als Geschichte». XVII. Jahrgang. 1957. Stuttgart, H. 1, S. 1; см. Н. И. Данилевский. Россия и Европа. СПБ. 1871, стр. 62—63.
[50] Henry Cord Meyer. Указ. соч.
[51] См., например, Н. П. Грацианский. Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии. Сборник «Против фашистской фальсификации истории». М.-Л. 1939, стр. 135—155; см также K. Tymieniecki. «Krzyżacy». «Roczniki Historyczne», XVIII. Poznań. 1949, str. 49—80.

емецких ученых [52], утверждавших, что «германцы искони были племенем, ысоко превосходившим все остальные племена своими умственными и равственными качествами, своим общественным развитием». Он писал: Родовой быт и общинность владения точно так же существовали некогда у немцев, как некогда существовали у славян... разница здесь не в на-иональном характере, а только в эпохах исторического развития» [53].

Итак, извращение сущности «натиска на Восток» и его апология тавятся во главу угла западногерманской историографией.

Стремление подтвердить и освежить в памяти народа «права» Гер-ании на некогда захваченные земли тоже встречает свои трудности. За ремя гитлеризма немецкая историография, как правило, не утруждала ебя специальными изысканиями в области славянской истории, основы-аясь на старых аргументах о германской культуртрегерской миссии. По-ле войны оказалось, что советская наука и молодая марксистская исто-иография стран народной демократии опровергли и отвергли эти ар-ументы.

Это вызвало тревогу среди некоторых западногерманских историков, оторые выступили с призывом изучать то, что сделано славяноведением а последние годы, и не настаивать на утверждениях, безнадежно уста-евших, ибо последнее чревато риском быстрого поражения в идейно-по-итической борьбе с коммунизмом. Данное направление в историографии редставлено именами таких известных историков, как Герберт Людат, анфред Гельманн, Вальтер Губач, австриец Гюнтер Штёкль и др.

Очень любопытны, в частности, признания Г. Людата, содержащиеся статье «Славяне и средневековье». Доныне, пишет автор, немецкие ис-орики основывались на идее Л. Ранке о единстве христианских наро-ов Европы, из которого славяне исключались. Но теперь, когда перево-от в науке стран Восточной Европы грозит почти полностью разрушить всемирно-историческое значение восточной колонизации», не пришло ли ремя, спрашивает он, несколько изменить взгляд на историческую роль ымого славянства [54]?

А для этого надо внимательнее изучать его историю, ибо она известна западногерманской науке крайне недостаточно: «...не будет слишком ольшим преувеличением утверждать, что знание славянской истории в ермании, а также в Западной Европе все еще по крайней мере столь же кзотично, как истории китайской или исламской, и что с именами Боле-ава Смелого, Владимира Святого или Стефана Душана и сегодня го-аздо реже связываются какие-либо исторические представления, чем с менами правителей восточных или египетских династий» [55].

Далее автор, фактически заимствуя выводы марксистской историо-афии, говорит, что надо отказаться от мысли о неспособности славян, и частности поляков, к самостоятельному государственному развитию [56], признать раннюю историю славян «в качестве конструктив-ого элемента в становлении нашего континента» [57]. Статья сопровождена смотрительным примечанием, что написана она с целью облегчить не-

---

[52] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 16 томах. Т. II, . 736, 738.

[53] Там же, стр. 738. См. также А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории ннего средневековья в немецкой историографии. М. 1958, стр. 142; ср. В. Е. Илле-цкий. Вопросы древнерусской истории в освещении революционеров-демократов. руды» Московского государственного историко-архивного института. Т. XI, М. 1958, . 195.

[54] H. Ludat. Die Slaven und das Mittelalter. «Die Welt als Geschichte». Hrsg. n H. E. Stier und F. Ebert. 1952. H. 2. Stuttgart, S. 72.

[55] Там же, стр. 71. В другой работе автор отмечает, что славяне как субъект ис-ории выпали из старой европейской историографии. См. H. Ludat. Der europäische ten in europäischer und sowjetischer Sicht. Köln-Braunsfeld. 1954, S. 11.

[56] H. Ludat. Die Slaven..., S. 77.

[57] Там же, стр. 73.

мецкому читателю понимание советской концепции истории восточноевр пейских стран. Иначе говоря, автор задался целью облегчить борьбу этой концепцией.

Признание Г. Людата не парадоксальное исключение. Г. Кох, реда тор-издатель «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», в статье «Изучен Советов как задача» тоже констатирует отставание западноевропейск науки от советской, прежде всего в области хозяйственной и социальн истории [58]. Он тоже считает нужным отказаться от тезиса о внеистори ности славян. Причин успехов нашей науки Г. Кох понять не смог; са история ее мыслится им примитивно: ее этапы он видит в том, что 1934 г. в социально-экономическую схему была вставлена схема наци нальная, а в 1950 г.— также и всемирная [59].

Не понимая и в то же время отвергая марксизм, Г. Кох видит в не разновидность религии. Он никак не хочет допустить, что можно творч ски воспринять марксизм, осознав неизмеримое превосходство этого м ровоззрения над иными видами хорошо известных теорий [60].

Итак, по мнению реваншистов, один из путей борьбы лежит чер изучение историографии коммунистического лагеря. Этой цели служат пространные обзоры Г. Штёкля, посвященные нашей отечественной и з рубежной медиевистике и нашим журналам. Этот автор тоже замеча что игнорирование советской науки сказалось «не без вреда» на неме кой историографии [61].

Вопрос о «единстве Европы» в средние века — актуальная тем «изучения Востока». В том же штутгартском журнале, где напечатан статья Г. Людата, помещена работа вашингтонского профессора Герха та Ладнера «Священная империя средневекового Запада», в которо утверждается, что «западная территориальная общность (Einheit raum)» — это «сон, который не был тогда и не является ныне полной де ствительностью, но он представлял собой и представляет сейчас историч ски действенную идею» [62]. В чем ее действенность, видно из уже цитиро ванной статьи Э. Кейзера, ратующего за восстановление утраченного еди ства, из которого не следует исключать народы Восточной Европы, пр надлежащие к культуре Запада [63], то есть все ее народы, кроме русского Рассуждения о «Священной римской империи» не новы. Последняя зани мала уже фашистскую историографию [64]. Старые выводы лишь модифиц рованы применительно к единству «западного мира».

Если в Штутгарте ищут исторические корни западноевропейско единства, то в Мюнхене в полном соответствии с этим начисто отрица существование какой-либо исторической общности славянства. Возьме гипичный пример — статью М. Гельманна «Основные вопросы славянско государственной истории раннего средневековья». Вывод из нее сформу лирован так: «Выясняются большое разнообразие и природная разноро ность (landschaftliche Verschiedenheit), которые мешают рассматрива раннесредневековое славянство как единое, как то, однако, правомерн делает славистика со времени Иосифа Домбровского; но в политическо и государственной истории это должно привести к ошибочным представле ниям. Такого единства не было ни в этническом (племенном), ни в соци

---

[58] H. Koch. Sovjetkunde als Aufgabe. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (далее — Jbb. GO). 1957. Bd 5. Hefte 1—2, S. 53.

[59] Там же, стр. 48—49.

[60] Там же, стр. 45.

[61] G. Stökl (Wien). Russisches Mittelalter und sowjetische Mediaevistik. Jbb. GO N. F., 1955, Bd. 3, H. 1, S. 2.

[62] G. Ladner. Das Heilige Reich des mittelalterlichen Westens. «Die Welt als Geschichte», X. Jg., H. 3, 1951, Stuttgart, S. 153.

[63] E. Keyser. Указ. соч.

[64] См. А. И. Неусыхин. Итальянская политика германской империи X—XIII вв. в современной фашистской историографии. «Против фашистской фальсификации истории», стр. 156—157, 167 и др.

альном отношении, о политическом не может быть и речи, так как оно доныне не существовало. Не было и политических стремлений, которые имели бы целью объединение всех славян, и вряд ли можно обнаружить в источниках следы чувства славянской общности» [65].

Итак, западноевропейская общность достойна внимания, а славянская общность — фикция, пишут в Штутгарте и в Мюнхене. Все это отлично дополняется тем, что́ читаем в изданной гёттингенским «Исследовательским обществом» книге Фритца Гаузе «Немецко-славянская общность судеб», в которой пропагандируется мысль, ясно выраженная в самом названии [66]. Эту общность судеб якобы создала немецкая колонизация народов Восточной Европы, заодно обеспечившая их «мирное присоединение (Anschluß) к Западу».

Следующая идея «изучения Востока» — отрицание принадлежности России к государствам Европы и ее истории — к истории европейской. До сих пор, следуя за американской историографией, немецкие историки рассматривали Россию как олицетворение «восточного империализма» и устрашали обывателей его наступлением на Запад, идущим с древнейших времен [67] и вплоть до наших дней. В этих целях широко использовались разного рода фальсификации [68]. Понятно, что при этом роль России в истории, в частности в истории борьбы народов Европы с набегами и наступлением кочевников, грубо извращается [69].

Отрицание принадлежности России к государствам Европы имеет конечной целью доказать нетипичность пути ее развития и незакономерность Октябрьской революции, якобы случайность и недолговечность советского строя. Из работ подобного рода показательна статья Г. Штёкля «Россия и Европа до Петра Великого». Примечательно, что автор написал ее, не потрудившись определить, что такое «Европа» как «единство». Между тем идея европейского единства в средние века, если искать аналогий, подобна идее единства княжеского рода на Руси; это политическая фикция, плод ума политических и религиозных глашатаев имперских идей. Подлинная наука не может участвовать в разделе цивилизации на западную и восточную. Надо не делить цивилизацию, а делиться, обмениваться ее плодами.

Г. Штёкль не скрывает своих убеждений: по его мнению, советская Россия есть якобы явление, враждебное Европе [70].

В статье имеются и разумные мысли, появившиеся в сочинениях Г. Штёкля после того, как он познакомился с трудами советских историков и опубликовал свои обзоры нашей историографии. Например, он оперирует мыслью, что славяно-руссы — сельскохозяйственный народ,

---

[65] M. Hellmann. Grundfragen slavischer Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters. Jbb. GO. 1954. Bd. 2. H. 4, S. 403.

[66] F. Gause. Deutsch-slawische Schicksalsgemeinschaft. Abriss einer Geschichte Ostdeutschlands und seiner Nachbarländer. Kitzigen. 1952, SS. 40, 44, 53—54, 278—293.

[67] См. O. Halecki. Imperialism in Slavic and East European History. «The American Slavic and East European Review». Vol. XI. 1952, № 1, pp. 1—2. Любопытно, что в отличие от своих западногерманских коллег О. Халецкий не считает «Drang nach Osten» фикцией. Ср. G. Lantzeff. Russian Eastward Expansion before the Mongol Invasion. «American Slavic and East European Review». Vol. VI. 1947, p. 1—10.

[68] Фальсификаторы охотно цитировали и известный памфлет К. Маркса «Разоблачение тайной дипломатии России XVIII в.», понятно, не утруждая себя сопоставлением его со всей совокупностью трудов классиков марксизма по проблемам истории России (см. «The Russian Menace to Europe». Ed. P. W. Blackstock — B. F. Hosselitz. London. 1953; ср. «La Russie et l'Europe», ed. P. Hepner. Paris. 1954). Все это служит целям «холодной войны», запугивания народов так называемым «коммунистическим империализмом».

[69] См. В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М. 1956, стр. 5—8.

[70] G. Stökl. Russland und Europa vor Peter dem Grossen. «Historische Zeitschrift». Bd. 184, H. 3. München. 1957, S. 533. Подобные же идеи развивает E. Hölzle. Russland und Europa. «Die Welt als Geschichte», XIV. Jahrg. H. 3—4. 1954. Stuttgart. S. 165—180.

что русский крестьянин не кочевник, как думал В. О. Ключевский, что древняя аграрная структура Руси сходна с общеевропейской [71]. Правда, Г. Штёкль скромно умалчивает о том, где он набрался этих мыслей. Более того, он утверждает явную неправду, когда, говоря о социальной и государственной организации Руси, заявляет, будто «именно критические исследования немецких историков Восточной Европы (в частности Г. Людата, М. Гельманна и др. — *В. П.*) показали», что славянские поселения (Ansätze) «до сих пор многократно оценивались ошибочно или несправедливо недооценивались»[72].

Нет, решительно заявляет автор, было сходство с Европой во внутренней организации восточных славян (основанной либо на родстве, либо на территориальном принципе), ибо без этого норманны не смогли бы в «пустом пространстве» произвести «преобразования» (Ueberformungen) да и по расе и языку славяне — европейский народ. Конечно, у них были более суровые формы крепостничества, но «крестьянская несвобода как таковая не является специфической чертой, характеризующей русское развитие, — граница лежит скорее на Эльбе, чем между западными славянами и восточными или между Польшей — Литвой и Московским государством» [73]; притом и русские крестьяне боролись за сохранение «старого права», подобно тому, как это было на Западе [74].

Подобные высказывания Г. Штёкля вызывают улыбку. В самом деле, не западногерманская, а советская историография (в трудах Б. Д. Грекова и его учеников) осветила историю хозяйства древней Руси и опровергла взгляд В. О. Ключевского на нее как на страну колонизуемую; наша наука, используя известные высказывания Маркса, разработала тезис об особенностях общественного строя стран, лежащих к востоку от Эльбы (Лабы); советские ученые (как это показано в недавно опубликованном обзоре А. А. Зимина и А. А. Преображенского) [75] на огромном материале раскрыли основные этапы классовой борьбы в эпоху феодализма, осветили ее формы, включая и борьбу за фиксированную ренту. Короче говоря, в трудах советских, а не западногерманских историков доказано, что древняя Русь — европейское государство.

Статья Г. Штёкля свидетельствует о том, что многие западногерманские историки в отличие от американских отказались от мысли искать истоки выдуманного ею «советского империализма» в древней Руси. К этому ее вынудили работы советских медиевистов. Но для признания этого у Г. Штёкля не хватило духа, и он предпочел спрятаться за спины М. Гельманна и Г. Людата. Это копеечная хитрость, ибо последние в тех же целях, что и Г. Штёкль, заимствовали новые для немецкой историографии мысли из советских работ. Наглядный пример хваленой буржуазной объективности! Г. Штёкль, как говорит литовская пословица, молится богу, но держит черта за хвост[76].

Впрочем, наивно было бы полагать, что автор воспринял все выводы советских историков о древней Руси. Он продолжает думать, что «экономическую основу» восточнославянского государства «составляла внешняя торговля, которая под влиянием норманского толчка оживленно развивалась». Приведенные слова плохо вяжутся с тем, что цитировано выше, в частности, трудно понять, каким образом внешняя торговля составляла хозяйственную основу аграрной страны.

Г. Штёкль остался верен норманистской догме, той догме, которой

---

[71] G. Stökl. Russland und Europa, S. 534—535.
[72] Там же, стр. 535.
[73] Там же, стр. 536.
[74] Там же, стр. 537.
[75] См. «Вопросы истории». 1957, № 12, стр. 135—160.
[76] Впрочем, в таком отношении к марксистской историографии тоже есть давняя традиция, восходящая еще к В. Зомбарту и М. Веберу. См. L. Stern. Указ. соч. стр. 7.

давно нанес такой сокрушительный удар Г. Ловмяньский [77]. Так, он может отказаться от мысли, что древнерусское государство создавалось некоему образцу: «его внешняя форма была в значительной мере опре-лена византийским образцом; имелись устойчивое ремесло и предпосыл- к городскому самоуправлению. Политическое дробление и экономиче-ий упадок в XII в. (которого не было.— *В. П.*), наконец, монгольское шествие в XIII в. подкосили эти ранние цветы» [78]. «Цветы покрывают е, даже могилы»,— пишет Э. М. Ремарк. Здесь же рассуждение об ядших цветах прикрывает вынужденный отказ фальсификаторов от по-ков корней «советского империализма» в древнем Киеве.

В данном случае Г. Штёклю пришлось разойтись даже с Г. Вернад-им. Сперва Штёклю казалось, что критика советскими историками кни- последнего «Монголы и Россия» — свидетельство упорствующего «ста-низма» [79]; теперь он готов признать, что монголы действительно вы-али застой и упадок в стране [80].

В надежде найти истоки «советского империализма» Г. Штёкль обра-лся к истории «Московского государства», которое якобы не имело евро-йских корней и стояло вне истории Европы. Основы этого государства видит в колонизации страны на северо-востоке, где возник «город на лониальной почве с ограниченным хозяйственным радиусом и без всякой литической внутренней жизни» [81], где жили посадские люди, но бюрге-в не было и городской воздух не делал человека свободным. Так сложи-сь «неевропейские последствия», кои должны рассматриваться не как зультат «естественных предпосылок (Voraussetzungen) в сельском хо-йстве и населении, а как следствие политического развития, точнее, обой формы политического господства, которое в Москве обрело обще-ровое значение» [82]. Эти последствия не могли естественно развиться древле, так как «господство киевских князей и великих князей основы-лось главным образом на личных достоинствах, ему не доставало... ятости (charisma) происхождения или идеи, у них отсутствовали — и о, конечно, не случайно — символы власти, и их техника управления ла еще очень несовершенной» [83]. «Святости происхождения» не достает выводам Г. Штёкля, хотя бы потому, что они заимствованы у такого упного историка прошлого столетия, как С. М. Соловьев. Г. Штёклю, скольку он в некоторой мере изучил советскую медиевистику, предстоит перь, очевидно, знакомство с русской досоветской историографией.

Какие же факторы, по мнению Г. Штёкля, определили незакономерное оеобразие «Московского государства»? Во-первых, чужеземное татар-ое господство, во-вторых, византийский образец, в-третьих, автохтонное зникновение абсолютной власти в особых условиях новоколонизуемой мли [84]. Итак, Г. Штёкль исключает Россию из Европы до времени пет-вских преобразований и видит в ней лишь отдельные европейские тен-нции (проникновение итальянских мастеров в Москву, немецких — под изань и т. п.). Это не ново. Подобные идеи уже развивались после первой ровой войны духовными отцами современных реваншистов, которые гали мир угрозой большевистской «азиатизации Европы» [85].

Нужно ли удивляться тому, что немецкие историки, исключившие в

---

[77] См. H. Lowmiański. Zagadnienie roli normanów w genezie państw wiańskich. Warszawa. 1957.

[78] G. Stökl. Указ. соч., стр. 537.

[79] См. Jbb. GO. N. F., 1956, Bd. 4, H. 2, S. 199.

[80] G. Stökl. Russland und Europa, S. 537, ср. S. 542, Anm. 1.

[81] Там же, стр. 538.

[82] Там же.

[83] Там же, стр. 539.

[84] Там же, стр. 539—540.

[85] См. подробнее J. Kuczynski. Указ. соч., стр. 282 и сл. Пугает Европу Рос-й и E. Hölzle. Указ. соч., стр. 179—180; см. также F. Gause. Указ. соч., стр. 292.

своих писаниях Россию из Европы, перевели и благожелательно принял книгу польского эмигранта в США О. Халецкого, который в порыве усе дия перед своими заокеанскими хозяевами отнес к числу европейск стран... Америку [86]. Этот автор, посвятивший свою работу истории гос дарств Восточной и Центральной Европы, именует их «пограничны странами западной цивилизации». О. Халецкий решил выяснить, «ско далеко на Восток простирается западная цивилизация» [87]. Он сам измы ляет «историческую традицию» связей Восточной Европы с той запа ной цивилизацией, в понятие которой включает и Соединенные Шта появившиеся на исторической арене много позднее восточноевропе ских стран.

О. Халецкий откровенно заявляет, что Соединенные Штаты как де жава «имеют интересы во всем мире», и это «справедливо для всех ко тинентов и народов всех рас, даже если их культура совершенно чуж американцам»; в этой связи автор мечтает о времени, когда народы соци листических стран, включая и Украину, и Белоруссию, и некоторые друг союзные республики нашей Родины, «объединенные с американцами с кровенными узами религии, расы, культуры», создадут под американско эгидой «цитадель мира на самой границе западной цивилизации» [88].

Автор не затруднил себя анализом взаимосвязи политики с эконом кой, культурой и пр. В новейшей американской историографии вооб вошло в моду писать подобные очерки политической истории, проникнут символом веры прагматической философии: закономерно то, что служ интересу «мировой державы». Так поступил и О. Халецкий, котор утверждает, что «знание основных политических событий» в том виде, ка они изложены в его труде, «является необходимой, обязательной основ последующих штудий в культурной, социальной и экономической обл стях» [89]. Вульгарная социология положена, таким образом, в основу пр фессионального исторического обучения. И вот это пособие по идеолог ческой подготовке американской молодежи к войне против лагеря соци лизма было переведено на немецкий язык в 1956 г. и оценено западноге манскими историками как серьезный вклад в науку [90].

Бросается в глаза, что и западнонемецкая историография порывает традицией фундаментальных социально-экономических изданий; на смен им приходят серии небольших (в 10—20 страниц) историографическ критических обзоров по проблемам, в которых часть сведений берется чужих работ без ссылок, а часть — со ссылками. При этом сам манера, сами приемы историографической информации и полемики вес ма примечательны. В этом отношении характерны обзоры того ж Г. Штёкля.

Он прибегает чаще всего к двум приемам. Один из них — замалчив ние выводов нашей науки, уход от полемики с ней. Возьмем, наприме советскую концепцию крестовых походов. Г. Штёклю она не нравит Однако, понимая слабость аргументации у противников этой концепци Г. Штёкль обходит ее стороной, но, обходя, искажает, заявляя, будто су ее — «дискриминирование Запада» [91]. Другой прием — признание с ог ворками. Здесь выработался своего рода трафарет. В свое время Г. Штёк

---

[86] O. Halecki. Borderlands of Western Civilization. A History of East Centr Europe. New York. 1952, p. 472—475.

[87] Там же, стр. VI.

[88] Там же, стр. 473.

[89] Там же, стр. VI.

[90] O. Halecki. Grenzraum des Abendlandes. Eine Geschichte Ostmitteleurop Salzburg. 1956. См. рецензию G. Schramm в Jbb. GO. Bd. 5. H. 4. 1957, S. 520 521. См. рецензию P. Scheibert в «Zeitschrift für Ostforschung». 1958. Mar burg/Lahn. H. I, S. 113—115.

[91] G. Stökl. Russisches Mittelalter und sowjetische Mediaevistik. Jbb. GO. Bd. H. 2, 1955, S. 109.

недооценивал уровень развития древней Руси, поэтому открытие берестяных грамот для него «сенсационно» [92], но... с оговоркой, что надежды на находку грамот XI—XII вв. не сбылись. Пока автор писал свой обзор, были найдены грамоты XI—XII веков. Как отнесся к этому Г. Штёкль? «Поразительно» [93], — пишет он и тут же добавляет, что надежды на находку грамот в Смоленске не оправдались, а Новгород, в сущности, не столько типично русский, сколько ганзейский город [94].

Утверждение, будто Новгород больше немецкий, чем русский, город, показывает, сколь далеко Г. Штёкль вышел за пределы науки в полемике с нашей историографией. Работы А. В. Арциховского, Л. В. Даниловой, А. П. Пронштейна, В. Н. Бернадского и др., содержащие характеристику общественного и политического строя Новгорода, давали автору полную возможность избежать столь грубых промахов. Русские летописи, немецкие хроники, русско-немецкие договоры и другие источники, тщательно анализируемые в работах советских ученых, в частности специалистов по истории новгородско-ганзейских отношений (Н. А. Казаковой, М. П. Лесникова, А. Л. Хорошкевич) [95], рисуют нам Новгородскую феодальную республику отстаивающей свою независимость от посягательств и Ордена Ганзы.

Еще пример. Г. Штёкль считал, что сила советской историографии — в «материальном секторе» [96] (под которым автор подразумевал изучение производительных сил), и писал: было бы «напрасным ожидать» от советских историков изучения церковной идеологии, собирания и издания житий и т. п. [97]; пока он готовил вторую часть обзора, появились многие труды по истории идеологии. Признав их появление, Г. Штёкль тут же оставляет оговорку: это дело конъюнктуры, «выступающей на передний план антирелигиозной пропаганды» [98].

Видимо, в полемическом задоре автор упустил из виду, что трудами Д. С. Лихачева, его коллег и учеников в Ленинграде, исследованиями А. А. Зимина, Я. С. Лурье, А. И. Клибанова, И. У. Будовница и многих других (чьи работы отражены и в «Сборниках по истории религии и атеизма», которых вышло шесть) в Советском Союзе создается история общественно-политической мысли, где найдут свое место и официальная церковь, и антифеодальные ереси, и эволюция реформационно-гуманистического движения [99].

Такая форма полемики — новое явление в науке. Эта своеобразная наступающая критика родилась в среде апологетов «холодной войны» и, конечно, не свидетельствует о богатстве их научной аргументации.

Впрочем, Г. Штёклю нельзя отказать в здравом смысле, когда он предостерегает своих коллег, что «было бы крайне ошибочно оптом неодооценить научное качество советской медиевистики. Без сомнения, советская сторона отдает себе отчет в том, что цель радикального пересмотра (переоценки) всех исторических ценностей не может быть достигнута,

---

92 Там же, тетр. 1, стр. 14.
93 Там же, тетр. 3, стр 267.
94 Там же, том 4, 1954, тетр. 2, стр. 205.
95 См. Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. «Исторические записки». Кн. 28. 1949, стр. 111—131; ее же. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. Там же. Кн. 47. 1954, стр. 259—...; М. П. Лесников. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. «Ученые записки» Московского городского педагогического института. 1948, т. 8, вып. 1; А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Ганзой в XV—XV вв. (Автореферат кандидатской диссертации). М. 1958; ее же. Торговля иноземными тканями в Великом Новгороде в XIV—XV вв. «Исторические записки». Кн. 63, 1958, стр. 206—243.
96 G. Stökl. Russisches Mittelalter... Jbb. GO. Bd. 3, H. I. S. 18.
97 Там же, стр. 14.
98 Там же, тетр. 3, стр. 272; ср. том. 4, тетр. 2, стр. 213
99 Ср. Jbb. GO, 1958, Bd. 6, H. 2. S. 242.

если не будут выполнены известные условия технически-научного п
рядка» [100].

К сожалению, Г. Штёкль не захотел задуматься над сущностью нов
«условий научно-технического порядка», выдвинутых советской медие
стикой, в частности, источниковедением. Он с иронией заметил, что сов
ские историки многое берут из наследства такого выдающегося буржуа
ного ученого, как А. А. Шахматов, хотя и отмежевываются от него. Меж
тем Г. Штёкль здесь недалек от истины. Мы наследуем технику, методи
старой текстологии и используем результаты проделанной ею сравнител
но-текстологической работы, но отвергаем ее формальную, внеисторич
скую методологию.

В принципе ведь и А. А. Шахматов не видел истинного пути от изуч
ния памятника к породившей его общественной среде, ибо придерживал
превратного представления о самом строе общества. Для нас каждый п
мятник, будь то житие или соборное уложение, летопись или послание и
даже сама статья Г. Штёкля, есть порождение определенной политическо
классовой среды, к которой принадлежит автор. Памятник помогает на
понять жизнь породившего его общества.

Простое сопоставление методологии и методики советского актово
и летописного источниковедения (как оно представлено в трудах А. Н. Н
сонова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и др.) с методологией и мет
дикой немецкого буржуазного источниковедения (с исследованиям
Г. Бауэра, В. Циземера и др.) навело бы Г. Штёкля на мысль, что наш
наукой не только выполняются «известные условия научно-техническо
порядка», но и разработана качественно новая методика анализа исто
ников и выдвинута проблематика источниковедения, пока что недоступн
его коллегам.

Что касается отношения Г. Штёкля к концепциям наших ученых, т
оно достаточно видно из оценки им первых двух томов «Очерков истор
СССР». Автор признает важность этого издания, но противопоставля
ему сводные труды на ту же тему Г. Вернадского и Г. Пашкевича, утверж
дая, что они носят более творческий характер поиска. Нам уже приход
лось отмечать, чего искали и что именно нашли Г. Вернадский и Г. Паш
кевич [101]; в общем же, Г. Штёкль считает, что все эти труды слишко
громоздки, и провозглашает: назад к Нестору! [102] Этот призыв, конечн
менее всего свидетельствует о силе мысли и о страсти к поиску.

При всем том в Федеративной Республике Германии ведется и извес
ная исследовательская работа по истории Восточной Европы, главным о
разом по истории немецкого Ордена. После войны архивы Ордена вмес
с гданьскими, торуньскими, эльблонгскими и таллинскими [103], всего свыш
200 тонн материалов (целый товарный состав), оказались в Западно
Германии. Архивы Гданьска, Торуни и Эльблонга были в 1947 г. возвр
щены Польше, а орденский, кёнигсбергский и таллинский британские вл
сти незаконно передали Западной Германии.

Последние изучаются «Гёттингенским исследовательским обществом
Кёнигсбергским университетом Альберта, а также Институтом Гердер
Наиболее плодовитыми археографами являются В. Губач, М. Гельман
К. Форштрейтер и др. Так, В. Губач издал опись (Regesta) орденско
архива, охватывающую в первой части 19 364 документа и во второй (од
том) — 4 140 пергаменных документов (до 1525 года) [104]. Пути разработ

---

[100] Там же, тетр. 2, стр. 121—122.
[101] См. «Вопросы истории». 1955, № 8, стр. 180—186; 1958, № 8, стр. 58—62.
[102] Jbb GO. Bd. 3, H. 1, S. 7.
[103] M. Biskup. Указ. соч., стр. 204 и сл; ср. W. Szeczinowski. Указ. со
стр. 308.
[104] «Regesta historica — diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum (1198
1525)». Ed. E. Joachim—W. Hubatsch. I. Th. Vol. 1—2 (3. Bde); II. Th. (1. Bd). G
tingen. 1948—1950.

этих богатых источников [105] освещены в серии статей названных историков. Бросается в глаза, что если прежде Орден рассматривался как продукт «истинно немецкого духа», то теперь выдвинута мысль о «европеизации немецкого Ордена». Он исследуется как продукт общеевропейской истории, как звено в цепи крестовых походов. Следовательно, его завоевания на Востоке — миссия всего «западного мира», интегральной частью которого он является и в лоно которого вовлекает соседние страны Восточной Европы. Орден — «бастион Европы» — так сформулировал эту идею В. Губач [106].

В. Губач считает, что историки должны сыграть свою роль в определении правильных путей «ревизии решений 1945 г.» [107]. Сам он обращается к историческому опыту Пруссии. Он воспевает деятельность Ордена как фактора общеевропейской «миссии» [108]; наступление Ордена есть следствие «увеличивавшейся плотности населения», которая «вела к поискам лучших условий жизни» [109]. «Натиск на Восток» автор называет «исторической легендой» [110] на том основании, что господство Ордена породило якобы плодотворный «симбиоз» из немецких и ненемецких элементов [111], что граница Пруссии была границей мира с 1422 до 1923 года [112]. Чем она была до 1422 г. и после 1923 г., автор предпочитает не говорить.

Все это не ново, но В. Губач старается подвести читателя к определенным выводам. Их несколько. Во-первых, судьбы «восточных областей» — первоочередная проблема Европы [113]. Во-вторых, ныне «восточные области» находятся будто бы в запустении, а несколько миллионов переселившихся в ФРГ немцев бедствуют [114]. Жонглируя цифрами о переселенных немцах, автор разжигает ненависть к странам социализма, умалчивая при этом о миллионах славян, истребленных гитлеровцами. В-третьих, он видит возможность новой немецкой колонизации на Востоке, «может быть, под защитой сильного государства» [115], по всей вероятности, того самого, которое из-за океана продиктовало немецкой историографии следовать идеям «европейской интеграции» в подготовке «третьего раунда» — новой мировой войны [116]. Мысль, в общем, тоже старая. Роль «восточного пространства» уже достаточно «исследована» фашистскими геополитиками [117].

В целом В. Губач, хотя и сопровождает книгу оговорками, что «надо вырвать почву из-под ног у безрассудных ревизионистов» (имеется в виду ревизия восточных границ) [118], твердо уверен, что «ни один немецкий государственный деятель не будет в состоянии взять на себя ответственность за отказ от семисотлетнего наследства» [119], ибо «немецкое требование на нашу землю между Одером и Мемелем непреложно» [120].

---

[105] См. K. Forstreuter. Das preussische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände. Göttingen. 1955; W. Hubatsch. Neue Wege des Deutschordens-Forschung. «Zeitschrift für Ostforschung», 5. Jahrgang. 1956, S. 562—569.

[106] W. Hubatsch. Eckpfeiler Europas. Heidelberg. 1953. Впрочем, подобные мысли см. уже у F. Gause. Указ. соч., стр. 53.

[107] W. Hubatsch. Указ. соч., стр. 5.

[108] Там же, стр. 14, 19.

[109] Там же, стр. 22.

[110] Там же, стр. 125.

[111] Там же, стр. 129.

[112] Там же, стр. 133.

[113] Там же, стр. 127.

[114] Там же, стр. 124, ср. другие цифры — стр. 127, 137.

[115] Там же, стр. 134.

[116] См. L. Stern. Указ. соч., стр. 13.

[117] См. Е. В. Тарле. «Восточное пространство» и фашистская геополитика. «Против фашистской фальсификации истории», стр. 259—279.

[118] W. Hubatsch. Указ. соч., стр. 134.

[119] Там же, стр. 137.

[120] Там же, стр. 138.

Помимо ФРГ, история Ордена в таком же плане исследуется в Австрии. Близ Вены находится главный центр по изучению Тевтонского ордена, который с 1929 г. превращен в церковно-просветительскую организацию. Здесь также разрабатывается орденский архив. Недавно издана книга М. Тумлера, нынешнего великого магистра Ордена, посвященная его истории [121].

Утверждают, что среди западногерманской молодежи можно услышать заявление: «Нас интересует не как это было, а что мы должны делать» [122]. Если это верно, то значит духовные руководители молодежи — историки — не сумели воспитать в ней интереса и уважения к прошлому. Это само по себе плохо, но еще хуже, когда на вопрос той же молодежи: «Что мы должны делать?» — западногерманская историография всем содержанием своих трудов вновь, как это было при Бисмарке, при Вильгельме и при Гитлере, отвечает: «Готовиться к возвращению утраченных земель, к развязыванию новой войны». Историки ФРГ, таким образом, берут на себя позорную миссию глашатаев войны, предают коренные интересы немецкого народа. Вероятно, взгляды поборников реванша не разделяют многие западногерманские историки, но, к сожалению, их голос пока не слышен.

Так обстоит дело с «изучением Востока» и его идеями, которых мы коснулись применительно к истории России до XVII века. Гораздо больше можно было бы сказать о более позднем и особенно о советском периоде, но это особая задача.

Примечательно, что сами вдохновители «изучения Востока» далеко не безразлично относятся к позиции советской науки в этом вопросе. Недавно в качестве представителя западногерманской исторической науки в Москве побывал Г. Нейбауэр. В журнале «Osteurora» он опубликовал статью «Изучение и преподавание истории в Москве». В ней автор между прочим пишет: «Учреждения немецкого изучения Востока оказались известны советским коллегам в общем только по названию. Они лишь поверхностно информированы об их размерах и творческих намерениях. Осведомленность советских историков о немецком изучении Востока опирается почти исключительно на выполненные отдельными исследователями работы, однако основательно читаются они только соответствующими специалистами. Невероятно, чтобы содержание этих публикаций в какой-либо мере повлияло на деятельность советских историков. Они воспринимаются максимум как полемические статьи» [123].

Думается, что прогнозы Г. Нейбауэра неосновательны.

«Изучение Востока» — это идеология реваншизма. Она охватывает все отрасли исторической науки. Разоблачение идеологов реваншизма есть одно из средств их обуздания. Советским историкам — специалистам по отечественной и всеобщей истории — надо должным образом оценить опасность, исходящую от этого влиятельного направления буржуазной историографии. Всесторонняя критика идеологов «изучения Востока» — важная задача советских историков в борьбе за мир.

[121] M. Tumler. Der deutsche Orden. Wien. 1954.

[122] R. Wittram. Das Interesse an der Geschichte. «Die Welt als Geschichte». Stuttgart. 1952, H. 1, S. 7.

[123] H. Neubauer. Historische Forschung und Lehre in Moskau. «Osteurora». Stuttgart. 1958, 8. Jahrgang, H. 6, SS. 374—375.

РОЛЬ АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ю. М. Мельников

Вторая мировая война возникла в результате действия закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма и дальнейшего углубления противоречий капиталистической системы. Она была подготовлена господствующими классами крупнейших капиталистических держав.

Одной из важнейших причин созревания и развязывания второй мировой войны явилось крайнее обострение в период 30-х годов американо-германских противоречий. Эти противоречия не только не ослабевали, а, наоборот, усиливались в результате того, что вся политика правящих кругов США по отношению к гитлеровской Германии, начавшей эту войну, способствовала упрочению фашизма, осуществлению его агрессивных планов.

В свое время, накануне и в годы войны, факты ожесточенной конкурентной, империалистической борьбы между США и Германией нашли отражение в многочисленных работах американских, немецких и других буржуазных историков, экономистов и публицистов, затрагивавших в той или иной мере проблему американо-германских отношений.

Защищая интересы «своего» монополистического капитала, американские буржуазные экономисты Д. Гантенбейн, Ф. Сейр, Г. Бекет, П. Бидуэл, В. Дибольд и др. резко обрушивались на торговую и финансовую политику основных соперников США в борьбе за мировое господство и прежде всего на действия наиболее агрессивного из них — гитлеровской Германии. «...Новая германская торговая политика являлась нечестной,— писал, например, П. Бидуэл.— Требование о том, чтобы германские закупки уравновешивались поставками товаров из Германии, отвлекало потребителей от американских источников снабжения. Кроме того, германской торговле в очень большой степени помогало государство. Гарантируя по официальных торговых соглашениях крупные годичные закупки хлопка, кофе, какао, нитратов и другого сырья, фашистские власти оказывались в состоянии содействовать значительному экспорту германских промышленных изделий. Манипулируя с обменным курсом валюты, они могли предлагать любой из своих товаров по заманчивой цене. В конкуренции этими приемами торговли экспортеры и импортеры США были поставлены в весьма невыгодное положение» [1]. Принадлежавшие к этой группе

---

[1] P. W. Bidwell. Economic Defense of Latin America. Boston. 1941, p. 49; см. также: J. M. Gantenbein. Financial Questions in United States Foreign Policy. New York. 1939; F. B. Sayre. The Way Forward. The American Trade Agreements Program. New York. 1939; G. Beckett. The Reciprocal Trade Agreements Program. New York. 1941.

Стараясь представить в наиболее выгодном свете торговую политику США, якобы направленную на создание «равных возможностей» и обеспечение «взаимной выгоды» для всех, американские буржуазные исследователи не скупились на разоблачение захватнических методов, применявшихся гитлеровской Германией для расширения сферы своего господства. «Широко распространенное использование торговой

авторы приводили нередко интересные данные об американо-германско конкуренции. Однако они совершенно не раскрывали движущих мотиво экспансии американских монополий и отрывали экономические вопрос от общей внешнеполитической линии американского империализма н кануне второй мировой войны.

Так же, как американские исследователи, поступали и немецкие бу жуазные историки и экономисты Р. Эйке, К. Ланк, А. Халфельд [2]. Он в свою очередь, обвиняли США в противодействии «обновлению» мир которое якобы осуществляли фашистские государства, в использовани своих сил и ресурсов для подрыва двусторонних экономических связе между Германией и другими странами. Они не жалели красок для напа док на «американского Молоха», «золотого тельца» и т. п. Их атаки н США усиливались по мере того, как американские империалист все энергичнее противодействовали экспансии гитлеровской Герма нии на Запад [3].

Ожесточенная полемика, развернувшаяся в американской и герма ской прессе и литературе, являлась отражением борьбы капиталистов з рынки сбыта, источники сырья и сферы влияния, свидетельствовала о ре ком обострении империалистических противоречий накануне второй м ровой войны.

Опасаясь за судьбу американских капиталовложений, займов, им порта и экспорта, сторонники самого активного вмешательства США европейские и азиатские дела требовали, чтобы Соединенные Штат предприняли решительные меры против посягательств гитлеровской Ге мании на мировое господство. Об этом свидетельствовали даже назван выходивших в США книг: «Грядущая борьба за Латинскую Америку» «Тотальная защита», «Вы не можете иметь дело с Гитлером», «Герма ния — наша проблема» [4].

В то время как одни американские авторы, преимущественно эконо мисты и бизнесмены, нападали на методы, с помощью которых герма ские империалисты теснили своих конкурентов и прокладывали себе до рогу к мировому господству, другие, главным образом публицисты и го сударственные деятели (Д. Олсоп и Р. Кинтнер, Р. Страуц-Хюп

политики для достижения неэкономических целей характеризовало международны отношения в период десятилетия 1930—1940 гг.,— писал В. Дибольд.— Главным прав нарушителем в этой области была Германия. Оправдывая свою автаркическую пол тику экономической и военной необходимостью, эта страна использовала оружи торговли также и для того, чтобы распространять свое политическое влияние.. (W. Diebold. New Directions in Our Trade Program. New York. 1941, p. 91 Однако тот же Дибольд вынужден был признать, что «устранение германской конк ренции имело для наших (американских.—*Ю. М.*) экспортеров большее значение, че гарантия равного обращения» (там же, стр. 46). Таким образом, по мнению амер канского буржуазного экономиста, в конечном счете прямая ликвидация германско соперника гораздо больше устраивала монополии США, чем создание «равных возмож ностей» для торговли на мировых рынках.

[2] R. Eicke. Warum Aussenhandel? Berlin. 1939; R. Lank. USA in Not un Überfluß. Berlin. 1939; A. Halfelt. USA greift in die Welt. Hamburg. 1941.

[3] См., например, H. H. Dieckhoff. Zur Vorgeschichte des Roosevelt-Krieges. Berlin. 1943.

[4] См. C. Beals. The Coming Struggle for Latin America. New York. 1940; C. F reman and J. Raushenbush. Total Defense. New York. 1940; H. Morgentha Germany is Our Problem. New York. 1945.

«Большим затруднением в сношениях с нацистами,— жаловался торговый атта США в Германии Д. Миллер,— является то, что мы никогда не знаем, каково буде их последнее слово. Неважно, на какие уступки вы согласились сегодня, завтра он потребуют новых» (D. Miller. You Can't Do Business with Hitler. New York. 194 p. 144). В таких довольно-таки выразительных словах признавал представитель СШ тот факт, что непреодолимым препятствием к сговору и разрешению противореч между американским и германским империализмом накануне второй мировой войн являлось неограниченное стремление гитлеровской Германии ко все новым захвата в прямой ущерб прибылям монополий США.

Ф. Д. Рузвельт, С. Уэллес, К. Хэлл и др.) [5], идеологически обосновывали неизбежность и необходимость столкновения между США и Германией. Маскируя свои подлинные империалистические цели, они пытались изображать США в качестве главного и чуть ли не единственного борца за соблюдение «святости международных соглашений», за «демократию», против «тоталитарных государств».

Разумеется, защитники «американской демократии» умалчивали при этом, что именно американский империализм помог гитлеровской Германии, фашистской Италии и империалистической Японии в подготовке и развязывании войны, в уничтожении и закабалении миллионов мирных граждан Абиссинии, Испании, Китая и других стран. Они тщательно скрывали тот факт, что правящие круги США делали все для того, чтобы попытаться разрешить империалистические противоречия накануне второй мировой войны путем сговора с фашистскими агрессорами, прежде всего за счет Советского Союза.

Беззастенчиво фальсифицируя и оправдывая политику американского империализма, буржуазные историки конца 30-х — начала 40-х годов все же признавали в той или иной форме наличие острого конфликта между США и Германией. Подавляющее же большинство нынешних буржуазных историков (Ф. Дин, Т. Бейли, В. Чемберлен, Л. Болдуин, С. Бемис и др.), подчиняющих свои исследования интересам «холодной войны», заимствует у предшественников лишь лживую версию о США как «борце за демократию, против тоталитаризма» и открыто использует ее для клеветы на миролюбивую внешнюю политику Советского Союза, для разжигания ненависти к социалистическим государствам, действительным борцам за мир, свободу и счастье народов [6].

Злостная фальсификация современной американской и западногерманской буржуазной историографией истории взаимоотношений между США и гитлеровской Германией легко объясняется, если учесть, что вопрос об американо-германских противоречиях и об американской политике помощи агрессорам и сговора с ними — это неотъемлемая часть кардинальной проблемы нашего времени, проблемы возникновения второй мировой войны и ответственности за ее подготовку монополий и правящих кругов ведущих империалистических держав, в том числе США. Здесь нельзя ждать какой-либо объективности от буржуазных историков, призванных защищать нынешний, крайне опасный для дела мира курс американского империализма на союз с тем самым агрессивным германским милитаризмом, который развязал в 1939 г. вторую мировую войну.

Не случайно реакционные американские историки, критикующие нынешнюю политику США «справа» (Ч. Бирд, Ч. Тэнзил, Ф. Сэнборн, Г. Бэрнес и др.) [7], стараются представить дело так, будто бы накануне второй мировой войны вообще не существовало никакой объективной почвы для конфликта между Германией и США [8].

---

[5] J. W. Alsop and R. Kintner. American White Paper: The Story of American diplomacy and the Second World War. New York. 1940; R. Strausz-Hupé. Axis America. Hitler Plans Our Future. New York. 1941; «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt 1937—1940». In 4 Vols. New York. 1941; S. Welles. The Time for Decision. Cleveland — New York. 1945; C. Hull. The Memoirs. Vols. I—II. New York. 1948 и др.

[6] См. V. M. Dean. The United States and Russia. Cambridge. 1948; T. Bailey. America Faces Russia. New York. 1950; W. Chamberlain. American Second Crusade. New York. 1950; L. D. Baldwin. Survey of American History. New York. 1955; S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States. New York. 1955 и многие другие работы.

[7] C. A. Beard. American Foreign Policy in Making 1932—1940. New Haven. 1946; его же. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. New Haven. 1948; C. Tansill. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933—1941. Chicago. 1952; «Perpetual War for Perpetual Peace». Ed. by H. E. Barnes. Caldwell. 1953 и др.

[8] Так, нападая на известную «карантинную» речь Рузвельта в Чикаго 5 октября 1937 г., вызванную тревогой правящих кругов США перед быстрым ростом силы и агрессивности фашистских держав, Ф. Сэнборн утверждает, что ...для этого выступ-

Другая группа современных американских буржуазных историков утверждает, что вследствие преобладания изоляционистских настроений в стране США якобы ни экономически, ни политически не были вовлечены в европейские дела и война в 1939 г. началась будто бы без их активного участия (Г. Моргентау, Д. Друммонд, Ф. Р. Даллес)[9].

Некоторые американские буржуазные историки и журналисты, в том числе наиболее откровенные и последовательные апологеты внешнеполитического курса американского империализма (Р. Шервуд, Б. Раух, В. Лэнжер и С. Глизон, Э. Фэрнис и Р. Снайдер, Д. Рей, Т. Мэхани и др.) [10], вынуждены в той или иной форме признать, что политика «нейтралитета» помогала фашистским державам совершать их агрессивные акты и способствовала развязыванию второй мировой войны. Однако вину за эту политику они всячески стремятся переложить с монополий и правящих кругов США на... американский народ, который якобы в силу своих изоляционистских настроений препятствовал администрации Рузвельта предпринимать какие-либо эффективные действия в защиту мира. При этом, конечно, замалчивается широкое движение американских трудящихся в 30-е годы за оказание помощи жертвам агрессии, против фашизма и войны, а запоздалая тревога монополистических кругов США по поводу успехов их германских конкурентов в борьбе за мировое господство выдается за добродетельную заботу о спасении «свободного образа жизни».

Современная западногерманская буржуазная историография так же беззастенчиво фальсифицирует подлинные причины возникновения конфликта между США и Германией. Так, бывшие гитлеровские дипломаты и чиновники — авторы бесчисленных мемуаров, издающихся ныне в ФРГ,— в угоду своим американским покровителям вообще стараются не вспоминать о столкновениях интересов американского и германского империализма [11]. Стремясь использовать «атлантическое сообщество» для осуществления своих реваншистских замыслов, они изображают дело таким образом, будто США хотели помочь Германии вернуть все потерянные ею по Версальскому миру позиции, однако этому помешали... авантюристические действия Гитлера [12]. Сваливая вину за возникновение войны с западными державами только на Гитлера, буржуазные историки ФРГ хотят убедить мир в том, что «единство» участников пакта НАТО

ления президента не было никаких серьезных причин. Игнорируя общеизвестные факты, Ф. Сэнборн пишет: «Положение на международной арене в период первых трех кварталов 1937 г. показывает, каким искусственным был этот выбор (момента для выступления Рузвельта —*Ю. М.*). Это было время относительного спокойствия в Европе (!). Никакие новые территории не были ни захвачены, ни поставлены под угрозу оккупации иностранными тиранами; ни один договор не был денонсирован или нарушен» (F. R. Sanborn. Design for War. A Study of Secret Power Politics 1937—1941. New York. 1951, p. 22).

[9] H. J. Morgenthau. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York. 1949; F. R. Dulles. America's Rise to World Power 1898—1954. New York. 1955.

«Роль Соединенных Штатов в европейских делах» накануне войны, пишет Д. Друммонд, «сводилась в основном к изучению и комментированию» (D. F. Drummond. The Passing of American Neutrality 1937—1941. Ann Arbor—London. 1955, p. 72).

[10] R. E. Sherwood. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. New York. 1948; B. Rauch. Roosevelt from Munich to Pearl-Harbor. New York. 1950; W. L. Langer and S. E. Gleason. The Challenge to Isolation 1937—1940. New York. 1953; E. S. Furniss and R. C. Snyder. An Introduction to American Foreign Policy. New York. 1955; J. B. Rae, T. H. D. Mahoney. The United States in World History (From Beginnings to World Leadership). New York. 1955.

[11] E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit. Stuttgart. 1947; P. Schmidt. Statist auf diplomatischer Bühne (1923—1945). Bonn. 1949; H. von Dirksen. Moskau, Tokio, London. 20 Jahre deutscher Außenpolitik. Stuttgart. 1950; O. Dietrich. Zwölf Jahre mit Hitler. München. 1955.

[12] См. F. von Prittwitz und Gaffron. Zwischen Petersburg und Washington. Ein Diplomatleben. München. 1952; M. Gärtner. Botschafterin des Guten Willens. Aussenpolitische Arbeit 1914—1950. Bonn. 1955.

и его основы — оси Вашингтон — Бонн — вечно и нерушимо. Однако игнорирование законов общественного развития, исторического опыта и действительности никому еще не приносило успеха.

Конструируя свою искусственную схему истории возникновения второй мировой войны, реакционная буржуазная историография целиком отказалась от научного подхода к изучению прошлого, от использования литературы и богатейших фактических материалов 30-х годов (статистических изданий, прессы, отчетов конгресса и т. д.), а также современных документальных публикаций. Между тем при всей своей неполноте, а нередко и прямых фальсификациях издаваемые в настоящее время документы по внешней политике США, Германии и Англии помимо воли их составителей объективно свидетельствуют о резком обострении противоречий в империалистическом мире накануне войны [13].

Советская историография уделяет пока еще недостаточно внимания исследованию американо-германских отношений накануне второй мировой войны. В диссертациях, в опубликованных до сих пор у нас работах [14] основное внимание было сосредоточено на разоблачении роли американской дипломатии в проведении так называемой политики «невмешательства», то есть мюнхенской политики попустительства и поощрения фашистских агрессоров к нападению на СССР. Между тем при всей важности этого вопроса и другие проблемы из истории американо-германских отношений заслуживают, без сомнения, самого тщательного исследования. Так, например, не изучив империалистические противоречия между США и Германией, истории борьбы этих двух держав за влияние на политику других капиталистических стран и т. д., нельзя создать сколько-нибудь полную картину раскола капиталистического мира в 30-х годах на две враждебные империалистические группировки и возникновения между ними в 1939 г. новой мировой войны, выявить глубинные причины краха попыток империалистических держав сговориться между собой прежде всего за счет СССР.

В рамках одной статьи, естественно, невозможно рассмотреть весь комплекс американо-германских отношений в 30-е годы, включая уже в значительной мере разработанный в советской литературе вопрос об американской политике сговора с гитлеровцами, а также вопросы о внутреннем положении США и Германии в этот период, об их взаимоотношениях с другими странами и т. д. Настоящая статья представляет собой попытку показать обострение американо-германских противоречий в 30-е годы и их значение в развязывании второй мировой войны.

★

Разразившийся в 1941 г. военный конфликт между США и гитлеровской Германией не был случайным. Он явился закономерным и неизбежным результатом обострения американо-германских противоречий, последовавшего в ходе и после мирового экономического кризиса 1929—1933

[13] Например, в дипломатической переписке США за 1934—1938 гг. целые разделы занимают заявления и протесты, сделанные госдепартаментом германским властям по поводу отказа гитлеровцев от уплаты внешних долгов Германии, дискриминации ими американских экспортеров, нарушения американо-германского торгового договора, «нечестной» конкуренции Германии на рынках Латинской Америки и т. п. (см. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1934» and ff. Washington. 1951—1955).

[14] А. Я. Попов. Роль США в подготовке мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами. М. 1951 (кандидатская диссертация); М. Гус. Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики. М. 1951; Н. И. Толпыгин. Американский империализм — организатор и активный участник мюнхенского антисоветского сговора и борьба прогрессивных сил США против фашизма и войны. Л. 1953 (кандидатская диссертация); В. А. Матвеев. Провал мюнхенской политики (1938—1939). М. 1955; Ю. В. Арутюнян. Правящие круги США и захват Австрии фашистской Германией. «Вопросы истории», 1954, № 6; его же. Роль американской дипломатии в организации Мюнхенской конференции 1938 г. «Вопросы истории», 1958. № 2.

годов. Возникновению этого конфликта в огромной мере способствовала политика помощи германскому империализму и сговора с ним, которую проводили правящие круги США в период между двумя мировыми войнами в надежде, что им удастся спровоцировать нападение гитлеровской Германии на СССР.

Установление фашистской диктатуры в Германии в 1933 г. свидетельствовало не только о намерении германских монополий вести кровавую, террористическую борьбу против революционного движения в стране, но и о решимости германского империализма вновь стать на путь агрессии против других стран, подготовить и развязать «тотальную» войну за насильственный передел мира в свою пользу, за установление своего мирового господства.

Вступив на путь подготовки новой, реваншистской войны, гитлеровское правительство стало проводить во всех сферах хозяйственной деятельности страны политику «автаркии», означавшую стремление к полной экономической самостоятельности и самообеспечению. Эта политика была направлена на максимальное использование внешних и внутренних экономических возможностей и ресурсов Германии для усиления ее вооружения. Она вела к установлению на находящихся под властью фашистов территориях неограниченного, монопольного господства германского капитала.

Составной частью политики «автаркии» явились отказ гитлеровцев от уплаты внешних долгов Германии, запрет на вывоз прибылей и ликвидация части иностранных капиталовложений в германском народном хозяйстве, введение строгого контроля над обменом валюты, ограничение импорта и т. д. Ясно, что прежде всего и больше всего эти мероприятия ударили по финансовому капиталу США, который в 20-х — начале 30-х годов был крупнейшим кредитором, инвеститором и поставщиком Германии.

К моменту прихода гитлеровцев к власти общая задолженность страны американским кредиторам составляла 1 999 млн. долл., в том числе свыше 1 млрд. долл. (прежде всего по краткосрочным займам) — непосредственно крупнейшим американским банкам [15].

Между тем уже в мае 1933 г. «экономический диктатор» «Третьего рейха» Шахт, ссылаясь на истощение запасов золота и иностранной валюты в Рейхсбанке, объявил о «невозможности» для Германии продолжать трансфер валюты за границу в счет уплаты ее внешнего долга. В последующие месяцы гитлеровцы сперва прекратили перевод валюты в США в счет погашения основных сумм долгосрочных займов, затем сократили наполовину выплату процентов по ним и, наконец, вообще отложили выплату долгов Германии по долго- и среднесрочным займам (включая гарантированные государством займы Дауэса и Юнга) на... 10 лет. Вплоть до начала войны Германия оттягивала также из года в год окончательное погашение краткосрочной задолженности американским банкирам.

Не менее серьезные потери понесли в Германии в результате принятия «автаркических» законов и американские инвеститоры. Гитлеровцы «заморозили» все иностранные капиталовложения в германскую экономику. Они применяли по отношению к принадлежавшим иностранцам предприятиям, особенно не имевшим военного значения или конкурировавшим с «арийскими» фирмами, политику прямого административного давления и насильственного вытеснения их из страны. Целому ряду филиалов американских трестов было предложено закрыть свои заводы в Германии под предлогом недостатка сырья, квалифицированной рабочей силы, нарушения правил уплаты налогов и т. п.

---

[15] «The Situation in Germany at the Beginning of 1933». New York. 1933, pp. 41—42.

Определенные монополистические круги США с готовностью шли на сотрудничество с германским капиталом на условиях, поставленных фашистами. Промышленно-финансовые группы Моргана, Рокфеллера, Дюпона, Форда и др., рассчитывая сговориться с гитлеровцами и принять участие в ограблении захваченных ими стран, не ликвидировали до конца своих дел в Германии. Совместно с германскими промышленниками они занимались производством вооружений, используя полученные прибыли для расширения и реконструкции предприятий, снабжавших гитлеровскую армию самолетами, бронетранспортерами, радиоаппаратурой и т. д.

Американский трест «Дженерал Моторс» в период фашистского господства «заработал» в Германии 36 млн. долл., из которых, как отмечалось в конгрессе США, минимум 20 млн. было вновь вложено в предприятия, «полностью принадлежавшие или находившиеся под контролем Геринга и других нацистских главарей» [16].

Вытеснению американских товаров и капиталов с германского внутреннего рынка в значительной мере способствовало и проводившееся гитлеровцами «регулирование» внешней торговли. Основная цель этого «регулирования» состояла в том, чтобы ввозить в Германию лишь те материалы, которые были необходимы для работы военной промышленности, создания запасов стратегического сырья и т. п.

Ограничения импорта в первую очередь ударили по американским экспортерам тех товаров, которые или предназначались для мирного потребления или могли конкурировать с продукцией германских предпринимателей, помещиков и кулаков. Гитлеровцы отказывались оплачивать наличными большую часть американских товаров, поставляемых в Германию. Они требовали, чтобы вся торговля велась на основе безналичных, компенсационных соглашений или бартерных сделок (то есть контрактов о прямом товарообмене). Таким образом, американские монополии, для того чтобы продать свои товары в Германии, должны были теперь или поставлять их в долгосрочный кредит или брать в «уплату» за них какие-либо товары немецкого производства. В результате экспорт США в Германию упал с 402 млн. долл. в 1929 г. до 104 млн. в 1938 году [17].

Американское правительство и деловые круги США неоднократно заявляли протесты гитлеровцам по поводу ущерба, наносимого им «новой» финансовой и торговой политикой Германии. Однако все эти шаги не давали никаких результатов. Играя на антисоветских настроениях реакционных монополистических кругов США и используя их заинтересованность в сотрудничестве с германскими концернами, гитлеровцы смогли мобилизовать и использовать в целях укрепления и развития военно-промышленной мощи Германии сотни миллионов американских долларов, а также стратегическое сырье и вооружение из США. Как признавал Д. Миллер, накануне второй мировой войны американский экспорт в Германию состоял, «во-первых, из спешных поставок необходимого военного сырья и снаряжения, такого, как самолеты и части к ним, медь, фосфаты; во-вторых, из товаров, транспортированных американскими компаниями для их филиалов в Германии в надежде на то, что когда-нибудь можно будет достигнуть соглашения о получении платежей. Фактически эти последние товары не были проданы Германии — они были подарены» [18].

В отношениях с европейскими державами и США гитлеровская Германия начала все больше опираться на свою возраставшую военную мощь, которую она воссоздала с их же помощью. «Главное достижение «Третьего рейха» — массовое и быстрое перевооружение — само зависело в первую

---

[16] «Congressional Record». Vol. 88, pt. 10, p. A3135.

[17] O. Long. Les Etats-Unis et la Grande Bretagne devant le III-e Reich (1934—1939). Geneva. 1943, pp. 122—123.

[18] D. Miller. Указ. соч., стр. 138.

очередь от кредитов, предоставленных республике (Веймарской.— *Ю. М.*) из-за границы,— писал английский буржуазный экономист Мюллен.— Шахт нападает теперь на иностранный капитал, предоставленный республике в виде займов... Однако без результатов помощи этого иностранного капитала, без пушек Круппа, построенных на доллары, и без бомбардировщиков, построенных на фунты стерлингов, он был бы сейчас совершенно неспособен оказать действенное сопротивление выполнению своих долговых обязательств» [19].

К середине 30-х годов проблема американо-германской экономической борьбы стала в центре внимания правящих кругов США. В ответ на официальное прекращение гитлеровским правительством с октября 1935 г. действия принципа «наиболее благоприятствуемой нации» в отношении США американское правительство, со своей стороны, включило Германию в «черный список» стран, на которые не должны были распространяться производимые американскими властями снижения таможенных пошлин. Оно отказалось также вступать в какие-либо переговоры с правительством Германии о заключении нового торгового соглашения до тех пор, пока последнее не прекратит дискриминации американских кредиторов, инвеститоров и экспортеров [20].

Не желая лишаться возможности и впредь пользоваться экономическими ресурсами и крайне благоприятной для них политикой «нейтралитета» США, провозглашенной в августе 1935 г., гитлеровцы предприняли ряд попыток улучшить американо-германские отношения, не желая, однако, в то же время отказываться от основных положений и мероприятий своей политики «автаркии».

В начале мая 1936 г. вопросом о состоянии американо-германских отношений занимался Геринг, только что назначенный «чрезвычайным уполномоченным» по новому четырехлетнему плану, основная цель которого состояла в скорейшем завершении подготовки Германии к «тотальной» войне. Геринг прямо спросил американского поверенного в делах Майера: желают или нет Соединенные Штаты «улучшить свои отношения с Германией и попытаться выяснить, не имеется ли каких-либо путей и способов для увеличения торговли между двумя странами и придания более удовлетворительного характера их взаимоотношениям?» [21].

Геринг и Майер согласились, что разрешение «практических» трудностей, связанных с отказом Германии от уплаты долгов и дискриминацией ею американской торговли, является главной задачей на пути достижения американо-германского «взаимопонимания». В конце разговора Геринг высказал пожелание о назначении с обеих сторон специальных уполномоченных для изучения и разрешения всего комплекса проблем между США и Германией, а также выразил готовность в любой момент оказать содействие улаживанию американо-германских разногласий [22].

Однако правительство США не стало торопиться с положительным ответом на германские предложения. Причины этого вскоре были отчасти объяснены Хэллом советнику германского посольства Лейтнеру во время его визита в госдепартамент 4 мая 1936 года. Хэлл напомнил Лейтнеру, что он, Хэлл, «все время понимал точку зрения его (германского.— *Ю. М.*) правительства... касательно некоторых политических вопросов, особенно относящихся к Версальскому договору». Государственный секретарь имел здесь в виду поощрение правящими кругами США перевооружения гитлеровской Германии и ее агрессивных устремлений на Восток. Теперь, продолжал Хэлл, по мере того, как гитлеровское правительство успешно разрешает эти вопросы, проблема «постоянной эко-

---

[19] N. Mühlen. Hitler's Magician: Schacht. London. 1939, p. 90.

[20] См. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1935». Vol. II. Washington. 1952, pp. 434—436, 452—455, 460.

[21] «Foreign Relations... 1936». Vol. II. Washington. 1954, pp. 260—261.

[22] Там же, стр. 261.

номической политики... становится наиважнейшей» как для США и Германии, так и для других крупнейших государств. «Наши страны,— заявил Хэлл,— могли бы действовать и дальше в поддержку узких, двусторонних методов торговли, сопровождая их всякого рода клиринговыми соглашениями и все возрастающим количеством других произвольных, искусственных и недальновидных махинаций, но при этом было бы определенно известно, что в основном такой ограниченный курс постепенно только ухудшал бы еще более положение дел»[23]. Трудно было откровеннее дать понять, что правящие круги США оказывали поддержку гитлеровцам, надеясь на сделку с ними путем предоставления Германии «свободы рук» на Востоке в обмен на признание и удовлетворение ею экономических интересов и притязаний американского капитала.

Но в отличие от прошлых своих бесед Хэлл 4 мая 1936 г. не стал повторять старые жалобы на положение американских банкиров, промышленников и торговцев на внутреннем рынке Германии. На этот раз он выразил недовольство правящих кругов США тем, что с помощью узкой, произвольной и искусственной торговой и финансовой политики» Германия вытеснила значительную часть товаров с маркой «Made in USA» с рынков Латинской Америки[24]. В этом заключалась еще одна глубокая причина усиления американо-германских разногласий. Если раньше, до 1935—1936 гг., речь шла в основном об экономических взаимоотношениях только США и Германии, то теперь американские правящие круги оказались вынужденными поставить вопрос о столкновении торговой политики Соединенных Штатов и Германии в более широком плане, в других странах и районах земного шара.

Таким образом, во второй половине 30-х годов для американского империализма возникла необходимость не только возместить ущерб, нанесенный ему в Германии в результате проведения фашистами политики «автаркии», но и бороться с быстрым и опасным ростом германской конкуренции на мировых рынках, прежде всего на рынках Латинской Америки, которую монополии США рассматривали как исконное поле для своей деятельности.

Это обстоятельство явилось одним из важнейших результатов неравномерности экономического, политического и военного развития капиталистических стран накануне второй мировой войны. В 30-е годы гитлеровская Германия обогнала по темпам роста своего военно-промышленного потенциала США, Англию и Францию, а по достигнутому уровню производства — две последние державы. Промышленный подъем в Германии носил временный характер. Милитаризация экономики сужала производство, не связанное с войной, порождала диспропорции в хозяйстве страны.

Переведя значительную часть своих предприятий на производство вооружений, гитлеровская Германия значительно опередила остальные капиталистические державы и в военном отношении. За период с 1 апреля 1933 г. по 1 сентября 1939 г. она израсходовала на подготовку к войне 90 млрд. марок[25]. Ее ежегодные военные ассигнования в 4—5 раз превышали военные расходы США. Накануне второй мировой войны Германия сконцентрировала все свои усилия на создании и развитии новейших родов войск: авиации, подводных лодок, мотомеханизированных частей, минометов. Она быстро превращалась в сильнейшую военную державу капиталистического мира, оставив далеко позади себя США и Англию в области военно-воздушных и сухопутных сил и уступая им лишь по размерам надводного военно-морского флота.

О неравномерности развития гитлеровской Германии и других капи-

---

[23] Там же, стр. 226.
[24] Там же, стр. 227.
[25] А. М. Алексеев. Военные финансы капиталистических государств. М. 1952, стр. 66.

талистических стран говорили не только данные о преимущественном росте ее производства и вооружений, но и уже достигнутые ею к середине 30-х годов успехи на мировых рынках. С 1934 по 1938 г. доля Германии в экспорте стран Латинской Америки возросла с 7,9% до 10,5%, в импорте — с 9,9% до 16,2%. В то же время доля США соответственно увеличилась всего лишь с 29,4% до 30,2% и с 30,1% до 33,9%, а Англии — упала с 20,2% до 16,8% и с 17,3% до 11,7% [26].

Внешнеэкономическая германская экспансия не ограничивалась районом Латинской Америки. Из трех основных империалистических соперников в мировой торговле — США, Англии и Германии — только последняя резко увеличила в течение 1934—1938 гг. свою долю в экспорте и импорте всех без исключения стран Юго-Восточной Европы. В то же время экономические позиции США и Англии в этом районе или претерпели незначительное улучшение или даже ухудшились. Германия серьезно потеснила США и Англию и на рынках стран Западной Европы, Азии и Африки. С 1934 по 1938 г. экспорт Германии в Финляндию увеличился с 17 млн. марок до 34 млн., в Австралию — с 8 млн. до 17 млн., в Португалию — с 29 млн. до 40 млн., в Египет — с 27 млн. до 88 млн., в Иран — с 7 млн. до 46 млн., в Голландскую Индию — с 35 млн. до 57 млн. марок и т. д. [27].

Накануне второй мировой войны конкурентная борьба между США и Германией шла, однако, не только за количественное увеличение их доли в торговле других государств, но и за вовлечение этих стран в сферу своей внешнеэкономической политики. Гитлеровская Германия проводила внешнюю торговлю и осуществляла другие экономические сделки (займы, прямые капиталовложения, поставки оружия и т. д.) в рамках политики «автаркии», на основе и с помощью прямых двусторонних соглашений, осуществлявшихся при наличии строго централизованного контроля над переводом валюты, экспортом и импортом. Подобная политика способствовала развитию двустороннего прямого товарообмена, причем часто на условиях взаимного предпочтения, то есть дискриминации третьих стран. Она сокращала возможности для проведения торговых и валютных операций на «свободном» рынке государств, имевших экономические связи с Германией, препятствовала их вовлечению в русло движения за «либерализацию» мировой торговли (снижение таможенных тарифов, отмену импортных квот, свободную обратимость и перевод за границу валюты и т. п.). Между тем именно этой «либерализации» активно добивались в интересах американских монополий правящие круги США.

Поставив своей главной целью завоевание мирового господства, германский империализм стремился к обеспечению всем необходимым своей военной машины, к подрыву военно-экономического потенциала будущих противников. Для достижения этого гитлеровская Германия широко применяла субсидирование экспорта и кредитование импорта, демпинг, картельные соглашения, поставки оружия, дипломатическое давление, пропаганду, подрывную деятельность и т. п. Экономическая экспансия и политическое проникновение гитлеровской Германии на мировой арене шли, таким образом, рука об руку, совместно подготавливая почву для последующих агрессивных актов и захватов, для «тотальной» войны.

Авантюристические действия фашистов, осуществлявших политику финансово-промышленных магнатов, на первых порах не вызывали особого беспокойства реакционных кругов США, многие из которых были так или иначе связаны с германскими монополиями. Эти круги верили

---

[26] O. Long. Указ. соч., стр. 143.

[27] «Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944». Teil IV. Fürstenhagen, 1946, SS. AH8a—AH8f.

в то, что гитлеровцы вооружаются для «борьбы с большевизмом», для возобновления «Drang nach Osten». Они видели в германском фашизме своего классового союзника, в частности в борьбе против СССР. Крупнейшие американские банковские и промышленные группы, как, например, банки и тресты Моргана, «Дженерал Моторс» Дюпона, «Стандард ойл» Рокфеллера и др., оставались тесно связанными с германскими монополиями через картельные и торговые соглашения, займы, «замороженные» в Германии капиталовложения и т. д. Только германский химический концерн «ИГ Фарбениндустри» имел свыше 160 картельных соглашений с американскими трестами, в том числе со «Стандард ойл», с меллоновской алюминиевой монополией «Алкоа», с американо-канадским трестом «Интернейшнл никел», юрисконсультом, главным советником и одним из директоров которого был Джон Фостер Даллес, и т. д. С их помощью «ИГ» обеспечивал германскую военную машину необходимыми ей видами сырья (нефтью, каучуком, алюминием, магнием, никелем, высокооктановым бензином) и важной технической и военной информацией, а также подрывал экономику ряда стран, которые являлись конкурентами или должны были стать жертвами гитлеровской Германии.

Профашистски настроенные и связанные с германским капиталом монополистические круги США упорно стремились накануне второй мировой войны к урегулированию разногласий и достижению всестороннего сговора с гитлеровской Германией. Они непрерывно воздействовали на американскую внешнюю политику в нужном для них направлении, добиваясь проведения правительством США политики «невмешательства», уступок агрессорам и поощрения их к нападению на Советский Союз, Китай и другие страны. Американские монополисты неоднократно сами вступали в переговоры с представителями германского империализма, стремясь достигнуть с ними приемлемого для обеих сторон соглашения о разделе мира. Так, в ноябре 1937 г. в Сан-Франциско состоялась тайная конференция между гитлеровскими эмиссарами фон Типпельскирхом и фон Киллингером, с одной стороны, и сенатором Ванденбергом, Ламмот Дюпоном, Альфредом Слоуном (председателем «Дженерал Моторс») и еще четырьмя американцами — с другой. В ходе этой конференции американские и германские империалисты договаривались о разделе между США и Германией рынков СССР и Китая, об оказании США дальнейшей помощи гитлеровцам, об установлении во всем мире, в том числе и в Америке, режима фашистской диктатуры [28].

Политика помощи вооружению Германии и поощрения агрессоров, проводившаяся правящими кругами США, Англии и Франции, вела, однако, лишь к дальнейшему усилению экономической и военной мощи Германии и утверждению ее как одного из опаснейших соперников США в борьбе за мировое господство.

Американским империалистам с каждым днем все труднее было договариваться с гитлеровцами. Новые и новые группы американской буржуазии испытывали на себе тяжелые удары со стороны германского империализма в самых различных районах земного шара. В результате агрессивных актов гитлеровской Германии США оказались под угрозой быть отрезанными от обширных рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала и поневоле все больше вовлекались в открытую борьбу с нею за мировое господство.

Серьезнейшим препятствием на пути к достижению всестороннего соглашения между США и гитлеровской Германией была также все нараставшая борьба народов мира, в том числе и американского, против фашизма и войны.

Одной из важнейших причин, способствовавших доведению амери-

[28] «Congressional Record». Vol. 88, pt. 10, pp. A3134—A3135.

кано-германских противоречий накануне второй мировой войны до крайней степени обострения, явился начавшийся в конце 1937 г. в ряде капиталистических стран новый экономический кризис. Особенно сильно поразил этот кризис США. За 10 месяцев, с августа 1937 по май 1938 г., общий объем производства сократился здесь на 34%, то есть больше, чем за соответствующий период кризиса 1929—1933 годов [29].

Стремясь увеличить свои прибыли, укрепить классовое господство и отвлечь внимание трудящихся от тяжелого внутреннего положения, империалистические круги США усилили в ходе кризиса 1937—1939 гг. внешнеторговую экспансию, стали осуществлять меры, направленные на подготовку и проведение милитаризации страны, активизировали свою деятельность на международной арене.

Предложенный в начале января 1938 г. на утверждение конгресса государственный бюджет впервые в истории США предусматривал ассигнование в мирное время свыше 1 млрд. долл. на военные расходы [30]. Вскоре после этого правительство Рузвельта внесло в конгресс дополнительную программу вооружений, основным пунктом которой являлось ассигнование еще 1 121 тыс. долл. для увеличения на 20% военно-морского флота США [31].

Разворачивая производство вооружений и усиливая экспорт товаров и оружия, американские монополии рассчитывали сбыть «излишки» накопившейся в США промышленной и сельскохозяйственной продукции, расширить внешние рынки и сферы влияния американского империализма. Однако экспансия американских монополий на мировом рынке, во-первых, была затруднена дезорганизацией части его в результате военных действий в Китае, Испании, Абиссинии и распространением экономического кризиса на Англию, Францию и ряд других стран; во-вторых, как уже отмечалось, она наталкивалась на ожесточенную конкуренцию прежде всего со стороны Германии, Японии и Англии.

Ярким свидетельством резкого обострения борьбы империалистических держав за внешние рынки в результате кризиса 1937—1939 гг. может служить заявление, сделанное в октябре 1937 г. Комитетом по внешней торговле одного из ведущих объединений американских капиталистов — Торговой палаты США. В этом заявлении, по существу, содержалась программа установления мирового экономического господства американского империализма. В нем выдвигалось, в частности, требование отмены системы имперских преференций, которая препятствовала неограниченному экспорту американских товаров на рынки Британской империи. Американские дельцы высказывались за приспособление британской преференциальной системы к принципу «равных возможностей», которым руководствовалась торговая политика США [32]. Трудно, однако, было ожидать отказа английских империалистов от своего привилегированного положения на рынках Британской империи. Борьба за эти рынки играла важную роль во взаимоотношениях Соединенных Штатов и Великобритании, и противоречия между ними по этому вопросу снова обострились в результате кризиса 1937—1939 годов. Только рост конкуренции и быстрое развитие агрессии со стороны стран фашистского блока, ставившей под угрозу империалистические интересы обеих англосаксонских держав, вынуждали их к сближению и к поискам компромиссного соглашения друг с другом.

Наиболее дальновидные круги в США отдавали себе отчет в том, что главная опасность шла со стороны блока агрессивных фашистских держав во главе с гитлеровской Германией, политика которых не только препятствовала осуществлению экспансионистских устремлений амери-

---

[29] См. «Annalist», September 1937 — October 1938.
[30] «Правда», 7 января 1938 года.
[31] «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt». 1938 vol., p. 70.
[32] «New York Times», 6 октября 1937 года.

канских монополий, но и создавала непосредственную угрозу уже захваченным ими позициям на мировом рынке. «Тенденция в некоторых странах к двустороннему балансированию торговли, часто влекущая за собой потерю рынков для американских экспортеров,— говорилось в заявлении Торговой палаты США,— является главной причиной того, почему мы выступаем за расширение наших торговых соглашений, при которых бартерные и валютные манипуляции и другие незаконные выдумки (речь идет о торгово-финансовых мероприятиях гитлеровской Германии.— *Ю. М.)* будут постепенно поставлены под контроль и в конце концов устранены» [33].

Заявление Торговой палаты США заканчивалось предупреждением в адрес тех, кто не пожелает пойти на уступки американскому империализму. «Наша внешняя политика,— говорилось в нем,— и это должно быть осознано другими странами, не оставит без внимания то, что мы как нация способны обеспечить должную защиту нашей промышленности от стран, продолжающих проводить политику дискриминации по отношению к американской торговле» [34].

Таким образом, весьма авторитетная и влиятельная организация монополий, подлинных хозяев Америки, Торговая палата США публично объявила о том, что одной из основных целей внешней политики США накануне второй мировой войны являлась защита интересов американских монополий в условиях разгоравшейся борьбы между империалистическими державами за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала. США принимали все более активное участие в этой борьбе, которая привела в конце концов к столкновению двух империалистических группировок, в одну из которых вошли Германия, Япония и Италия, в другую — Соединенные Штаты, Англия и Франция.

Даже такой профашистски настроенный американский политический деятель, как сенатор-демократ от штата Северная Каролина Рейнольдс, вынужден был признать, что между США и Германией существуют острейшие экономические противоречия. «Война, в которую мы вовлечены сегодня,— заявил Рейнольдс в сенате США в январе 1939 г.,— окажется величайшей войной, в которой мы когда-либо участвовали. Это торговая война... Германия заинтересована в экономическом проникновении во всем мире. Она пытается осуществить экономическое проникновение в Южную Америку, в Центральную Америку и в Мексику... Если сенаторы не верят в существование торговой войны, то я попрошу запомнить мое предсказание: в течение следующих пяти лет мы обнаружим, что мы вовлечены в такую войну, какой американский народ никогда прежде не испытывал» [35].

Приоткрывая завесу над планами американских монополий и заодно над закулисными мотивами деятельности дипломатии США, Рейнольдс утешал, далее, своих слушателей тем, что гитлеровцы «сконцентрировали внимание в направлении Востока». «После того как Германия проведет параллельно железной дороге, пересекающей Чехословакию, новую железную дорогу, которая пройдет между границами Венгрии и Южной Польши,— пророчествовал Рейнольдс,— она перейдет к завоеванию Советской Украины» [36].

Выступление Рейнольдса в определенной мере проливало свет на расчеты монополистических кругов США, видевших в столкновении между Германией и Советским Союзом выход из сложившегося накануне второй мировой войны положения. Такое столкновение, по их замыслам, во-первых, должно было привести к достижению давней цели мировой реакции — уничтожению или значительному ослаблению первого в мире

---

[33] Там же.
[34] Там же.
[35] «Congressional Record». Vol. 84, pt. 1, p. 377.
[36] Там же.

социалистического государства, во-вторых, оно подорвало бы мощь и позиции основного противника США в борьбе за завоевание мирового господства — гитлеровской Германии. Короче говоря, советско-германская война наиболее отвечала классовым и экономическим интересам американских монополий.

Руководители германских трестов и банков, главари фашистской партии и государства, генералы гитлеровской армии отлично понимали смысл подобной политики США и использовали ее для подготовки новой войны, которую мировая реакция надеялась развязать против Советского Союза. Однако обстоятельства сложились так, что вторая мировая война началась между самими империалистическими державами.

Уже в ноябре 1937 г. с присоединением Италии к «антикоминтерновскому пакту», заключенному между Германией и Японией в 1936 г., было в основном завершено создание первой коалиции агрессивных капиталистических держав — Германии, Японии и Италии,— которые усиленно готовились к превращению развязанных ими «местных» конфликтов в «тотальную» войну за новый передел мира в свою пользу.

Ведущую роль в формировании фашистского блока и в развязывании им новой мировой войны играла гитлеровская Германия, истинными руководителями которой были финансово-промышленные магнаты — Крупп, Стиннес, Маннесман, Клекнер и др. Готовясь к войне, германские империалисты разжигали с помощью тлетворной фашистской пропаганды национализм и военный психоз, культивировали расовую теорию о «превосходстве» немцев над другими народами. Они фальсифицировали историю, объясняя поражение Германии в первой мировой войне случайными факторами, «ударом в спину» и т. п. Однако, как и в 1914 г., аппетиты германских империалистов намного превышали их возможности. Гитлеровцы обещали немцам господство над всем миром, кричали, что Версаль не повторится, а на самом деле привели немецкий народ к еще более страшной национальной катастрофе, чем это сделало в свое время кайзеровское правительство.

Образование блока фашистских государств вызвало обострение международного положения. Оно ускорило процесс формирования второй военной группировки империалистических держав в составе США, Англии и Франции. Проводившаяся ими политика отказа от коллективной безопасности, сговора с агрессорами была пагубной для народов.

Правительство США принимало самое активное участие в разработке мюнхенской политики натравливания фашистских агрессоров на Советский Союз и проведении ее в жизнь. Правящие круги США надеялись при этом, что такая политическая линия не только будет способствовать направлению агрессии Гитлера на Восток и гарантирует безопасность западных держав в случае провала их антисоветской политики, но и даст Соединенным Штатам возможность заодно получить от Англии и Германии важные уступки на мировых рынках. Именно поэтому американское правительство, используя, в свою очередь, заинтересованность Англии в соглашении с США, поспешило, в частности, придать известному визиту Галифакса в Германию в ноябре 1937 г. характер объединенной англо-американской миссии. Специально в день отъезда Галифакса в Берлин премьер-министр Англии Чемберлен и государственный секретарь США Хэлл одновременно объявили о том, что между США и Англией уже предварительно обсужден вопрос о заключении англо-американского торгового соглашения и что скоро начнутся официальные переговоры по этому поводу [37].

Сообщение о предстоявшем заключении англо-американского торгового договора являлось до некоторой степени сепаратным ответом США и Англии на образование агрессивного союза Германии, Японии и Италии.

[37] «Правда», 19 ноября 1937 года.

Хотя формально речь шла в данном случае только о торговом соглашении, фактически был сделан определенный шаг по пути образования будущего тесного военно-политического союза между США и Англией, по пути образования второго блока капиталистических держав. Именно так сообщение о начале официальных англо-американских торговых переговоров и было воспринято в Германии. «Первой реакцией,— сообщал из Берлина специальный корреспондент «New York Times»,— было мнение, что соглашение прежде всего должно рассматриваться с военной и политической точек зрения», что оно «представляет собой стремление двух держав покончить с молчаливой борьбой за первенство, которая велась между ними (США и Англией.— *Ю. М.*) на всем протяжении со времени мировой войны, и создать оборонительный блок против новых политических и экономических сил...» [38].

Американское правительство ждало, что Галифакс в ходе переговоров с Гитлером не только подтвердит согласие англосаксов на предоставление Германии «свободы рук» в Восточной Европе, но и выступит в защиту принципов «либерализации» мировой торговли, то есть попытается уладить разногласия между Германией и США в пользу последних [39]. Однако эти надежды правящих кругов США не оправдались. Заботясь прежде всего об интересах английских империалистов, Галифакс в обмен на свое сочувствие гитлеровским планам захвата Данцига, Австрии и Чехословакии и на сделанное им предложение заключить пакт четырех держав — Англии, Германии, Франции и Италии — добился от Гитлера лишь обещания временно отказаться от притязаний Германии на колонии [40].

Важнейшим этапом в политике изоляции Советского Союза и натравливания на него гитлеровской Германии, проводившейся накануне второй мировой войны правящими кругами США, Англии и Франции, явилось Мюнхенское соглашение. Полагая, что Мюнхен достаточно подготовил почву для дальнейшей агрессии Германии на Восток, против СССР, правящие круги США первоначально рассматривали его как крупный успех своей политики «невмешательства», своей дипломатии.

Однако уже вскоре стало достаточно ясно, что успеха в Мюнхене добилась гитлеровская Германия и что западные державы потерпели там серьезное поражение, подготовленное их же собственной близорукой политикой. Прежде всего провалились расчеты правящих кругов США, Англии и Франции на то, что следующий агрессивный акт Гитлера будет направлен против Советского Союза и что война начнется между СССР и Германией. Стойкая позиция СССР, рост его экономической, политической, военной и моральной силы привели к тому, что к концу 1938 г. участники «антикоминтерновского пакта» вынуждены были пересмотреть свои первоначальные планы нападения на СССР и временно отказаться от них. Гитлеровская Германия решила начать наступление против Польши и своих основных конкурентов в Западной Европе, Англии и Франции, ослабленных в результате их отказа от сотрудничества с СССР, от создания системы коллективной безопасности в Европе.

Не оправдались и надежды американских правящих кругов на улучшение отношений между Германией и США. Американские империалисты ничего не получили в обмен за оказанную ими Гитлеру помощь в захвате Чехословакии. Более того, в результате Мюнхена возросла экономическая, политическая и военная мощь германского империализма, укрепились его позиции в борьбе против конкурентов, усилилась экспансия во всех районах земного шара.

Наиболее нежелательным и опасным для США результатом Мюнхена явилось то, что там был установлен прямой контакт между представи-

[38] «New York Times», 28 ноября 1937 года.
[39] «New York Times», 26 ноября 1937 года.
[40] «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. 1. М. 1948, стр. 10 и сл.

телями Англии, Германии, Франции и Италии, а Соединенные Штаты, по существу, оказались устраненными от переговоров ведущих капиталистических государств Европы. Более того, растущая конкуренция со стороны США толкала эти государства на объединение их сил для того, чтобы совместно противостоять натиску американских империалистов. 18 октября 1938 г. экономический советник английского правительства Лейт-Росс, пользовавшийся большим влиянием среди господствующих кругов Великобритании, прямо указал в беседе с уполномоченными гитлеровского правительства Рютером и фон Зюсскиндом на антиамериканскую направленность планируемого соглашения четырех держав: Англии, Германии, Франции и Италии. «Европейская экономика,— говорил Лейт-Росс,— которая уже теперь сталкивается с непрерывно растущей силой экономики США, подвергнется еще более серьезной опасности, если четыре великих европейских державы вместо сотрудничества будут действовать одна против другой» [41].

Появившееся сообщение о начавшихся переговорах между Англией и Германией по экономическим и колониальным вопросам вызвало серьезное беспокойство в США. Здесь открыто выражали мнение о том, что англо-германское соглашение может быть достигнуто за счет американских интересов, что Гитлер получит от Англии такие территории, которые будут пригодны лишь для использования их в качестве опорных пунктов с целью развертывания дальнейшей агрессии в сферы влияния США, прежде всего в страны Латинской Америки. «Германия,— писал американский буржуазный журналист Уолтер Кэриг,— желает возвращения своих колоний в Западной Африке и в южной части Тихого океана для того, чтобы иметь их в качестве плацдарма для прыжка в Южную Америку... Германская экспансия угрожает на этот раз обороне Америки, американской торговле, американскому правительству» [42].

Намерение участников Мюнхенской конференции предложить свои услуги для улаживания японо-китайского конфликта еще больше встревожило правящие круги Соединенных Штатов, поскольку оно означало желание четырех европейских держав вступить в тесный контакт с Японией — основным соперником США в борьбе за Тихий океан.

Таким образом, уже вскоре после Мюнхена перед правящими кругами США ясно вырисовывалась опасность изоляции в капиталистическом мире, что означало крушение всех стремлений американского империализма к завоеванию мирового господства. Именно поэтому уже в октябре 1938 г. в Соединенных Штатах развернулась усиленная кампания за резкое увеличение американских вооруженных сил, за укрепление обороны Западного полушария.

После одного из совещаний с Рузвельтом в октябре 1938 г. финансовый советник президента Бернард Барух, руководивший в годы первой мировой войны военной мобилизацией американской экономики, заявил, что военная программа США должна быть значительно расширена. Со своей стороны, Рузвельт указал, в частности, на необходимость организации в стране «массового производства» вооружений. По его словам, американская авиационная промышленность должна была довести выпуск самолетов до 24 тыс. в год [43]. Созданная летом 1938 г. в США временная атлантическая эскадра демонстративно взиду «ненадежности» английского флота была преобразована в постоянную, ее состав увеличен до 2 авианосцев, 4 линкоров, 11 крейсеров, 23 эсминцев и 18 подводных лодок. США переходили к стратегии двух флотов, причем своему атлантическому флоту они уделяли теперь не меньше внимания, чем тихоокеанскому.

[41] «Documents on German Foreign Policy». Vol. IV. London. 1951, p. 316.
[42] «Congressional Record». Vol. 84, pt. 5, p. 4677.
[43] «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt», 1938 vol., pp. 547—548; W. L. Langer and S. E. Gleason. Указ. соч., стр. 38.

Чтобы оказать прямое давление на Германию и подчеркнуть непримиримость правящих кругов США по отношению к ее действиям, направленным против интересов американского капитала, правительство Соединенных Штатов отозвало в середине ноября 1938 г. из Берлина «на неопределенное время» своего посла Вильсона и торгового атташе Миллера. В ответ на это германское правительство вызвало из Вашингтона Дикгоффа и занялось изучением возможности и последствий (в области торговли) полного разрыва дипломатических отношений с США. Гитлеровское правительство само не сделало этого шага, так как, по его мнению, «экономические результаты разрыва дипломатических отношений с США были бы очень серьезны для Германии». В Берлине считали, что неизбежные потери в иностранной валюте сделали бы значительно более трудным не только снабжение германской экономики необходимыми сырьевыми материалами, но также и выполнение программы в области вооружений [44]. В то же время Гитлер в ответ на занятую американским правительством антигерманскую позицию косвенным путем дал знать Чемберлену и Галифаксу, что Великобритания не может в одно и то же время идти вместе с США и с Германией [45].

Со своей стороны, США, опираясь на свои экономические ресурсы и на обширные связи с британскими доминионами, стали угрожать Англии в случае заключения антиамериканского англо-германского союза отторжением от Британской империи Канады, Австралии и Новой Зеландии. По выражению американского журналиста Джея Франклина, очень близко стоявшего к правительственным кругам Соединенных Штатов и к самому президенту, после Мюнхена развернулась «дуэль между США и Германией за влияние на Британскую империю» [46].

Лихорадочная дипломатическая активность ведущих империалистических держав в решающие дни и месяцы, предшествовавшие началу второй мировой войны, отражала их стремление обеспечить для себя наиболее выгодные позиции в надвигавшемся конфликте. Правящие круги США и Англии, видя, что их расчеты на скорое нападение фашистских агрессоров на СССР не оправдываются, стремились любыми средствами оградить свои интересы перед лицом растущей агрессивности держав фашистского блока.

Правящие круги США считали, что если Англия и Франция не создадут барьера на пути гитлеровского продвижения на Запад, то США скоро окажутся непосредственно вовлеченными в столкновение с фашистскими державами. Они полностью поддерживали антисоветскую линию внешней политики правящих кругов Англии и Франции, однако выступили против достижения соглашения последних с Германией, которое привело бы к разделу между ними капиталистического мира в прямой ущерб американским интересам. В Вашингтоне опасались, что как сепаратный англо-германский сговор, так и победа, в случае возникновения войны на Западе, Германии над Англией и Францией приведут к установлению фашистского господства в Европе и Атлантике, изменят мировое соотношение сил и поставят Западное полушарие под непосредственную угрозу вторжения фашистских держав. Поэтому правящие круги США считали необходимым, продолжая напрягать все усилия для развязывания войны на востоке Европы, в то же время консолидировать позиции западных стран в противовес блоку Германии, Италии и Японии.

Правящие круги Великобритании, являвшиеся активнейшими проводниками мюнхенской политики, также стремились заручиться, особенно на случай ее неудачи, союзом и поддержкой со стороны США. Однако

---

[44] «Documents on German Foreign Policy». Vol. IV, p. 733.
[45] «Documents on British Foreign Policy». Vol. III. London. 1950, p. 278.
[46] «Congressional Record». Vol. 84, pt. 2, p. 2150.

в своем стремлении к достижению сговора с гитлеровской Германией они проявили явную готовность разрешить англо-германские противоречия, сохранить Британскую империю и «мир» для Англии ценой предоставления гитлеровцам «свободы рук» не только в Юго-Восточной Европе, но и в ряде других районов земного шара за счет не только СССР, но и США и других стран.

Мюнхенская политика американских правящих кругов, Англии и Франции нанесла непоправимый ущерб делу организации коллективной безопасности против агрессоров, последовательно отстаиваемому Советским Союзом. Она привела к распаду версальской системы военно-политических союзов в Европе. Готовность английских, французских и американских «умиротворителей» пойти буквально на все ради обеспечения своих узкокорыстных интересов позволила фашистским агрессорам терроризировать малые государства Европы, а также маневрировать с целью внесения раскола в складывавшуюся против них коалицию Англии, Франции и США — их основных империалистических соперников в борьбе за мировое господство.

15—16 марта 1939 г. на конференции в Дюссельдорфе было заключено соглашение между Федерацией британской промышленности и Рейхсгруппениндустри. Это соглашение, имевшее своей целью направить агрессию гитлеровцев на Восток, в то же время, по существу, представляло собой картельный договор о разделе мировых рынков между английскими и германскими монополиями, договор, направленный в первую очередь против интересов американского капитала. Статья 4-я Дюссельдорфского соглашения, гласившая, что «разрушительная конкуренция» должна быть заменена там, где это окажется возможным, «конструктивным сотрудничеством», была прямо направлена против американской внешнеторговой политики. Более того, статья 8-я соглашения предусматривала использование всей силы государственного аппарата Англии и Германии для оказания помощи германским и английским промышленникам в их борьбе с «конкуренцией со стороны промышленности какой-либо другой страны», то есть прежде всего США [47]. Переговоры английских и германских промышленников, как об этом заявил официальный представитель департамента торговли Англии в палате общин, происходили «с полного ведома и одобрения правительства его величества» [48].

За четыре дня до переговоров в Дюссельдорфе, 11 марта 1939 г., французское правительство также предложило гитлеровцам заключить обширное франко-германское экономическое соглашение, которое должно было включать положения о расширении торговли между двумя странами, о создании совместных франко-германских компаний для деятельности «во французских колониях» и «на рынках третьих стран» и т. д. [49]. Принятие английскими и французскими монополистами выдвинутых германским капиталом условий «сотрудничества» на мировом рынке, успех в конце февраля 1939 г. мятежников в Испании и полная оккупация 14 марта 1939 г. гитлеровцами Чехословакии увеличивали шансы германского империализма стать на данном этапе победителем в его борьбе с американским империализмом за преобладание на мировых рынках, за политическую гегемонию среди стран капиталистического мира.

Именно это обстоятельство вызвало крайнюю тревогу и негодование среди правящих кругов США.

Вопреки всем разговорам о достигнутом в Мюнхене «умиротворе-

---

[47] G. Kreider. The Anglo-American Trade Agreement. Princeton. 1943, pp. 77—78.

[48] Там же, стр. 75.

[49] «Documents on German Foreign Policy». Vol. IV p. 512.

нии» капиталистические страны все больше запутывались в неразреши-
мых противоречиях, порожденных экономическими кризисами, борьбой
за рынки и источники сырья, погоней за монопольными прибылями, их
узкоэгоистической политикой. Стремление правящих кругов США, Ан-
глии и Франции к сговору и сотрудничеству с гитлеровской Германией,
имевшее своей целью разрешение империалистических противоречий за
счет Советского Союза, вело лишь к непрерывному росту силы и агрессии
фашистских держав, способствовало дальнейшему обострению америка-
но-германских противоречий. Пытаясь наряду с поощрением агрессии
гитлеровской Германии на Восток сговориться с ней о разделе мировых
рынков, Англия и Франция резко осложнили свои взаимоотношения с
Соединенными Штатами, усилили борьбу между США и гитлеровской
Германией за гегемонию в капиталистическом мире. К конкурентной
борьбе между империалистическими хищниками прибавились острые по-
литические осложнения. Непрерывно усиливалось международное на-
пряжение, все в бо́льших масштабах развертывалась гонка вооружений
во всех странах капиталистического мира. Резко изменилось соотноше-
ние экономических, политических и военных сил, приведшее к новой
мировой войне.

Уже весной 1939 г. по приказу Гитлера германским генштабом были
разработаны планы нападения на Польшу, неразрывно связанные с веде-
нием войны на Западе против Англии и Франции. 27 апреля Германия
объявила об аннулировании англо-германского морского соглашения
1935 г. и польско-германского пакта о ненападении. Вскоре между Гер-
манией и Италией был заключен тесный военный союз, предусматривав-
ший развязывание «большой» войны.

Агрессоры явно торопились быстрее использовать свое военное
преимущество над другими капиталистическими державами. В 1939 г.
германская армия была не только наиболее хорошо оснащенной и мо-
бильной армией в капиталистической Европе, но и имела уже опыт бое-
вых действий в Испании. На нее работала военная промышленность как
самой Германии, так и Австрии и Чехословакии. Стремясь завершить
свои военные приготовления и обеспечить все условия для успешного про-
ведения «блицкрига», фашистская Германия довела свои официальные
военные расходы в 1939 г. до 17,3 млрд. марок [50] (6,9 млрд. долл.), а так-
же ассигновала огромные средства на подрывную и диверсионную дея-
тельность «пятых колонн», шпионаж, пропаганду и пр.

Битва в Европе должна была явиться лишь первым этапом «тоталь-
ной» войны держав фашистского блока за завоевание мирового господ-
ства. В конце марта 1939 г. президент США Рузвельт информировал чле-
нов американского правительства о том, что, по сведениям, полученным
им конфиденциально от одного лица из ближайшего окружения Гитлера,
последний следующим образом изложил свои планы на будущее: «...в те-
чение 1939 г. его (Гитлера.— *Ю. М.)* целью является укрепление пози-
ций в Центральной Европе. В 1940 г. он двинется против Франции, при-
нуждая эту страну принять такие условия, какие ему вздумается нало-
жить на нее, одновременно он превратит Великобританию из второстепен-
ной державы, каковой она является ныне, в третьестепенную. Затем в
1941 г. он будет готов направить свое внимание на Соединенные
Штаты» [51].

Разумеется, американские империалисты, со своей стороны, также
активизировали подготовку к бешеной схватке капиталистических дер-
жав за господство на мировых рынках, на международной арене. Только
прямые военные ассигнования США на 1939/1940 бюджетный год соста-

[50] А. М. Алексеев. Указ. соч., стр. 36.
[51] «The Secret Diary of Harold L. Ickes». Vol. I—III. New York. 1953—1954. Vol. II, 609.

вили 2 млрд. долларов [52]. Быстрое усиление тенденции к милитаризации Соединенных Штатов было связано как с тяжелым экономическим положением страны, так и со всем внешнеполитическим курсом американского империализма накануне второй мировой войны. Упорно отказываясь от совместных действий с Советским Союзом, правящие круги США искали в увеличении собственных вооружений гарантию от посягательств фашистских держав на американские интересы. Однако они отнюдь не собирались первыми вступать в войну против коалиции агрессивных государств. Они надеялись сперва создать подавляющий перевес сил в свою пользу, дождаться взаимного ослабления других держав и лишь затем уже, избрав наиболее благоприятный момент для вмешательства, продиктовать им свою волю.

Мощные стратегические вооруженные силы, широкая сеть опорных пунктов и огромный военно-промышленный потенциал — вот на что прежде всего рассчитывал американский империализм в проведении своей внешней политики накануне и во время мировой войны. В этом отношении весьма показательна характеристика, данная американской программе вооружений известным военным обозревателем Болдуином в его статье «Наша тень нависает все дальше». Изложив подробно основные пункты этой программы (строительство линкоров водоизмещением в 45 тыс. т, авианосцев, «летающих крепостей» с огромным радиусом действия и т. д.), Болдуин признавал, что она поставит «американские боевые силы, особенно флот и отдельные воздушные армии, на постоянную боевую основу... США станут одной из наиболее сильно вооруженных наций в мире, и наша тень нависнет над отдаленными морями» [53].

Американское правительство, убедившись в фактическом провале достигнутого в Мюнхене «умиротворения», в крушении своих надежд на развязывание войны на Востоке и увидев, какая опасность кроется для США в возможном сговоре Англии и Франции с Германией и Италией, вынуждено было теперь бить тревогу перед американским и мировым общественным мнением по поводу успехов и безнаказанности фашистских агрессоров. На пресс-конференции 8 апреля 1939 г. президент Рузвельт, касаясь только что совершенного захвата Албании фашистской Италией, объяснил, почему всякое территориальное расширение господства держав оси наносит ущерб интересам американского капитала и вызывает все более резкое противодействие США. «Одним из результатов удачной военной агрессии любой страны или группы стран,— сказал Рузвельт,— является контроль над торговлей не только внутри собственной территории, но и на других территориях, других независимых стран, которым они могут угрожать с помощью военной силы. Например, если сфера военного господства должна непрерывно расширяться, то влияние этой военной агрессии скажется на мировой торговле во всех частях света по той очень простой причине, что агрессивные страны будут распространять свою бартерную систему... Продолжающаяся экспансия военной агрессии неизбежно приближает для нас с каждым новым днем тот момент, когда мы столкнемся с потерями в нашей торговле и в нашем судоходстве» [54].

Расширяя все дальше путем насильственных действий сферу фашистского влияния и господства, гитлеровская Германия наносила непоправимый ущерб интересам американских банкиров, промышленников и торговцев. В результате аннулирования гитлеровцами долговых обязательств захваченных ими стран, вытеснения оттуда иностранных предприятий, сокращения внешней торговли этих стран и т. п. непрерывно уменьшались

---

[52] W. L. Langer and C. E. Gleason, Указ. соч., стр. 130.

[53] «Foreign Affairs», апрель 1939 г., стр. 465.

[54] «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt». 1939 vol. pp. 190—191.

районы «свободной» деятельности американских монополий, падали их прибыли. В то же время, опираясь на ресурсы уже захваченных территорий, германские монополии усиливали свое экономическое и политическое проникновение во все остальные страны капиталистического мира, свои позиции на мировом рынке. Перейдя первыми от «мирной» конкуренции к «немирным» методам борьбы за передел мира, за мировое господство, германский империализм получил временный перевес над своими основными противниками, создал смертельную угрозу их интересам.

В результате уже весной 1939 г., до начала второй мировой войны, правящие круги Соединенных Штатов вынуждены были, по существу, признать, что вопрос стоял так: или дальнейшее беспрепятственное расширение сферы монопольного господства германского империализма и в конечном счете неизбежное военное столкновение с ним и его союзниками — Японией и Италией — в борьбе за мировое господство в крайне невыгодных для США условиях, или ослабление гитлеровской Германии в результате войны с сильным противником и возможное тогда с помощью американского вооруженного вмешательства или «посредничества» установление «американского мира» с распространением на обширные районы земли «свободного» движения товаров и капитала, то есть почти полного преобладания наиболее сильных экономически американских монополий. И в том и в другом случае американским империалистам уже нельзя было избежать открытого конфликта с германским и японским империализмом. Именно поэтому последние годы и месяцы накануне второй мировой войны США непрерывно усиливали военную и экономическую подготовку к ней, стремились под флагом «поддержки демократий» превратить Англию, Францию и другие страны в свою передовую линию «обороны», все более втягивались в политическую и дипломатическую игру, с помощью которой капиталистические страны лихорадочно пытались разрешить свои противоречия, обеспечить свои интересы за счет Советского Союза, за счет малых народов, наконец, за счет друг друга.

Однако подобная политика могла окончиться только полным провалом для всех ее участников. Она неизбежно вела к отказу от принятия каких-либо действенных мер по обузданию фашистских агрессоров и уменьшению опасности и масштабов войны, к отказу от организации системы коллективной безопасности народов, за которую до последней возможности боролся Советский Союз. Эта преступная политика лишь способствовала развязыванию в сентябре 1939 г. второй мировой войны между двумя империалистическими блоками, один из которых возглавляла Германия, а за спиной другого стояли США, не желавшие, чтобы их наиболее опасный конкурент одержал победу в «тотальной войне» за мировое господство.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

М. Я. Сюзюмов

Статья З. В. Удальцовой и А. П. Каждана о нерешенных проблемах социально-экономической истории Византии [1] ставит перед советскими исследователями вопрос о настоятельной необходимости дальнейшей разработки на основе марксистско-ленинского учения наиболее важных вопросов византиноведения. Безусловно, переход от рабовладельческих отношений к феодальным, характер византийской общины, специфика города, элементы капиталистических отношений в поздней Византии — основные вопросы истории этой страны. Но именно эти вопросы являются в настоящее время наиболее спорными и требующими разрешения или по меньшей мере дальнейшего углубленного исследования и дискуссионного обсуждения.

Однако авторы упомянутой статьи уклоняются от рассмотрения ряда важных вопросов из истории Византии. Другие вопросы они не только ставят на обсуждение, но и пытаются разрешить. При этом следует оговориться, что с некоторыми положениями, выдвинутыми З. В. Удальцовой и А. П. Кажданом, трудно согласиться.

Одним из вопросов византиноведения, требующим разрешения, является вопрос о том, к какому времени следует относить возникновение Византии как нового государства. Без ответа на этот вопрос и периодизация, и начальный период истории, и истоки политических традиций Византии становятся неопределенными. Научную значимость определения времени возникновения Византии как нового государства можно проиллюстрировать следующим примером. В советской исторической литературе термины «Восточно-Римская империя» и «Византийская империя» для периода IV—VI веков употребляются как тождественные. Для более поздних времен название «Восточно-Римская империя» обычно не употребляется [2]. Неточность в терминологии ведет к ошибочному представлению о том, что Византия как государство начала существовать только после окончательного падения рабовладельческого строя, что Восточно-Римская империя была рабовладельческой империей, а Византия — феодальным государством [3], образовавшимся в VII веке. Авторы рассматриваемой статьи тоже употребляют для Византийского государства IV—VI вв. термин «Восточно-Римская империя»; термин же «Византия» они относят только к периоду после VII в. (стр. 80—83). Таким образом, З. В. Удальцова и А. П. Каждан фактически признают существование Византии как особого государства только с VII в.; Византию же рабовладельческого периода развития они считают Восточно-Римской империей.

Такая трактовка наводит на мысль, что авторы смешивают два совер-

---

[1] «Вопросы истории». 1958, № 10.

[2] К. Маркс применяет обозначение «Восточная Римская империя» вплоть до 1453 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 440).

[3] Это положение получило довольно широкое распространение в средней школе, поскольку на данную позицию стал журнал «Преподавание истории в средней школе». 1956, № 2.

шенно разных процесса: с одной стороны, образование нового государства, которое могло возникнуть и при сохранении старых общественных отношений (при этом государственный сепаратизм не обусловливает ни возникновения новых производственных отношений, ни образования новых политических институтов), и, с другой стороны, переход к новому общественному строю, который мог совершиться в рамках того же государства.

Византия — литературное, прививееся в историографии наименование Восточно-Римской империи, просуществовавшей до 1453 года. Сами византийцы считали себя «римлянами». Официальный титул византийских императоров оставался неизменным — император римлян. Основное этническое ядро, территория, столица и определенные политические тенденции Византийского государства были характерны как для V—VI, так и для X—XII веков.

Однако вопрос о времени выделения как особого, суверенного государства Восточно-Римской империи из состава Римской империи, то есть вопрос о времени возникновения Византии, нуждается в марксистском освещении. В условиях разложения рабовладельческого способа производства III в. был временем начавшегося распада единства Римской империи. Реформы Диоклетиана не спасали империю от полного распада. После ухода Диоклетиана, как известно, анархия III в. восстановилась с прежней остротой. Задача укрепления власти была разрешена при Константине Великом. С 8 ноября 324 г. поселение Византий начало превращаться в новый государственный центр, получив название Константинополь, вокруг которого сплачивалась рабовладельческая землевладельческая знать. С тех пор знать оказалась связанной прочными узами общих политических, материальных и культурных интересов с Константинополем, предоставлявшим самые значительные выгоды в морской торговле и важным в стратегическом отношении. Константин сумел добиться поддержки своей власти со стороны многочисленных ремесленников и в особенности люмпен-пролетариата Константинополя, предоставляя им различные привилегии и льготы [4]. Константину удалось переселить в Константинополь ряд крупнейших землевладельцев, сделать город средоточием награбленных богатств, центром стечения поборов и налогов, эксплуататором целых народов и провинций.

Цель Константина — создать прочную опору императорской власти— совпадала с общей тенденцией — покончить с политической зависимостью более передового в экономическом отношении эллинизированного Востока от римского Запада. Окончательно была ликвидирована эта политическая зависимость образованием Восточно-Римской империи, которая оказалась орудием угнетения народностей Востока в интересах константинопольских рабовладельцев и землевладельцев. Основание в 324 г. нового государства сопровождалось ограблением большого числа городов, ссылками и казнями непокорных [5]. Почти одновременно, в 325 г., оформилась византийская церковь, ставшая идеологической опорой нового государства.

В IV в. императоры, имевшие поддержку на Востоке, стремились подчинить себе и Запад. Это не удалось. Фактически уже существовали два государства, связанные между собою союзными отношениями, которые, однако, были непрочными. 395 г. не является датой создания нового государства. Тогда произошел лишь разрыв союзных отношений между двумя державами [6].

---

[4] «Eunapii Sardiani, vitas sophistarum et fragmenta historiarum». Ed. J. Boissonade. Amsterodami. 1822, p. 22.

[5] Zosimi Historiae novae. Libri VI, ed. Bonnae, p. 97; Hieronymi, Migne. Patrologiae latinae, XXVII, p. 677.

[6] Среди византинистов нет единства мнений о времени возникновения Византии. В изданиях папирусов и надписей документы считаются «византийскими», если относятся ко времени после 284 г., то есть начала правления Диоклетиана. Большинство

Мы остановились на уточнении времени возникновения Византии по тому, что это вызывается необходимостью исследования противоречивых интересов господствовавших кругов Востока и Запада и установления специфических особенностей падения рабовладельческого строя в Византии. До сих пор ряд советских историков старался выяснить, почему рабовладельческие отношения пали в Византии несколько позднее, нежели на Западе. Но правильнее было бы говорить не о более позднем переходе от рабовладельческого строя к раннему периоду развития феодального общества, а об особых путях этого перехода в Византии. Спорный и запутанный вопрос — была ли Византия IV—VI вв. рабовладельческим или феодальным государством — сведется, таким образом, к более конкретной проблеме о наличии общего и специфического в переходном периоде от рабовладельческого к раннефеодальному обществу на Западе и в Византии.

В обществе при развитии формаций и при переходе от одной формации к другой на базе развития производительных сил растут новые производственные отношения. Но одни социальные слои общества препятствуют их развитию, желая сохранить свое ведущее положение, другие, наоборот, стремятся утвердить свое влияние и поддерживают новые отношения. По вопросу о том, какие слои господствовавшего класса в Византии были в то время носителями прогрессивных начал, в нашей литературе нет единогласия. Безусловно, нужно признать реакционерами таких слепых сторонников старого муниципального строя, как Либаний. Он вел борьбу против всех новшеств. Представители другого реакционного слоя действовали иначе: они стремились приспособить для себя элементы нового, чтобы закрепить за собой ведущее положение в обществе. Таков был Константин со своими реформами. Хотя Константин и назывался «новатором», все его мероприятия, а также политика его продолжателей были направлены на укрепление рабовладельческих отношений. Тем не менее новые производственные отношения упорно прокладывали себе дорогу: рабам все чаще давали самостоятельное управление пекулием, все больше использовался колонат в сельском хозяйстве. Но при господстве рабовладельцев все эти институты приобретали характер разновидностей рабства, поскольку адскриптиции никаких прав на собственность, как и рабы, не приобретали; пекулий же в условиях действия римского права оказывался не чем иным, как техническим разделением труда в недрах рабовладельческого хозяйства [7].

До тех пор, пока ведущая группировка господствовавшего класса не была значительно ослаблена, пока революционным путем не было ликвидировано преобладание рабовладельческой знати, опиравшейся на Константинополь, простора для развития новых производственных отношений не могло быть. Любые ростки новых отношений приобретали рабовладельческую окраску. Но вопрос о революции, разгромившей ведущую прослойку рабовладельческой землевладельческой константинопольской знати, поставлен недостаточно конкретно в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана.

Конечно, мы не можем говорить о «революции рабов», как писали наши византинисты некоторое время тому назад. Несмотря на самые тщательные изыскания, никаких сколько-нибудь крупных выступлений

буржуазных западных и дореволюционных русских историков (Гельцер, Бьюри, Ф. Успенский, Ю. Кулаковский) начинали историю Византии с 395 г., Г. Острогорский — со времени правления Константина. Иногда один и тот же автор по-разному указывал дату начала истории Византии. Так, Ш. Диль в «Краткой истории Византии» датирует возникновение Византии с момента вступления Константина на престол, а в «Коллекции Глотца» — с 395 года. История Византии у М. В. Левченко начинается с 395 г., но здесь же дается экскурс в период правления Константина.

[7] См. М. Я. Сюзюмов. О процессах феодализации в позднеримском хозяйстве. «Вестник древней истории». 1952, № 2.

рабов в IV—VI вв. отметить не удалось. При распаде рабовладельческого строя число восстаний рабов было меньшим, чем при расцвете рабовладельческих отношений. Нельзя найти ни одного раба, стоявшего в это время во главе какого-либо движения. Ни одно восстание не имело целью уничтожение рабства как института, хотя рабство экономически уже и не оправдывалось. Правда, наши историки отмечают множество отдельных, разрозненных народных движений, восстаний, выступлений против власти, главным образом религиозных, антиналоговых. Подобные восстания не всегда были революционными. Некоторые из них имели сепаратистские цели и не могли вызвать падение социального строя. Выступления плебейских масс в городах также чаще всего не были революционными, поскольку люмпен-пролетариат больших городов заинтересован был в подачках со стороны власти, делавшихся за счет эксплуатации труда рабов и колонов. Ремесленное же и торговое население крупных городов заинтересовано было в сохранении существовавших рыночных отношений, а следовательно, и отношений собственности. Оказывая сопротивление варварским племенам, нападавшим на города, оно тем самым объективно боролось за сохранение существовавшего строя.

Движения низов, хотя и не вылившиеся в «революцию рабов и колонов», тем не менее, вызвали укрепление мелкого свободного хозяйства непосредственного производителя и фактически направлены были против крупного рабовладельческого землевладения. В IV—VI вв. они успеха не имели, однако следует отметить, что мятеж солдат Фоки привел к физическому истреблению и конфискации имущества большой части константинопольской знати. Короткое время государственный аппарат Византии, находясь в руках мятежной армии, выполнял революционные функции: серьезно подрывал экономическое господство константинопольской сенаторской знати в столице и в провинции. Хотя Фоке и не удалось удержать власть, тем не менее господствовавшая прослойка получила страшный удар. Террор при Юстиниане II, приведший к массовым конфискациям имущества знати и к поселениям на отнятых землях сотен тысяч самостоятельных хозяев, объективно выполнял ту же революционную роль. Исаворческая династия тоже до некоторой степени была сокрушительницей крупного землевладения (городской верхушки и монастырей), тем самым усилив мелкое землевладение. Мы со всей определенностью можем считать, что в истории Византии был период, когда значение крупного землевладения уменьшалось и стало преобладать, хотя и на относительно короткий срок, свободное хозяйство тех крестьян, для которых был издан «Земледельческий закон».

Ту же прогрессивную роль сыграли и вторжения славян и арабов на территорию Византийской империи.

Широко распространено мнение (которого придерживается и автор настоящей статьи), что славяне принесли в Византию общину. Однако это положение нуждается в уточнении.

Разумеется, община существовала в Византийской империи и до славянского вторжения. Это неопровержимо доказывает вся новейшая историография, на что правильно указывают в своей статье З. В. Удальцова и А. П. Каждан (стр. 83). Чтобы ответить на важный вопрос: в чем же выражалось славянское влияние на Византию, — авторы статьи утверждают, что община до славянского вторжения была совсем иной, нежели та, которую привнесли славяне и которая запечатлена в «Земледельческом законе». В качестве доказательства приводятся материалы из статьи Г. Таубеншлага [8], в которой говорится, что община в позднеримском обществе была основана на периодических переделах, тогда как община «Земледельческого закона» таких переделов не знала. Но откуда из-

[8] См. «Византийский временник». Т. XIII, 1958, стр. 1—8.

вестно, что форма общинного землевладения, о которой пишет Р. Тауэнбеншлаг, была типичной для восточных областей позднеримской империи?

По нашему мнению, для Восточно-Римской империи IV—VI вв. типичной являлась не архаическая, сохранившаяся кое-где община с переделами земли, а обыкновенная митрокомия с наследственным правом на землю и с ограничением права продажи в границах селения [9]. Существование такой митрокомии с частной собственностью крестьянина на участок земли — непреложный факт. Такая община имела, помимо участков в частном владении, и общественную землю, которая могла быть сдаваема в аренду [10]. В отношении форм землевладения нельзя отметить особой разницы между порядками, существовавшими в IV—VI вв. и описанными в «Земледельческом законе».

Важно выяснить, каким образом, когда общинные формы организации сельского хозяйства оказались широко распространенными в Византийской империи.

Историческая роль славянского вторжения (и отчасти арабских набегов) состояла в том, что под мощным ударом славян на большей части территории Византии было разгромлено основанное на труде рабов адскриптициев и прикрепленных колонов крупное землевладение знати, опиравшейся на Константинополь, и заменено землевладением свободных крестьян-общинников и стратиотов. Как и на Западе, в Византии примерно в течение двух — трех столетий между адскриптицием и будущим париком стоял свободный общинник.

Крушение крупного рабовладельческого землевладения можно видеть на примере хозяйства Филарета Милостивого. Его богатство (50 проастиев, хозяйство которых основано было на труде рабов) было подорвано нашествием арабов, захвативших рабов и скот. Всю землю соседи распределили между собой («овии мольбою, инии же насилием и не остася ему более токмо един дом в нем же живяша и едина нива» [11]). В данном случае налицо революционный захват земель крупного владельца и раздел их между крестьянами. Там, где были имения рабовладельца-богача, оказалась деревня, в которой жили крестьяне и стратиоты. Она управлялась старейшинами. Ф. Дельгер, Г. Острогорский, а также А. П. Каждан считают Филарета крестьянином. Версия, что земли Филарета были распределены в порядке обычного передела, невероятна. В источнике определенно сказано о «насилии». Западная историография [12] старается видеть в Филарете крестьянина, чтобы показать наличие состоятельного крестьянства и отвергнуть вероятность революционного уничтожения крупного землевладения в Византии.

З. В. Удальцова и А. П. Каждан поставили вопрос: могла ли рабовладельческая латифундия непосредственно превратиться в феодальное поместье, или же она должна была первоначально уступить место мелкому крестьянскому хозяйству, из которого уже в дальнейшем предстояло сформироваться феодальной вотчине (стр. 82)? Другими словами, возмо

---

[9] «Codex Justinianus». XI, 55 (56), rc. P. Krüger. Berolini. MCMLIV.

[10] Распределение и перераспределение земельных участков в порядке системы эпиболе не свидетельствуют об отсутствии частной собственности на основные участки деревенских жителей и не являются аргументом для признания наличия периодических переделов. Поскольку любая община (в том числе и городская) имела в своем распоряжении неподеленную землю, таковая могла и распределяться и перераспределяться, что вовсе не затрагивало основные владения крестьян. Впрочем, и эти перераспределения в более поздней Византии ограничивались сроком давностью в 30 лет.

[11] Церковнославянский перевод отражает одну из древнейших редакций жития Филарета.

[12] F. Dölger. Beiträge zur byzantinischen Finanzverwaltung. «Byzantinisch Archiv». 1927, S. 66, 138.

жен ли был эволюционный переход от рабовладельческого строя к феодальному? По существу, авторы статьи не дали ответа на этот вопрос. Главным доводом против предположения о возможности эволюционного перехода от позднего рабовладения к феодальным порядкам в деревне являются исторические факты. Бесспорно, что в X в. происходил процесс бурного наступления «динатов» на свободное крестьянство; несомненно, что источники X в. говорят о крестьянине как о свободном общиннике... Но ведь в V—VI вв. крестьянство было уже в основном закабалено, и при возможности мирного постепенного перехода рабовладельческой виллы в феодальное поместье вторичное закабаление крестьянства было бы излишним. Как бы то ни было, но в VII—VIII вв. произошел переворот в аграрных отношениях. Земля (понятно, не вся, не везде и не сразу) в основном перешла в собственность непосредственных производителей.

Этот период преобладания свободной крестьянской общины сыграл важную роль в развитии производительных сил. Именно тогда, например, широко распространилась водяная мельница. Ни раб, ни адскриптиций (именно в силу отсутствия имущественных гарантий) не могли бы создать такое предприятие. Между тем в свободной крестьянской общине организация водяной мельницы представляла важный вопрос в отношениях между общинниками («Земледельческий закон», §§ 81—84). Поэтому вполне закономерно, что в Византии, так же как и на Западе, путь к феодализму в сельском хозяйстве проходил не через модификацию колоната, а через ликвидацию его и новое закрепощение свободного крестьянства в X—XI веках.

Вопрос о характере византийской общины остается весьма спорным до настоящего времени. В основном дискуссия осложняется неопределенным пониманием самого термина «община». Общину как административно-самоуправлявшуюся, территориально-ограниченную единицу не следует смешивать с общиной — собственником определенного земельного участка. Статья 7-я «Земледельческого закона» и неоднократные упоминания о тяжбах крестьян с соседями (монастырями, динатами) говорят не о наличии общинного землевладения, а только об административных границах территории, входившей в ведение самоуправления данной единицы (ММ IV, 187, 292; VI, 212 и др.). И городская и сельская общины имели право на регулирование пользования частной собственностью (по принципу римского права: ne quis re sua male utatur — «чтобы никто в ущерб другим не использовал свою собственность») [13]. Отсюда различные сервитуты, которые в условиях как города, так и деревни имели место и в ранней и в поздней Византии [14].

Но такие права регулирования пользования частной собственностью вовсе не были проявлением права собственности общины на землю.

Разумеется, можно допустить собственность общины на всю пахотную землю села — в таком случае в недрах общины не могло быть частной собственности, а было только определенное договором или обычаем владение. Подобная община, безусловно, имела право передела. Но наличия именно такой общины и не удалось установить по византийским источникам, несмотря на все усилия историков «общинной школы» (иеромонах Михаил, Ф. Успенский).

Византийская община имела в своем владении только отдельные участки, которые могли служить для коллективного пользования. Всякое препятствие к пользованию ими каралось законом (Basilicorum libri LX, ed. Heimbach, vol. V, l. 60, 21, 13, схолия 11). Община могла и передавать их в аренду на определенных условиях (сложные обстоятельства при передаче для использования территории под мельницу отражает «Земле-

---

[13] «Institutiones», rc. P. Krüger. Berolini. MCMLIV, 1, 8, 2.

[14] «Justiniana Digesta». Ed. Th. Mommsen. Berolini. MCMLIV, VIII, 1—3; «Codex Justinianus», III, 34; «Harmenopuli ex Juliano Ascalonita», II, 4, 29, 50 sq.

дельческий закон» в ст. 8). Но община могла и просто распределить некоторые участки между своими членами; в таком случае этот раздел — переход общинной собственности в частную — требовал давности в 30 лет [15].

Вопрос о частной земельной собственности в недрах византийской земельной общины вряд ли может считаться в настоящее время нерешенным. Он только искусственно осложняется желанием некоторых историков видеть коллективную собственность там, где ее нет, то есть распространять общинную собственность на индивидуальные участки хозяев. Основной довод отрицания частной собственности в византийской общине опирается на соображение ex silentio, то есть на то обстоятельство, что в «Земледельческом законе» ни разу не говорится о продаже земли. Но ни в коем случае нельзя делать какие бы то ни было выводы из того, чего нет в тексте «Земледельческого закона», и отождествлять византийский деревенский устав с западными «правдами». «Салическая Правда» имеет в виду такую территориальную единицу, как графство, тогда как «Земледельческий закон» вовсе не относился ни к феме, ни к провинции (что соответствовало бы западному графству). «Земледельческий закон» был уставом, регулировавшим жизнь в масштабе деревни, и затрагивал казусы судебной практики только в рамках той автономии, которая предоставлялась деревенскому самоуправлению.

Безусловно, наиболее важные дела не были подведомственны деревенским «акроатам». Так, убийство, членовредительство, мятеж против императора не упоминаются в «Земледельческом законе», но из этого не следует, что таких преступлений не было в деревнях. Разбор их входил в функции соответствующих судебных властей фемы, к компетенции которых относились и такие важные акты, как купля-продажа земли, дарственные, завещания. По Эклоге (V, 4 и VI, 1) и новелле Ирины I (Jus Graeco-Romanum, vol. III, № 27), в условиях малых деревень для заверения завещания необходимо минимум три свидетеля. Акты о куплепродаже, так же как и завещания, требовали особого оформления, что выходило за пределы деревенской автономии. Правда, авторы статьи возражают: ипотека, аренда и обмен землей тоже требовали нотариального оформления [16]. Однако обмен (permutatio), по римскому праву, вовсе не являлся актом, равным по значению купле-продаже; обмен входил в число actus innominati, не имевших такой исковой защиты, как акты emptio-venditio. Акты аренды земли не упоминаются в «Земледельческом законе»; там говорится только о предосудительности брать больше $^1/_{10}$ (ст. 10) и гарантируется владельцу земли выполнение договора. Соглашения же, упомянутые в статьях 11—15-й, не являются статьями об аренде, а скорее подходят к двусторонним сделкам, которые так же, как и наем пастуха или работника, не требовали определенного оформления. Но в основном текст «Земледельческого закона» зависел не от положений константинопольских комментаторов юстинианова права, а от того, какие элементы местного обычного права легализовались как компетенция самоуправляющейся деревни и какие правительство считало нужным оставить в ведении фемной администрации. По нашему мнению, не может быть никакого сомнения в том, что отдельные участки крестьян в общине находились в их полной собственности — dominium plenum (κύριοι — термин, обозначавший в юридических источниках полных собственников; в Василиках κυριότης — dominium). В IV—VI вв., как мы видели, крестьяне в митрокомиях имели участки в частной собственности. Это право никем не было отнято у крестьян. Мы можем уста-

[15] Под термином «раздел» (μεριδμός) разумеется и первоначальное распределение участков на территории, предоставленной переселенцам правительством, и раздел брошенных участков в порядке эпиболе между плательщиками налога, и раздел наследства между членами семьи.

[16] «Вопросы истории», 1958, № 10, стр. 87, прим. 45.

новить полную непрерывность существования этого права: в VIII в., по «Земледельческому закону» (ст. 16), существовала установленная цена участка. В конце IX в. в Василиках право митрокомии было распространено вообще на все деревни [17]. В начале X в. продажа крестьянами своих участков приняла настолько массовый характер, что правительство с 922 г. стало предпринимать ряд мер для защиты крестьянского землевладения, не запрещая продавать землю, но требуя, чтобы ее продавали крестьянам, а не динатам.

Правда, авторы статьи поднимают иной вопрос: если крестьяне и имели в частной собственности свои участки, то их собственность не была полной, ограничивалась правами членов общины на использование чужого участка в некоторых случаях (выпас на участке после снятия урожая, проход по чужой земле, «право» есть виноград в чужом винограднике и т. д.). Но нужно отметить, что все эти права ничуть не выходили за рамки обычных еще со времени Римской империи сельских сервитутов, свидетельствуя не об отсутствии полной частной собственности, а о внутренней сплоченности общины в своих интересах.

Кстати, нужно заметить, что абсолютного, без всяких ограничений, права собственности не существовало нигде. В городе домовладелец, конечно, имел полную собственность на свой дом, но и он был связан рядом ограничений: не мог вывозить части дома, чтобы не обезобразить его, не мог строить свой дом так, как хотел, не мог назначить квартирную плату по своему усмотрению и т. д. Естественно, что и в деревне были связанные с деревенским бытом ограничения пользования участком земли. Некоторые положения «Земледельческого закона» понимаются исследователями превратно, в смысле наличия в нем зафиксированного п р а в а на чужую собственность. Никакого п р а в а есть виноград в чужом винограднике не было [18]. Хозяин мог прогнать такого любителя (для этого нанимали сторожей), но подать в суд на человека, который сорвал и тут же съел несколько гроздей винограда, было нельзя!

Желая подтвердить положение об отсутствии в византийской деревне частной собственности на землю, авторы статьи подчеркивают то обстоятельство, что принцип римского права superficies solo cedit не применялся в условиях деревни по «Земледельческому закону». В доказательство приводится статья 32-я о чужом дереве на участке земли. Это «чужое дерево» вызвало целую дискуссию в нашей и зарубежной литературе (Б. Панченко, иеромонах Михаил, Г. Острогорский, Ж. Малафосс, А. П. Каждан, Е. Э. Липшиц и др.). Разумеется, со всей строгостью этот принцип в деревнях не применялся, да и во времена Римской империи классические юристы считали superficies solo cedit только jus in re aliena, как право на пользование чужой вещью, то есть землей. Но нужно отметить, что, несмотря на несоблюдение этого принципа на практике, положение superficies solo cedit не было совершенно забыто. Наоборот, в случае какого-либо конфликта дело решалось всякий раз именно с соблюдением этого принципа в интересах землевладельца. Та же самая статья 32-я «Земледельческого закона» подтверждает, что, невзирая на бытовые отступления, деревня в конечном счете придерживалась именно этого принципа. Разве не на основании преимущественного права собственника земли хозяин участка мог потребовать отдать ему «чужое дерево», давая взамен где-либо другое? Еще более эта тенденция проявляется в статье 21-й. Хозяин бежал из деревни, его земля пустует. Но за участок кто-

[17] «Codex Justinianus». XI, 56, 1 — Basilicorum libri LX, ed. Heimbach. LV, 5, 1.

[18] Это вполне понятно: такое «право» могло разорить бедного виноградаря. Однажды некий воин у бедной женщины «сожрал» виноград с ее лозы (очевидно, у нее лоза была единственная, так как говорится не о винограднике, а только о лозе). Узнав об этом, благочестивый правитель Феодор (XI в.) приказал этого воина жестоко избить, но не за то, что тот совершил кражу, а за то, что обидел бедную женщину. «Византийский временник». Т. XII. 1956, стр. 135—136.

либо должен платить налоги — один из соседей взялся обрабатывать участок, засадил его виноградником и застроил. Через несколько лет возвращается беглец. Разумеется, что весь труд и затраты лица, произведшего застройки на принятом участке, не должны были пропасть (ведь труд был затрачен bona fide, на законном основании). Тем не менее считалось ненормальным, чтобы виноградник и хозяйственные постройки принадлежали одному хозяину, а земельный участок был собственностью другого. Поэтому требовалось, чтобы был дан другой, равноценный участок (в порядке permutatio) собственнику земли, в противном случае он мог срыть постройки и виноградник. Таким образом, принцип superficies solo cedit торжествовал над положением cuius labor.

В византийских документах часто встречаются данные о совместном владении (например, мельницей, солеварней, домом, баней, имением) [19]. И римское и византийское право предусматривало различные формы совместной собственности, особенно после смерти богатого хозяина, имение которого было бы неудобно сразу делить между наследниками [20]. В результате получалось совместное владение имением близких родственников, которые могли дарить и продавать свои доли. Разумеется, такая коллективная собственность ничего общего с общиной не имела и в то же время имение не являлось родовым. Наличие «большой семьи», конечно, вносило в византийскую деревню моменты сплоченности, но не имело никакого отношения к земельной собственности. В условиях dominium plenum права землевладельца вовсе не зависели от размеров его семьи. Согласно житию, у Филарета была большая семья, но он единолично распоряжался имуществом, в том числе и землей [21]. Далее З. В. Удальцова и А. П. Каждан указывают (стр. 85), что под влиянием обычаев «большой семьи» видоизменялось римское право в отношении наследования. В римском праве тоже существовали ограничения завещательных распоряжений в интересах членов семьи (portio debita), и обиженные родственники могли возбуждать petitio hereditatis. Обычаи «большой семьи» отражались на юстиниановом праве в большей степени, чем на новелле Льва VI. Характерно, что Лев VI говорит только о sui heredes, то есть о сыновьях, совершенно не упоминая ни о agnati proximi, ни о unde cognati, о которых трактует римское наследственное право. В Византии частная собственность dominium plenum настолько утвердилась, что понятие о sui heredes, которые при жизни pater familias являлись (как члены его семьи) соучастниками во владении его имуществом, давно исчезло. Развитие послеюстиниановского наследственного права вовсе не шло в направлении укрепления «большой семьи». Если в римском обществе завещателем мог быть в основном pater familias (за исключением peculium castrense и т. д.), то в византийском законодательстве активное завещательное право все более распространялось на ὑπεξούσιοι (отдельных членов семьи [22], владевших имуществом). Это мы можем отметить и относительно новелл Льва VI [23]. Следовательно, в византийском праве

[19] «Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana», I—VI. Vindobonae. 1860—1890. Vol. IV, 49; vol. IV, 281; новелла Льва VI № 102; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München. 1948, 4, 50; 9, 41.

[20] F. Dölger. Указ. соч., № 24.

[21] А. А. Васильев. Житие Филарета Милостивого. «Известия» Русского археологического института в Константинополе. Т. 5, стр. 65; ср. «Byzantion», IX (1934), p. 112 sq. (ed. M. Fourmy). В статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана (стр. 87—88) отмечается, что Филарет, «щедро раздававший свое движимое имущество соседям, не отдал им ни клочка своей земли; она была ими разделена». Это совершенно не соответствует источнику, в котором говорится, что некоторым лицам часть земель Филарета перешла «мольбою», то есть ее выпросили; следовательно, Филарет, будучи богатым, сам дарил участки земли. А когда он стал бедняком, дарить было уже нечего, так как у него осталась только «одна нива».

[22] Примеры приведены K. E. Zachariä v. Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts, 3. Auf. Berlin. 1892, S. 149, n. 436.

[23] Там же, стр. 150, прим. 440, nov. Leonis VI, №№ 37, 39, 40.

мы видим не влияние «большой семьи», а, наоборот, тенденцию к индивидуализации завещательных прав отдельного частного собственника.

Совершенно естественно, что в стране с развитым товарно-денежным обращением, где столетиями действовало римское право, основанное на частной собственности, коллективное землевладение не могло иметь благоприятных условий для развития. Но наличие частной собственности на землю в недрах общины отнюдь не означало, что общинные связи не играли существенной роли в процессе сопротивления наступлению крупного землевладения на мелкое свободное хозяйство. Общинное землевладение и переделы, как показывает история, вполне могли уживаться с самой свирепой эксплуатацией крестьян и бесправием феодальной деревни. Не столько коллективная собственность на землю, сколько сплоченность, основанная на общих производственных интересах, давала силу сопротивлению крестьян. Мы знаем, какой исключительной сплоченностью отличались средневековые организации городских трудящихся. Типичный средневековый цех, разумеется, не был основан на началах коллективной собственности на средства производства (в условиях уровня развития средневековых производительных сил это было бы возвращением к простой кооперации первобытного общества), хотя отдельные строения, склады и т. д. иногда и находились в общественной собственности цеха. Сплоченность цеха зависела от общих интересов его членов в процессе трудовой деятельности. И документом, оформлявшим и признававшим право на эту сплоченность, являлся цеховой устав.

Подобным же документом, оформлявшим сплоченность деревенской общины, был «Земледельческий закон». Как в цеховом уставе, так и в «Земледельческом законе» проявлялась неизбежная в условиях мелкого производства средневековая корпоративность. До сего времени основная дискуссия проходила по вопросу о том, какая форма крестьянского землевладения имела место: общинная или частная собственность? Нам кажется, что при изучении генезиса феодализма в Византии форма собственности крестьян на свои участки не имеет такого важного значения, какое придается данной проблеме историографией Византии начиная с Цахариэ фон Лингенталя. Вспомним отношение В. И. Ленина к формам крестьянской собственности в вопросе о развитии капитализма. В. И. Ленин писал: «...мы относимся очень равнодушно к вопросу собственно о форме крестьянского землевладения... Действительно важный вопрос относится вовсе не к форме землевладения, а к тем остаткам чисто средневековой старины, которые продолжают тяготеть над крестьянством: сословная замкнутость крестьянских обществ, круговая порука, непомерно высокое податное обложение крестьянской земли, не идущее ни в какое сравнение с обложением земель частного владения, отсутствие полной свободы мобилизации крестьянских земель, передвижения и переселения крестьянства» [24].

Не следует ли и нам в вопросе о генезисе феодализма обращать внимание не столько на форму крестьянского землевладения, сколько на те условия, которые препятствовали или способствовали развитию феодальных отношений? Это означает, что главное внимание, на наш взгляд, при изучении «Земледельческого закона» следует обращать на усилия общины поддержать мелкое крестьянское хозяйство и сохранить условия воспроизводства хозяйственных и социальных отношений на прежнем уровне.

Разбирая положения «Земледельческого закона», можно вполне выяснить, какие возможности имела византийская община для сохранения прав своих членов на землю (даже если в течение ряда лет беглец отсутствовал и на его земле появлялось другое хозяйство, тем не менее община сохраняла за ним право на земельный участок); какие меры принимались для обеспечения неприкосновенности хозяйства крестьянина с тем,

[24] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 279—280.

чтобы внутри общины укреплялись добрососедские отношения; как забо тилась община о том, чтобы труд, затраченный bona fide, не пропадал. Мы можем усмотреть также стремление общины поддержать временно обед невшего крестьянина и сохранить его мелкое хозяйство (подобно тому, как цеховые уставы средневековья противодействовали концентрации произ водства в руках более зажиточного мастера).

Так же, как в цеховых уставах соблюдаются интересы мастера в отно шениях с подмастерьями, в «Земледельческом законе» приводятся статьи регулирующие отношения хозяина с наемным лицом (§§ 12, 16, 23—29 33, 34), причем очевидно, что интересы хозяина поля стояли на первом плане.

Разумеется, в недрах византийской общины были и неравенство и эксплуатация, но, тем не менее, устав, по которому жила деревня, предо ставлял общине большие права и возможности сопротивляться процессу поглощения мелкой собственности крупной, противодействовать закабале нию крестьян крепнувшим классом феодалов [25].

В связи с этим возникает вопрос: каким же образом законодательство в классовом обществе могло включать такие положения, которые опреде ленно соответствовали интересам мелких собственников, трудящихся крестьян?

Очевидно, здесь следует учитывать, что значительное ослабление мощи и влияния крупного землевладения в результате революционных потрясений в аграрных отношениях и серьезное усиление крестьянской общины вынудили правительство признать в деревне права общины как сплоченного целого, подобно тому, как феодальное государство должно было признать права ремесленно-торговых объединений в цеховых уста вах средневековья.

Вернемся к вопросу о том, что же нового внесли массовые переселения славянских земледельцев на территории Византийской империи, чем же отличалась община IV—VI вв. от общины, зафиксированной «Земле дельческим законом». Мы видели, что славянское влияние не отразилось на формах крестьянского землевладения — в IV—VI вв. и в VIII—IX вв. участки крестьян представляли частную собственность. В IV—VI вв. су ществовал закон, ограничивавший свободу мобилизации крестьянской соб ственности запрещением жителям митрокомии продажи своей земли чужа кам ad extraneum [26]. Этот закон не представлял собой ничего необычного, поскольку и в городе в отношении куриалов и прикрепленных к коллегиям навикуляриев и др. существовали подобные ограничения [27]. Правда, ни «Земледельческий закон», ни Эклога не содержат запрета продажи земли чужакам, но мы можем определенно считать, что это запрещение не только не было отменено, но даже приобрело новый смысл в условиях массового включения в византийскую деревню славянских элементов с сильными пе режитками родоплеменных отношений, традициями родственных связей. В византийских деревнях сложилось такое положение, что без всякого воздействия законодательства само население стремилось не допускать продажи земли на сторону. Старинный (468 г.) закон Льва I и Анфимия (который отнюдь не вводил новшества, а только легализировал уже сло жившийся в общине обычай) сохранял в продолжение ряда веков свою силу и приобрел характер обычного права. Об этом свидетельствует 114-я новелла императора Льва VI (конец IX в.) [28], в которой рассказывается,

[25] См. особенно ст. 10 и 67 «Земледельческого закона».
[26] «Codex Justinianus». XI, 56 (55).
[27] Там же, X, 34 (33).
[28] «Jus Graeco-Romanum». Ed. Zachariae v. Lingenthal. I—VII. Lipsiae, 1856—1884. Vol. III, p. 220. Сомнения в подлинности этой новеллы вряд ли можно считать основательными. Новелла отражает направление законодательства Льва (ср. Basilicorum libri LX. Vol. II. lib XIX, 5). Она не включалась в собрание конституций Льва VI потому, что при последующих императорах аграрное законодательство стало на прямо противоположную позицию и действие новеллы было тем самым прекращено.

что в деревнях соседи препятствуют продаже участков на сторону и тем якобы наносят ущерб деревенской бедноте, заставляя ее продавать свои участки соседям по низким ценам. Лев VI, как сторонник всемерного развития торговли, считал такое явление предосудительным и стремился отменить всякие стеснения в продаже земельных участков. Но местные обычаи в деревнях были чрезвычайно сильны, и Роман I в 922 г. решительно пошел на восстановление запретов свободного отчуждения земель и не только восстановил старинный закон, запрещавший продавать земли ad extraneum, но приблизил законодательство к традициям родственных связей и сплоченности деревенского населения. Община была настолько сильна своей внутренней спайкой, что правительство не считало возможным идти против установившихся традиций и утвердило целую градацию преимущественных прав на покупку участков земли. Разумеется, решающим моментом, определявшим данное законодательство, являлись интересы господствовавшей в то время прослойки столичной знати, которой выгодно было эксплуатировать крестьянство через посредство налогов и товарных отношений в противовес усиливавшейся землевладельческой провинциальной знати, стремившейся к прямой эксплуатации сельского населения путем извлечения феодальной ренты [29].

Попутно необходимо отметить чрезвычайно спорный в среде византинистов вопрос о характере использования юридических источников, содержащих нормы гражданского права. Ни одна страна не имела такого богатства юридических источников, как Византия (юстиниановo право с многочисленными комментариями, Эклога, Прохирон, Василики, ряд синопсисов и эклог по нормам Василик, Шестикнижие Арменопула XIV века). Тем не менее эти источники обычно не используются и правомерность привлечения их для исторического исследования отрицается (см. «Византийский временник», т. IV, стр. 273). Многие исследования, разбирающие имущественные и правовые отношения, совершенно игнорируют тот факт, что в Византии существовало гражданское право, самым тщательным образом разработанное и сохранившееся во множестве

---

[29] В нашей литературе имеется тенденция смешивать налог с рентой. Разумеется, и то и другое идет за счет прибавочного продукта труда, но в основе ренты — собственность на землю, в основе налога — суверенитет. Рента обеспечивает потребности отдельного собственника, тогда как государство, извлекающее налоги, использует их в интересах всего господствующего класса в целом. В известных случаях (при пронциальной системе) налог может превращаться в ренту. На землях, находившихся в собственности государства, взыскивалась морта (рента), тогда как на землях свободных крестьян взыскивались налоги. В Византии это четко осознавалось. Примером могут служить известные судебные процессы в XIII в., в которых крестьяне старались доказать, что они платили налоги, а следовательно, были собственниками земель, тогда как противники их доказывали, что крестьяне платили не налог, а морту, и, следовательно, земля их была собственностью государства. («Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana». Vol. IV, pp. 211 sq., 292 sq.). Это показывает, насколько был не прав М. В. Левченко, который в своей рецензии на труд А. П. Каждана («Византийский временник». Т. VII, стр. 277) вопрос о различии налога и ренты считал «академическим», не имеющим значения.

Полное отождествление налога с феодальной рентой привело Г. Острогорского к парадоксальной теории отсутствия в Византии свободных крестьян на том основании, что они платили налоги и выполняли государственные повинности, в существенном не отличавшиеся от тех платежей и работ, которыми были обременены частновладельческие парики (G. Ostrogorsky. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles. 1956, p. 20 sq.; rc. «Buzantinische Zeitschrift» 1957. S. 167). Вполне вероятно, что материальное положение свободных крестьян мало отличалось от частновладельческих, однако нужно иметь в виду, что в докапиталистических обществах существовало и сословное деление населения, сопровождавшееся установлением юридического места определенных прослоек в государстве. На это обстоятельство указывал В. И. Ленин (Соч. Т. 6, стр. 97, примечание). Сословные ограничения во многом отличали частновладельческих париков от свободных крестьян (в отношении мобилизации земли, наследственного права, характера подсудности). Следовало бы проанализировать употребление термина «централизованная рента». По нашему мнению, этот термин имеет смысл только тогда, когда путем налогов на помещиков и помещичьих крестьян государство «централизует» ренту.

списков. Например, Б. Т. Горянов в своих статьях, помещенных в «Византийском временнике», нигде не касается вопроса, какое тогда существовало действующее право в деревне и в городе. То же самое и в некоторых ранних исследованиях А. П. Каждана [30].

Подобные факты можно отметить и в отношении зарубежных византинистов [31]. В нашей литературе по истории Византии вообще распространено предубеждение против использования юридических документов, принято обвинять некоторых историков в «юридическом подходе». Безусловно, трактовать всякое развитие производственных отношений как результат развития юридической мысли (в духе так называемой «исторической школы права», о которой так резко отзывался К. Маркс) нельзя: такой подход исследователя был бы сугубо идеалистическим. Но если считать, что прокладывающие себе дорогу новые производственные отношения с необходимостью должны закрепляться надстройкой, что без законодательного закрепления имущественные отношения в классовом обществе вообще не могут иметь никакой прочности, то игнорирование юридических документов явилось бы недооценкой роли надстройки. Конечно, использование историками-византинистами законодательных документов требует особой методологии — норма права не есть доказательство всеобщего применения этого права, так же как и нарушения права не есть довод отрицания действия этого права.

Рецепция юстинианова права в X в. была вызвана особыми социально-экономическими условиями. При составлении Василик было проявлено стремление «очистить старинные законы», отбросив устарелое, но в основном составители старались как можно ближе следовать юстиниановым нормам. Конечно, нельзя текст рецепированных законов использовать для исторического исследования так, как нарративные источники и новеллы того времени. Но обходить влияние рецепированного гражданского права при исследовании вопросов, связанных с имущественными отношениями — значит проявлять недооценку роли государства, в интересах господствующих классов регулировавшего нормы этих отношений.

Дело в том, насколько строго проводилось на практике византийское право. Изучение Пиры, канонистов церковного права XII в., монастырских грамот убеждает в том, что византийские законы оставались в силе (разумеется, тексты старинных законов могли в различные периоды пониматься по-разному) [32].

В монастырских грамотах при определении передаваемых прав собственника часто встречаются указания на гражданское право («все, что

---

[30] Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. «Византийский временник». Т. III, 1950; его же. Византийский город 13—14 вв. («Византийский временник». Т. XIII, 1958), где даже не упоминается сборник законов Арменопула XIV в., хотя и там имеется чрезвычайно важный материал о городе; А. П. Каждан («Аграрные отношения в Византии 13—14 вв.». М. 1952) ссылки на действующее право приводит не как на «византийское», а как на «римское право», которое якобы не соответствовало существовавшим в то время отношениям и понятиям. См. его же. Рабы и мистии в Византии. «Ученые записки» Тульского педагогического института. Вып. 2. Тула. 1951. Приспособление законодательства Юстиниана к условиям IX—X вв. особенно проявляется в передаче в Василиках норм Кодекса и Новелл, в меньшей степени— Дигест.

[31] Так, например, в трудах Г. Острогорского (G. Ostrogorcky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles. 1954; его же. Quelques problèmes... Bruxelles. 1956) при разборе правового положения крестьянства совершенно не затрагиваются положения действовавшего тогда гражданского права. Известный византинист Ф. Дельгер отрицает возможность использования законодательных сборников в качестве источника (F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 218). Наоборот, Р. Лопец широко использует Василики, например, R. Lopez. Byzantine Law in the VII c. and its Reception by the Germans and the Arabs. «Byzantion» № 16 (1942—43); его же. Silk Industry in the byzantine Empire. «Speculum». Vol. 20, № 1 (1945).

[32] См. дискуссию по вопросу об использовании Василик как источника: статьи А. П. Каждана, М. Сюзюмова и Е. Липшиц в «Византийском временнике». Т. XIV, 1958.

допускается нашими императорскими благочестивыми законами»)[33], а также оговорки, что подписавшие не будут прибегать ни к каким ссылкам на существующие законы, чтобы опротестовать сделку, не будут ссылаться на незнание законов[34]. Е. Э. Липшиц убедительно показала, что уже один факт наличия в Пире при разборе судебной практики 641 ссылки на Василики[35] свидетельствует о том, что рецепированное право имело широкое значение в византийском обществе.

Безусловно, изучение экономических фактов играет более важную роль в историческом исследовании положения определенных классов, чем юридические данные. Но нельзя забывать, что в средние века большую роль играли сословные привилегии и ограничения. В. И. Ленин писал: «...без известной гражданской неполноправности земледельца (как-то: принадлежность к низшему сословию; телесное наказание; отдача на общественные работы; прикрепление к наделу и т. д.) отработочная система была бы немыслима»[36]. Так, например, византийское законодательство лишало некоторых гражданских прав лиц, имущество которых расценивалось меньше 50 номисм[37]. Неужели это не имеет значения при определении положения наемных работников — мистиев? Сыграло ли это ограничение в правах определенную роль при процессе закабаления крестьянства? Мы полагаем, что без указания на гражданское неполноправие (а это можно изучить только по положениям действовавшего права) освещение таких вопросов было бы неполным.

В статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана выдвигается в качестве спорной проблема преемственности византийского города от античного, причем ими факт преемственности отрицается. Однако мы никак не можем согласиться с мнением З. В. Удальцовой и А. П. Каждана. Ими в защиту своей точки зрения приводятся два аргумента: изменение форм организации производства в византийском городе по сравнению с античным и экономический упадок городов в VII—VIII веках. Но ведь любой старинный город за многовековую историю испытывал самые глубокие изменения в организации производственной жизни, управления, в социальном и этническом составе населения, переживал периоды экономического упадка и подъема, и тем не менее преемственная связь города с этапами его прошлого развития не терялась. Сущность вопроса состоит в том, продолжал ли город оставаться центром товарного производства и денежных отношений, ремесла и торговли, не было ли особого периода перерыва, когда город терял свою экономическую сущность и превращался фактически в деревню или военное укрепление, как это было в Западной Европе. В Византии город все время оставался экономическим, политическим и культурным центром. Товарный характер производства, денежное обращение, гражданское право — все это свидетельствует о непрерывных связях византийского города с античным. Как и прежде, город втягивал в товарные отношения массу окрестного крестьянства. Разумеется, не все города сохранили свое положение, ряд городов временно аграризировался. Но нельзя отрицать, что такие города, как Константинополь, Фессалоники, Смирна, Трапезунд, Амория, никогда не переходили на положение аграризированных селений. Мы не можем отбросить важнейшее положение, которое определяет специфику византийского развития: в Западной Европе[38] город как экономическая категория возник в X—XI вв. в результате

[33] Actes de l'Athos, Xenophon, p. 42 («Византийский временник». Т. X, 1953, прил.), и в др. актах.

[34] τοῦ νόμου ἄγνοια (там же).

[35] Е. Э. Липшиц. Несколько замечаний о Василиках как источнике. «Византийский временник». Т. XIV, стр. 78.

[36] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 272.

[37] «Corpus Juris Civilis», v. I. Digesta. Berol. MCMLIV, 48, 2, 10; Basilicorum libri LX, ed. Heimbach. l. XXI, I, 27; Peira (Jus Graeco-Romanum, ed. Zachariae v. Lingenthal. Pars I. Lipsiae. 1856) 30, 11.

[38] Разумеется, мы не имеем в виду города Южной Италии, Испании и Прованса.

отделения ремесла от сельского хозяйства, а в Византии город перешел в средневековье «в готовом виде», то есть со сложившимися товарным производством, гражданским правом и экономическими институтами.

В статье приводится неоспоримое положение о том, что многие города Византии в VII—VIII вв. исчезали, аграризировались и тем самым переставали быть центрами товарных отношений. Но с объяснением причин таких превращений согласиться нельзя. Авторы статьи сводят все к конечной причине — разложению рабовладельческого строя. Но при этом не объясняется, почему переход производства к более прогрессивным формам обязательно должен был привести к потере городом его роли центра ремесла и торговли. Конечно, некоторый экономический спад вполне естествен в силу значительного изменения в составе потребителей, рынков спроса, но полный упадок в производственной жизни города при переходе от рабовладельческого к феодальному строю вовсе не обязателен и не закономерен. Те города, которые не подверглись разрушению (особенно в Сирии, Египте, Южной Италии, а также указанные византийские города), развивались непрерывно.

Авторы статьи при объяснении причин упадка некоторых городов в VII в. выступают против «внешнеполитической» теории. При этом недооценка ими «внешнеполитического момента» выступает настолько явно, что позволяет говорить о прямом отходе авторов от источников и конкретной истории. Мы имеем самые определенные сведения не только о разрушении городов, но и о том, что в течение двух столетий византийцы не могли восстановить хозяйство в результате того, что фактически были лишены возможности управлять данной территорией, или потому, что граница была доступна для ежегодных иноземных вторжений. Пути внешней и внутренней торговли находились под постоянной угрозой. Естественно, что при таком положении ряд городов должен был полностью исчезнуть, а другие — пережить длительный период упадка. Мы знаем, какой тяжелый ущерб экономике городов причинили нашествия Чингисхана в Средней Азии и Батыя в России. Невозможно недооценивать внешнюю опасность и для Византии. На протяжении всей истории она была объектом вторжений различных племен, большей частью кочевников. Это является существенной спецификой истории Византии. Народ в Византии восстановил свои города. Но для этого потребовалось прежде всего обеспечить безопасность торговых путей и относительную устойчивость границ, что удалось сделать только в X веке. Непреложен тот факт, что именно с этого времени начинается бурный рост экономики византийских городов, особенно на территории, занимаемой ныне Грецией.

☆

В советской литературе вызывает споры вопрос о характере византийских цехов. Мое утверждение о своеобразии византийских корпораций [39] подверглось критике со стороны А. П. Каждана [40], который считал, что константинопольские торгово-ремесленные организации, в сущности, ни в чем не отличаются от западноевропейских, тенденциозно трактуя отдельные тексты «Книги Эпарха» [41]. Безусловно, как показывают исследования В. В. Стоклицкой-Терешкович [42] и Ф. Я. Полянского [43], внутренняя

---

[39] М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. «Византийский временник». Т. IV, 1951.

[40] А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. «Византийский временник». Т. VI, 1953.

[41] Там же, стр. 135, 136, 142.

[42] В. В. Стоклицкая-Терешкович. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси. «Средние века». Вып. III, 1951.

[43] Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв. М. 1952.

структура западноевропейских цехов была весьма разнообразной, и на Западе вполне легко найти формы, внешне близкие к константинопольским, однако своеобразие византийских цехов неопровержимо. Константинопольское ремесло возникло не в результате выделения его из сельского хозяйства, а вследствие развития преемственной связи с позднеримским ремеслом. Таким образом, моменты общинного устройства деревни не могли повлиять на организацию византийских корпораций[44]. Непрерывность существования торгово-ремесленных объединений имела следствием преемственность и в производственных отношениях — обычные формы эксплуатации были живучи; как в позднеримском обществе, так и в Византии X в. применялся труд рабов в эргастериях, рабов использовали в качестве лиц, самостоятельно ведших торговые и ремесленные предприятия[45].

Византийские цехи имели меньшую самостоятельность, чем западноевропейские, поскольку в Константинополе патрициат обладал возможностью через подставных лиц (рабов) извлекать доходы в сфере ремесла и торговли. Особое положение Константинополя как центра международной торговли тоже отражалось на устройстве ремесленно-торговых объединений. Частые колебания спроса на предметы роскоши привели к тому, что цеховым мастерам невыгодно было иметь постоянных подмастерьев. В результате они предпочитали нанимать мистиев на месячный срок.

Непрерывность производственных традиций обусловила значительное преобладание константинопольского ремесла, в то время как на Западе товарное производство было сведено до минимума. Однако по мере развития городов на Западе пережитки позднеантичных отношений и внутренняя слабость цехов повлияли на потерю Константинополем своего положения на средиземноморском рынке.

Наиболее важной проблемой византийской истории является, как нам кажется, вопрос о путях становления византийского феодализма. Имеется в виду не только своеобразие византийского феодализма и его генезиса, но признание того факта, что перед Византией стояли разные возможные пути перехода к феодализму, причем каждый из них был выгоден определенной прослойке господствовавшего класса.

Переход к феодализму в Византии проходил на базе очень развитого римского общества, которое не развалилось, подобно галло-римскому во Франции. Генезис феодализма в Западной Европе происходил в значительно менее сложных условиях. В Византии у господствовавшего класса имелись возможности прямой эксплуатации непосредственного произво-

---

[44] А. П. Каждан признает «генетическую связь» константинопольских цехов X в. с позднеримскими корпорациями (А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе, стр. 144). Это — признание непрерывности существования ремесленно-торговых организаций в Константинополе (что совершенно очевидно хотя бы на примере аргираратов-аргентариев). Однако А. П. Каждан отмечает, что позднеримские цехи были несвободными в отличие от константинопольских цехов X века. Но нужно принять во внимание, что «принудительность» в позднеримское время относилась: 1) к государственным мастерским, 2) к таким организациям, как навикулярии, куриарии, которые объединяли не предпринимателей и не ремесленников, а налогоплательщиков, выполнявших в принудительном порядке государственные повинности. Характер финансовых институтов государства, разумеется, накладывает отпечаток на все торгово-ремесленные объединения, однако это фактор подчиненного значения, который зависит от изменений финансовой политики и мог только возлагать на цехи те или иные обязательства перед государством, не меняя, однако, социально-производственной структуры объединений.

[45] Подробнее см. М. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. Вып. II. Свердловск. 1955, стр. 175—177.

дителя, эксплуатации его через государственный аппарат и использования товарного обращения (внешней и внутренней торговли, местного ремесла). В Западной Европе в период генезиса феодализма, наоборот, феодальная рента была почти единственным источником дохода землевладельческой знати; путь к феодализму и характер развития феодальных отношений вытекал только из одной возможности — прямой эксплуатации непосредственного производителя. В Византии, где существовало централизованное государство и сохранилось относительно развитое товарное обращение, в период генезиса феодального строя феодальная рента не могла иметь не только абсолютного, но даже и преобладающего значения.

Каковы были возможные пути развития феодальных отношений в Византии? Первый путь (как было во франкском обществе) вел к феодально-раздробленному государству, во главе которого должны были стоять провинциальные сеньоры, извлекавшие феодальную ренту в результате эксплуатации зависимых крестьян. Этот «континентальный» путь не мог вполне соответствовать условиям Византии — морской страны, являвшейся связующим звеном в торговле между Западом и Востоком. За этот путь развития боролась фемная крупноземлевладельческая знать.

Другой путь вел к распаду Византии на ряд самостоятельных богатых городских республик (подобно развитию Далмации и Италии). Знати отдельных городов, входивших в состав Византии, удалось повернуть их развитие именно по этому пути (Венеция, далматинские города). Другие города Византии усиленно, хотя и неудачно, стремились встать на этот путь (восстания в Херсонесе). Знать не только периферийных городов, но и столичная имела тенденцию к превращению Византии в государство типа Венеции или Генуи с тем, чтобы все большее значение приобретал синклит, а власть императора ограничивалась бы участием в торжественных процессиях и свелась бы к роли венецианского дожа. Ведущую роль в этом направлении играла та городская родовитая знать, которая наряду с землевладельческими доходами широко использовала торговое положение византийских городов-эмпориев [46].

Третьим возможным путем развития Византии было превращение ее в централизованное государство восточноазиатского типа с подчинением непосредственных производителей государственным чиновникам, с государственной собственностью на землю, где налог и земельная рента были тождественны [47].

Борьба за пути развития Византии отмечалась постоянными столкновениями различных прослоек знати в обстановке самой острой внешней опасности как со стороны арабского юго-востока, так и со стороны славянского северо-запада, а затем со стороны турецкого востока и итальянского запада. Естественно, что любая прослойка знати не могла добиться устойчивой победы без сильной государственной власти. Вследствие этого борьба проходила в форме стремления овладеть государственным аппаратом и троном.

Социальные преобразования в Византии VII—VIII вв. привели к появлению многочисленного свободного крестьянства, на базе которого стало возможным сформирование нового фемного войска. Появилось «стратиотское» землевладение, которое приобрело некоторое привилегированное положение в сравнении с землевладением прочих крестьян. Но именно в недрах фемного военно-землевладельческого сословия с особенной силой стала развиваться новая землевладельческая провинциальная знать.

До тех пор пока еще была сильна старинная, связанная с рабовладением городская сенаторская, опиравшаяся на Константинополь знать,

---

[46] Подробнее см. М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. «Византийский временник». Т. VIII, 1956.

[47] Ср. К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 804.

интересы широких прослоек крестьянства совпадали с интересами фемной зарождавшейся знати в борьбе против господства и влияния городской аристократии. В этом отношении выступления Юстиниана II и иконоборческой династии сыграли прогрессивную роль, укрепляя мелкое землевладение.

В конце VII и в VIII в. стратиотские массы фем фактически решали судьбу власти императоров. Иконоборческая сирийская династия, представляя интересы молодой военнослужилой фемной землевладельческой знати, фактически направляя Византию по «меровингскому» пути, должна была привлекать на свою сторону рядовых стратиотов, участников ересей крестьянских движений и городскую бедноту против городской константинопольской знати и монашества, тесно связанного с ней родственными и экономическими узами. Это было время демагогически проводимых силенциев (городских народных собраний, руководимых императором) и широких конфискаций, укрепления мелкого землевладения.

Но в дальнейшем военнослужилая знать повела наступление против общины с целью создания крупного феодального землевладения. Позиция боровшихся сторон изменилась. Переломным моментом можно считать восстание народных масс в 821—824 годах [48]. Как известно, восстание закончилось поражением, в результате быстро укреплялась позиция провинциальной фемной знати. Особенное усиление крупного землевладения в Малой Азии можно отметить в связи с поражением павликиан, после чего выступили на сцену все известные в дальнейшей истории Византии феодальные семейства. Боясь дальнейшего усиления феодализировавшегося крупного землевладения в провинции, константинопольская знать заняла в отношении к крестьянству новую позицию: стала защищать мелкое крестьянское и стратиотское землевладение против динатов. Поскольку в этом были заинтересованы и константинопольский патрициат, и торгово-ремесленные круги, и чиновно-бюрократический аппарат и к тому же вели соображения военного характера, защита общинного и стратиотского землевладения велась всерьез и деловито. Мы считаем, что в нашей исторической литературе недооцениваются значение и роль аграрной политики императоров X века [49].

Неопровержимо, что именно в это время Византия переживала подъем в экономическом, военном и культурном отношениях. Но следует отметить и другое последствие этой политики. Законами о предпочтении земельных сделок внутри общины создались такие льготные условия для покупки земли более зажиточными людьми у своих односельчан, что в недрах общины стали создаваться крупные земельные состояния.

Политика, имевшая своею целью задержать развитие феодального землевладения, привела к противоположному результату: вместо сохранения общины ускорилось ее разложение. Разбогатевшие крестьяне очень легко проникали в среду провинциальной знати, как показывает пример Филокалеса в новелле Василия II [50].

Общие интересы выходившей из среды крестьянства богатой прослойки и военнослужилой фемной знати сделали позицию провинциального крупного землевладения чрезвычайно прочной. В 1081 г., используя внешние затруднения, провинциальная феодальная знать захватила государственный аппарат в свои руки, и, таким образом, с конца XI в. победил «каролингский» путь развития. Византия, несмотря на свое географическое положение морской державы, пошла по стопам континентальных государств Запада, тем самым уступив своим итальянским конкурентам первенство в торговле.

[48] См. Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. «Вестник древней истории». 1939, № 1, стр. 352—365.

[49] Например, «Византийский временник». Т. IV, стр. 195; т. V, стр. 74 и сл.

[50] «Jus Graeco-Romanum». Vol. III, p. 310, 10.

★

Специфика византийского развития при относительно широких товарных отношениях и удобном географическом положении дает основание говорить о возможностях раннего появления капиталистических элементов в экономике.

В начале XII в. быстрое развитие провинциальных городов, шелковой промышленности и товарного земледелия создавало возможность постепенного зарождения элементов капиталистических отношений в Византии и некоторые предварительные условия для перехода к последнему этапу феодализма — абсолютизму, минуя этап феодальной раздробленности. Громадное количество монет XII в., находимых повсеместно на территории бывшей Византийской империи, особенно в Греции, показывает мощный подъем провинциального ремесла и торговли. Но внутренняя политика, проводившаяся в ущерб византийской торговле, неосторожные, невыгодные союзы с итальянскими торговыми республиками, неудачная и дорогостоившая внешняя политика Мануила (1143—1180) препятствовали развитию этого направления, и переход к феодальной раздробленности оказался неизбежным. Уже при Мануиле Комнине восторжествовали пронийальная система, массовое обращение оставшихся свободных крестьян в зависимое состояние, а вместе с тем происходили острые выступления народных масс, упадок власти централизованного государства. Сложное внешнее положение Византии ускорило развязку: Византия пала под ударами крестоносцев. Это еще больше усилило тенденции к феодальной раздробленности. После 1204 г. единство Византии так и не смогло быть восстановлено. Власть Палеологов после ликвидации Латинской империи развивалась в условиях типичной феодальной раздробленности. Постепенно суживалась территория; города фактически стали полунезависимыми сеньориями; Константинополь почти был лишен подвластной территории. Конечно, богатый город, узел мировой торговли, мог бы успешно соперничать с Генуей, но ряд обстоятельств не позволил Константинополю использовать свое положение. Город имел такое управление, которое характерно было для континентальной местности, влияние городской торговой знати было ничтожно. Республиканский строй действительно мог бы заботиться об интересах Константинополя как центра торговли и товарного производства. Развитию производительных сил могло бы содействовать и превращение Византии в централизованное национальное абсолютистское государство. Однако для первого пути требовалось свержение господствовавшей прослойки знати, состоявшей из землевладельцев, заинтересованных в пассивной торговле зерном со странами Запада и в проведении политики, угодной итальянским городам. Второй путь тоже был немыслим без борьбы против носителей феодальной раздробленности — светских и монастырских феодалов.

Византия должна была перейти к закономерно неизбежному этапу феодализма, характеризующемуся сложной классовой борьбой, к укреплению королевской власти, опиравшейся на мелкое дворянство и городскую зажиточную прослойку в борьбе против феодальной аристократии. При этом одновременно усиливалась эксплуатация народных масс. Этот этап феодализма прошли и Западная Европа и Россия. Византии, однако, трудно было перейти к нему вследствие чрезвычайной слабости собственной городской зажиточной прослойки, более двух веков притеснявшейся итальянскими купцами. Но без решительной борьбы против институтов и носителей феодальной раздробленности невозможно было ни развить свою промышленность, ни создать внутренний национальный рынок, ни консолидировать силы греческого народа против внешней опасности.

Именно на такой путь пытались народные массы толкнуть династию Палеологов во время гражданской войны, начавшейся в 1342 году. Был

момент, когда, казалось, правительство Анны Савойской и Алексея Апокавка начало проводить прогрессивную политику, резко выступив против высшей феодальной аристократии и против реакционнейшей идеологии того времени — исихиазма. Именно этим и объяснялся «легитимизм» зилотов и народных масс, ошибочно видевших в константинопольских правителях действительных противников феодальной раздробленности и ожидавших, что правительство станет опираться на поддерживавшие его прогрессивные силы горожан и народа, восставшего против феодалов. Но правительство Алексея Апокавка не поняло ситуации, не решилось продолжать последовательно борьбу против феодальной знати. Наоборот, аристократия, испуганная вмешательством народных масс в борьбу клик, развила особенно энергичную деятельность, опираясь на иностранную помощь и содействие феодалов из недавно присоединенных в Фессалии и Эпире местностей. Робкие попытки Алексея Апокавка повести политику, которая была бы аналогична политике французских королей Филиппа IV и Людовика XI, были прерваны его убийством, после чего константинопольское правительство полностью прекратило борьбу против феодалов и решительно выступило против зилотов в Фессалониках. Естественно, что «легитимизм» зилотов исчез, связи с константинопольским правительством фактически прервались и в дальнейшем движение приобрело локальный характер фессалоникийской коммуны.

Несмотря на определенные сдвиги в экономике, господствовавшая в Константинополе и в провинции клика довела Византию до того, что из «мастерской великолепия», каковой последняя была вплоть до XII в., она превратилась в страну, вывозившую продукты сельского хозяйства.

История Византии связана с борьбой различных слоев эксплуататоров за особые пути развития феодализма, соответствовавшие интересам того или иного слоя знати. Генезис, характер развития и особенности институтов византийского феодализма нельзя понять без сравнительного его изучения с закономерностями смены отдельных этапов феодализма в Западной Европе, в России и на Востоке.

Разумеется, причины падения Византии, ее упадка, начавшегося с конца XI в., еще недостаточно изучены. Много спорного имеет определение характера византийской феодальной собственности в XIII—XV вв. и сущности институтов пронии, иммунитета, государственной собственности [52]. Весьма спорными являются вопросы об имущественно-правовом положении париков в поздневизантийский период, о состоянии ремесла и торговли в Византии в XIII—XV веках. Много противоречивых, нерешенных проблем в области византийского влияния на славянские языки [53], политические учреждения, законы, технику ремесла и искусство. Перед византиноведением советским и стран народной демократии стоит задача разрешения ряда проблем в свете марксистской методологии.

---

[52] См. новейшие исследования о пронии: А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII — XIV вв. М. 1952; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. «Византийский временник». Тт. XI—XII, 1956—1957; G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la feudalité byzantine; его же. К истории иммунитета в Византии. «Византийский временник». Т. XIII, 1958.

[53] По вопросу о влияниях на язык см. полемику: Л. П. Якубовский. История древнерусского языка. М. 1953; И. Попович. К вопросу о хронологии греческих заимствований в восточнославянских языках. «Византолошки институт». Кн. 5. Београд. 1958. Отметим полемику о происхождении слова «Россия»: М. Н. Тихомиров. О происхождении названия «Россия». «Вопросы истории». 1953. № 11; А. И. Соловьев. Византийское имя России. «Византийский временник». Т. XII. 1957.

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ НАЧАЛА XVII века

В. И. Корецкий

Развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия по поводу крестьянской войны в России начала XVII в. весьма своевременна. Крестьянская война, подготовленная всем ходом социально-экономического развития России на протяжении XVI столетия, представляет важный этап в истории нашей страны. За последнее время советская историческая литература обогатилась рядом ценных исследований, посвященных рассмотрению бурных и сложных событий начала XVII века. Среди этих работ большое значение имеет капитальный труд И. И. Смирнова [1].

Однако некоторые проблемы крестьянской войны начала XVII в. еще требуют дальнейшего изучения. Поэтому следует приветствовать в статье А. А. Зимина новую постановку вопросов о хронологии крестьянской войны, ее движущих силах, историческом значении и др. Теперь, когда круг проблем, подлежащих обсуждению, в основном определен, необходимо, чтобы на страницах журнала появились обобщающие статьи, решающие поставленные вопросы на конкретном материале с позиций марксистско-ленинского учения о крестьянских войнах. Только в таком случае дискуссия может быть плодотворной и способствовать решению одного из важнейших вопросов истории народов СССР феодального периода.

В дискуссии были высказаны различные точки зрения о восстании Хлопка. Являлось ли оно началом крестьянской войны или было лишь «предвестником» ее наступления в будущем? Первую точку зрения отстаивает А. А. Зимин [2]. Взгляд на движение Хлопка как на начало крестьянской войны был впервые сформулирован Б. Д. Грековым еще в 1934 году [3]. В дальнейшем к такому же выводу пришли Е. Н. Кушева, П. П. Смирнов, В. Д. Королюк [4]. Второй точки зрения придерживается И. И. Смирнов, характеризующий это движение как «наиболее грозный предвестник восстания Болотникова» [5].

В. В. Мавродин, В. Н. Бернадский, И. С. Шепелев, выступавшие по

---

[1] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607. М. 1951 (изд. 1-е. Л. 1949); И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск. 1957; Н. П. Долинин. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков. 1958.

[2] А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 98.

[3] Б. Д. Греков писал, что видит в движении Хлопка не обычные «разбои», а «начало гражданской войны» (Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России. «Известия ГАИМК». Вып. 72. 1934, стр. 142).

[4] Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII века. «Исторические записки». Т. 15. 1945, стр. 92; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. М.-Л. 1947, стр. 368; «История Москвы». Т. I. М. 1952, стр. 289; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955, стр. 492.

[5] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 83; его же. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века. «Вопросы истории». 1958, № 12, стр. 116—117.

окладу И. И. Смирнова на заседании группы истории СССР Ленинградского отделения Института истории АН СССР, не считают восстание Хлопка началом крестьянской войны [6].

Решение вопроса о восстании Хлопка представляет большой теоретический интерес. Оно невозможно без творческого применения марксистско-ленинского учения о крестьянских войнах в период феодализма. При разработке проблемы надо исходить из основных положений труда Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», конечно, учитывая при этом своеобразие обстановки в России начала XVII века. Необходимо тщательное исследование движущих сил восстания, его целей, времени возникновения и этапов развития, района распространения с тем, чтобы выявить как общие, так и специфические его черты не только по сравнению с восстанием Болотникова, но и с предшествующей классовой борьбой в конце XVI столетия. Трудность исследования заключается прежде всего в крайней малочисленности сохранившихся источников. Поэтому источниковедческие вопросы приобретают особое значение.

Между тем А. А. Зимин и И. И. Смирнов с точки зрения документальных данных недостаточно обосновывают свои взгляды на движение Хлопка. В их статьях отсутствуют какие-либо новые материалы о нем. В результате общая картина восстания Хлопка остается во многом еще неясной. В дальнейшем мы постараемся показать, что возможность ввода в научный оборот новых архивных материалов по истории классовой борьбы в России конца XVI — начала XVII в., так же как и более глубокая интерпретация уже имеющихся документов, далеко еще не исчерпана. Расширение источниковедческой базы исследования поможет конкретизировать наши представления о восстании Хлопка. Без этого, конечно, нельзя дать его общую оценку. В отличие от А. А. Зимина и И. И. Смирнова в данной статье мы рассмотрим историю восстания Хлопка на фоне широкого антифеодального движения крестьян и холопов, охватившего страну в голодные 1601—1603 гг. и проявившегося в самых разнообразных формах.

★

Усиление феодального гнета и законодательство 80—90-х годов XVI столетия, оформившее в общегосударственном масштабе крепостное право в России, вызвали протест в среде крестьян и холопов. Источники сообщают о многочисленных действиях «разбойников» (так в документах часто назывались восставшие крестьяне и холопы), которые нападали на поместья и вотчины, забирали документы, удостоверявшие владельческие «права» на землю и крестьян, убивали феодалов. Например, мы находим сообщения об убийстве ряда новгородских помещиков либо в их собственных поместьях, либо на дорогах, ведущих из Новгорода в Москву [7]. В некоторых случаях дело доходило до настоящих боев с «разбойниками». Так, ямской стройщик расположенного на московской дороге Выдропужского яма Герасим Ушаков 7 октября 1585 г. сообщал о вооруженном столкновении с «разбойниками», которые, разгромив поместье сына боярского Терентия Сукина, напали на ямского стройщика и забрали у него собранные для посольских гонцов подводы. В присланной от новгородских воевод грамоте совершенно определенно говорилось об этих «разбойниках» как о крестьянах и холопах [8]. Разгром поместья Терентия Сукина был далеко не единичным явлением. Помещик Деревской пятины Ружина Языков в 1596 г. писал в своем челобитье, что «на старое его поместье... ввозную грамоту с его животы разбойники взяли». Перепис-

[6] «Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 205—207.

[7] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Новгородская приказная изба, кн. № 974, л. 230; стб. № 42 744, дело из 4 лл., л. 4; стб. № 42 737, ч. 1, л. 1; стб. № 42 736, ч. 2, дело из 6 лл., л. 2.

[8] Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XXII. СПБ, 1908, стб. 155, 158.

ная книга Новгородского судного приказа 1593—1600 гг. содержит указание на «дело розбойное розбойников Офонаско Дуракова да Тимошки Олгина во княж Матфееве Мещерского в деревенском разбое». О широких размерах, которые приняли в 90-х годах XVI столетия в районе Новгорода «деревенские разбои», свидетельствует хранившийся в Новгородской приказной избе «столп 102 году, а в нем сыски всех пятин от губных старост про воров и про розбойников» [9].

Действия «разбойников» в конце XVI в. не ограничивались Новгородским уездом, они охватывали различные районы Русского государства. В 1586 г. в Троице-Сергиевом монастыре был похоронен меньшик Юрьев сын Румянцев, убитый в Козельске «разбойниками». Во ввозной грамоте от 30 июня 1588 г. Григорью Баскакову на д. Молохово в Переславль-Залесском уезде указывалось на то, что «в нынешнем 96-м году Субботу Баскакова (отца Г. Баскакова.— *В. К.*) убили разбойники». Та же участь постигла в 1593 г. арзамасского помещика Михаила Хмелевского, возившего в Арзамас черновики отдельных книг. В конце XVI в. власти галичского Паисиева и московского Чудова монастырей просили царя Федора Ивановича выдать им новые жалованные грамоты взамен прежних, отобранных у них «разбойниками» [10].

Частые нападения «разбойников» заставляли феодалов принимать меры предосторожности. Ряд записей в приходо-расходных книгах Болдино-Дорогобужского монастыря за 80-е годы XVI столетия посвящен вооружению и снабжению монастырских стрельцов и покупке оружия в монастырские села «для бережения от лихих людей» [11].

Мы ни в коей мере не склонны считать каждый «разбой» проявлением классовой борьбы, а в каждом «разбойнике» видеть выразителя крестьянских интересов. Разгромы богатых боярских вотчин в XVI в., особенно в период опричнины, зачастую производились мелкими дворянами. Однако в своей массе «разбои» 80—90-х годов XVI столетия как по составу участников, так и по своим целям имели антифеодальную направленность. Она становится еще более ясной, если рассматривать «разбои» в связи с другими формами классовой борьбы.

В конце XVI в. большой остроты достигает борьба за землю. Крестьяне не только успешно отстаивают свои земли от посягательств господ, но и сами активно вторгаются во владения феодалов. В этом отношении весьма показательно челобитье патриаршего сына боярского Василья Скобелева, на которое впервые обратил внимание И. И. Смирнов. Из этого челобитья мы узнаем, что Василий Скобелев под угрозой сгона с поместья вынужден был идти крестьянам на уступки и сдавать «в наем» часть земли. Борьба со стороны крестьян носила наступательный характер. Они уничтожали знаки феодальной собственности, перепахивали межи и заявляли, что не успокоятся до тех пор, пока окончательно не завладеют патриаршей землей [12].

Участились случаи открытого неповиновения крестьян распоряжениям представителей государственной администрации. Возвращение беглых, сбор налогов, подводные повинности — все это служило поводом для столкновений. Так, в Рославльском уезде в 1588 г. отказались явиться

---

[9] ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стб. № 42 757, ч. 1, дело из 16 лл., л. 1; «Акты, относящиеся до юридического быта древней России». Т. II. СПБ. 1864, стб. 177; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Т. 1, отд. 1. СПБ. 1905, стр. 46.

[10] «Список погребенных в Троице-Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года». М. 1880, стр. 72; ЦГАДА, ф. Грамот коллегии экономии, Переславль-Залесский уезд, № 9014; Галичский уезд, № 3385; С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). М. 1915, стр. 638; Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ГБЛ). Собрание Беляева. Акты, № 200.

[11] РИБ, Т. XXXVII, стб. 39, 41, 75—76, 79.

[12] И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6.

«для ответа» в Москву в приказ Большого дворца беглые крестьяне, убившие своего помещика и сжегшие его поместье. В 80-х годах отказы от поставки подвод вылились в Новгородском уезде в стихийное возмущение, охватившее население нескольких пятин. В 1594 г. по челобитью губного старосты Ивана Поскочина возникло судебное дело на крестьян новгородского помещика Н. Осинина, которые ранили сопровождавшего губного старосту подьячего Посника Подолова «и понятых и подвод им не дали и с ними для государева дела не поехали» [13].

Широко известны в историографии волнения 1594—1595 гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре. Тогда крестьяне перестали выполнять монастырские повинности, вторгались в заповедные леса и убивали монастырских слуг. Прибывшая из Москвы в монастырь специальная комиссия в составе А. Измайлова и К. Петрова временно приостановила развитие движения. Однако с ее отъездом волнения вспыхнули с новой силой. Монастырские власти, убедившись в невозможности подавить движение лишь путем насилия, должны были пойти крестьянам на уступки, отказавшись от взимания высоких процентов по принудительному кредитованию «на животинный приклад», от произвольной «переоброчки» крестьян и т. п.[14]. В 90-х годах XVI в. происходили волнения крестьян также и в вотчине Антониево-Сийского монастыря.

В 1591 г. в Москве был раскрыт заговор холопов, обвинявшихся в том, что они хотели поджечь столицу в момент осады ее Казы-Гиреем. Было схвачено около 70 человек, которые понесли суровое наказание [15]. Большое брожение охватило в 1591—1592 гг. крестьянство юго-западных окраин Русского государства. Здесь «многие простые люди» обвиняли Бориса Годунова в том, что он привел к Москве крымского хана Казы-Гирея, боясь ответить за убийство царевича Дмитрия. По всей «украйне» был организован массовый сыск, сопровождавшийся пытками и жестокими наказаниями: «И много множества людей с пыток помроша, а иных казняху и языки резаху, а иных по темницам умираху, и оттого многие места запустеша» [16].

Отмечая несомненное обострение классовой борьбы в России в конце XVI столетия, необходимо иметь в виду разрозненность и распыленность выступлений крестьян и холопов. Они носили ярко выраженный местный характер, направлялись не против феодального господства в целом, а против отдельных господ, представителей государственной администрации, монастырей и их злоупотреблений. Правительство контролировало положение в стране и душило в зародыше все проявления протеста. Вспышки народного недовольства в конце XVI в. не обладали ни достаточной силой, ни необходимой массовостью, чтобы разрастись в большой пожар и выйти за границы феодальных владений или отдельных уездов. Поэтому они не представляли непосредственной угрозы для феодального строя в России в целом. Однако в своей совокупности они предвещали такую опасность в будущем.

Став царем, Борис Годунов попытался разрядить напряженную обстановку. В 1598 г. им была проведена амнистия и сложены недоимки по государственным налогам, предоставлены льготы служилым и посадским людям; к этому же времени относится попытка регламентировать

---

[13] «Масловский архив». «Чтения ОИДР», 1916, кн. 2, стр. 26; РИБ. Т. XXII, стб. 224—226; ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стб. № 43278, л. 156.

[14] Подробнее об этом см. в нашей статье «Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII вв.». «Вопросы истории религии и атеизма», 1958, № 6.

[15] И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. 1937, стр. 39.

[16] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIV, ч. 1. СПБ. 1910, стр. 44. 1591 г. на Украине началось первое широкое крестьянско-казацкое восстание, охватившее Волынь, Киевщину и Подолию. «Історія Української РСР». Т. I. Киев. 1955, стр. 183.

крестьянские повинности в пользу господ, о которой сообщает М. Шиль в своем донесении к германскому императору Рудольфу II [17].

Стремясь завоевать популярность в народе, Борис Годунов не скупился на демагогические жесты. По свидетельству Авраамия Палицына, во время венчания на царство он, призывая бога в свидетели, обещал, что «никто же убо будет в моем царствии ниц или беден». «И треся верхнюю срачицы на себе», царь заявил во всеуслышание о своей готовности поделиться со всеми последней рубашкой. Эта политика социальной демагогии имела временный успех. В первые два года царствования Бориса Годунова наблюдалось кажущееся затишье в классовой борьбе. А. Палицын, сурово осуждавший Бориса Годунова за чрезмерные и невыполнимые обещания, должен был признать, что на некоторое время ему удалось добиться спокойствия: «Двоелетнему же времени пришедшу, и всеми благими Росия цветяше» [18]. В том же духе высказывается и другой современник: «Бысть при царе Борисе тихо и безмятежно два лета» [19].

Для того, чтобы вывести крестьян из традиционной жизненной колеи и заставить взяться за оружие, нужны были совершенно исключительные события. Таким толчком, приведшим в движение крестьян и холопов в России в начале XVII в., послужил страшный голод. Он начался осенью 1601 г., а в последующие два года принял невиданные размеры. Погибли многие тысячи людей. По словам современника, «мертвых по улицам и дорогам собаки не проедали». В одной Москве, по официальным данным («счисляюще по повелению цареву»), за два года и четыре месяца было погребено на трех кладбищах 127 тыс. человек [20]. Современный наблюдатель, пытаясь оценить общие потери от голода 1601—1603 гг. в масштабе всей страны, приходил к неутешительному выводу, что тогда «вымерла треть царства Московского голодною смертью» [21].

Голод 1601—1603 гг. был вызван стихийными бедствиями (проливные дожди, ранние заморозки), но его течение сильно осложнили социальные причины. Масса людей погибла «голодною смертью», между тем в стране были значительные хлебные запасы. Однако светские и духовные феодалы, купцы и зажиточные крестьяне скрывали огромные запасы хлеба, стремясь повысить цены. В стране процветала спекуляция. В голодные годы происходило дальнейшее усиление феодального гнета. Монастырские архивы позволяют проследить те глубинные процессы, которые происходили тогда в феодальном хозяйстве. В архиве музея московского Новодевичьего монастыря сохранился интересный материал о переводе крестьян с денежного оброка на барщину и платежи натурой [22].

Возрождение в условиях голода более примитивных форм эксплуатации явилось той основой, на которой происходил рост крестьянского закрепощения. Светские феодалы усиливали «похолопление» свободных людей и крестьян, монастыри набрасывали на шею крестьян долговую петлю. Достаточно сказать, что в казне Иосифо-Волоколамского монастыря осенью 1601 г. хранилось 548 долговых кабал и памятей на общую сумму

---

[17] ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стб. № 43 283, л. 95; «Дополнения к актам историческим». Т. 1. СПБ. 1846, стр. 249—250; Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768). Ч. IV. М. 1901, стр. 126—127; «Чтения ОИДР», 1875, кн. 2, отд. IV, стр. 17.

[18] «Сказание Авраамия Палицына». М.-Л. 1955, стр. 104.

[19] Отдел рукописей Государственного исторического музея (ГИМ). Собрание синодальное, № 964; ЦГАДА, ф. Оболенского, д. 44, л. 21 об.

[20] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, прих.-расх. кн. № 12, л. 135; «Сказание Авраамия Палицына», стр. 106.«Rerum Rossicarum Scriptores Exteri». Т. I. СПБ. 1851, стр. 23.

[21] ГБЛ. Собрание Лукашевича № 86, л. 373. Рукопись описана Я. Н. Щаповым. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина». Вып. 19. М. 1957, стр. 24.

[22] Архив музея Новодевичьего монастыря, приходная книга 1603—1604 гг., лл. 71—71 об., 74 об., 75, 143 об.—144.

в 1 431 рубль[23]. Феодальный гнет, беззастенчивая спекуляция хлебом со стороны светских и духовных господ, их постоянное стремление к закрепощению крестьян — все это губительно сказалось на состоянии крестьянского хозяйства. Поэтому наиболее ужасные опустошения произвел голод в районах, где крепостничество достигло к началу XVII в. наибольшего развития (центр, запад, северо-запад, юго-восток). Голодавшие крестьяне целыми деревнями покидали насиженные места и отправлялись на поиски хлеба. Осенью 1602 г. приказчик царской вотчины в селе Кушалине Ф. Шишмарев спрашивал у Бориса Годунова, как следует поступать с крестьянами, которые пришли в село «и стали по улицам з женами и детьми голодом и с озноби умирати»[24]. Положение усугублялось тем обстоятельством, что феодалы, чтобы не расходовать хлеба, распускали свои дворы. При этом они не давали прогнанным холопам отпускных, обрекая их на голодную смерть. Измученным голодовкой людям не оставалось ничего другого, как либо бежать на юг, где голод не достиг такой степени (как, например, в центральных уездах), или добывать хлеб, пуская в ход насилие.

В стране с осени 1601 г. возникло в народе «волнение велие», о котором писали составители уложения 9 марта 1607 года. Уже в начале сентября 1601 г. в Москву поступили крестьянские челобитные с просьбами о сложении государственных налогов «ради нынешнего хлебного недорода». Ямские охотники Пчевского яма били челом на Москве осенью 1601 г. по поводу того, что «у них же рожь не родилась, а яровой хлеб вызяб, и им де самим до нови прожити и лошадей кормити и ярового хлеба сеяти нечим». «Молотчие» посадские люди и «нужные» пашенные крестьяне Соль-Вычегодского уезда в своем челобитье, изложение которого приведено в царской грамоте от 3 ноября 1601 г., называли спекуляцию хлебом «воровством»[25]. В ряде мест городские низы и крестьяне поднимались на активную борьбу со спекулянтами хлебом. П. Петрей писал, что бедняки отнимали хлеб у продавцов, а их самих подчас убивали. По словам И. Массы, в Москву «привозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы его не отняли силой»[26].

О том, насколько обострилось положение летом и осенью 1601 г. на южных окраинах Русского государства, свидетельствует запись в разрядах о посылке 5 сентября 1601 г. Борисом Годуновым из Москвы в район Тулы дворян Григория Игнатьевича Вельяминова и Никиты Михайловича Пушкина. Согласно царскому наказу, эти дворяне во главе отрядов из детей боярских должны были произвести обыски и расправы[27]. Очевидно, чрезвычайными действиями правительственных войск был вызван побег в 1601 г. из «украйных» городов в Крым «ведомого вора и разбойника» Казаринка Уварова, приговоренного к смертной казни. В мае 1602 г. русское правительство требовало его выдачи у крымского хана, чтобы передать находившимся в Крыму русским послам князю Григорию Волконскому и Михаилу Огаркову[28]. В Казаринке Уварове правительство Бори-

[23] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, прих.-расх. кн. № 12, л. 2.

[24] Там же, ф. Приказные дела старых лет, 1599 г., д. 1, л. 10. Материалы эти выявлены и подготовлены к печати Р. В. Овчинниковым, которому приношу благодарность за предоставленную возможность использовать их в настоящей статье.

[25] М. Т. Курдюмов. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г.» (ЛЗАК). Вып. 31. 1923, стр. 175; РИБ. Т. XXII, стр. 753—757; М. И. Семевский. Историко-юридические акты XVI и XVII вв. ЛЗАК. Вып. IX. СПБ. 1893, стр. 55—57.

[26] Петр Петрей де Ерлезунд. История о великом княжестве Московском. М. 1867, стр. 192; И. Масса. Указ. соч., стр. 59.

[27] ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 589. Дата «5 сентября» приводится и в других списках рукописных разрядных книг (ЦГАДА, ф. Оболенского, д. 86, л. 269 об.; ИМ. Собрание Щукина № 496, л. 1127), что заставляет отвергнуть датировку Валуевской разрядной книги, где посылка дворян в Тулу отнесена к 10 сентября («Симбирский сборник». Т. 1. М. 1844, стр. 145).

[28] ЦГАДА, ф. Крымские дела, 1601 г., д. 2, лл. 156—157.

са Годунова видело опасного государственного преступника, предложив в случае отказа крымского хана удовлетворить это требование казнить его в присутствии князя Григория Волконского.

Брожение на южных окраинах летом и осенью 1601 г. было весьма тревожным симптомом. К числу правительственных мер, направленных на борьбу с «разбойниками», следует отнести издание в 1601 г. нового уложения «по разбойным и татебным делам». Оно предусматривало льготы для средних и мелких помещиков в выплате государственных налогов по строительству тюрем, содержанию тюремной администрации и т. п. Борис Годунов считал неразумным собирать эти налоги с помещиков в момент, когда из их числа формировались отряды, предназначенные для посылок против «разбойников». В интересах мелких и средних помещиков, являвшихся социальной опорой правительства Бориса Годунова, был издан также закон 1601 г. о вывозе крестьян. Вступление же к этому закону было сформулировано таким образом, чтобы успокоить волновавшихся крестьян и создать у них впечатление о возвращении им права выхода, отнятого в общегосударственном масштабе в 1592—1593 годах [29]. Целями успокоения народных масс призван был служить и указ от 3 ноября 1601 г. о хлебных ценах и борьбе со скупщиками, в котором правительство стремилось выдать себя за защитника общенародных интересов. Однако социальные противоречия в условиях голода обострились настолько, что ни карательные экспедиции, ни демагогические законы, изданные спешно осенью 1601 г., не могли задержать развития в стране классовой борьбы.

В 1602—1603 гг. антифеодальное движение в России приняло массовый характер. В апреле — мае 1602 г. произошли волнения среди новгородских ямских охотников, охватившие две ямские слободы и ямы, расположенные на ивангородской и московской дорогах. Ямские охотники отказались выполнять свои обязанности по ямской гоньбе и разбежались по окрестным лесам. Охотники получали поддержку от крестьян и новгородских посадских людей. Столкнувшись с волнениями в новгородских ямских слободах, грозившими нарушить нормальное сообщение на дорогах от Москвы к Новгороду, Пскову и Балтийскому морю, правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки, выдав из государственных житниц обнищавшим охотникам хлебное жалованье. Новая раздача «государева жалования» ямским охотникам была предпринята летом 1602 г., когда ожидалось прибытие в Россию датского королевича Иоганна. «Чтобы они (ямские охотники.— *В. К.*) не разбежались и твоему бы государеву посольскому делу в том мотчанья не было»,— так объяснял в отписке в Москву свои действия новгородский воевода князь В. Буйносов-Ростовский. Стремясь предотвратить опасность открытых крестьянских выступлений, Борис Годунов направил в Новгород, Псков и Ивангород из Москвы специальных лиц «бедным людем давать хлеб и деньги» [30]. Царская подачка ослабила напряженность, но лишь на короткое время. В начале 1603 г. в связи со сбором подвод и продуктов питания для датских послов начались волнения крестьян сел и деревень, расположенных вдоль московской дороги. Много крестьянских челобитных поступило в Москву с жалобами на притеснения, чинимые со стороны подводных сборщиков, вымогавших у крестьян взятки и допускавших различные злоупотребления. Крестьяне отказывались выполнять государственные повинности по ямской гоньбе и вступали в ряде мест в вооруженные столкновения с представителями государственной администрации. Так, крестьяне Заброцкой волости «подвод

---

[29] В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. Журнал «История СССР», 1957, № 1, стр. 161—191.

[30] РИБ. Т. XXII, стб. 374—435; ЦГАДА, ф. Сношения России с Данией, 1602 г., д. 1, л. 43; Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. XI, кн. III, СПБ, 1843, прим. 170.

и корму и прогонов правити на себе не дали», а самих подводных сборщиков «били до полусмерти и покинули замертва» [31].

Неспокойно было и в других районах страны. Монахи Кирилло-Белозерского монастыря писали осенью 1602 г. в Москву о том, что на Белоозере «живут бои до смерти и по дорогам грабежи». В Арзамасском уезде вынужден был покинуть в 1602 г. «от воровства» свое поместье И. Романов [32]. «Бранеми великими» сопровождался земельный спор, происходивший в 1602—1603 гг. между крестьянами дворцовой Комарицкой волости и властями Ново-Печерского свинского монастыря. Крестьяне перепахивали монастырские межи и уничтожали знаки феодальной собственности («портили грани») [33]. Недовольство охватило также крестьян дворцовой Кушалинской вотчины, расположенной в Тверском уезде. Здесь в 1602 г. были сосланы по «государевой опале» «в Сибирь на житье» четверо крестьян, а их имущество конфисковано в пользу царя [34].

Активное участие в развернувшемся в 1601—1603 гг. антифеодальном движении в России приняли монастырские крестьяне. Летом 1602 г. имели место случаи покушения на собственность вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря. Голодавшие крестьяне крали рожь и вторгались в заповедные леса, в которых они «золу жгли и лес секли насильством» [35]. Указание на какие-то волнения в монастырской вотчине имеется в приходной книге 1603—1604 гг. Болдино-Дорогобужского монастыря. 1 мая 1604 г. в книге было записано: «Привез с Москвы келарь старец Серапион четыре рубли шесть алтын две деньги что в з я т о из Р о з б о й н о й и з ы У с ц о в с к о г о р а з б о ю в ы т е й» (разрядка наша.—*В. К.*) [36]. По-видимому, деньги, привезенные келарем Серапионом из Разбойной избы, были не чем иным, как компенсацией монастырю за понесенный от «разбойников» ущерб. Есть и прямые указания на покушения со стороны крестьян осенью 1603 г. на бортные угодья Болдино-Дорогобужского монастыря. Так, 9 октября 1603 г. были взяты «монастырские пени» в размере двух рублей с крестьянина Максима из деревни Вязкого за то, что «он монастырской дуб посек и пчелы выдрал» [37].

Классовые столкновения происходили в вотчинах московского Новодевичьего монастыря. Весной 1603 г. этот монастырь, являвшийся одним из крупнейших землевладельцев Русского государства, был подвергнут государственной ревизии («счоту»). «Считала» монастырь специальная комиссия компетентного состава. В нее входили бояре, князья Василий Иванович Шуйский и Андрей Андреевич Телятевский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл и дьяк Богдан Власьев. В процессе работы комиссии монастырские села, расположенные в Оболенском уезде (недалеке от Калуги), были отписаны от монастыря и из них была удалена монастырская администрация. Вплоть до лета 1604 г., когда в этих селах вновь появились монастырские приказчики, ими ведал «государев посланник», сын боярский Иван Свитин, присланный из Москвы от бояр

---

[31] РИБ, Т. XXII, стб. 732; см. также стб. 678—681, 687, 689, 691—693, 703—704, 723—724 и др.

[32] «Акты Археографической экспедиции». Т. II. СПБ. 1836, стр. 72; М. О. С к р и п и л ь. Повесть об Улиании Осорьиной. «Труды отдела древнерусской литературы». VI. М. 1948, стр. 320; С. Б. В е с е л о в с к и й. Указ. соч., стр. 220.

[33] ЦГАДА, ф. Грамот коллегии экономии, Брянский уезд, № 447.

[34] Там же, ф. Приказные дела старых лет, 1599 г., д. 1, л. 7. О широких размерах и Борисе Годунове опал, направленных против народных масс, свидетельствует царская грамота от 4 февраля 1604 г. в Тарский город, разрешавшая конному казаку Константину Пантелееву постричься в монахи лишь в том случае, если «с о с л а н б у д е т в С и б и р ь н е в н а ш е й о п а л е» (разрядка наша — *В. К.*); П. Л ю б о м и р о в. Новые материалы для истории Смутного времени. «Ученые записки» Саратовского государственного университета. Т. V. Вып. 2. 1926, стр. 102.

[35] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, прих-расх. кн. № 12, 49—50.

[36] «Акты, относящиеся до юридического быта древней России». Т. II, стб. 280.

[37] Там же, стб. 271.

В. И. Шуйского и А. А. Телятевского. Выполняя распоряжение бояр («по боярскому приговору»), он «оброчных крестьян поворотил в пашню, а велел оброчным платить в монастырь денежный оброк с пашенными ровно: по одиннацети алтын с выти и по четыре деньги. А пашню пахать на монастырь десятин и сено косить велел с пашенными ж крестьяны ровно» [38]. Летом 1604 г. приказчики не смогли собрать оброков с крестьян в монастырских селах, расположенных в Оболенском уезде. В Москве они сообщили монастырским властям о крайнем обнищании крестьян и о том, что попытка сбора оброков в этих условиях может привести лишь к крестьянским побегам [39].

Вскоре в монастыре появились представители крестьян «изо всех Оболенских сел». Они обратились к монастырским властям с челобитьем, в заключительных словах которого звучала открытая угроза бегства из монастырской вотчины в случае отклонения крестьянских требований. Эта угроза в приходной книге передана следующим образом: «И им стало невозможно — только их игуменья и келарь не пожалуют, денежных доходов отдать не велят — и им всем разбрестись розно» [40].

Привлекает внимание то место челобитья, где говорится о том, что «крестьяне в Оболенских селах от разбойников разорены, а иные (крестьяне.— *В. К.*) в разбойных вытех по язычным молкам на правеже замучены». Это место крестьянского челобитья свидетельствует, на наш взгляд, о серьезной вспышке классовой борьбы в Оболенских вотчинах Новодевичьего монастыря. Причем в обстановке голода социальные противоречия накалились до такой степени, что бедные, «охудавшие» крестьяне поднимались не только против феодалов, но и против зажиточных крестьян. Только так можно расценить указание документа на то, что одни из оболенских крестьян были разорены «разбойниками» (так назывались в официальных источниках участники движения Хлопка — восставшие крестьяне и холопы), а другие подверглись карательным действиям со стороны органов государственной власти и были замучены на правежах.

Массовый характер антифеодального движения ярко выступает из разрядной записи о посылках дворян «за разбойники» во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев и Коломну [41]. Исследователи относят эти посылки к 1603 г. [42], однако их можно датировать более точно. Уже тот факт, что известия об этих посылках находятся среди разрядных записей за «111 год», говорит о том, что они имели место в промежуток времени от 1 сентября 1602 до 1 сентября 1603 года. В дошедших до нас списках разрядных книг вслед за записью о посылках дворян «за разбойники» помещено известие о производстве 21 июля 1603 г. смотра правительственных войск, расположенных «на украйне» в Мценске, Новосиле и Орле [43]. Сам по себе этот факт не может служить бесспорным основанием для датировки посылок дворян «за разбойники» временем до 21 июля 1603 года. В частные списки разрядных книг это известие могло быть включено из государева разряда механически, с нарушением хронологической последовательности событий. Более основательные выводы позволяет сделать упоминание среди дворян, посланных «за разбойники», Ми-

---

[38] Архив музея Новодевичьего монастыря, приходная книга 1603—1604 гг., лл. 143 об.—144.

[39] Там же, л. 154.

[40] Там же, лл. 154—154 об.

[41] ГБЛ. Собрание Горского № 16, лл. 633—633 об.; ГИМ. Собрание Щукина № 496, л. 1172; ЦГАДА, ф. Оболенского, д. 86, л. 279 об. Полный текст разряда о посылках дворян «за разбойники» опубликован И. И. Смирновым по рукописи Яковлевской разрядной книги, хранящейся в рукописном собрании научной библиотеки Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова. (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 78.)

[42] Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 92; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 78.

[43] ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 633 об.

хаила Борисовича Шеина [44], являвшегося одним из видных русских вое-вод. Поэтому о его назначениях и местнических спорах довольно часто оворится в разрядах. Обращаясь к разрядным записям за 1603 г., мы аходим М. Б. Шеина среди воевод, которым 10 марта 1603 г. Борис Го-унов велел служить «на украйне по полкам». М. Б. Шеин был назначен ервым воеводой передового полка в Новосили [45]. О том, что это назначе-ие не осталось на бумаге, свидетельствует местнический спор между М. Б. Шеиным и князем Иваном Курлятевым, проигранный последним [46]. 1 июля 1603 г. в Новосиль к М. Б. Шеину для смотра правительственных ойск был направлен царем стольник князь Данила Иванович Мезецкий [47]. Большие воеводы с береговой службы были отпущены лишь 17 октября 603 года [48]. Следовательно, с 10 марта по 17 октября 1603 г. М. Б. Шеин аходился «на украйне», и его посылка в Волоколамск «за разбойники» огла состояться в промежуток времени от 1 сентября 1602 до 10 марта 603 года.

Вышеуказанное позволяет высказать предположение о сводном ха-актере рассматриваемой разрядной записи, объединяющей в себе целый яд посылок дворян «за разбойники» за время с осени 1602 по лето 1603 го-а. Оно подтверждается и указанием «Нового летописца» на то, что Борис одунов «посылаша многижда (разрядка наша.— *В. К.*) на них разбойников.— *В. К.*)... и ничево им можаху сотворити».

В дальнейшем «Новый летописец» рассказывает о решении царя со-зать боярскую думу с тем, чтобы изыскать более эффективные средства ля борьбы с «разбоями»: «Царь же Борис, слышав, яко ничто им не здер-ати, прискорбен бысть зело и призва к себе бояр и возвести им и думаше ними, како бы тех разбойников переимати» [49]. По-видимому, в связи с им заседанием и была составлена в Разрядном приказе сводная запись, авящая членов боярской думы в известность («возвести им») относи-ельно тех попыток подавить движение «разбойников», которые предпри-имались Борисом Годуновым прежде. Практика работы боярской думы ает исторические справки. Именно такой характер имел доклад руко-дства Поместного приказа о ходе закрепощения крестьян в конце XVI— ачале XVII в., помещенный во вступительной части уложения Василия уйского 9 марта 1607 года [50].

Запись говорит о посылке дворян для борьбы с «разбойниками» в уез-ы, расположенные вблизи от Москвы. Можно ли из этого заключить о окализации движения в центре и о спокойствии на «украйнах»? Думает-, что нет. Рассматриваемая запись отнюдь не дает исчерпывающего пред-авления о районе распространения крестьянских и холопских восстаний. на свидетельствует лишь о крайних затруднениях правительства, которое умало тогда о ликвидации опасности в непосредственной близости от сто-ицы и не имело возможности послать карательные экспедиции в более далеченные уезды. По словам «Нового летописца», «бысть в то же время множишась разбойство в земле Рустей, не токмо что по пустым местом роезду не бысть, ино и под Москвою быша разбои велицы» [51]. Под «пу-ыми местами» в России XVI — начала XVII в. понимались прежде всего украйны». Автор «Нового летописца» как бы хотел сказать: чего уже ворить об «украйнах», когда «разбои велицы» совершались под самою

---

[44] «На Волок на Ламской Михайла Борисовича Шеина, да Олексея Иванова сына зобразова».
[45] ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 629.
[46] Там же, л. 629 об.
[47] Там же, л. 633 об.
[48] Там же, л. 637 об.
[49] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 58.
[50] И. И. Смирнов Новый список уложения 9 марта 1607 г. «Исторический кив». Т. IV. 1949, стр. 82.
[51] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 58.

Москвой! Лишь ликвидировав движение под Москвой, правительств смогло послать дворян «за разбойники» и на «украйны», в Пронск и Ря зань. В создавшейся же обстановке, когда пламя крестьянских и холоп ских восстаний приближалось к воротам столицы, правительство чувство вало себя неуверенно. Роспись объезжих голов в Москве, составленна 14 мая 1603 г., сохранила известия о последующих посылках дворян н заставы [52]. Объезжие головы из числа видных бояр, дворян и дьяков был призваны обеспечивать спокойствие внутри города, а дворяне, посланны на заставы, должны были следить за тем, чтобы не прервались связи сто лицы с другими районами страны. К лету 1603 г. антифеодальное движе ние крестьян и холопов уже не ограничивалось окраинами. Оно охватил центральные уезды, расположенные вокруг столицы. Москва оказалас как бы на осадном положении. В это время появляется вождь, имя кото рого становится знаменем восстания: «У них же у воровских людей старей шина в разбойниках именем Хлопа» [53] (в другом месте Хлопко. — *В. К.*).

Восстание Хлопка изучено в исторической литературе очень слабо И это произошло совсем не потому, что им не интересовались историки Наоборот, начиная с М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина трудно на звать такой общий курс или специальную работу, посвященные социаль но-политической истории России начала XVII в., где бы не упоминалось Хлопке [54]. Большое внимание восстанию Хлопка уделено и в советско исторической литературе [55].

Причина слабой изученности восстания Хлопка заключается в мало численности находящихся в руках исследователей документальных мате риалов. Единственный в своем роде рассказ о восстании Хлопка сохра нился в составе «Нового летописца», где он занимает специальную 84-ю главу «О разбойницех и о посылке на разбойники». Как показал Л. В. Черепнин, «Новый летописец» возник в конце 20 — начале 30-х го дов XVII столетия при дворе патриарха Филарета, причем его составите лям были доступны архивы Посольского и других приказов [56]. Авторы «Нового летописца» на основании использования разрядных записей и других правительственных документов могли нарисовать довольно точ ную картину восстания. Недостатком изложения «Нового летописца» яв ляется отсутствие в нем хронологии восстания. Лишь помещение расска за сразу же вслед за известием о смерти сестры Бориса Годунова — быв шей царицы Ирины Федоровны (старицы Александры), последовавше

---

[52] «В Белом же городе от Неглинные реки до Покровские улицы окольничему Якову Михайловичу Годунову да князю Василью княж Григорьеву сыну Щетинин Ерославскому, и князь Василья послали на заставу, а на ево место ездил Василей Колединский, и Василья послали на заставу (разрядка наша.— *В. К.*), и на ево место ездил князь Дмитрей Барятин ской да Григорей Давыдов, да дьяк Павел Матюшкин» (ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 631 об.).

[53] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 58.

[54] «История Российская». Сочинения князя М. М. Щербатова. Т. VII, ч. 1. СПБ 1904, стб. 197—199; Н. М. Карамзин. Указ. соч. Т. XI, кн. III, стб. 70; А. Краев ский. Царь Борис Федорович Годунов. СПБ. 1836, стр. 71; С. М. Соловьев. Исто рия России с древнейших времен. Т. VIII, кн. II, стб. 742; С. Ф. Платонов. Очерк по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М. 1937, стр. 194; его же Борис Годунов. Пг. 1921, стр. 143. О восстании Хлопка ничего не сказано в «Курсе рус ской истории» В. О. Ключевского, у которого это движение никак не укладывалось предложенную им схему развития «смуты» (В. О. Ключевский. Сочинения. Т. III М. 1957).

[55] Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 142; П. П. Смирнов. Указ. соч. Т. I стр. 368; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 92; И. И. Смирнов. Восстание Болот никова, стр. 71—83; «История Москвы». Т. 1, стр. 289; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», стр. 492; А. А. Зимин. Указ. соч стр. 98.

[56] Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. «Исторические записки» Т. 14. 1945, стр. 92, 96.

26 сентября 1603 г. [57], указывает на то, что некоторые события, связанные с движением Хлопка, имели место осенью 1603 года.

Ряд интересных подробностей, дополняющих повествование «Нового летописца», содержится в записках современника голландца И. Массы [58].

Записи «Нового летописца» и И. Массы при всей их ценности требуют проверки показаниями других документов. Историки стремились расширить узкий круг источников по восстанию Хлопка. Значительную работу в этом отношении проделала Е. Н. Кушева. Указав на упоминание имени И. Ф. Басманова в рукописных разрядных книгах 14 апреля 1603 г. и на заявление 3 июля 1604 г. его кабального холопа при оформлении новой служилой кабалы на имя новгородского помещика М. И. Кропоткина о том, что «Ивана (Басманова.— *В. К.*) деи убили разбойники», Е. Н. Кушева показала достоверность известия И. Массы о гибели И. Ф. Басманова в сентябре 1603 года [59]. Тем самым была отвергнута предложенная И. И. Смирновым в его рецензии на первый том учебника «История СССР» для высших учебных заведений (1-е издание) датировка восстания Хлопка 1602 г., основанная на неточной вставке в текст Валуевской разрядной книги [60]. Е. Н. Кушева отметила большой размах и ярко выраженный социальный характер движения, еще не связанного с именем Дмитрия.

Наиболее полно использовал материалы о восстании Хлопка И. И. Смирнов в своем исследовании, посвященном восстанию И. И. Болотникова. Он правильно указал на «Новый летописец» как на главный источник для изучения движения Хлопка. Относя это восстание к «предвестникам» крестьянской войны, И. И. Смирнов вместе с тем характеризовал его как «движение очень большой силы», которое «таило в себе реальную угрозу для самых основ социального строя Русского государства» [61]. Недостаток источников не позволил И. И. Смирнову рассмотреть восстание Хлопка в связи с породившим его широким антифеодальным движением крестьян и холопов, охватившим страну в голодные 1601—1603 годы. Он лишь предполагал возможность участия крестьян в этом восстании, определяя его как восстание холопов. Неправомерно было и ограничение И. И. Смирновым движения центральными районами Русского государства.

Говоря о плодотворных усилиях советских историков в привлечении и анализе новых материалов, относящихся к восстанию Хлопка, нельзя пройти и мимо случая, когда в освещении этого движения была допущена фактическая ошибка. Мы имеем в виду раздел из «Истории Москвы», написанный В. Д. Королюком, где сражение, в котором был убит И. Ф. Басманов, изображается как победа восставших. Эта неверная версия внесена В. Д. Королюком и в «Очерки истории СССР» [62].

[57] ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 637.

[58] И. Масса датирует восстание сентябрем 1603 г. и говорит о его участниках как «холопах» (lyfeygene knechten). Записки И. Массы, основывавшегося на слухах, носят частный характер и имеют второстепенное значение по сравнению с рассказом «Нового летописца». И. Масса не представлял себе ни масштабов, ни остроты происходившей борьбы. Он сообщает лишь о «разбоях» на дорогах в Польшу и Ливонию, тогда как разряды и «Новый летописец» свидетельствуют о несравненно большем размахе движения. По словам И. Массы, с И. Ф. Басмановым была послана «примерно сотня лучших стрельцов», в то время как «Новый летописец» сообщает о решении боярской думы послать против восставших «со многою ратью воевод». Указание И. Массы на холопов не исчерпывает состава «разбойников», в число которых, как мы имели возможность убедиться на примере Оболенской вотчины Новодевичьего монастыря, входили и крестьяне (И. Масса. Указ. соч., стр. 71).

[59] Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 91.

[60] «Исторический журнал», 1940, № 4—5, стр. 137.

[61] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 77, 80. В 1934 г. в статье «Феодально-крепостническое общество» И. И. Смирнов писал о крестьянской войне в России «конца XVI и начала XVII в.» («Известия ГАИМК». Вып. 99, 1934, стр. 117).

[62] «История Москвы». Т. 1, стр. 289; «Очерки истории СССР. Период феодализма конец XV в.— начало XVII в.», стр. 492. Отмеченная ошибка повторена А. А. Зиминым

С. С. Лурье обратил внимание на эту неточность в освещении восстания Хлопка[63]. Одновременно им предложена новая датировка движения, относящаяся к 1604 году[64]. Если указание С. С. Лурье на ошибочность мнения о разгроме восставшими отряда И. Ф. Басманова следует признать правильным, то его попытка датировать движение Хлопка 1604 г. вызывает решительные возражения. Вопрос о датировке имеет столь важное значение, что на нем необходимо остановиться подробнее. Дату восстания Хлопка возможно установить путем определения времени решающего сражения под Москвой, в ходе которого был убит окольничий И. Ф. Басманов, стоявший во главе правительственных войск. Предлагая датировать восстание Хлопка 1604 г., С. С. Лурье основывается на «Списке погребенных в Троице-Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года», составленном иеромонахом Гедеоном Вирховым и изданном в 1880 г. в Москве. Там на стр. 13 под № 9 сказано: «Иван Федорович Басманов, окольничий, убит под Москвой 1604 г. в сражении с атаманом разбойников Хлопком, и по повелению царя Бориса Годунова с честью погребен в Лавре». С. С. Лурье, натолкнувшись на это известие, не проверил степень достоверности и происхождение этого примечания. «Мне кажется,— пишет С. С. Лурье,— что дате Гедеона Вирхова, проведшего 35 лет в Лавре и, как видно из его биографии, соприкасавшегося по роду своей деятельности (он был помощником ризничего Лавры) со всеми архивными документами Троице-Сергиевой Лавры, доверять можно»[65]. Подобную аргументацию нельзя признать убедительной. Тем более, что Гедеону Вирхову в его исторических разысканиях доверять как раз и не следует[66].

в разделе нового вузовского учебника «История СССР» (Т. 1, стр. 282) и в дискуссионной статье («Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 98).

[63] С. С. Лурье. К вопросу о восстании Хлопка. «История СССР», 1958, № 4, стр. 131—132.

[64] И. С. Шепелев в своем выступлении по докладу И. И. Смирнова также датирует 1604 г. восстание Хлопка («Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 207).

[65] С. С. Лурье. Указ. соч., стр. 132.

[66] Об этом свидетельствует примечание, которым Г. Вирхов сопроводил надгробную надпись о смерти 3 мая 1607 г. князя Бориса Петровича Татева, также похороненного в Троице-Сергиевом монастыре (А. В. Горский. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. Ч. 2. М. 1890. Приложения, стр. 102). Г. Вирхов пишет, что Б. П. Татев был убит «в борьбе с мятежниками, предводимыми князем А. А. Телятевским, на берегах реки Пахры 1 мая 1607 года» (Г. Вирхов. Указ. соч., стр. 30). Битва на Пахре произошла осенью 1606 г. (приблизительно в конце сентября), когда И. И. Болотников двигался на Москву (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 192). Из разрядов же известно, что Б. П. Татев был одним из трех царских воевод, войска которых были разбиты восставшими во главе с А. А. Телятевским в битве у села Пчельни. Б. П. Татев погиб в этом сражении: «Сошлися воеводы с казаки в селе Пчелне, и государевых воевод воровские люди побили многих, а иных живых поимали, а князя Бориса (Татева.— *В. К.*) убили (разрядка наша — *В. К.*)» (С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время. М. 1907, стр. 157).

Историки давно пытались определить дату сражения под селом Пчельней. И. И. Смирнов относил выступление войск восставших из Тулы к 13 мая 1607 г., основываясь на одной из редакций записок К. Буссова, приводя в то же время и известие другой редакции, напечатанной Устряловым, о начале этого похода 1 мая 1607 года (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 388 и прим. 2.). А. А. Зимин на основании исследования материалов расходной книги денежного стола Разрядного приказа, обнаруженной в ЦГАДА Р. Г. Королевой, датировал битву у Пчельни промежутком с 1 по 5 мая 1607 года (А. А. Зимин, Р. Г. Королева. Документ Разрядного приказа. «Исторический архив». 1953, Т. VIII, стр. 26). Надпись на надгробии Б. П. Татева позволяет совершенно точно датировать одно из наиболее важных сражений восстания И. И. Болотникова: битва у Пчельни произошла 3 мая 1607 г., что находится в полном соответствии с показаниями других источников. Примечание же Г. Вирхова лишь запутывает дело, и историк, попытавшийся отдать ему предпочтение, игнорируя первоисточники, оказался бы, по крайней мере, в странном положении. Г. Вирхов не делает ссылок на документы, послужившие ему материалом для составления примечания о князе Б. П. Татеве. Но надо думать, что источником для этого явились неправильно понятое известие К. Буссова в издании Устрялова (о выступлении войск восставших из Тулы 1 мая 1607 г.) и собственная фантазия Г. Вирхова (отнесение места сражения на берега р. Пахры).

К середине XVII в., когда составлялся список надгробий Троице-Сергиева монастыря, дата смерти на надгробии И. Ф. Басманова уже стерлась; остались только фамилия, имя и отчество убитого окольничего, поэтому монахи записали: «Иван Федорович Басманов, летописи не знать (разрядка наша.— *В. К.*)» [67]. В. Ундольский ограничивается лишь воспроизведением этой записи [68], однако архимандрит Леонид в своем издании сопровождает запись примечанием, что Ивана Федоровича Басманова в 1604 г. убили «разбойники» [69], ссылаясь при этом на Шереметевский послужной список, в котором под (7) «112-м годом» читаем: «Иван Федорович Басманов, убили разбойники» [70]. Таким образом устанавливается происхождение датировки гибели И. Ф. Басманова 1604 годом. В ее основе лежит ошибка в переводе летосчисления XVII в. на современное. Вместо того чтобы вычесть «5509» и «5508», архимандрит Леонид вычел лишь «5508» и получил не 1603—1604 сентябрьский год, а просто 1604 год. Аналогичную ошибку совершил и Г. Вирхов, пользовавшийся Шереметевским списком или каким-либо другим источником, относящим смерть И. Ф. Басманова к 7112 году. Другим источником для составления примечания Г. Вирхову послужил «Новый летописец», известие которого о похоронах И. Ф. Басманова («воеводу же Ивана Басманова повеле царь Борис погрести честно у Троицы в Сергиеве монастыре») он едва ли не дословно пересказал в своем примечании.

Разряда о походе И. Ф. Басманова против Хлопка в известных до настоящего времени частных списках разрядных книг не сохранилось. Однако в прошлом такой «государев разряд» был составлен, о чем свидетельствуют вставка в Валуевскую разрядную книгу и запись в Шереметевском послужном списке. Очевидно, переписчик Валуевской разрядной книги и составитель Шереметевского послужного списка располагали какими-то дополнительными, не дошедшими до нас материалами о походе И. Ф. Басманова, восходящими к этому «государеву разряду». Датировка гибели И. Ф. Басманова Шереметевским послужным списком «112-м годом» не противоречит известию И. Массы: если И. Ф. Басманов был убит в сентябре 1603 г., то по летосчислению, принятому в России XVII в., это и произошло в «112-м году».

Последний раз И. Ф. Басманов упоминается в разрядных книгах 4 мая 1603 г. в числе московских объезжих голов, когда ему было поручено осуществлять полицейский надзор в Деревянном городе от Москвы-реки до Никитских ворот [71]. Имя И. Ф. Басманова, исчезнув из разрядов, появляется в синодиках Троице-Сергиева монастыря среди умерших и погребенных в этом монастыре в «112-м году». Причем И. Ф. Басманов записан в синодике под «112-м годом» одним из первых (по краткой редакции синодика, вторым после келаря Троице-Сергиева монастыря Евстафия Головкина, а по пространной — третьим [72]). Евстафий Головкин умер 1 сентября 1603 г. [73]; отсюда можно заключить, что смерть И. Ф. Басманова произошла вскоре после этого дня. Среди лиц, записанных в синодике под «112-м годом» после И. Ф. Басманова, нам удалось точно датировать смерть окольничего князя Андрея Ивановича Хворостинина, последовавшую 24 апреля 1604 года [74]. Но при этом надо иметь в виду, что в краткой редакции синодика между ним и И. Ф. Басмановым записаны двое:

[67] А. В. Горский. Указ. соч., ч. 2. Приложения, стр. 98.
[68] В. Ундольский. Список надгробий Троице-Сергиева монастыря, составленный в XVII в. «Чтения ОИДР», 1846, кн. 1, стр. 34.
[69] А. В. Горский. Указ. соч., ч. 2. Приложения, стр. 98.
[70] «Древняя российская вивлиофика». Т. XX. М. 1791, стр. 73.
[71] ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 632.
[72] «Инока Еустафия (наверху надпись красной киноварью: Келарь Троецкой), катерину (Истомина жена Безобразова), Иоанна (Федорович Басманов)» (ГБЛ. Собрание Троице-Сергиевой лавры № 41, л. 28 об.; № 42, л. 30).
[73] А. В. Горский. Указ. соч., ч. 2, стр. 115.
[74] Там же, стр. 101.

инок Ферапонт, по прозвищу Гнус, и княгиня Бахтеярова-Ростовская в иночестве Афанасия, а по пространной редакции — 13 имен.

Из другого синодика узнаем, что корм в XVII в. по роду Басмановых был приурочен к 9 сентября [75]. Сопоставляя это известие с «Новым летописцем», сообщающим о повелении Бориса Годунова погрести И. Ф. Басманова в Троице-Сергиевом монастыре «честно», что предполагало по нравам того времени не только торжественные похороны, но и установление на будущее в монастыре кормов и поминаний об убитом на царской службе воеводе, а также принимая во внимание факт помещения И. Ф. Басманова в синодиках сразу же вслед за умершим 8 сентября 1603 г. келарем Евстафием Головкиным, мы пришли к выводу о том, что гибель И. Ф. Басманова в сражении с Хлопком следует отнести к 9 сентября 1603 года. Эта дата согласуется и с другими источниками. У И. Массы рассказ о восстании холопов и о походе И. Ф. Басманова помещен между сообщениями о приезде в Москву персидского посла Лачин-бека 4 сентября 1603 г. [76] и похоронах 27 сентября царицы Александры, сестры Бориса Годунова Ирины Федоровны [77]. Как видно из «Нового летописца», после разгрома Хлопка под Москвой начались расправы и на «украйнах». В разрядных книгах имеется запись о посылке 17 сентября 1603 г. из Москвы «для разбойников» князя Мирона Михайловича Шаховского и князя Богдана Андреевича Борятинского «на Резань», Якова Яковлевича Вельяминова и Ивана Ивановича Волынского в Пронск [78]. Карательная экспедиция в Пронск и Рязань продолжалась до конца октября 1603 года. Заместничавших И. И. Волынского и Я. Я. Вельяминова 30 октября 1603 г. судили на Москве боярин князь Н. М. Трубецкой и дьяк Тимофей Витовтов. Посылать дворян из Москвы «для разбойников» на окраины тогда, когда отряды Хлопка угрожали столице, было неразумно. Следовательно, и эта разрядная запись указывает на то, что к 17 сентября с отрядами восставших под Москвой уже покончили.

Установление даты решающего сражения под Москвой помогает уточнить и время заседания боярской думы, приговорившей послать против «разбойников» «со многою ратью воевод». 16 августа 1603 г. был принят известный указ о холопах по приговору царя и его сына совместно «со всеми бояры» [79]. Таким образом, принятие этого важного указа произошло на заседании боярской думы. Согласно же «Новому летописцу», вопрос о посылке войск против «разбойников» также подлежал обсуждению бояр. Не имеем ли мы здесь дело с одним заседанием боярской думы, на котором были разработаны как законодательные, так и военные меры, направленные на скорейшее подавление восстания? Из рассказа «Нового летописца» следует, что вопрос о посылке И. Ф. Басманова на самом заседании боярской думы не обсуждался. Там было принято общее решение о необходимости послать против «разбойников» значительные военные силы. За этим постановлением последовало уже конкретное распоряжение Бориса Годунова о назначении И. Ф. Басманова. Подготовка к походу также должна была занять некоторое время, так что отнесение заседания боярской думы, о котором сообщает «Новый летописец», к 16 августа 1603 г. представляется весьма вероятным.

Еще осенью 1601 г. Борис Годунов ответил на поднимавшееся в народе «волнение велие» изданием законов о крестьянах и о хлебных ценах и посылкой карательных военных экспедиций на окраины Русского государства. В дальнейшем, с ростом антифеодального движения, увеличивался и размах правительственных мероприятий, направленных на его

[75] ГБЛ. Собрание Троице-Сергиевой лавры № 814, л. 21 об.

[76] Персидский посол прибыл в Москву 28 августа 1603 г., а 4 сентября состоялся первый прием его у царя (ГБЛ. Собрание Горского № 16, лл. 635, 636).

[77] И. Масса. Указ. соч., стр. 71—72.

[78] ГБЛ. Собрание Горского № 86, лл. 637 об.— 638.

[79] «Памятники русского права» (ПРП). Вып. IV. М. 1956, стр. 375.

подавление. Изданный 16 августа 1603 г. закон о холопах находился в неразрывной связи с посылкой против Хлопка отряда И. Ф. Басманова. И. И. Смирнов полагает, что правительство Бориса Годунова, потерпев крах в своей политике по крестьянскому вопросу, в том числе и с изданием указа о холопах от 16 августа 1603 г., обратилось затем к военным средствам подавления восстания [80]. На наш взгляд, правительственная политика носила более сложный и гибкий характер. Правительство, столкнувшись с восстанием, угрожавшим столице, пустило в ход и социальную демагогию и силу оружия. Закон о холопах и посылка войск против Хлопка — это две стороны правительственной политики, принесшей Борису Годунову победу.

Обратимся к содержанию указа от 16 августа 1603 года. Он предлагал господам выдавать отпускные тем холопам, которых они прогоняли от себя, не желая кормить их в тяжелые голодные годы. В случае если господа отказывались предоставить прогнанным холопам отпускные, эти документы выдавались в Москве в приказе Холопьего суда против воли господ. Особенно важна для понимания указа его заключительная часть, в которой говорится о выдаче отпускных холопам, явившимся из других городов бить челом в приказе Холопьего суда на своих господ, нарушивших предписания закона. Холопам-челобитчикам выдавались отпускные даже тогда, когда «государей их на Москве нет». Это означало, что для получения отпускной в Москве в приказе Холопьего суда достаточно было заявления пришедшего туда холопа, которое принималось на веру. Чтобы как можно большее количество холопов могло воспользоваться этим правом, предусматривалось широкое оглашение закона по всей стране: «Да и по городех про тех холопей велети кликати не по один день, чтоб те боярские и всяких людей холопи, для отпускных, приходили в приказ Холопья суда» (разрядка наша.— *В. К.)* [81]. Таким образом, указ 1603 г. был адресован не столько к господам, сколько к холопам, которым предоставлялись широкие возможности для получения отпускных. Фактически он содержал призыв ко всем бездомным холопам явиться в Москву в приказ Холопьего суда и получить там отпускные.

Прогнанных без отпускных холопов никто не принимал. Обреченные на голодную смерть, они должны были представлять одну из наиболее активных сил в отрядах Хлопка. С изданием указа 16 августа 1603 г. им предоставлялась как бы амнистия. Они могли получить отпускные в Москве в приказе Холопьего суда, но лишь ценой прекращения вооруженной борьбы. Указ 1603 г. характеризует не только политику правительства, но и проливает некоторый свет на те идеи, которые вдохновляли восставших в их движении на Москву. Крестьяне и холопы боролись с оружием в руках за свободу, за полное уничтожение крепостнических отношений. Правительство Бориса Годунова, чувствуя нависшую над господствующим классом угрозу, стремилось изданием указа расколоть движение, пообещав холопам призрак свободы. К аналогичным приемам прибегало впоследствии и правительство Василия Шуйского во время восстания Болотникова.

Подавив восстание Хлопка, Борис Годунов не возобновил указа о крестьянских выходах, разрешенных им в 1601 г., а в 1604 г., по-видимому, отменил и закон о холопах от 16 августа 1603 года. По наблюдениям Е. Н. Кушевой, в новгородских записных кабальных книгах серия отпускных, выданная господами при своей жизни холопам, относится к последним месяцам 1603 и к 1604 году [82]. Это изменение курса политики по крестьянскому вопросу было отмечено В. Н. Татищевым, когда он

---

[80] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 80.
[81] ПРП. Вып. IV, стр. 375.
[82] Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 92.

писал, что Борис Годунов, издав указ 1601 г. о крестьянском выходе, «принужден паки вскоре переменить, и не токмо крестьян, но и холопей невольными зделал» [83]. Поспешность, с которой Борис Годунов ликвидировал все уступки крестьянам и холопам, вызвала новый взрыв классовой борьбы, осложненной авантюрой Лжедмитрия I. Однако рассмотрение всех этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи. В этой связи крайне важно, чтобы в процессе развития дискуссии кто-нибудь из советских историков в специальной работе подверг детальному изучению положение в стране в 1604—1606 гг. и законодательство первого самозванца о крестьянах и холопах.

Малочисленность источников затрудняет социальную характеристику некоторых действий восставших. И. Масса указывает на то, что возмутившиеся холопы грабили путешественников на дорогах в Польшу и Ливонию [84]. Такие грабежи, конечно, совершались, но ими далеко не исчерпывались формы борьбы восставших крестьян и холопов. «Новый летописец» говорит о «настроении и кровопролитии» во всем Русском государстве, находивших выражение в том, что «воры... православных христиан посецаху и грабяху» [85].

Кто были эти «православные христиане», которых грабили и убивали «воры»? Несколько конкретизировать текст «Нового летописца» помогает одно известие современника-очевидца о классовой борьбе в России во время голода 1601—1603 годов. «И бысть великое насилие,— писал он,— много богатых дома грабили, и разбивали, и зажигали, и бысть страхование великое, и умножишася неправды. И которые люди насилие творяху, и тех имаху казняще, ових жгли, а иных в воду сажали и всякими смертьми кончали их» [86].

В свете этого сообщения становится понятным, что предметом нападений восставших являлись «богатых дома», то есть феодалов и посадских верхов. В источниках сохранились и отдельные прямые упоминания об убийствах «разбойниками» представителей господствующего класса. Так, в 1616 г. помещик Андрей Тимофеев ссылался в своем челобитье на то, что «при царе Борисе... брата ево родново убили в Ярославце Малом разбойники» [87]. И. И. Смирнов не сомневается в том, что А. Тимофеев под «разбойниками», убившими его брата, имел в виду участников движения Хлопка [88]. В условиях голода восставшие убивали не только феодалов, но и зажиточных крестьян. И. Масса пишет о страхе за свою жизнь и имущество, который испытывали богатые крестьяне, обладавшие большими запасами хлеба [89]. Приведенные выше данные об убийствах крестьянами своих односельчан в Оболенских и Верейских вотчинах Новодевичьего монастыря показывают, насколько основательными были такие опасения.

Мы не находим в источниках каких-либо сведений о том, чтобы к восстанию Хлопка, хотя бы на время, примкнули дворяне. Наоборот, как это видно из разрядных книг, дворянство принимало активное участие в подавлении движения, карательные отряды формировались из числа помещиков. Даже год спустя после разгрома Хлопка нападение «мужиков» Околенской волости осенью 1604 г. на «Орловские места» было отбито находившимися в Орле на годовой службе дворянами и детьми

[83] «Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные... В. Н. Татищевым». М. 1768, стр. 125.

[84] И. Масса. Указ. соч., стр. 71.

[85] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 58.

[86] А. Ф. Бычков. Описание сборников Публичной библиотеки. Ч. 1. СПБ. 1882, стр. 486.

[87] Л. М. Сухотин. Четвертчики Смутного времени. 1604—1617 гг. «Чтение ОИДР», 1912, кн. 2, стр. 229.

[88] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 78, прим. 2.

[89] И. Масса. Указ. соч., стр. 61.

ояpскими из Мещевского, Козельского и Белевского уездов [90]. Поразительная стойкость и мужество, проявленные восставшими в сражении од Москвой, также могут служить показателем социальной однородности отрядов Хлопка. «Новый летописец» специально отметил то исключительное упорство, с которым сражались «разбойники», встретившись с равительственными войсками («живи бо в руки не давахуся»). Никто из их и не помышлял о переходе на сторону противника, как это делали зднее дворянские попутчики в войсках Болотникова. Холопы и крестьяне нали, что раз дело дошло до сражения, им уже нечего ждать пощады. арь Борис безжалостно расправился со взятыми в плен участниками осстания Хлопка: он велел их перевешать.

Некоторые дополнительные подробности относительно дальнейшей удьбы руководителей движения, ускользнувшие от внимания исследователей, содержатся, на наш взгляд, в записках Маржерета, современника обытий, хорошо информированного. Говоря о напряженном положении России во время голода и об упорных преследованиях Борисом Годуновым бояр, Маржерет пишет, что царь Борис «во все время своего царствования, до появления Дмитрия в России... не казнил и десяти человек ародно, кроме некоторых мошенников, пойманных из шайки до 500 еловек» [91]. Поскольку никаких других крупных выступлений в России, омимо восстания Хлопка, в голодные годы не известно, эти слова Маржерета могут быть отнесены к движению крестьян и холопов, руководимому Хлопком. Если наше предположение правильно, то мы получаем казание, конечно, весьма приблизительное и, вероятнее всего, приуменьшенное, на размеры одного из отрядов восставших, во главе которого тоял, возможно, сам Хлопок. Отряд в 500 человек представлял в то время самостоятельную военную единицу. С таким отрядом перешел позднее под Москвой на сторону В. Шуйского Истома Пашков [92].

Публичная казнь, очевидно в Москве, руководителей движения показывает, какое большое значение придавал своей победе Борис Годунов. та казнь свидетельствует также о том, что выступление Хлопка далеко ышло за пределы местного возмущения и получило отклик в общегосударственном масштабе.

Умолчание источников об участии в восстании Хлопка дворян и детей ояpских сочетается с отсутствием в них сведений о связи этого движения именем Дмитрия, хотя слухи о самозванце получили широкое распространение в России по крайней мере с 1600 года [93]. Как уже говорилось, аиболее подробный и обстоятельный рассказ о восстании Хлопка нахотся в составе «Нового летописца». Отличительной же чертой этого публицистического памятника является живой интерес к самозванчеству в оссии. Составители «Нового летописца» специально задались целью выснить, как могло случиться, что «боярский человек» и «пашенный мужик» али претендовать на престол, выдавая себя за «праведный корень» [94]. соответствии с этим в «Новом летописце» приведены наиболее полные ведения о самозванцах в России в начале XVII в., чем в каком-либо угом памятнике публицистики периода крестьянской войны и польско-ведской интервенции. Л. В. Черепнин отмечает, что массовое явление мозванчества составители «Нового летописца» считали «прямым след-

---

[90] С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 238.

[91] Маржерет. Состояние Российской державы и великого княжества Московго. В книге Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитрии самозванце. Т. 1. ІБ. 1859, стр. 293.

[92] Веневский сотник Истома Пашков был щедро награжден Василием Шуйским измену. В начале царствования Михаила Федоровича «Федор да Офонасей Истомидети Пашкова» значились уже в числе московских дворян (ЦГАДА, ф. Разрядный иказ, Московский стол, стб. № 1131, д. 3, л. 59).

[93] Маржерет. Указ. соч., стр. 292.

[94] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 89.

ствием династического кризиса» [95]. Вряд ли возможно предположить, что бы при такой направленности своей работы составители «Нового летописца» в рассказе о восстании Хлопка пропустили бы известие о самозванчестве, если бы последнее проявилось в этом движении. Ничего не говорит о самозванчестве во время возмущения холопов и жадно ловивших слухи о Дмитрии И. Масса. По-видимому, на том этапе движения самозванческие идеи бродили, как это убедительно показал на примере смоленской «украйны» И. А. Голубцов [96], в среде дворян и детей боярских окраинных уездов и не проникли еще в массы крепостного крестьянства.

Наряду с указанными особенностями между восстаниями Хлопка Болотникова имелись черты глубокого сходства, частично отмеченные наблюдательным современником. Мы имеем в виду одну из глав «Сказания» Авраамия Палицына, носящую характерное название «О зачале разбойничества во всей России», перекликающуюся с названием главы 84-й «Нового летописца» — «О разбойницех и о посылке на разбойники». В отличие от «Нового летописца» А. Палицын говорит о «разбойничестве», не выделяя специально восстания Хлопка. Он уделяет главное внимание не борьбе холопов, а их ужасному положению во время голода. Однако сообщив о том, что многие холопы умерли голодной смертью, А. Палицын продолжает: «А иже на конех обыкше к воинскому делу искусни, сии к великому греху уклоняхуся; во грады бо вышереченныя украиныя отхожаху. И аще и не в купе, но боле двадесяти тысящь сицевых воров обретешеся по мнозе времени в осаде в сидении в Колуге и в Туле, кроме тамошних собравшихся старых воров» [97].

Судя по названию главы, А. Палицын относит начало «разбойничества во всей России» к голодным 1601—1603 годам [98]. Возникнув в голодные годы, «разбойничество» продолжалось, по его мнению, и во время восстания Болотникова, когда представители тех же самых беглых холопов и крестьян сидели в осаде в Калуге и Туле. Итак, для А. Палицына характерно объединение проявлений классовой борьбы во время голода с фактами из истории восстания Болотникова в одно целое как по движущим силам — крестьяне и холопы, так и по масштабам—«разбойничество во всей России». Присматриваясь к району, охваченному антифеодальным движением 1601—1603 гг., кульминационным моментом которого было восстание Хлопка, нельзя не отметить, что в числе других мест оно распространялось и на окрестности Тулы, Калуги, Коломны, Рязани и Пронска, то есть на территорию к югу от Москвы, где впоследствии находились основные опорные пункты восстания Болотникова.

В свете этих данных особый интерес приобретают утверждения местных историков-краеведов Г. М. Пясецкого и Д. О. Святского о том, что Хлопок двинулся на Москву из Комарицкой волости [99]. На юге и юго-востоке страны формировалось военное ядро назревающей крестьянской войны — казачество. Между тем крестьяне и холопы, стремившиеся избежать ужасов голодовки путем бегства на «украйны», достигнув этой обетованной земли и здесь оказывались не в лучшем положении. Запись неизвестного почепского жителя не оставляет сомнений в том, какие страдания выпадали на долю «прихожих людей» в северских городах. «Да тое ж зимы III (1603 г.— *В. К.*) году месяца мая в 2 день,— записал он,—

---

[95] Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 103.

[96] И. А. Голубцов. «Измена» смольнян при Б. Годунове и «извет» Варлаама. «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. V. М. 1928, стр. 250—251.

[97] «Сказание Авраамия Палицына», стр. 108.

[98] И. Масса также приурочивал начало массовых «разбоев» к голодным 1601—1603 годам (И. Масса. Указ. соч., стр. 62).

[99] Г. М. Пясецкий. Исторические очерки г. Севска и его уезда. «Сборник Орловского церковного историко-археологического общества». Т. II. Орел. 1906, стр. 23. Д. О. Святский. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел. 1908, стр. 37.

копали у божей дом человек со триста. Прихожии люди мерли голод-ю смертью, мерли и в Почепе на посаде» [100]. В условиях массового скоп-ния на окраинах беглых крестьян и холопов, вступавших частично в ды казаков и получавших оружие, острой нехватки продовольствия, носительной слабости местного государственного аппарата, неспособ-го подавить в зародыше антифеодальное выступление, скорее всего и гло вспыхнуть восстание Хлопка.

★

Подведем некоторые итоги. Вспыхнувшее в стране осенью 1601 г. обстановке голода «волнение велие» в народе, постепенно разрастаясь, риняло в 1603 г. массовый характер. Антифеодальное движение кре-ьян и холопов охватило тогда не только южные, но и центральные уезды раны. Произошли волнения крестьян в вотчинах Иосифо-Волоколамско-, Новодевичьего и Болдино-Дорогобужского монастырей. Многочислен-ые попытки Бориса Годунова подавить движение путем посылки в раз-ичные уезды военных отрядов не дали результатов. Летом 1603 г. воз-утившиеся крестьяне и холопы во главе с Хлопком приблизились к Мо-ве. Создалась угроза основам социального строя в России. Вопросами орьбы с движением Хлопка вынуждена была заняться боярская дума. а ее специальном заседании 16 августа 1603 г. был принят важный указ холопах, призванный внести раскол в ряды восставших, и решено по-лать против Хлопка «со многою ратью воевод». Во исполнение этого ре-ения 9 сентября 1603 г. царские войска во главе с окольничим И. Ф. Бас-ановым дали близ Москвы решающее сражение отрядам Хлопка. Вос-авшие потерпели поражение. Захваченные в плен руководители, оче-дно, были публично казнены в Москве. Однако многие из участников вижения сумели бежать на окраины и позднее приняли участие в вос-ании Болотникова.

Проводя различие между восстаниями Болотникова и Хлопка, . И. Смирнов указывает на несходство «в формах и масштабах, какие ела борьба классов в событиях 1603 г. и 1606—1607 годов», в частности то, что восставшие холопы «не овладели ни одним политическим и министративным центром Русского государства» [101]. С конкретным вы-одом И. И. Смирнова о том, что была разница между двумя восстания-и, надо согласиться. Однако при оценке движения Хлопка необходимо ассматривать его не изолированно, а в связи с другими антифеодальными ыступлениями крестьян и холопов. Как мы показали в настоящей статье, о своим движущим силам, антифеодальной направленности, арене дей-вия движение Хлопка связано с восстанием Болотникова. Уже в это ремя определилась основная территория движения, возникла идея похо-а на Москву, организовалось войско восставших, вступившее в сражение правительственными войсками. Конечно, при этом надо учитывать, что ы имеем дело с начальным моментом перерастания массового антифео-ального движения в крестьянскую войну, когда все эти явления находи-ись еще в процессе становления. Не следует также преувеличивать орга-изованность, политическую сознательность и централизацию руководства восставших крестьян. Для крестьянской войны характерны прежде всего ихийность, неорганизованность, раздробленность.

Итак, нам представляется, что движение Хлопка явилось начальным апом крестьянской войны в России в начале XVII в., кульминационным нктом которой было восстание под предводительством Болотникова.

---

[100] ГБЛ. Собрание Лукашевича № 86, л. 373.

[101] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском сударстве начала XVII века, стр. 120—121.

БОРЬБА СЕПГ ПРОТИВ РЕВИЗИОНИЗМА, ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ЕДИНСТВА СВОИХ РЯДОВ

(ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ СЕПГ)

И. Г. Кабин

Социалистическая единая партия Германии является руководящей силой строительства социализма в Германской Демократической Республике. Ее политика направлена на укрепление рабоче-крестьянской власти, сохранение мира, развитие социалистической демократии и в конечном счете — на победу социализма в стране. Миролюбивые предложения СЕПГ о создании безатомной зоны в Европе, выводе иностранных войск с германской территории и воссоединении Германии на мирной и демократической основе активно поддерживаются народными массами Германской Демократической Республики, стали притягательной силой и для трудящихся Западной Германии.

Послевоенное развитие Германии полностью подтверждает правоту политики СЕПГ, которая на протяжении 12 лет своего существования неустанно борется за создание и упрочение основ социализма в ГДР. Под руководством Социалистической единой партии Германии трудящиеся ГДР достигли больших успехов в социалистическом строительстве. Об этом наглядно свидетельствуют следующие цифры: 90% валовой продукции промышленности республики дают социалистические предприятия, причем с 1950 г. число рабочих на них увеличилось на 50%, производительность труда — на 74%, сумма государственных капиталовложений на машины и оборудование возросла с 587 до 3 262 млн. марок. Национальный доход за это время почти удвоился. С начала 1958 г. промышленное производство росло быстрее, чем было предусмотрено показателями второго пятилетнего плана. В 1957 г. на исследовательскую работу и развитие новой техники израсходовано 657,3 млн. марок по сравнению с 127,4 млн. марок в 1951 году.

В сельском хозяйстве на долю социалистического сектора приходится сейчас 45% полезной земельной площади [1]. На июль 1958 г. в ГДР было создано 8 412 сельскохозяйственных производственных кооперативов, в которых объединено свыше 300 тыс. крестьянских дворов [2]. Значительно улучшилось материальное положение трудящихся. В 1957 г. население купило товаров на 2 млрд. марок больше, чем в 1956 году. В промышленности, строительстве и на транспорте рабочая неделя сокращена до 45 часов. Проведен и ряд других мероприятий по улучшению социально-экономического положения трудящихся. В результате, как отмечают западногерманские рабочие, побывавшие в ГДР, социальное обеспечение трудящихся в ГДР неизмеримо лучше, чем в ФРГ.

Все эти успехи, достигнутые под руководством СЕПГ, горячо одобряются народными массами республики. Рабочие, трудящиеся крестьяне и трудовая интеллигенция понимают, что политика СЕПГ отражает их ко-

[1] «Einheit», 1958, № 7, стр. 897.
[2] «Neues Deutschland», 11 июля 1958 года.

енные, жизненные интересы. В связи с подготовкой к V съезду СЕПГ, состоявшемуся в июле 1958 г., в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте развернулось социалистическое соревнование, в котором приняли участие самые широкие массы трудящихся. На выборах в Народную палату и окружные представительства 16 ноября 1958 г., когда за списки Национального фронта, руководимого СЕПГ, голосовало 99, 87% всех избирателей, население ГДР продемонстрировало свою поддержку рабоче-крестьянской власти, разбило бредни империалистической пропаганды о том, что якобы «немецкий народ не хочет социализма».

★

В решениях Социалистической единой партии Германии подчеркивается, что она на основе марксизма-ленинизма определяет пути социалистического строительства в ГДР. Будучи подлинно революционной партией, она постоянно повышает свою боеспособность, организационное и идеологическое единство, решительно искореняет проявления оппортунистических настроений в своих рядах. Состоявшийся в феврале 1958 г. 35-й пленум ЦК СЕПГ всесторонне обсудил генеральную линию партии и ее развитие после XX съезда КПСС и 3-й конференции Социалистической единой партии Германии (март 1957 г.). Было отмечено, что партии удалось добиться значительного прогресса во всех областях общественной жизни, укрепить единство своих рядов, связи с рабочим классом и другими слоями трудящихся. Основное внимание Социалистическая единая партия Германии направляет на то, чтобы добиться высокой политической активности и прочной марксистско-ленинской сплоченности всех членов партии, укрепить связи СЕПГ с широкими трудящимися массами республики.

Опыт последних лет убедительно показал, что только при твердом марксистско-ленинском единстве партия может успешно преодолевать трудности и недостатки. Именно благодаря такому единству СЕПГ дала решительный отпор врагам рабоче-крестьянской власти, которые после XX съезда КПСС пытались подготовить генеральное наступление против социалистических завоеваний в ГДР. СЕПГ вела решительную борьбу против всех ревизионистских происков, в какой бы форме они ни проявлялись, энергично разоблачала носителей буржуазной идеологии, стремившихся ослабить ГДР и весь социалистический лагерь.

Однако обнаружилось, что вражеская идеология все же повлияла на неустойчивых членов партии и на отдельных руководящих работников. В различных формах начали проявляться в партии ревизионистские взгляды, подрывавшие основные принципы марксизма-ленинизма, принижавшие руководящую роль партии, недооценивавшие значение народных масс и умалявшие принципы пролетарского интернационализма. На 35-м пленуме ЦК СЕПГ было указано, что неправильная позиция бывшего секретаря ЦК Ширдевана исходила из предположения, что политика ослабления международной напряженности означает якобы ослабление борьбы против классового врага [3]. Это вело к недооценке опасности политики НАТО, ориентировало на «развитие событий самих по себе», что принижало роль партии и диктатуры пролетариата. Бывший министр госбезопасности ГДР Вольвебер рассматривал лозунг демократизации как одновременное ослабление борьбы против проникновения классового врага. Такая позиция вела к ослаблению режима рабоче-крестьянской власти и облегчала врагам возможность подрывной работы против ГДР. СЕПГ решительно отвергла эту неправильную и вредную линию.

Как видно из партийной печати, борьба против оппортунистических

[3] «Einheit». 1958, № 3, стр. 291.

и ревизионистских взглядов и настроений была одной из главных задач политики СЕПГ в последнее время. Уже на 30-м пленуме ЦК СЕПГ (январь 1957 г.) отмечалось, что борьба за чистоту марксизма-ленинизма является первейшей задачей, что в партии не могут быть терпимы отставание в идеологических вопросах, отступления от последовательного социалистического строительства, свертывание борьбы с классовым врагом [4]. Правильность такой политики полностью подтвердили практика социалистического строительства и мероприятия партии по разрешению национального вопроса.

Благодаря более глубокому усвоению членами СЕПГ сущности политики партии, основанной на учении марксизма-ленинизма, удалось наладить широкое обсуждение в партии и среди всех слоев трудящихся основных вопросов политики СЕПГ. В процессе этого обсуждения укрепилась вера народных масс в рабоче-крестьянское государство, поднялась активность трудящихся в социалистическом строительстве ГДР. Это еще раз показало, что рабочий класс и все трудящиеся готовы идти вместе с партией, если она убеждает массы и указывает им правильный путь. Выступая против недооценки роли масс в социалистическом строительстве, ЦК СЕПГ на 35-м пленуме решительно разоблачил взгляды бывших членов ЦК Эльснера, который пытался доказать невыполнимость второго пятилетнего плана, настаивал на роспуске слабых сельскохозяйственных производственных кооперативов, и Зельбмана, который предлагал опираться в руководстве промышленностью не на рабочих, а главным образом на интеллигенцию и подготовленных функционеров государственного аппарата [5]. Отвергнув эти неправильные настроения, СЕПГ создала предпосылки для более активного участия трудящихся масс в социалистическом строительстве.

★

Социалистическая единая партия Германии развивается как боевая марксистско-ленинская партия. При каждом повороте в политике, при каждом изменении в соотношении сил она стремится убедить коммунистов в необходимости тех или иных действий. Она постоянно заботится о том, чтобы расширять марксистско-ленинские знания ее членов и укреплять их тесные связи с массами.

Результаты отчетно-выборных собраний в низовых организациях перед V съездом партии, а также ее массово-политическая работа в связи с прошедшими в ноябре 1958 г. выборами в Народную палату показывают, что партийные организации научились принципиально и со знанием дела обсуждать вопросы политического и экономического развития ГДР, идеологические вопросы и вести работу в массах. ЦК СЕПГ провел в январе 1958 г. специальную конференцию актива по улучшению стиля работы, главным образом в связи с решением Политбюро о результатах обследования окружных организаций Галле, Гера, Зуля и Дрездена, где были вскрыты серьезные недостатки в работе [6]. Конференция поставила задачу укрепления нового стиля партийной работы, то есть методов успешного строительства социализма, усиления рабоче-крестьянской власти и развития социалистического сознания в массах. При этом улучшение стиля работы связывалось не столько с поисками новых форм и методов партийной работы, сколько с убеждением, строгим применением устава партии в воспитании товарищей.

Выдвигая эту задачу, СЕПГ исходила из опыта развития партии в последнее время. После XX съезда КПСС и 3-й партийной конференции

[4] «Neues Deutschland», 31 января 1957 года.
[5] «Einheit». 1958, № 3, стр. 298, 303.
[6] «Einheit», 1958, № 7, стр. 913.

ЕПГ большинство ее членов стали особенно горячо поддерживать поли-ку СЕПГ и проводить ее в жизнь. Вместе с тем в процессе развернув-йся затем дискуссии некоторые члены партии капитулировали под влением врага и начали проводить идеи, принижающие руководящую ль партии. Ревизионистские наскоки на политику СЕПГ тесно пе-плетались с общим вражеским наступлением против оправдавших се-на деле организационных принципов рабочего движения и против пар-йной дисциплины. Однако СЕПГ, как марксистско-ленинская партия, не гла мириться с тем, чтобы в ее рядах распространялись ревизионизм, принципность, примиренчество, капитулянтство, а также догматическая коснелость. Как отмечалось на 35-м пленуме ЦК, партии грозила опас-сть завязнуть в болоте примиренчества и изолироваться от масс, если она своевременно не отклонила и не разоблачила подобные вредные яв-ния. Партия, как живой организм, должна своим опытом, своей актив-стью и своим стилем работы постоянно удовлетворять требованиям ассовой борьбы, если она не хочет потерять свою революционную бое-ссобность.

В решениях ЦК СЕПГ, опубликованных в печати, не раз подчеркива-сь, что наряду с правильностью политической линии партии решающим ляется организационное и идеологическое укрепление ее рядов. Устав ЕПГ объявляет защиту единства и чистоты рядов партии первейшей обя-нностью ее членов. При этом должны строго соблюдаться демократи-ские основы партийной жизни, принцип коллективности руководства и мократического централизма. Внутрипартийная демократия, как указы-лось в решении 30-го пленума ЦК СЕПГ, предполагает и гарантирует ободное, открытое и деловое обсуждение важнейших вопросов партий-й жизни. Некоторые члены партии ошибочно поняли это как возмож-сть ослабления дисциплины, и первое время в ряде партийных органи-ций имели место анархические выступления вообще против всякого ру-оводства и отдельных руководителей партии.

Руководство СЕПГ решительно выступило против извращений вну-ипартийной демократии и демократического централизма [7]. Партия сме-о преодолевала отклонения и колебания путем широкого развертывания ритики и самокритики и настойчивой воспитательной работы в отношении дельных членов партии.

СЕПГ исходит из того, что она несет основную ответственность перед бочим классом и трудящимися за успешное строительство социализма ГДР. Эта ответственность возрастает ввиду новых больших задач, вы-винутых вторым пятилетним планом, а также ввиду обостряющегося по-жения в Западной Германии. Заметному росту настроений в пользу со-ранения мира там противостоит упрямое сопротивление империалистов, зражающих против всякого ослабления международной напряженности. ЕПГ ведет большую работу с целью создать возможность сближения боих германских государств на основе конфедерации; чтобы требование хранения мира глубже проникло в массы, особенно в рабочий класс, ЕПГ всемерно развивает во всей стране движение, которое сорвало бы аны атомной войны западногерманских милитаристов. При таких зада-ах очень важно оберегать единство и сплоченность партии, особенно в ее ководящих органах. В решениях ЦК СЕПГ постоянно подчеркивается, о единство не может быть обеспечено, если в ее руководящих органах арушается партийная дисциплина и открываются щели для фракцио-еров. Революционная партия не может мириться и с тем, чтобы руково-ители растрачивали свои силы на бесконечные ненужные дискуссии и ем ослабляли практическую работу. ЦК СЕПГ ориентирует партию на крепление руководящих партийных органов и на обеспечение в них кол-ективного стиля работы.

[7] «Einheit». 1958, № 3, стр. 294—295.

★

На 35-м пленуме ЦК СЕПГ указывалось, что в развитии СЕПГ особенно важное значение имел 30-й пленум ЦК, решения которого направлены на создание предпосылок наступления социализма по всему фронту. На передний план пленум выдвинул задачу воспитания социалистического сознания в массах. Следуя этой линии, все последующие решения ЦК ориентировали партию на то, чтобы форсировать процесс социалистического строительства, развивать правильные отношения между рабочим классом и трудящимися массами, всемерно укреплять союз рабочего класса с трудящимся крестьянством и тем самым обеспечить общий подъем в движении к социализму. Большую помощь в этом деле оказала Московская декларация коммунистических и рабочих партий социалистических стран, основные положения которой нашли практическое применение в деятельности СЕПГ.

В период подготовки к V съезду СЕПГ журнал «Einheit» в передовой статье отметил: «В социалистическом строительстве в ГДР сделаны значительные шаги. Это особенно заметно в планомерном развитии промышленного производства, в кооперировании большой части крестьян в сельском хозяйстве, в повышении материального уровня населения. Однако в отдельных областях имеется заметное отставание, в основе которого лежат идеологические причины. Партии не удалось прочно связаться с различными слоями интеллигенции, школьное дело развивается медленно, учебный процесс не всегда отвечает необходимым требованиям воспитания молодого поколения. В высшей школе до сих пор имеется большое влияние буржуазной идеологии. Стиль работы государственных органов во многих случаях не соответствует растущим задачам социалистического строительства» [8].

СЕПГ знает и видит недостатки в социалистическом строительстве, и она далека от того, чтобы рассматривать путь к социализму как гладкую дорогу, по которой можно маршировать равномерно и непрерывно. Опираясь на закономерности общественного развития, СЕПГ преодолевает слабости и недостатки путем постоянной борьбы за новое, прогрессивное, против старого, отживающего. Но имелись члены СЕПГ, которые думали, что переход к социализму можно совершить плавно, без конфликтов, без трудностей и противоречий. Они хотели бы как можно скорее и без труда оказаться в социализме и воспользоваться всеми его благами. Другие, наоборот, колебались и хотели посмотреть, «что еще будет». Обнаружилась также идеологическая неясность в разрешении национального вопроса. Многие интеллигенты думали, что нельзя идти «слишком далеко» в стремлениях по созданию социалистической культуры. Подобные настроения имели место не только в области культуры. В развитии, например, химических предприятий ГДР отдельные специалисты мечтали о таком «будущем», когда эти предприятия будут подчинены «Фарбен-ИГ» Западной Германии. Во всех этих настроениях выражалось стремление к воссоединению Германии «любой ценой» [9].

Особенно усилились действия классового врага в связи с фашистским путчем в Венгрии. Реакционные силы предприняли широкое наступление против марксистско-ленинского учения о государстве и строительстве социализма в ГДР, стремясь идеологически расшатать СЕПГ, внести в ее ряды сумятицу [10]. Ревизионистские элементы выступили со своими «теориями», опорочивавшими рабоче-крестьянскую власть в ГДР. Профессора Беренс, Бенари и другие начали требовать ограничения роли государства, ориентации на стихийную деятельность в экономике, на развитие ры-

[8] Там же, стр. 297.
[9] Там же.
[10] «Neues Deutschland», 31 января 1957 года.

очных отношений, на ограничение планирования. Эмиссионный банк, по х мнению, должен иметь решающие функции в руководстве хозяйством а основе действия рыночного закона спроса и предложения. Кульминационный пункт этой «теории» заключался в требовании допустить неедленное отмирание государства и поставить на его место самоуправление в общественной жизни и в экономике [11].

Вследствие слабой идеологической борьбы в то время против подобных извращений марксизма-ленинизма ревизионистские взгляды по вопросу дальнейшего развития ГДР стали облекаться в форму различных платформ и требований. Западная пропаганда делала все для того, чтобы придать этим платформам и требованиям заостренное политическое направление. Под влиянием такой пропаганды бывший профессор Берлинского университета Харих организовал из представителей интеллигенции контрреволюционную группу. Обосновывая свою платформу, Харих требовал смены руководства СЕПГ и отрыва ГДР от Советского Союза и социалистического лагеря. Он выступил за стихийное экономическое развитие в ГДР, считая ненужным государственное планирование. Сельскохозяйственные производственные кооперативы и МТС, согласно этой платформе, должны быть распущены. Народное хозяйство ГДР следует ориентировать прежде всего на капиталистические страны. Харих делал заем предположения, как в соответствии с планами НАТО можно будет уничтожить ГДР [12].

Нажим вражеских сил против СЕПГ и ГДР этим не ограничился. С ревизией путей строительства социализма в сельском хозяйстве ГДР выступил бывший руководитель Института аграрной экономики Фивег. Согласно его платформе, плановость и содействие социалистическому развитию сельского хозяйства должны быть отменены; на развитие сельского хозяйства должно влиять лишь определенное регулирование цен сельскохозяйственной продукции, регулирование налогов и применение кредитной системы. Преимущество должно оказываться «самостоятельным» хозяйствам, то есть середнякам и кулакам [13].

Особенно острая борьба против ревизионистских взглядов по вопросам общественного развития, истории философии и культуры развернулась в 1957 году. Ревизионистские элементы навязчиво протаскивали идею мирного сосуществования в области идеологии. Некоторые представители интеллигенции высказывали на страницах печати явно немарксистскую точку зрения, утверждая, что было бы допустимым и чуть ли не полезным предоставить возможность «развивать в науке и культуре ГДР также и идеалистические «прогрессивные» взгляды». Лояльная и товарищеская борьба мнений ученых-марксистов и носителей таких идеалистических взглядов якобы обогатила бы научную и культурную жизнь ГДР. Подобные взгляды протаскивал на своих страницах философский журнал «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», который договорился до возможности идейного компромисса между марксистами и христианами. Особенно широкое хождение «теория» сосуществования марксизма с христианством получила в высших учебных заведениях, где проповедовался «синтез теологических элементов с марксизмом».

Появились и выступления, в которых затрагивались принципиальные основы идеологической деятельности партии, поднимался вопрос о пересмотре некоторых важнейших теоретических положений. В связи с этим летом 1957 г. в печати была организована дискуссия. Так, бывший профессор Берлинского университета Хавеман высказывал под флагом борьбы против догматизма взгляды, ставившие под сомнение необходимость марксистско-ленинской философии как самостоятельной науки, пытался противопоставить ей естественные науки.

[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же.

Ревизионистские взгляды начали появляться также и в исторической науке ГДР. Ю. Кучинский не раз высказывал неправильные мысли по некоторым вопросам социалистического строительства в республике. В выпущенной им книге «Возникновение первой мировой войны и германская социал-демократия» он неверно освещал роль народных масс во время войны, деятельность социал-демократической партии и причины влияния оппортунизма в германском рабочем движении. По Кучинскому получалось, в частности, что массы ответственны за согласие социал-демократической фракции в рейхстаге на военные кредиты [14].

Некоторые профессора пытались извратить политику СЕПГ в социалистическом строительстве, например, в вопросах о роли государственного аппарата, о классах и классовой борьбе. Они «доказывали» необходимость ослабления роли государственного аппарата, проповедовали «классовую гармонию» в ГДР и отрицали наличие известных противоречий между рабочим классом и средней и мелкой буржуазией в ГДР [15].

СЕПГ своевременно разгадала намерение врага и дала решительный отпор всем этим ревизионистским вылазкам, широко разъяснив вредность и опасность подобных извращений перспектив социалистического строительства в ГДР. Вопросам борьбы с ревизионистскими взглядами был посвящен ряд заседаний ЦК СЕПГ, совещаний актива партии и интеллигенции. Из дискуссии против ревизионизма СЕПГ сделала вывод, что настоятельной и актуальной задачей являются изучение и распространение в массах марксистско-ленинского учения о государстве, диктатуре пролетариата, роли партии рабочего класса; изучение и распространение марксистско-ленинской диалектики и ее применение в разрешении конкретных задач во всех областях партийной, государственной и идеологической работы. СЕПГ взяла курс на укрепление социалистического сознания в рабочем классе и других слоях населения путем глубокого изучения марксизма-ленинизма.

В этих целях ЦК СЕПГ обратился ко всем членам партии с письмом «Об изучении диалектического материализма в первичных организациях», в котором излагалась суть марксистско-ленинской диалектики и необходимость овладения ею для успешного строительства социализма. «Применение диалектического материализма, — говорится в письме, — дает возможность своевременно преодолевать односторонность, закоснелость мысли, догматические ошибки и, прежде всего, ревизионистские колебания», которые наблюдались у ряда работников, в частности у Бенари, Блоха, Беренса, Кучинского, Хернека, Хавемана и других. Разоблачение и преодоление ревизионистских взглядов в партии выдвигались в качестве основной задачи в подготовке к V съезду СЕПГ. Партия развернула работу по идеологическому воспитанию масс, развитию социалистического сознания, чтобы пробудить еще бо́льшую готовность масс к социалистической деятельности и тем самым создать предпосылки для преодоления влияния буржуазной идеологии на трудящихся.

★

В процессе социалистического строительства СЕПГ одну из главных своих задач видит в том, чтобы обеспечить тесные связи между рабочим классом и массами трудящихся, прежде всего крестьянства. Идеи и инициатива СЕПГ проникают в массы через народные представительства, демократические организации трудящихся и Национальный фронт, в которых широко представлены члены партии. Опыт показал: чем активнее и живее разъяснительная работа членов партии в массовых организациях

[14] «Einheit», 1958, № 5, стр. 761.
[15] «Neues Deutschland», 4 августа 1956 года.

среди трудящихся, тем лучше осуществляется руководящая роль пар-
и и тем быстрее и сознательнее проводятся ее мероприятия. Это про-
вилось, в частности, в социалистическом соревновании прошлого года и
особенно в соревновании в честь 40-й годовщины Великой Октябрьской
циалистической революции, когда СЕПГ удалось вызвать большой
одъем в народе и добиться значительных успехов в различных областях
ародного хозяйства [16].

Но одновременно обнаружилось, что в руководстве массами имелись
многие недостатки, которые коренились прежде всего в идеологических
шибках и тормозили дальнейшее развитие инициативы трудящихся. Эти
едостатки проявились в профсоюзах, не обеспечивших воспитательную
аботу, в молодежных организациях и особенно в деятельности государ-
твенного аппарата, работавшего в отрыве от масс [17]. ЦК СЕПГ вынуж-
ен был заняться укреплением этих организаций. Для профсоюзов и мо-
одежи были намечены конкретные задачи в соответствии с новыми
словиями. Было признано необходимым перестроить государственное
правление, предоставить больше прав местным органам власти — об-
инам, районам и округам. Согласно принятому Народной палатой
феврале 1958 г. закону «Об усовершенствовании и упрощении госу-
арственного аппарата», была проведена коренная перестройка управле-
ия экономикой. Многие промышленные министерства были ликвидиро-
аны, расширены обязанности Государственной плановой комиссии и од-
овременно созданы экономические советы в округах и объединения на-
одных предприятий по экономическим районам [18].

В новом законе речь идет не столько о структурных изменениях,
колько о том, чтобы дать массам возможность активнее участвовать в
правлении государством и хозяйством, придать их инициативе больше
ейственности. Одновременно выдвигается необходимость развертывания
ирокой критики снизу, проведения большой воспитательной работы, что-
ы изменить стиль работы государственных органов, научить их постоян-
о обобщать опыт масс и учиться у масс.

В ходе широкого обсуждения вопросов перестройки работы государ-
твенного аппарата, которое было проведено в течение 1957 г., выясни-
ось, что деятельность по совершенствованию форм государственного
правления тормозилась сопротивлением ряда руководящих работников
осударственного аппарата и партии. Некоторые энергично возражали
ротив подчинения местной промышленности местным народным предста-
ительствам и переложение на них ответственности за управление пред-
риятиями характеризовали как «муниципальный социализм» [19]. Другие,
едооценивая роль трудящихся масс, предлагали управлять хозяйством
олько сверху, через хорошо подготовленных хозяйственников, специали-
тов и интеллигенцию. Эти тенденции были выражены и в некоторых про-
ктах положений для вновь создаваемых объединений народных пред-
риятий, где не было и речи об участии рабочих, профсоюзов и молодеж-
ых организаций в руководстве предприятиями [20].

ЦК СЕПГ, со всей решительностью выступив против недооценки ро-
и трудящихся в управлении предприятиями, разъяснил, что в ГДР пред-
риятия принадлежат народу, что нет противоречий между интересами
абочих и руководителей [21]. Для руководства экономикой, несомненно,
ужны ученые, экономисты, инженеры и техники, но не только им принад-
ежит решающее слово, в социалистическом предприятии важнейшую
оль должны играть массы трудящихся. Разоблачить неправильные пред-

[16] «Einheit». 1958, № 3, стр. 300.
[17] «Neues Deutschland», 9 февраля 1958 года.
[18] «Neues Deutschland», 11 и 12 февраля 1958 года.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] Там же.

ставления в этом вопросе необходимо было и потому, что они мешали нормальному развитию производства и сплочению коллективов предприятий при выполнении производственных планов. В печати СЕПГ отмечалось, что в ГДР имеется много хозяйственников, которые принимали во внимание только объективные обстоятельства производственного процесса, обращались с инициативой и творческими силами рабочих в лучшем случае как с арифметической величиной вместо того, чтобы опираться на них и чувствовать политическую ответственность за руководство массами [22]. Это обнаруживалось, в частности, и в том, что производственные совещания, экономические конференции и соревнование рассматривались некоторыми хозяйственниками как мероприятия, исходящие лишь от СЕПГ и профсоюзов, и они ничего не делали собственными силами, по своей инициативе. Все эти ненормальные явления в результате критики со стороны СЕПГ, получившей широкую поддержку рабочего класса и других слоев трудящихся, успешно преодолеваются.

★

Кроме публикации в партийной печати теоретических статей по вопросам марксизма-ленинизма, против ревизионизма и догматизма, в последнее время СЕПГ регулярно проводит на массовых партийных собраниях обсуждение различных политических и идеологических вопросов. Среди интеллигенции в 1957 г. проведены республиканские семинары по вопросам философии (при Лейпцигском университете), по экономическим вопросам (при Институте экономики), семинар по вопросам развития сельского хозяйства (при Институте аграрной экономики). На этих семинарах были осуждены и разгромлены ревизионистские взгляды.

На упомянутой выше конференции партактива в январе 1958 г. вновь была подчеркнута необходимость более активного и глубокого разъяснения в партии и в массах основных вопросов теории марксизма-ленинизма. Этим СЕПГ исправила тот существенный недостаток в своей работе после 3-й конференции, когда в пропаганде основной упор делался на изучение и разъяснение экономических проблем; вопросам же идеологии не уделялось должного внимания.

По решению Политбюро ЦК СЕПГ в пропаганде и политической работе в массах теперь участвуют все руководящие работники партии снизу доверху. При помощи такого метода удалось наладить систематическое разъяснение основных вопросов марксистско-ленинской теории и выявить настроения широких слоев населения. Большой размах агитационно-пропагандистской работы дает возможность своевременно обнаруживать и разоблачать оппортунистические и ревизионистские высказывания и взгляды.

Несмотря на улучшение обстановки на идеологическом фронте, ЦК СЕПГ считает, что вопросы идеологической борьбы и в настоящее время сохраняют актуальное значение. Если в результате большой разъяснительной работы партии по ревизионистским настроениям был нанесен сокрушительный удар, то это не означает, что они совсем преодолены, особенно среди интеллигенции.

На конференции по вопросам культуры в октябре 1957 г. указывалось, что обстановка в писательской среде ГДР продолжает оставаться сложной. Многие писатели молчат, и нужна большая работа, чтобы вовлечь их в активную борьбу за дело социалистического строительства. Хотя устав партии и предусматривает единую дисциплину для всех членов партии, однако многие писатели — члены СЕПГ — не считались с уставом и не чувствовали себя связанными партийной дисциплиной. Нежелание подчинить себя партийной дисциплине порождало у некоторых писателей оппортунизм. Одной из важнейших задач конференция считала разъяс-

[22] Там же.

нение вопроса о партийности в области культуры и обсуждение мероприятий по дальнейшему укреплению сотрудничества между рабочим классом и интеллигенцией.

На конференции были вскрыты ошибки прошлого, дан анализ их причин и определены задачи на будущее. Все выступавшие были единодушны в том, что работники культуры — члены партии рабочего класса — обязаны так же, как и все коммунисты, соблюдать ленинские нормы партийной жизни в своих партийных организациях, подчиняться партийной дисциплине. Конференция призвала всех работников культуры к активному участию в строительстве социализма и укреплению рабоче-крестьянской власти в ГДР.

Используя положительный опыт подобных общереспубликанских конференций, дающих возможность обсуждать конкретные вопросы, затрагивающие различные слои населения, а также теоретические вопросы, ЦК СЕПГ с начала 1958 г. провел и другие конференции и семинары. На общереспубликанском семинаре женщин обсуждался вопрос «О роли женщин в строительстве социализма в ГДР». Республиканская конференция работников высшего образования была посвящена вопросу «О дальнейшем развитии вузов ГДР в социалистические учебные заведения». Общегерманская конференция молодежи обсудила мероприятия по участию молодежи в социалистическом строительстве в ГДР и разрешении общегерманских задач. В начале апреля 1958 г. конференция по вопросу «Марксистско-ленинское учение о государстве и его применение в Германии» наметила широкую программу борьбы против ревизионистских и буржуазных взглядов в области государства и права.

После Московских Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий СЕПГ продолжала решительно бороться против международного ревизионизма. Состоявшийся в июле 1958 г. 36-й пленум ЦК СЕПГ обсудил вопрос о решениях VII съезда СКЮ и полностью одобрил позицию ЦК СЕПГ, занятую им в отношении идеологической диверсии югославских ревизионистов. Пленум всецело солидаризировался с оценкой, данной программе СКЮ и VII съезду Союза коммунистов Югославии Коммунистической партией Советского Союза и всеми другими братскими партиями.

Следует отметить, что СЕПГ с самого начала дала марксистско-ленинскую оценку «теории» и политике югославских ревизионистов. Политбюро ЦК СЕПГ единодушно поддержало позицию КПСС по вопросу о взаимоотношениях с Союзом коммунистов Югославии. В апрельском (1958 г.) номере журнала «Einheit» была полностью перепечатана критическая статья из журнала «Коммунист», а в центральном органе СЕПГ — газете «Neues Deutschland» — статья из «Правды» «В единстве и сплоченности марксистско-ленинских партий — залог дальнейших побед мировой социалистической системы». 10 мая 1958 г. «Neues Deutschland» опубликовала большую статью члена редколлегии газеты Георга Ганзена «О несовместимости программы Союза коммунистов Югославии с марксизмом-ленинизмом».

В редакционной статье майского номера «Einheit» был подвергнут критике ревизионистский, противоречащий пролетарскому интернационализму характер программы Союза коммунистов Югославии, показано, к каким вредным последствиям ведет отход от марксизма-ленинизма.

В июне 1958 г. Институт общественных наук при ЦК СЕПГ провел научную конференцию на тему «Значение пролетарского интернационализма в современной борьбе рабочего класса всех стран за социализм и мир». На конференции критиковались ревизионистские нападки на единство социалистического лагеря и международного рабочего движения.

Серьезной критике ревизионистские «теории» и взгляды руководителей СКЮ подверглись на V съезде СЕПГ в июле 1958 года.

V съезд СЕПГ подвел итоги борьбы на идеологическом фронте, борьбы против ревизионистских извращений политики партии и наметил широкую программу социалистических преобразований в области идеологии, воспитания рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции в социалистическом духе.

Съезд показал, что СЕПГ последовательно отстаивает чистоту марксистско-ленинской теории и занимает твердую и непримиримую позицию по отношению к любым проявлениям ревизионизма.

Поворотным моментом в активизации идеологической борьбы, как отмечалось на съезде, явился 30-й пленум ЦК СЕПГ (январь 1957 г.). Он вывел партию из состояния обороны по идеологическим вопросам, в котором она временно оказалась после венгерских событий, и направил все ее усилия на решительную борьбу против влияния буржуазной идеологии и проявлений ревизионизма во всех областях общественной и культурной жизни страны. Руководствуясь ленинскими нормами партийной жизни, развивая критику и самокритику, партия решительно выступила против тенденций к сосуществованию различных мировоззрений в области идеологии и попыток занять нейтральную позицию в идеологической борьбе, которые проявлялись со стороны отдельных работников партийного и государственного аппарата.

В отчетном докладе ЦК СЕПГ и в выступлениях делегатов V съезда были осуждены фракционная группа Ширдевана, Вольвебера, Цилера, а также Эльснер и Зельбман.

В резолюции съезда об этой группе говорилось: «Истоки оппортунистической концепции, составлявшей существо фракционной деятельности, заключались прежде всего в ложной оценке положения и в податливости давлению врага, а также в высокомерии, самодовольстве и пренебрежении к коллективному руководству» [23].

В результате последовательной борьбы против различных проявлений ревизионизма за последнее время СЕПГ добилась повышения идейно-теоретического уровня членов партии, укрепления единства и сплоченности ее рядов, усиления роли и влияния рабочего класса во всей экономической, общественной и культурной жизни республики, а также значительных успехов в социалистическом воспитании рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

Вместе с тем съезд отметил недопустимость ослабления борьбы против влияния буржуазной идеологии, особенно против ревизионизма как главной опасности внутри рабочего движения, а также против догматизма и сектантства. Как отмечалось на съезде, Политбюро ЦК СЕПГ вскрыло накануне съезда серьезные недостатки в идеологической работе ряда окружкомов партии и указало на необходимость усиления борьбы против ревизионистских «теорий» и взглядов отдельных работников и против враждебной деятельности Восточного бюро СДПГ и западногерманских концернов. Съезд осудил поведение отдельных партийных работников, которые считали, что не следует слишком открыто говорить с крестьянами-единоличниками и представителями мелкобуржуазных слоев о социалистических перспективах развития ГДР, так как это будто бы осложнит борьбу за объединение Германии на демократической основе [24].

В ряде мест недостаточно последовательно проводилась борьба против взглядов, согласно которым оба германских государства, чтобы добиться воссоединения Германии, должны якобы пойти на уступки друг другу в принципиальных вопросах. Это в конечном счете означало не что иное, как стремление замедлить темпы социалистического строительства в ГДР.

---

[23] «Neues Deutschland», 18 июля 1958 года.
[24] Там же.

Съезд подчеркнул необходимость разоблачения современного ревизионизма югославского толка, выступающего под маской «национального социализма» и «национального коммунизма» и являющегося выражением влияния буржуазной идеологии в рабочем движении.

Необходимость продолжения борьбы против отдельных проявлений ревизионизма, как отмечалось на съезде, диктуется еще и тем, что в условиях ГДР ревизионизм представляет собой особую опасность, поскольку его распространение препятствовало бы преодолению противоречий и трудностей, возникающих в ходе социалистического преобразования страны, и открыло бы путь к реставрации капитализма.

Съезд констатировал, что решение основной экономической задачи — догнать и перегнать в ближайшие три года Западную Германию по уровню потребления основных видов продовольствия и товаров на душу населения — в значительной мере зависит от уровня социалистического сознания рабочего класса, трудящегося крестьянства, интеллигенции и других слоев населения. В этой связи перед партией выдвинута задача уделять еще больше внимания воспитанию социалистического сознания у населения ГДР, всемерно улучшать партийную пропаганду и политико-массовую работу. Съезд обязал всех членов партии еще глубже изучать марксистско-ленинскую теорию и особенно диалектический материализм, который должен быть положен в основу воспитания социалистического сознания. Съезд выдвинул как одну из наиболее актуальных проблем задачу воспитания у трудящихся ГДР социалистической морали.

Съезд СЕПГ провозгласил курс на систематическое и неуклонное проведение социалистических принципов во всех областях культурной жизни. Он подчеркнул, что успешное завершение культурной революции в ГДР требует постоянной борьбы против буржуазного влияния, проявлений ревизионизма и оппортунизма. На съезде были подвергнуты резкой критике отдельные руководящие работники культуры, образования и искусства, допускавшие примиренчество и либерализм по отношению к проявлениям буржуазных идей и, по существу, саботировавшие проведение в жизнь политики СЕПГ[25]. Указывалось на то, что в строительстве социалистической культуры партия должна опираться на рабочий класс, мобилизовать его активные силы на борьбу против буржуазного влияния и аморальности, против попыток западных кругов внести под видом клерикализма в культурную жизнь народа буржуазный стиль, упадочничество и мракобесие.

В области науки и высшего образования в ГДР поставлена задача обеспечить подготовку новой интеллигенции, способной активно участвовать в строительстве социалистического общества. Деятельность научных учреждений и вузов должна строиться на основе новейших достижений науки и техники и быть тесно связанной с социалистической практикой. В решении съезда указывалось, что особое внимание нужно обращать на научную работу и преподавательскую деятельность старой, буржуазной интеллигенции. Съезд подчеркнул также необходимость избавления студентов высших учебных заведений от элементов буржуазного влияния, воспитания их в духе уважения к физическому труду и трудовым подвигам рабочих и крестьян. Одним из условий приема в высшие учебные заведения должна быть работа на социалистическом производстве в течение не менее года или служба в Национальной народной армии.

Как отмечалось на съезде, школа ГДР в целом серьезно отстала от требований, предъявляемых социалистическим строительством. В качестве главного звена социалистического преобразования школы намечаются политехническое обучение и воспитание школьной молодежи в духе любви к труду. Признано необходимым решительно улучшить подготовку

---

[25] Там же.

учителей, причем подчеркивается, что все учителя должны изучать марксистско-ленинскую теорию. В будущем предполагается больше внимания уделять формированию кадров преподавателей из рядов рабочего класса.

Вся идеологическая работа СЕПГ направлена на то, чтобы преодолеть буржуазное влияние в различных слоях населения, последовательно бороться с проявляющимися ревизионистскими тенденциями и воспитывать рабочий класс, трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию в духе преданности делу мира и социализма, укрепления рабоче-крестьянской власти в ГДР.

Все усилия СЕПГ прилагаются к тому, чтобы добиться новых больших успехов во всех областях партийной и государственной работы. Для этого имеются все предпосылки. Не только в рабочем классе, но и во всех других слоях трудящихся ГДР проявляется готовность активно участвовать в проведении мероприятий партии и правительства. Эта готовность будет еще больше возрастать по мере решения задач, поставленных V съездом СЕПГ по социалистическому воспитанию масс. Социалистическое строительство неразрывно связано с воспитанием трудящихся, особенно молодого поколения. Росту социалистического сознания в настоящее время особенно благоприятствуют все более проявляющееся превосходство мировой социалистической системы и укрепление социалистического лагеря. В то же время все нагляднее обнаруживается неспособность капитализма создать для масс достойную человека жизнь, без страха за свое существование и без постоянных военных угроз.

Практика социалистического развития в ГДР ясно доказала жизненную силу учения марксизма-ленинизма, правильность политики СЕПГ, опирающейся на закономерности общественного развития.

СООБЩЕНИЯ

НЕМЕЦКИЕ КОММУНИСТЫ И ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Г. Кольбе, И. Цельт

Революционные рабочие Германии с большим воодушевлением встретили известие о провозглашении 21 марта 1919 г. Венгерской Советской Республики. Победу венгерских братьев они восприняли как помощь их собственной борьбе против германского империализма и милитаризма, продолжавшейся и после того, как вожди правой социал-демократии предали Ноябрьскую революцию 1918 года.

Контрреволюционные элементы Германии, опиравшиеся на хорошо вооруженные «добровольческие отряды» и активную поддержку предателей-реформистов, вождей социал-демократической партии и профсоюзов, жестоко подавляли выступления рабочих, направляя главный удар против молодой Коммунистической партии, последовательно и уверенно боровшейся за победу немецкого рабочего класса в Ноябрьской революции, за установление власти Советов. 18 января 1919 г. германские реакционеры зверски убили любимых вождей немецкого революционного пролетариата Карла Либкнехта и Розу Люксембург, а в марте расстреляли известного коммуниста Лео Иогихеса. В революционных боях, продолжавшихся и в первые месяцы 1919 г. в Берлине, Бремене, Верхней Силезии, в Рурской области и в других частях Германии, погибли тысячи передовых рабочих. По приказу социал-демократа Носке коммунисты были объявлены вне закона; их печатный орган «Die Rote Fahne» запрещен. Коммунистическая партия перешла на нелегальное положение.

Несмотря на неслыханный террор, немецкие революционеры продолжали борьбу за установление власти Советов в Германии. В авангарде этой борьбы шла молодая Коммунистическая партия. Для коммунистов и рабочих Германии светлым маяком, указывавшим путь к освобождению от гнета капитала, вселявшим в них мужество и боевую решимость, была Советская Россия. Пример венгерских трудящихся, самоотверженно боровшихся за Советскую власть, воодушевил немецких рабочих на новые подвиги и влил в них свежие силы.

В трудные для Германии дни Коммунистическая партия твердо стояла на почве пролетарского интернационализма, ее несомненной заслугой была мобилизация немецких рабочих на активную поддержку Венгерской Советской Республики. В то время, как лидеры социал-демократической и независимой социал-демократической партий препятствовали революционным выступлениям немецкого рабочего класса и заявляли, что «Россия и Венгрия не являются примером социалистического развития»[1], Коммунистическая партия Германии провозгласила лозунг «Установление Советской республики в Венгрии — новый важный этап в победоносном шествии социализма»[2]. «Из России, священного очага пролетарской революции, искра перебросилась на Венгрию, зажигая, оживляя, пробуждая новое, уничтожая старое»[3],— отмечала газета «Die Rote Fahne».

---

[1] «Dresdner Volksblatt» № 177, 4 августа 1919 года.
[2] «Der Kommunist» (Дрезден) № 15, 29 марта 1919 года.
[3] «Die Rote Fahne» № 47, 11 апреля 1919 года.

Клара Цеткин вдохновенно писала о героической борьбе венгерских трудящихся: «Пламенный язык пролетарской победы в Венгрии говорит убедительнее всяких слов... смелый и решительный шаг венгерского пролетариата повысит и в эксплуатируемых массах уверенность в себе, поднимет их боевой дух и укрепит их творческую волю; его влияние ускорит ход революции там, где массы идут уже на приступ твердынь буржуазного строя, а там, где империализм кичится своей победой над социалистическим движением, искры венгерского пожара зажгут огонь революции» [4]. Лучшие представители рабочего класса Германии сознавали, что их долг состоит в том, чтобы помочь венгерскому пролетариату. К этому призывала и Коммунистическая партия Германии.

Она неустанно повторяла, что защита венгерскими рабочими власти Советов служит образцом для немецких трудящихся, которые должны усилить борьбу за победу революции в Германии. В майском воззвании 1919 г. Коммунистическая партия обратилась к «Рабочим и членам партии», в частности, с такими словами: «Покажите пример миру, как это сделали ваши русские и венгерские братья» [5].

В листовке «В чем выход?», выпущенной в конце мая того же года, партия призывала сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян извлечь уроки для собственной борьбы из революционного опыта России и Венгрии. «Страна может быть спасена лишь в том случае,— отмечалось в листовке,— если промышленные рабочие, батраки и мелкие крестьяне будут держаться вместе». Их долг —уничтожить власть капиталистов и юнкеров и установить, как это сделали трудящиеся России и Венгрии, «республику промышленных, сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян» [6].

Ярким примером того, как опыт революционного движения в Советской России и Венгрии нашел свое отражение в решениях Коммунистической партии Германии, являются «Тезисы о мире», изданные центральным руководством КПГ в мае 1919 года. В них говорилось об отношении партии к условиям мира, предъявленным Германии Антантой, и разоблачался империалистический характер этих условий.

В тезисах подчеркивалось, что принятие требований, продиктованных Германии западными державами, сделает невозможным для немецких народных масс установление тесного союза с Советской Россией и Советской Венгрией.

КПГ отмечала, что немецкому народу в его борьбе за власть Советов в Германии гарантирована полная поддержка трудящихся России и Венгрии, а победа германской революции, в свою очередь, оказала бы помощь советским и венгерским рабочим и приблизила бы пролетарскую революцию в других странах.

В тезисах обращалось особое внимание на то, какие огромные возможности таит в себе союз социалистических стран в области экономической и что даст эта согласованность действий для подъема благосостояния народа. «Непосредственное взаимодействие и обмен промышленными и сельскохозяйственными продуктами, оборудованием, техническими и научными методами и рабочей силой смогли бы дать то, чего никогда нельзя получить от торговых сношений, не выходящих за рамки капиталистического обмена».

Вопреки оппортунистическим элементам среди руководства немецким рабочим движением, направлявшим свои взоры на империалистический Запад и старавшимся приучить трудящихся Германии к американским подачкам, коммунисты обращали взоры рабочих к странам, вступившим в борьбу за победу социалистического строя. Коммунистов не страшили трудности, связанные с построением социализма. Они верили в творче-

[4] Журнал «Коммунистический Интернационал». 1919, № 3, стр. 287—288.
[5] «Die Rote Fahne» № 63, 1 мая 1919 года.
[6] «Die Rote Fahne» № 52, 17 апреля 1919 года.

ские силы масс и указывали на светлое будущее, открытое перед человечеством Великим Октябрем. Коммунисты ориентировали рабочий класс не на воображаемый, особый для Германии или Венгрии путь социалистического развития, как это делали оппортунисты, а на совместную борьбу трудящихся всех стран против эксплуататоров, на единый для всех революционный путь к социализму.

Германский пролетариат во главе с Коммунистической партией всем сердцем был на стороне революционной Венгрии. На митингах и собраниях немецкие рабочие одобряли действия венгерских трудящихся и выражали им свою братскую солидарность.

На одном из собраний солдат в Мюнхене (в первых числах апреля 1919 г.), где присутствовало около 5 тыс. человек, выступил коммунист, призывавший вести борьбу против реакционных сил Германии, следуя примеру русских и венгерских братьев [7]. Тогда же состоялось собрание молодежи этого города, на котором держали речь активные деятели коммунистических и социал-демократических молодежных организаций. Социал-демократ, высказавшийся против революционных выступлений, не нашел сочувствия у молодежи. Выступление же коммуниста было встречено аплодисментами. Он сумел убедить собравшихся в справедливом характере борьбы друзей в России и Венгрии. На собрании было решено послать телеграмму «с приветствием пролетарской молодежи России и Венгрии» [8].

5 и 6 апреля 1919 г. в Берлине проходил Всегерманский съезд безработных, на котором обсуждались вопросы, касавшиеся не только положения немецких безработных, но подробно говорилось о жизни и борьбе рабочих России и Венгрии. «Съезд безработных,— говорилось в телеграмме, направленной венгерским трудящимся,— шлет сердечный привет Венгерской Советской Республике. Сознавая свое единство со всем революционным пролетариатом... съезд обязуется проложить путь спасительной мировой революции также и в Германии» [9].

9 апреля 1919 г. в Брауншвейге, на Дворцовой площади, участники многолюдного митинга требовали провозгласить Советскую республику в Брауншвейге и немедленно наладить дипломатические отношения с Советской Россией и Советской Венгрией [10].

На собрании рабочих, состоявшемся 17 апреля в Дрездене, было решено: «Установить диктатуру пролетариата! Братское содружество с Россией и Венгрией!» [11].

Во время демонстрации трудящихся, прошедшей 10 апреля в Цвикау (Саксония), демонстранты несли плакаты, в которых выражалась солидарность с советскими правительствами России и Венгрии [12].

Бастовавшие железнодорожники Данцига выдвинули требование о «создании Советского правительства и установлении отношений с советскими правительствами России и Венгрии» [13]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что обращение венгерского Советского правительства к рабочим Германии — последовать примеру рабочих Венгрии, установить отношения с Советской Россией и создать Советскую республику в Германии — нашло широкий отклик в Германии.

Победоносное утверждение диктатуры пролетариата в Советской России и революционная борьба венгерских рабочих оказали сильное влияние на революционное движение в Германии. Ярким примером того, как события в России и Венгрии воодушевили немецкий рабочий класс

---

[7] «Münchner Rote Fahne» № 19, 5 апреля 1919 года.
[8] «Münchner Rote Fahne» № 21, 9 апреля 1919 года.
[9] «Die Rote Fahne» № 52, 17 апреля 1919 года.
[10] «Münchner Rote Fahne» № 22, 10 апреля 1919 года.
[11] «Münchner Rote Fahne» № 28, 28 апреля 1919 года.
[12] «Münchner Rote Fahne» № 24, 12 апреля 1919 года.
[13] «Die Rote Fahne» № 47, 11 апреля 1919 года.

на решительное и мужественное выступление за установление пролетарской власти, служит история Советской республики в Мюнхене.

В мартовские дни 1919 г. социал-демократическое правительство Гофмана в Баварии находилось в весьма критическом положении. Условия жизни трудящихся катастрофически ухудшались. В Мюнхене насчитывалось около 30 тыс. безработных. Ожесточение рабочих против правительства Гофмана нарастало с каждым днем. В такой обстановке в конце марта пришло известие об установлении Советской власти в Венгрии. Какое воодушевление вызвало среди трудящихся Баварии провозглашение Венгерской Советской Республики, показывает рассказ одного рабочего, участника революционных боев в Мюнхене: «Несмолкающими аплодисментами и криками восторга было встречено сообщение об установлении Советской власти в Венгрии, сделанное Евгением Левине на массовом митинге мюнхенских рабочих 22 марта 1919 года. Эта весть в значительной мере способствовала дальнейшему революционизированию мюнхенского пролетариата и укрепила фронт борьбы против буржуазии и ее соратников, правых вождей социал-демократии»[14]. Поверенный в делах германского правительства в Мюнхене телеграфировал 3 апреля 1919 г. министерству внутренних дел: «В связи с будапештскими событиями здесь сильно возросли радикальные тенденции» [15], трудящиеся настоятельно требовали установления Советской власти и «присоединения к русской и венгерской Советским республикам» [16].

В тот же день на одном из собраний рабочих Аугсбурга было решено начать всеобщую забастовку. Собравшиеся заявили о своей солидарности с русским и венгерским пролетариатом. Всеобщая забастовка, проведенная на следующий день, прошла под лозунгом: создание немецкой Советской республики и нормализация отношений с Россией и Венгрией [17].

На заседании Совета рабочих и солдатских депутатов в Пассау 5 апреля также предлагалось провозгласить Советскую республику в Германии и наладить тесный контакт с Советской Россией и Советской Венгрией [18]. Собрания, на которых предъявлялись подобные требования, состоялись и в других городах Баварии.

Инициатором и организатором революционного движения в Баварии была Коммунистическая партия. В начале апреля 1919 г. она выдвинула программу-минимум, предусматривавшую создание в Мюнхене Советского правительства, которое должно было немедленно установить «отношения с русской и венгерской Советскими республиками» [19].

Стремясь подавить активность масс, противники революционного движения — вожди анархистов и правых социал-демократов,— чтобы скомпрометировать в глазах рабочих идею Советов, провозгласили 7 апреля Баварию Советской республикой, но ничего не предприняли в защиту интересов народа. Коммунистическая партия разоблачала деятельность этого мнимосоветского правительства. «Все по-прежнему. На предприятиях, как и раньше, трудятся пролетарии и тянут лямку в пользу капитала. В учреждениях, как и прежде, сидят королевско-виттенбаховские чиновники. На улицах старые хранители капиталистического порядка с саблями шутцманов. Не видно ни одного вооруженного рабочего, ни одного красного флага. Ни один из постов буржуазии не занят рабочими. Капиталы все еще лежат в банковских сейфах. Ножницы наживающихся на войне и охотников за дивидендами продолжают стричь купоны. В су-

---

[14] Sepp Hahn. Die Ungarische Räterepublik 1919 (Неопубликованная рукопись. Хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (Берлин).

[15] Archiv des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Akte 9/17 Bl. 11.

[16] «Münchner Neueste Nachrichten» № 156, 4 апреля 1919 года.

[17] «Münchner Rote Fahne» № 19, 5 апреля 1919 года.

[18] «Münchner Rote Fahne» № 21, 9 апреля 1919 года.

[19] «Münchner Rote Fahne» № 22, 10 апреля 1919 года.

ах заседают те же королевские советники. Все как и прежде. Все еще рохочут ротационные машины, выплевывая яд и желчь, ложь и клевету. се по-прежнему» [20].

Эта карикатура на власть Советов в Баварии вошла в историю как жесоветская республика. Так она и была воспринята большинством рачих. Коммунистическая партия призывала трудящихся не доверять жесоциалистическим основателям Баварской республики [21].

Антипролетарский характер этого мнимосоветского правительства аглядно проявился в его практической деятельности. Учитывая настроения масс, оно вынуждено было заявить о признании Советской России Советской Венгрии. В то же время папскому послу в Мюнхене было аправлено такое послание: «Имею честь сообщить Вам, что считаю свой святой обязанностью гарантировать безопасность Вашей святейшей ерсоне и всему составу нунциатуры в Мюнхене. Рассчитывайте на мою реданность Вам» [22].

Благодаря бдительности КПГ и трудящихся масс мнимореволюционная деятельность вождей анархистов и правых социалистов не нанесла ольшого вреда идее Советов. Однако их провокационные и демагогические шаги расчищали дорогу для выступлений контрреволюции. В этих словиях требование масс о создании пролетарской Советской республики становилось все более настоятельным. 13 апреля 1919 г. контрреволюционные элементы, пытаясь установить открытую террористическую диктатуру, свергли лжесоветское правительство и совершили нападения на оммунистические собрания. Компартия снабдила баварских рабочих ружием и призвала их к решительному сопротивлению контрреволюции.

В вооруженных боях путчисты потерпели полное поражение. На онференциях рабочих и солдатских Советов вся законодательная и исполнительная власть была передана Комитету действия, состоявшему з 15 человек. Комитет действия избрал Исполнительный комитет, во главе которого стал коммунист Евгений Левине. Таким образом, рабочие Мюнхена, воодушевленные успехами Советской России и победой власти оветов в Венгрии, образовали свое революционное пролетарское правительство, которое приступило к разоружению буржуазии, созданию Красной Армии и к осуществлению ряда других революционных мероприятий.

Баварская Советская Республика вела героическую борьбу в защиту нтересов рабочего класса, против превосходящих объединенных сил еакции. Солдаты ее Красной Армии обязались с той же преданностью, ак и их братья в Красных Армиях России и Венгрии, отстаивать завоевания революции.

Свои отношения с Советской Россией и Советской Венгрией Баварская Советская Республика строила на принципах пролетарского интернационализма. Правительствам этих стран были немедленно направлены риветственные адреса. Ответ, полученный от В. И. Ленина, явился не олько братским приветствием, но и политическим актом пролетарской олидарности. В. И. Ленин указывал товарищам, что необходимо сделать, какие меры следует принять в первую очередь, чтобы обеспечить закрепить победу: «...Вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, использовали ли склады одежды и других продуктов для немедленной и широкой помощи рабочим, а особенно батракам и мелким крестьянам, экспроприировали ли фабрики и богатства капиталистов в Мюнхене, равно капиталистические земледельческие хозяйства в его окрестностях, отменили ли ипотеки и арендную плату для мелких крестьян...» [23].

Газета «Münchner Neueste Nachrichten», которой руководил Вре-

[20] «Münchner Rote Fahne» № 21, 9 апреля 1919 года.
[21] Там же.
[22] «Münchner Post» № 83, 9 апреля 1919 года.
[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 298.

менный Революционный Центральный Совет Баварской Советской Республики, опубликовала 9 апреля 1919 г. «Приветствие от Венгерской революционной Советской Республики», подписанное Бела Куном. В помещенном в этом же номере обращении Центрального Совета ко всем пролетариям и к русской и венгерской Советским республикам говорилось: «Баварская Советская Республика немедленно порвала всякие отношения с правительством Шейдемана. Баварская Советская Республика приветствует русскую и венгерскую Советские республики и устанавливает с ними отношения».

Революционный пролетариат Германии рассматривал свою борьбу против немецкой реакции и успехи, достигнутые в ней, как непосредственную помощь венгерскому рабочему классу. Так, в корреспонденции «Münchner Rote Fahne» от 11 апреля 1919 г. отмечалось: «Беспредельным восторгом была встречена в Будапеште весть о провозглашении третьей, Баварской Советской Республики... Ликование наших венгерских братьев станет еще большим, когда они узнают, что из хаоса учрежденной анархистами, социалистами большинства и независимыми социал-соглашателями без опроса масс лжесоветской республики восстанет, как феникс из пепла, подлинно коммунистическая республика, покоящаяся на суверенной воле пролетариата...».

В противовес извращениям и искажениям буржуазной прессы коммунистические газеты Германии разъясняли рабочим характер событий в Венгрии и призывали их солидаризироваться с борцами Венгерской Советской Республики. Газеты ознакомили трудящихся с радиограммой Венгерской Советской Республики, посланной В. И. Ленину, и его ответом. «Die Rote Fahne» опубликовала обращение Бела Куна «К революционному рабочему классу всех стран», в котором представители зарубежного пролетариата приглашались на съезд «венгерских революционных рабоче-солдатских Советов» [24].

Немецкая коммунистическая печать подробно информировала рабочих о революционных преобразованиях в Венгрии. Газета «Münchner Rote Fahne» под заголовком «Из Венгерской Советской Республики» регулярно публиковала материалы о венгерской советской системе образования, Красной Армии, профсоюзах, о политике по отношению к крестьянству и по другим вопросам.

Газета «Der Spartakist» (орган районной организации КПГ Вюртемберга) рассказывала о том, как венгерский пролетариат «с поразительной силой и мощью строит свой дом и обороняет его от всех нападений» [25].

Газета «Der Kommunist», выходившая в Саксонии, сообщала 5 апреля 1919 г. о деятельности Советского правительства Венгрии: о создании Советов рабочих и солдатских депутатов, о назначении правительственных комиссаров, образовании народных судов, разоружении буржуазии, формировании Красной гвардии, а также о культурных и хозяйственных мероприятиях. Статья заканчивалась так: «За короткое время произошла переоценка ценностей, которая придает совершенно иной характер экономической и общественной жизни. Против такого предметного урока не устоит никакой Шейдеман, социализм которого заключается лишь в пустых фразах и словах. Массы, если они до сих пор еще не понимали революции, должны осознать, кто в состоянии стать на защиту их интересов. Идеи социализма станут им доступными. И отсюда немецкий рабочий класс сделает вывод, чего можно добиться, руководствуясь честными намерениями. Немецким правительствам недостает воли и энергии, в их чувствах и разуме нет социализма, а поэтому они не в состоянии осуществить его. Они бесталанные мелкие буржуа, ограниченные социал-патриоты, пустые фразеры, политические шарлатаны. Поэтому им не свойственна ни животворная сила, ни

[24] «Die Rote Fahne» № 56, 24 апреля 1919 года.
[25] «Der Spartakist» № 11, 20 июня 1919 года.

творческие порывы, ни создание новых культурных ценностей. Эберты, Шейдеманы, Граднауэры и Шварцы не в состоянии построить социализм — это будет делом коммунистов!»[26]. Коммунисты разъясняли трудящимся мероприятия Советской власти, клеймя вождей правых социал-демократов, предавших революцию в Германии.

Коммунистические газеты настойчиво поднимали вопрос о дипломатическом признании Германией Советской Венгрии. Этому препятствовало германское правительство, руководимое социал-демократами.

Значительное внимание уделяла коммунистическая печать также сообщениям о ходе борьбы революционных рабочих Венгрии против реакционных сил внутри и вне страны. В большинстве случаев такие сообщения служили одновременно поводом к заявлениям протеста. В «Münchner Rote Fahne», в заметке, рассказывающей о расправе чешской военщины с венгерскими рабочими в Нейтра-Баинг, читаем: «Венгерские рабочие, борющиеся за свою жизнь и победу, справятся и с наемниками чешского капитала. Пусть же не кричат о «венгерском» и «русском» терроре, если венгерский пролетариат в союзе с чешскими рабочими расквитается с этими чешскими убийцами»[27].

Немецкие коммунисты разоблачали происки империалистов Антанты, направленные на подавление революции в Венгрии, и позорные махинации германской буржуазии и ее пособников, правых социал-демократов. Благодаря бдительности коммунистов Германии были сорваны попытки немецкой буржуазии открыто вмешиваться в дела Венгерской Советской Республики.

Так, революционная рабочая печать помогала узнать правду о Венгрии, воспитывала немецкий рабочий класс в духе пролетарского интернационализма и братской солидарности с международным пролетариатом. Экстренные выпуски, в которых руководство Коммунистической партии помещало сообщения о Венгрии, раскупались молниеносно. Трудящиеся проявляли большой интерес к этим сообщениям. События в Венгерской Советской Республике были основной темой бесед в домах и во дворах, по пути на работу, на заводах и собраниях рабочих. Революционные дела венгерского пролетариата воодушевляли и окрыляли немецких рабочих. В нескончаемом потоке телеграмм и писем, направляемых трудящимися Германии в Венгрию, выражалась их глубокая симпатия к борющимся товарищам. Рабочие коллективы крупных заводов, например, Маффей и Круппа в Мюнхене, выбирали делегации, которые следовали в Венгрию, чтобы передать боевые приветы венгерским братьям.

Оказывая поддержку Советской Венгрии, коммунисты всех стран, в том числе и коммунисты Германии, руководствовались указаниями III Интернационала, в воззваниях которого постоянно обращалось внимание на настоятельную необходимость этой помощи. Так, в воззвании Исполкома Коминтерна к рабочим и солдатам всех стран от 28 марта 1919 г. рассказывалось о коварных планах подавления революции в Венгрии, которые вынашивали правительства держав Антанты. В заключение воззвания говорилось: «От имени Коммунистического Интернационала мы обращаемся к рабочим всех стран с призывом придти на помощь нашим братьям: венгерским рабочим и крестьянам... Все на помощь венгерской пролетарской революции!»[28].

Верные принципам пролетарского интернационализма, трудящиеся Советской России и рабочие капиталистических стран оказывали самоотверженную помощь борцам Советской Венгрии. Основное внимание рабочих Германии было обращено в то время, естественно, на революционную борьбу в своей стране, но и они искали и находили возможности оказать поддержку венгерской революции.

---

[26] «Der Kommunist» (Дрезден) № 16, 5 апреля 1919 года.
[27] «Münchner Rote Fahne» № 18, 4 апреля 1919 года.
[28] «Коммунистический Интернационал». 1919, № 1, стр. 82.

КПГ активно выступала в защиту Советской России и Советской Венгрии. Лозунг, пользовавшийся популярностью еще до венгерских событий, «Руки прочь от Советской России!» был применен также и к Венгрии. На плакатах, в листовках, на стенах домов и на страницах коммунистической печати — всюду встречались слова: «Руки прочь от Советской России и Советской Венгрии!». Этот лозунг, как и пламенный призыв Исполкома Коминтерна в мае 1919 г. «Всем, всем! Не допустить удушения Антантой Венгерской Советской Республики» [29], был подхвачен германским пролетариатом.

Солидарность с Советской Россией и Советской Венгрией особенно ярко проявилась в том, что немецкие рабочие задерживали военные транспорты, направляемые империалистами через Германию для подавления революции в России и Венгрии. Они останавливали многочисленные составы с военными грузами, помогая тем самым советским и венгерским товарищам. Революционные рабочие и заводские советы организовали хорошо налаженную службу информации для передачи сведений о продвижении военных транспортов. О следовании такого поезда становилось известно уже с момента появления его на французской границе; в результате составы задерживались в Бадене или Вюртемберге, а некоторые из них — на территории Баварии. При этом нередко происходили вооруженные столкновения между немецкими рабочими и французскими охранными отрядами, сопровождавшими эти поезда.

Немецкие железнодорожники намеренно направляли подобные военные транспорты не по тому пути или загоняли их в тупики, где они молниеносно разгружались. Один из таких случаев произошел недалеко от австрийской границы в начале апреля 1919 г., еще до провозглашения Баварской Советской Республики. И хотя его организаторы не были обнаружены, это не помешало реакционерам уже значительно позднее привлечь к ответственности вождя баварского пролетариата Евгения Левине. Выступая перед контрреволюционным военно-полевым судом, преисполненный мужества, чувства пролетарской солидарности и верный коммунистическим принципам, Евгений Левине с гордостью заявил, что он принимает на себя полную ответственность за все действия баварских рабочих в их борьбе против врагов международного пролетариата.

Задержание продвижения военных транспортов требовало от рабочих большой бдительности и оперативности, так как при содействии властей Веймарской республики поезда пускались обходными путями, их маршруты намеренно объявлялись неправильно. КПГ мобилизовала рабочих не только Южной Германии, но и Саксонии, Тюрингии и Северной Германии, благодаря чему составы с военными грузами не пропускались, например, и через Эрфурт. Оружие и боеприпасы, попадавшие в руки рабочих, использовались для борьбы с немецкой реакцией.

«Империалисты государств Антанты пользовались широчайшей поддержкой тогдашнего правительства Германии, возглавляемого правыми вождями социал-демократии,— пишет один из участников этих боев,— но рабочий класс и в особенности железнодорожники стояли на стороне победоносно сражавшихся рабочих Советской России и Советской Венгрии. Они сознавали большую ответственность, которую возлагал на них долг солидарности с русским и венгерским рабочим классом. Их не страшили жертвы, связанные с задержанием военных транспортов» [30].

1 августа 1919 г. объединенным силам внешней и внутренней контрреволюции удалось потопить в крови Венгерскую Советскую Республику. Капиталистические государства, ожесточенно враждовавшие между собой во время первой мировой войны, нашли общий язык и объединились в борьбе против Советской Венгрии. Социал-демократическое правительство

[29] «Коммунистический Интернационал». 1919, № 2, стр. 239—240.
[30] Sepp Hahn. Указ. соч.

ермании во главе с Эбертом и Шейдеманом активно содействовало им-ериалистам [31].

Немецкий пролетариат и его Коммунистическая партия отдали долж-ре героическим усилиям венгерских товарищей и извлекли из событий в енгрии урок, необходимый для собственной борьбы.

В августе 1919 г. орган КПГ «Die Internationale» писал: «Наши рузья (в Венгрии.—*Авторы*) героически потрудились: они оставили не-згладимый след в области аграрной реформы и искусства, словно из-под емли создали Красную Армию, но, проведя огромную работу, не смогли делать одного: выковать сплоченный блок пролетариата, в котором не ыло бы ни единой трещины» [32]. Далее газета разъясняла причины пора-ения революции и разоблачала оппортунистов, разложивших фронт ре-олюционного движения и капитулировавших перед буржуазией. Оппор-унисты «отняли силу у венгерского пролетариата... Кто же не сделает из ого выводов по отношению ко всем «независимым» кумушкам, которые олагают, что начинать надо с формального «объединения» пролетариа-а, а все остальное придет якобы само собой?» В действительности же бъединение пролетариата могло быть осуществлено лишь на основе под-инного марксизма. Статья заканчивалась словами: «Уроки, извлечен-ые из поражения венгерского рабочего класса, пойдут на пользу миро-ому пролетариату» [33].

Аналогичные высказывания встречались в августе — октябре 1919 г. на страницах «Die Rote Fahne» и районных органов Коммунистической ртии. Немецкие коммунисты и после подавления Венгерской Советской еспублики выступали как пролетарские интернационалисты, осуждая ма-душие и национализм оппортунистов.

После поражения Советской власти в Венгрии жгучая ненависть еждународной буржуазии обрушилась на венгерских беженцев. Много-исленные документы немецких государственных органов говорят о тес-ом сотрудничестве буржуазных правительств в преследовании эмигриро-авших венгерских революционеров.

В декабре 1921 г. австрийское посольство в Берлине вручило герман-ому комиссару по охране общественного порядка, метко прозванному бочими «имперским комиссаром шпиков», обширный список находив-ихся в Германии венгерских коммунистов [34] «к сведению и для принятия альнейших мер» [35]. Австрийский генеральный консул во Франкфурте-на-

---

[31] Такая линия поведения германского правительства полностью соответствовала литике доноябрьских властей кайзеровской Германии, с давних пор тесно сотрудни-авших с венгерской реакцией, когда речь шла о борьбе с рабочим движением. Так, том 1918 г. шеф полицейской секции министерства внутренних дел королевской Венг-ии, министерский советник Петер Екель направил некоего Виллерсдорфера как ое доверенное лицо в полицей-президиум Берлина с поручением изучить опыт борь-прусской полиции с рабочим движением, в особенности при подавлении забастовок. ава будапештской полиции писал: «Вследствие того, что местные расследования со й очевидностью дают понять о наличии определенных связей между здешними ультра-зыми элементами и рабочими кругами в вашей стране, а мы касательно рабочего ижения находимся не на высоте, обращаюсь к Вам с убедительной просьбой служеб-го порядка дать необходимые разъяснения господину Виллерсдорферу и выражаю м заранее большую благодарность». Виллерсдорфер, в свою очередь, информировал мецкие полицейские учреждения, передав им подробные материалы о связях вен-ского рабочего движения с немецкими рабочими организациями, в особенности с не-зависимой социал-демократической партией Германии, о встречах, влиянии циммер-льдских левых, о правых течениях, а также о позиции ведущих деятелей нгерского рабочего движения и по ряду других вопросов. Brandenburgisches Lan-shauptarchiv. Potsdam. Pr. Br. 30 Berlin C Polizeipräsidium. Tit. 95, Sect. 7, Lit. O, 1, Bd. 4, Österreich. Bl. 138—140.

[32] «Die Internationale». 1919, № 11/12, стр. 219.

[33] Там же, стр. 220.

[34] Буржуазные чиновники, как правило, называли коммунистами также и рево-ционных рабочих, принадлежавших к другим партиям.

[35] Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Reichskommissar für Überwachung der öffent-nen Ordnung. № 114, Ungarn in Deutschland. Bl. 27.

Майне фон Пассаван сообщал в посольство, что он договорился с франк фуртским полицей-президиумом о том, что лица, перечисленные в спи ке, в случае их обращения в консульство будут под любым предлого назначаться на прием на следующий день с тем, чтобы их можно был тогда арестовать. «Тем самым должно быть достигнуто то,— писал фо Пассаван,— что опасные для государства происки будут по возможност пресекаться и давно разыскиваемые подозрительные лица передаватьс в руки местных властей для принятия соответствующих мер в интереса государства. В таких случаях будет затруднена связь через Австрию м жду коммунистами Венгрии, Австрии и Германии» [36].

Список, врученный австрийским посольством немецким властям был расширен до 150 фамилий и разослан рейхскомиссаром 7 январ 1922 г. в полицейские учреждения Германии. В препроводитель ном письме к нему говорилось: «В случае появления перечисленных в спи ске лиц в сфере вашей деятельности или же проживания их в тех места прошу давать подробные сообщения, чтобы после обращения в соответ ствующие венгерские представительства я мог бы дать указания на дальн нейшее» [37]. Таким образом, в результате сотрудничества немецких и ав стрийских государственных органов с сыщиками хортистской Венгрии бе жавшие революционеры подвергались преследованиям и выдавались хор тистским властям.

Приведем еще один документ—письмо посольства королевской Вен рии в Берлине, относящееся к более позднему времени, 1928 году. Он адресовано государственному комиссару по охране общественного поряд ка и содержит фамилии 18 лиц, в которых хортисты были особенно заин тересованы. В письме изложена просьба о помощи в преследовании вен герских подданных, работавших в посольстве или торгпредстве Советског Союза в Берлине. Пометка на полях, сделанная от руки, говорит о том что немецкие государственные органы с готовностью откликнулись на эт обращение посольства Венгрии [38]. Подобных примеров можно было бы привести еще больше.

Для кого старалась немецкая полиция, легко понять из той кампани клеветы, с какой обрушилась на венгерских коммунистов наиболее реак ционная печать. Так, в «Bergisch Märkische Zeitung» — шовинистическо листке рейнских промышленных магнатов — 24 января 1921 г. была поме щена заметка, в которой говорилось, что «в Гамборне находится в настоя щее время свыше 2 тыс. венгров, которые недавно приступили к работе цехах. Среди них, по-видимому, организована венгерская секция Москов ского Интернационала». Как видно, германская буржуазия боялась рево люционного влияния венгерских эмигрантов на немецких рабочих. Там где появлялись венгерские революционеры, буржуазные правительства явно или тайно связанные с правительством Хорти, объявляли их вн закона.

Поражение Советской власти в Венгрии не ослабило международну солидарность пролетариата. Пролетарии всех стран разоблачали крова вые злодеяния империалистов стран Антанты и венгерских контрреволю ционных банд, оказывали энергичную поддержку борцам Венгерской Со ветской Республики, бежавшим за границу, по возможности облегчали их тяжелую участь в эмиграции.

В приветственном адресе Исполкома Коминтерна съезду Социалисти ческой партии Венгрии от 12 июня 1919 г. говорилось: «Все, что есть че стного среди рабочих всего мира, ненавидит ваших врагов и преисполнен любви к вам» [39]. 5 августа, выражая свою скорбь по поводу падения Вен

[36] Там же, л. 28/29.
[37] Там же, л. 31.
[38] Там же, лл. 228—229.
[39] «Коммунистический Интернационал». 1919, № 3, стр. 373—374.

ерской Советской Республики и гибели ее выдающегося вождя Тибора амуэли, Исполком Коминтерна призывал пролетариев всего мира теснее плотиться вокруг знамени коммунизма и усилить штурм твердынь ка- итала [40].

В ноябре 1919 и в феврале 1920 г. III Интернационал вновь обратился международному рабочему классу с призывом покончить с белым тер- ором в Венгрии, контрреволюционными зверствами и массовыми процес- ами, проводимыми буржуазным судом над венгерскими революционера- и. «Рабочие Европы и Америки! Вы одни можете прекратить эту гнус- ую бойню, и ваш долг — сделать это как можно скорее» [41].

На 1 марта 1920 г. число убитых венгров превышало 20 тыс., 70 тыс. омились в тюрьмах и концлагерях. Эмигрировавшие за границу состав- яли 40—50 тысяч [42].

Учитывая создавшееся положение, II конгресс Коммунистического Интернационала призвал рабочих всех стран организовать сопротивление елому террору. Отклик трудящихся на этот призыв был настолько мощ- ым, что даже руководящие деятели II Интернационала не могли укло- иться и присоединились к голосу масс, а Амстердамский Интернационал рофсоюзов под давлением рабочих объявил бойкот хортистскому прави- ельству. В результате этого на несколько дней было полностью прекра- ено железнодорожное сообщение и почтово-телеграфная связь с Венг- ией.

В середине 1919 г. передовые рабочие за границей создали комитеты омощи борющимся венгерским революционерам. В Австрии был органи- ован Комитет защиты венгерских эмигрантов и Революционный красный рест. В Италии при профсоюзных организациях возникали комитеты по- ощи политическим заключенным и политическим эмигрантам из Венг- ии. Надо полагать, что именно опыт венгерской революции способство- ал тому, что старые большевики Советской России, прежде всего Ф. Дзержинский, выдвинули предложение о создании международной ор- анизации помощи жертвам белого террора. В 1922 г. этот план в конкре- изированной Ю. Мархлевским форме «Международной организации по- ощи борцам революции» (МОПР) был утвержден на IV конгрессе Ком- унистического Интернационала.

Во главе борьбы за оказание помощи венгерским революционерам тоял рабочий класс Советской России. Его энергичные протесты вынуждали хортистов отменить несколько смертных приговоров венгерским орцам. От имени трудящихся России Советское правительство обрати- ось с настоятельной просьбой к австрийскому правительству о предо- тавлении убежища венгерским политическим эмигрантам. Советскому равительству удалось путем обмена на военнопленных белых офицеров обиться освобождения 500 венгерских революционных рабочих и кре- тьян, приговоренных хортистами к длительному тюремному заключению ли к смерти. «С того времени,— писал позднее Бела Кун,— международ- ая солидарность трудящихся СССР и мирового пролетариата, а также еустанная деятельность МОПРа не раз удерживали угрожающе занесен- ый топор венгерских палачей» [43].

Коммунистическая печать Германии мобилизовала рабочий класс на омощь Советской Венгрии. «Die Rote Fahne» напоминала о классовом олге: «А где же немецкие рабочие, где рабочие Советы?» [44]. Она спраши-

---

[40] «Коммунистический Интернационал». 1919, № 4, стр. 541—542.

[41] «Коммунистический Интернационал». 1919, № 7—8, стр. 1115—1116; 1920, № 9, стр. 1400

[42] Ср. Helene Stassowa. Das internationale Proletariat im Kampf gegen den weißen Terror. «15 Jahre weißer Terror». Paris. 1935.

[43] Bela Kun. Der weiße Terror in Ungarn. «Zehn Jahre weißer Terror». Hamburg—Berlin. 1929, S. 77.

[44] «Die Rote Fahne» № 85, 31 декабря 1919 года.

вала социал-демократов: «А что думает предпринять правительство рабочего представительства, чтобы оградить венгерских товарищей от кровожадных бандитов?» [45].

Когда в конце 1920 г. германское правительство намеревалось заключить торговый договор с хортистской Венгрией, коммунистическая фракция рейхстага решительно выступила против подобного соглашения, считая, что оно усилит террористический режим в Венгрии. В одной из передовых статей «Die Rote Fahne» писала: «Революционные рабочие всех этих стран (имелись в виду Чехословакия и Сербо-Хорвато-Словенское государство.— *Авторы*), также и немецкие рабочие должны удвоить усилия, чтобы наряду с буржуазией в своих странах свергнуть и хортистский режим, бич венгерского пролетариата и одну из величайших опасностей для мировой революции» [46].

В начале 1921 г. центральное правление Объединенной коммунистической партии Германии обратилось с пламенным призывом к немецкому пролетариату о помощи преследуемым венгерским рабочим. Этот призыв по своему значению заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью [47]: «Рабочие! Пролетарии! В Венгрии свирепствует белый террор. К сотням убитых и тысячам тюремных узников присоединяются все новые жертвы.

Даже независимая социал-демократическая партия, голосовавшая вчера за установление торговых отношений с этими палачами, сегодня с ужасом признает, за что она голосовала: за союз с обагренной кровью хортистской Венгрией.

И в то время, как хортистская Венгрия покрыта виселицами, Германия готовится стать ее достойным союзником. Она отказывается распустить отряды гражданской самообороны. Она хочет сохранить свои палаческие военные организации, будь то ценой дальнейшей оккупации Германии или же новой войны. В то время как она протягивает руку Венгрии для союза, она убивает наших братьев, русских красноармейцев.

Кар торжествует в Германии. Хортистская Венгрия и каровская Германия протягивают друг другу руки. Протестуйте, товарищи! Долой палачей пролетариата!

Долой венгерских, долой немецких собратьев Хорти!

Да здравствует мировая революция!

Центральное правление ОКПГ».

Тревожные сигналы из Венгрии и обращение Коммунистической партии не остались без внимания. Возмущение рабочих режимом белого террора выражалось в нескончаемом потоке коллективных и индивидуальных протестов. Международный пролетариат находил пути, чтобы на деле оказывать помощь венгерским товарищам.

Большую инициативу проявляла здесь коммунистическая молодежь. Например, Исполком Коммунистического Интернационала молодежи выпустил в конце 1920 — начале 1921 г. брошюру «Черная книга белой Венгрии», которая нашла широкое распространение также и в Германии. Доход от продажи этой брошюры был передан в фонд «Помощи Венгрии». Под этим фондом подразумевалась целая система мероприятий, проводимых молодежными организациями. Так, в Голландии и Норвегии были проведены кампании по сбору средств, одежды и белья для узников, томившихся в хортистских тюрьмах. Заключенным было переведено 1,5 млн. венгерских крон. Помогали венгерскому пролетариату и немецкие трудящиеся [48].

Организации МОПРа, имевшиеся в то время в стране, были еще сла-

[45] «Die Rote Fahne» № 17, 28 февраля 1920 года.

[46] «Die Rote Fahne» № 233, 13 ноября 1920 г. и № 249, 2 декабря 1920 года.

[47] «Die Rote Fahne» № 1, 1 января 1921 г.; «Ruhr-Echo» (Эссен) № 1, 3 января 1921 года.

[48] «Die Rote Fahne» № 12, 8 января 1921 г. и № 104, 3 марта 1921 года.

ы и разобщены. Только после создания МОПРа Германии в 1924 г., по ловам Клары Цеткин, «санитарного корпуса рабочего класса в классо- ой борьбе», помощь венгерским эмигрантам была централизована. Но и предшествовавшие годы изыскивались средства и пути для оказания оддержки венгерским товарищам. Выполнение этой задачи взяли на себя омитеты помощи при КПГ. Они заботились о венгерских революционе- ах, бывших заключенных, которые благодаря Советскому правительству олучили свободу и направлялись из Венгрии через Германию в Совет- кую Россию. Принимались все меры, чтобы сделать радостными несколь- о часов их пребывания на немецкой земле. На собранные средства венг- ам покупали продукты питания и др. В одном из отчетов говорилось: Освобождение рабочих может быть только делом рабочего класса. Спа- ение венгерских революционеров единственной пролетарской державой России, замечательный прием, оказанный им дрезденскими и штеттин- кими товарищами, еще раз подтверждают правильность этих слов» [49].

Что касается помощи, оказанной венгерским революционерам, эми- рировавшим в Германию, то в нашем распоряжении в качестве источни- ов имеются только материалы буржуазных государственных органов еймарской республики. В них дается искаженная картина этой помощи расчетом дискредитировать пролетарскую солидарность, оклеветать вен- ерских и немецких коммунистов и тем самым дать повод местным вла- тям для их преследования. И, тем не менее, при просмотре этих материа- ов все же создается впечатление о широкой, самоотверженной помощи, казанной немецкими коммунистами венгерским товарищам.

В одном из сводных отчетов государственного комиссара по охране бщественного порядка сообщалось: «Число венгерских беженцев, нахо- ящихся в Германии, по-видимому, весьма значительно, но более точных анных установить невозможно. Так как эти венгры почти все без исклю- ения прибыли в Германию без паспортов, а тем самым и без разреше- ия на въезд, то преобладающее большинство их не регистрируется, дабы е подвергаться штрафу, с большим трудом находит себе пристанище и очти не имеет работы. В таких условиях эти люди настоятельно нужда- тся в помощи... Венгерской секции КПГ. Венгерская секция КПГ в Бер- ине заботится о всех, обращающихся к ней, обеспечивает их в большин- тве случаев свидетельствами об инвалидности и налоговыми карточками указанием вымышленной национальности и посылает на работу, снаб- кая соответствующей суммой денег на проезд, в районные организации оммунистов. Особенно часто появляются венгерские беженцы в западных бластях Германии» [50].

По утверждению государственных органов, в Берлине имелся неле- альный венгерский коммунистический центр, находившийся в тесной свя- и с Коммунистической партией Германии. Среди организаторов этого ентра в первую очередь упоминался Ф. Мюнних [51]. Руководил политиче- кой деятельностью венгерских коммунистов, находившихся в Германии, огласно отчету, Бела Кун [52].

Полицейские власти Германии тревожил не столько самый факт по- вления венгерских эмигрантов, сколько их политические убеждения и еятельность. В приведенном отчете говорится далее, что дело, вероятно, е ограничится только помощью и обеспечением работой, так как бежен- ы, говорящие по-немецки, могут перейти к «широко разветвленной ком- унистической пропаганде». Например, в Люнене были арестованы вен- ерские коммунисты, имевшие при себе пропагандистские материалы и рошюры.

---

[49] «Internationale Presse-Korrespondenz» № 23, 25 февраля 1922, стр. 186.
[50] Deutsches Zentralarchiv Potsdam № 114, Bl. 64.
[51] Там же, л. 133.
[52] Там же, л. 64.

Главными местами пребывания венгерских беженцев в Германии были названы Берлин, Рурская область, Рейнская провинция и Вестфален, но, разумеется, были и другие районы, где они благодаря немецким рабочим находили себе убежище. Так, в докладе полицейской дирекции Бремена государственному комиссару по охране общественного порядка в Берлине от 6 декабря 1920 г. отмечалось: «По имеющимся сведениям, в настоящее время под опекой местной группы КПГ находится большое число венгерских коммунистов, которых она временно размещает здесь, а затем направляет в другие места» [53].

Беженцев, спасшихся от белого террора хортистских бандитов, немецкие власти начинали преследовать уже с момента перехода ими границы.

Опасность, которой подвергались венгерские эмигранты, может понять лишь тот, кто хорошо знаком с многообразными утонченными методами деятельности буржуазных государственных органов. Последние не гнушались никакими фальсификациями и подлогами с целью инкриминировать уголовные преступления политическим беженцам, подозреваемым в коммунистических убеждениях, и выдать их в соответствии с межгосударственным соглашением в руки палачей той страны, которую они покинули. Государственный комиссар по охране общественного порядка дополнил список преследуемых в упоминавшемся выше документе от 7 января 1922 г. следующим примечанием: «Ряд выявленных венгров разыскивается венгерским правительством в связи с разными преступными действиями, которые они совершили в Венгрии» [54].

Разумеется, государственный комиссар знал, что здесь идет речь о политических беженцах, а не об уголовных преступниках. Он прекрасно понимал, почему хортистское правительство стремится заполучить этих беженцев и какая судьба ожидает их. Государственный комиссар «демократ» Герман Мюнтцер превратился в палача, причастного к преступлениям венгерской контрреволюции.

Клара Цеткин справедливо заклеймила методы буржуазных государственных органов, применявшиеся ими в преследовании революционных борцов: «Властям нетрудно при помощи юридического крючкотворства и политического насилия превратить революционную самооборону и обязанность защитить тайную революционную типографию от ворвавшихся шпиков в уголовное преступление. Это создает для политэмигранта опасность выдачи его той стране, где ему грозит тюрьма или казнь» [55].

Великая немецкая революционерка понимала, как никто другой, какая жестокая судьба ожидает венгерских политических беженцев. Она знала по своему богатому опыту, как жестоко в капиталистических государствах обращаются с людьми, преследуемыми за политические убеждения. Правительства стран, по территории которых следовали венгерские революционеры в Советскую Россию, чинили им всевозможные препятствия и различного рода трудности и отказывали даже в куске хлеба. Таким образом, лишенные родины беженцы в полной мере познали «гостеприимство» буржуазных демократических стран.

В условиях «буржуазной свободы» «демократической» Веймарской республики германскому пролетариату было нелегко оказывать помощь беженцам Венгерской Советской Республики. И, тем не менее, немецкие коммунисты ни минуты не колебались, выполняя свой пролетарский долг.

Международная солидарность пролетариата коренится в его общих классовых интересах, в общности борьбы рабочих всех стран. У рабочих есть о д н а общая великая цель — социализм, и о д и н общий враг — капитализм. Пролетарский интернационализм является неотъемлемой со-

---

[53] Там же, л. 1.

[54] Там же, л. 31.

[55] Клара Цеткин. Десятилетие МОПР (К Всемирному конгрессу МОПР) Изд-во ЦК МОПР СССР, 1932, стр. 18—19.

тавной частью научного социализма, марксизма-ленинизма. Коммунисты считали и считают одной из своих важнейших задач нести в рабочий класс деи пролетарского интернационализма.

Венгерские и немецкие рабочие, объединившие в 1919 г. свои усилия ля отражения ударов господствующих классов — крупной буржуазии и омещиков,— в наше время сами стали у власти. Это плоды борьбы народных масс под руководством рабочего класса и его авангарда—Коммунистической партии.

О нерушимое братское единство венгерских тружеников с трудящимися Германской Демократической Республики разобьется любое наступление реакции. Когда взбесившиеся империалисты заодно с внутренней контрреволюцией попытались в 1956 г. вырвать Венгерскую Народную Республику из социалистического лагеря и принялись, как и в самые худшие времена хортистского террора, уничтожать заслуженных патриотов венгерского народа, против них решительно выступили наряду с трудящимися Советского Союза и коммунистическим рабочим движением всего мира также и народные массы Германской Демократической Республики. Три недели спустя после начала контрреволюционного путча председатель Комитета помощи социалистической Венгрии Адольф Хоннеке сообщил, что население ГДР собрало денег и вещей на сумму 3½ млн. германских марок, причем помощь различными товарами от правительства Германии составила 22 млн. германских марок [56]. В то время тысячи немецких трудящихся добровольно изъявляли желание в случае необходимости бороться с оружием в руках в защиту социалистической Венгрии. Во главе кампании солидарности рабочих вновь стоял Советский Союз. Сыны советского рабочего класса пролили свою кровь в борьбе против врагов социализма, за будущее венгерского народа. Из более чем 4 млрд. форинтов, собранных социалистическими странами в фонд помощи Венгрии за первые недели и месяцы, доля СССР составляла свыше 1 млрд. форинтов [57]. Это дало возможность быстро устранить нанесенный тяжелый ущерб и продолжить строительство социализма в Венгрии. Мы должны выразить наше признание прежде всего авангарду венгерского рабочего класса, товарищам из Венгерской социалистической рабочей партии, которым за короткое время удалось нормализовать жизнь в политическом и хозяйственном отношениях и добиться новых успехов.

В коммюнике, подписанном 25 марта 1958 г., после переговоров между партийно-правительственными делегациями ГДР и Венгерской Народной Республики Социалистическая единая партия Германии поздравила Венгерскую социалистическую рабочую партию с выдающимися достижениями. Со своей стороны венгерская делегация от имени венгерского народа выразила трудящимся Германской Демократической Республики и ее ведущей силе — СЕПГ благодарность за материальную, моральную и политическую помощь. Обе партии с признательностью отметили огромную поддержку, оказанную Советским Союзом венгерскому рабочему классу, подчеркнув ее значение для дела социализма и сохранения мира [58].

Пусть империалисты беснуются и угрожают. Вопреки их враждебному отношению трудящиеся обеих стран вместе со всеми другими социалистическими странами успешно и уверенно строят социализм. То, к чему стремились, но чего не достигли лучшие из лучших в рабочем классе Германии в 1918 г., а годом позднее в Венгрии, становится теперь в наших странах действительностью.

[56] «Tribüne» (Берлин) № 270 B, 16 ноября 1956 года.
[57] Ср. R. Helmer. Herzlich wilkommen! (Zur Begrüßung der ungarischen Partei- und Regierungsdelegation). «Neues Deutschland» № 68, 20 марта 1958 года.
[58] «Neues Deutschland» № 73, 26 марта 1958 года.

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ТАШКЕНТЕ

Ю. А. Соколов

Более полутора столетий назад, летом 1796 г., в Ташкент прибыло первое русское посольство во главе с подпоручиком Дмитрием Телятниковым. До этого дипломатические отношения между Русским государством и Ташкентским владением, находившимся в разное время в зависимости от Бухары, Коканда или государственных объединений, существовавших в казахской степи, не были установлены. Лишь в 1561 г. ташкентский представитель Шейбанидов принял участие в посольстве, направленном в Москву из Бухарского государства, а в 1574 г. ташкентский Шейбанид Мухаммед Дервиш посылал своего посланника в Москву от собственного имени. Русские посольства бывали только в Хиве и Бухаре, являвшихся тогда главными городами узбекских ханств. Так, в XVI—XVII вв. из Хивы и Бухары в Москву было направлено свыше 60 посольств, а ответных русских посольств в эти среднеазиатские центры послано в XVI—XVII вв.—10, а в XVIII в.—7. В Ташкент за указанное время ни одно русское посольство не прибывало [1]. Посольство же Дмитрия Телятникова имело целью посетить непосредственно этот город [2].

Данный исторический факт представляет большой интерес. Посольство 1796 г. положило начало дипломатическим отношениям Ташкентского феодального владения с Российской империей. Характер этих отношений свидетельствовал о зарождении новых тенденций в развитии связей между народами Средней Азии и России.

Исторические сведения о посольстве Дмитрия Телятникова до сих пор оставались вне поля зрения историков. Между тем документы Центрального государственного архива внешних сношений и внешней политики России (фонд «Ташкентские дела»), касающиеся этого посольства, показывают, что конец XVIII — начало XIX в. ознаменовались активизацией хозяйственных, культурных и политических связей Ташкентского владения с Россией. Сведения, сообщаемые другими источниками, в частности автором «Новой истории Ташкента» [3] Мухаммедом Салихом Кори Ташкенди, подтверждают, что владельцы Ташкента и примыкавших к нему районов в конце XVIII столетия стремились к упрочению отношений с Русским государством, а часть ташкентского населения видела в лице России страну, сближение с которой могло бы способствовать экономическому подъему и сохранению независимости Ташкентского владения. Задача

---

[1] «Труды» Историко-археографического института и Института востоковедения АН СССР. Материалы по истории народов СССР. Вып. 3, ч. 1. Л. 1932, стр. 328, 329; О. В. Маслова. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию; «Материалы к библиографии». Вып. V. Ташкент. 1955; вып. VII. Ташкент. 1956, ч. 1, стр. 5, 18, 26, 33, 53, 59, 60; ч. 2, стр. 32.

[2] До Дмитрия Телятникова в Ташкенте побывал только поручик К. Миллер, начальник первого вооруженного торгового каравана, отправленного в Ташкент из Оренбурга в 1738 году. Инициатором посылки такого каравана был начальник «Оренбургской экспедиции» В. Н. Татищев. Караван был разграблен, и только несколько человек из его состава добрались до Ташкента. См. П. И. Рычков. История Оренбургская по учреждение Оренбургской губернии. СПБ. 1759, стр. 331 и сл.

[3] Мухаммед Салих Кори Ташкенди. Новая история Ташкента. Рукопись Института востоковедения АН Узбекской ССР, инвентарный № 7791.

данного сообщения состоит в том, чтобы осветить значение посольства Дмитрия Телятникова в Ташкент и ответной поездки ташкентских посланников Муллы Джана Ахуна и Ашура Али Бахадура в Петербург.

★

Ташкент — древнейший город Узбекистана. Он издавна был важнейшим пунктом торговых связей между основными экономическими областями Средней Азии — земледельческой и скотоводческой. Именно это обстоятельство наложило своеобразный отпечаток на всю историю города. Основную массу его жителей составляли торгово-ремесленные элементы. Однако политическая обстановка не всегда благоприятствовала развитию торговли и ремесла в городе и прилегающих к нему районах.

Долина реки Парак (Чирчик), в центре которой расположен Ташкент, с древнейших времен служила воротами для завоевателей, рвавшихся в среднеазиатское междуречье. Эту долину рассматривали в качестве своего форпоста в степи и среднеазиатские феодальные правители. Поэтому Ташкент переходил из рук в руки и часто находился под угрозой полного разрушения.

Ремесленное и торговое население города выполняло роль посредника в обмене товаров между южным оазисом и северными кочевыми районами. В этих хозяйственных связях одинаково были заинтересованы жители кочевых и земледельческих областей. Таким образом, торгово-ремесленная часть населения города на протяжении всей истории периода феодализма являлась той социальной средой, которая определяла хозяйственное значение Ташкента и его место среди других центров Средней Азии.

Несмотря на важную роль торгово-ремесленных групп, обстановка, в которой проходило их развитие в Ташкенте, почти ничем не отличалась от условий, характерных для других среднеазиатских районов. Эта часть населения не имела политических прав, находилась в полной зависимости от господствовавших в городе феодальных клик или завоевателей и постоянно испытывала всю тяжесть административного произвола. Переход города из рук в руки, сопровождавшийся грабежами, наносил удар и по верхушке торгово-ремесленного населения. Тяжело отражалась на положении горожан, и прежде всего социальных низов, разорительная налоговая политика феодальных владетелей Ташкента. Составляя основную массу городского населения (в середине XIX в.— до 60%) [4], ташкентские торговцы и ремесленники неоднократно пытались улучшить свое положение и активно выступали против феодалов.

Во второй половине XVIII в. для Ташкента сложились более или менее благоприятные внешнеполитические условия. Бухарское ханство Аштарханидов было разгромлено персидским правителем Надир-шахом (1740 г.), после чего Бухара надолго утратила возможность для наступательных действий на севере. Хивинское ханство также было уничтожено Надир-шахом и длительное время раздиралось изнутри жесточайшей феодальной борьбой и межплеменной враждой. В Ферганской долине между правителями отдельных городов шла междоусобная война, в которой участвовали и соседние кочевые племена. В казахской степи, освободившейся от власти калмыков, продолжались межплеменные распри.

В этой политической обстановке Ташкент временно оказался избавленным от военных нападений со стороны соседей. В городе установилось самостоятельное управление, в котором богатые ремесленники и купцы

[4] Удельный вес торгово-ремесленной группы в составе населения Ташкента определен ориентировочно на основании сведений, опубликованных Статистическим комитетом Сыр-Дарьинской области («Материалы для статистики Туркестанского края» за 1876 год и другие годы), данных описания недвижимого имущества городского населения Ташкента (Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР (ЦГИА УзССР), ф. 37, оп. 1, кн. 11, дела 1877—1918 годов) и материалов по исторической топографии города.

получили известное влияние. В Ташкенте в середине XVIII в. управление городскими землями и торговыми делами сосредоточилось в руках торгово-ремесленной верхушки, а ташкентский феодальный владетель, хан, пользовался лишь полицейской и военной властью [5]. Несколько позже политическое управление перешло в руки четырех хакимов; каждый из них владел одной из частей (даха) города. Между ними шла постоянная борьба за власть над всем городом, в которую вовлекались и жители, что тяжело отражалось на их положении.

Как пишет Мухаммед Салих Кори Ташкенди [6], в 1784 г. «с помощью горожан», иными словами, торгово-ремесленных групп, правителем города стал Юнус Ходжа, вероятно, выходец из среды казахских феодалов. При нем были созданы наемные военные отряды, появилась монета собственной чеканки и началась упорная борьба за расширение границ и установление связей Ташкентского владения с другими государствами.

Прибытие в Ташкент русского посланника Дмитрия Телятникова относится ко времени правления Юнуса Ходжи. Документы фонда «Ташкентские дела» показывают, что эта поездка была ответом на просьбу ташкентского правителя, который стремился оживить и расширить торговые отношения между Ташкентом и Россией. Письмо об этом было направлено в 1794 г. в адрес сибирской администрации. Получив сообщение начальника Сибирской линии генерал-лейтенанта Штрандмана об «уведомлении» Юнуса Ходжи, царское правительство проявило к этому предложению большой интерес. Оно поручило Штрандману послать в Ташкент ответное письмо и направить туда посольство для переговоров. Одновременно было предложено возложить на посылаемых людей поручение о проверке справедливости «доходимых известий и для испытания имеющегося в той земле в золотой руде изобилия» [7].

В соответствии с полученными инструкциями из Омска было снаряжено в Ташкент в ноябре 1794 г. посольство в составе сержанта Алексея Севастьяновича Безносикова и обершихтмейстера Тимофея Степановича Бурнашева. Сибирский генерал-губернатор, очевидно, для сокращения расходов казны и большей эффективности заграничной поездки А. С. Безносикова и Т. С. Бурнашева направил их не прямо по караванной ташкентской дороге, а через Оренбург, обязав посольство заехать по пути в Бухару к эмиру Шах Мураду, в Ходжент — к правителю города Худоярбеку, а на обратном пути из Ташкента — к казахскому Букей-султану. Каждому из этих феодальных правителей были направлены письма и подарки, а в Ташкент посланники везли не только дары, но и ответное послание.

Однако намеченный для посольства маршрут оказался неудачным. Хотя этот путь и позволял отправить посланников без военного эскорта, который, конечно, был бы необходим при поездке по прямой ташкентской дороге через казахскую степь, но он не учитывал сложившейся к тому времени в Средней Азии политической обстановки, которая, по-видимому, не была известна сибирской администрации. Послов задержали в Бухаре, подарки и письма были у них отобраны (кроме письма к Юнусу Ходже, скрытого посланцами), и разрешения продолжать поездку они не получили. По словам Бурнашева, этот отказ мотивировался тем, что «адресаты хотя и показывают некоторый вид подданства бухарскому хану, но по многим причинам имеют на него неудовольствие и питают злобу» [8].

---

[5] Н. Г. Маллицкий. Ташкент (исторический очерк). «Известия» Ташкентской городской думы. Ташкент. 1915, стр. 83.

[6] Мухаммед Салих Кори Ташкенди. Указ. рукопись, л. 705.

[7] Центральный государственный архив Министерства иностранных дел СССР (ЦГА МИД СССР), ф. Ташкентские дела (ФТД), д. 3, л. 2.

[8] Т. С. Бурнашев. Путешествие от сибирской линии до города Бухары в 1794 году и обратно в 1795 году. «Сибирский вестник», издаваемый Г. Спасским. Ч. I. СПБ. 1818, стр. 265.

Русских отправили обратно, лишив их всякой возможности информировать о себе ташкентского правителя. В апреле 1795 г. послы возвратились в Омск.

Извещая правительство о неудаче посольства, генерал-лейтенант Штрандман одновременно сообщал: «Предпринимаемы уже были мною меры к отправлению их (послов.— *Ю. С.*) другим способнейшим путем» [9], то есть через казахскую степь по караванной дороге непосредственно в Ташкентское владение. В состав нового посольства были назначены упоминавшийся уже сержант А. С. Безносиков, атаман казачьего войска подпоручик Дмитрий Телятников и при них — переводчик из сибирских казаков капрал Я. Быков.

Подготовка и снаряжение посольства затянулись до лета 1796 г., так как понадобилось много времени, чтобы найти надежного проводника и организовать охрану каравана. С этой целью сибирская администрация обратилась к султану Каракисецкой волости Средней орды Букей-султану с просьбой выделить охрану и проводника.

Сибирской администрации было известно, что к последнему с подобными просьбами обращались и ташкентские купцы, причем купеческие караваны, взятые под охрану Букей-султаном, всегда достигали назначенного пункта на Сибирской линии. В результате переговоров и посылки соответствующих подарков Букей-султан выделил в качестве проводника одного из своих сыновей, Ишим-султана, который в сопровождении еще двух казахов благополучно переправил русское посольство в Ташкент.

1796 год по праву может считаться одной из самых знаменательных дат в истории Ташкента XVIII века. В этом году сюда впервые прибыло русское посольство, но самое главное — с данного времени начался поворот в политической ориентации Ташкентского владения в сторону России, с покровительством которой торгово-ремесленные круги города связывали свои надежды на лучшее будущее. Такой вывод подтверждается имеющимися документами и особенно ярко характеризуется материалами, освещающими реальные последствия поездки Д. Телятникова к ташкентскому владетелю Юнусу Ходже.

К сожалению, в материалах фонда «Ташкентские дела» отсутствуют дневники и составленные Телятниковым маршрутные карты. По этой причине пока невозможно установить ни маршрутов многочисленных поездок посланников по Ташкентскому владению, ни точных дат пребывания посольства в городе. Однако сохранившиеся документы из этого фонда дают общее представление о положении в Ташкентском владении и о деятельности русских послов.

Посольство пробыло в Ташкенте около года (оно выехало из Омска в июле 1796 и возвратилось обратно в августе 1797 г.). Посланники, встреченные очень гостеприимно, получили возможность свободно путешествовать по владениям Юнуса Ходжи, ознакомиться с состоянием хозяйства области и детально разобраться в вопросе развития и упорядочения торговли между Россией и Ташкентом. Сохранился весьма ценный документ — «Объявление» Д. Телятникова, содержащее описание Ташкентского владения, составленное им по возвращении в Омск. Ввиду того, что этот документ до сих пор не был известен историкам, приводим его содержание полностью:

«Казацкаго Атамана Подпорутчика Телятникова Объявление.

1е. Город Ташкент стоит в долине при горе Алатау, искоей проистекает речка Чирчик, которая посредством канала пущенною водою утучняет пашни, и довольствует жителей того города, строение во оном глиняное, кроме мечетей и публичных училищ медресами имянуемых, обывательских домов щитается до семи тысяч.

---

[9] ЦГА МИД СССР, ФТД, д. 1, л. 1а.

2е. К означенному Ташкенту принадлежат города Чимкент, Сарам, местечки: Ниясбек, Алтын тюбя, Карабулак, Сарапан, Темир и до десяти деревень, и из всех оных самое дальнейшее отстоит от того города по примеру за три или за четыре дни езды полагая на каждой день по пятидесяти верст.

3е. Жителей в самом Ташкенте щитается до десяти, да в подначальных городах и местечках до трех, всего до тринатцати тысяч человек.

4е. Ханскаго войска в Ташкенте и во всей области находится до двух тысяч человек, которыя по большой части из беглых разных нации людей, яко то: калмыков, узбеков, куканцов, ходжанцов, и бухарцов; и с природных же ташкинцов весьма мало. Войско сие вооружение имеет троякое, некоторое число вооружено турками по их обыкновению без замков с фитилями, другии имеют луки с стрелами, а инныя одни копьи и сабли, и состоят на ханском содержании.

5е. Ташкентской хан имеит также весьма легкую артиллерию, чугунных и железных пущечок до дватцати, коими действуют против случающагося неприятеля с верблюдов.

6е. Порох делается самими Ташкенцами и селитренной земли весьма изобильно, а притом и богатаго содержания, свинец же получается из Туркестанта, которой хотя выплавливают и в самом Ташкенте но весьма мало.

7е. Ташкент от внутренняго несогласия и междоусобной брани пред сим претерпел много бедствий, и управляем был четырью владетельми до времяни нынешняго владельца как то: Юнус Хожи, проимянованнаго уже напоследок именем: что значит ханом: которой четыре власти пред ним бывшия истребив, приобрел означенное Ханское достоинство и находится уже во оном двенатцать лет и достоинство сие у них ненаследственное. Со вступления в управление Ташкиниею помянутой Хан покорил сильных две Киргис кайсатския Юсунскую и Чанчь калинскую волости наложив на оныя дань, с каждой юрты по одному барану, обязав сии волости в военное время давать потребное число и вспомогательнаго войска.

8е. Владелец сей со всеми соседьми имеет вражду, кроме Хаджанскаго, с коим очень миролюбив. Дальнейших же успехов оружия ханскаго почти ни в чем не видно, запаснаго провианта имеет по числу своего войска довольное количество.

9е. Ташкиния изобилует шелком, хлопчатою бумагою, пшеном сорочинским; изобильно также родится пшеница, ячмень, проса, гречуха, полба, а и с фруктов виноград, урюк, грецкие орехи; а и с плодов яблоки, груши, дыни и арбузы.

10е. С нашей стороны область сия имеет нужду в железе, меди, юфтовых кожах, яко весьма необходимых вещах; покупают также сукна...» (далее документ обрывается.— *Ю. С.*) [10].

Несмотря на то, что сохранившийся экземпляр «Объявления» не полон, он имеет значение одного из наиболее ценных ранних русских документов по истории Ташкента конца XVIII века. Положительной стороной этого свидетельства является его несомненная достоверность. Автор «Объявления» жил в Ташкенте длительный срок и поэтому мог проверить правильность сообщаемых ранее сведений, а также записать и свои наблюдения. В этом отношении Дмитрий Телятников был в значительно лучших условиях, чем русские путешественники, побывавшие в Ташкенте позднее (например, Ф. Назаров в 1813 г., Потанин — в 1830, Милютин и Батырышкин — в 1849—1852 гг. и др.), но не получившие возможности детально ознакомиться с жизнью города. Только Поспелов и Бурнашев, приезжавшие в Ташкент в 1800 г., могли, как и Д. Телятников, подробно изучить положение в Ташкентском владении. Их записи, опубликованные

[10] Там же, лл. 8, 8а.

А. Н. Краевским [11], содержат обширный материал о состоянии города и области, но они ни в чем не опровергают данных «Объявления», лишь дополняя последние, касаясь тех сторон быта и общественной жизни, о которых в сохранившейся части «Объявления» не говорится. В отдельных вопросах записка Д. Телятникова имеет даже более важное значение, чем описание Бурнашева и Поспелова. Заслуживает внимания, например, сообщение «Объявления» о том, что Юнус Ходжа «приобрел означенное Ханское достоинство и находится уже во оном двенатцать лет». Это впервые дает возможность датировать время возникновения единого Ташкентского владения 1784 годом, поскольку точных сведений по данному вопросу другие источники не приводят.

Большой интерес вызывает также рассказ о захвате власти в городе Юнусом Ходжой, добившимся, по словам Д. Телятникова, победы над четырьмя хакимами. Это известие, не подтверждаемое Бурнашевым и Поспеловым, писавшими, что Юнус Ходжа победил трех хакимов, а сам являлся четвертым, полностью соответствует описанию указанного события Мухаммедом Салихом Кори. Последний отмечал, что Юнус Ходжа пришел к власти с «помощью народа» [12], поборов четырех хакимов. Кроме того, в «Объявлении» приводятся ценные и неизвестные раньше факты о составе войск Ташкентского владения.

«Объявление» во многом перекликается с данными, приводимыми местным историком Мухаммедом Салихом Кори, что заставляет относиться к сообщениям Д. Телятникова с полным доверием. К сожалению, сохранившаяся часть «Объявления» не исчерпывает всей суммы сведений о Ташкенте и Ташкентской области, собранных русским посланником. Некоторые данные по интересующему нас вопросу содержатся в официальных документах сибирской администрации, другие же материалы, в том числе и включенные в дневник, а также маршрутная карта посольства, по-видимому, безвозвратно утрачены. Не сохранилось и следов устного доклада Д. Телятникова, сделанного им правительственным органам в Петербурге в 1797 году.

Из уцелевших источников видно, что посланники детально обследовали естественные ресурсы края; об этом свидетельствует рапорт, направленный царю Штрандманом, в котором отмечалось, что «предъявленного изобилия в золотой и серебряной руде не найдено, а только что видели в некоторых местах рудокопные признаки содержащия другой металл, как-то: медь, свинец и железо» [13]. Посланников интересовал также вопрос развития торговых связей России с Ташкентом. Переговоры по этому поводу, как и по всем остальным вопросам, проходили в обстановке полного взаимного доверия и привели к положительному результату. Это обстоятельство, крайне важное для оценки значимости посольства, нашло ясное выражение, в частности, в отзыве, данном государственным канцлером России (очевидно, на основе сообщений Д. Телятникова) Юнусу Ходже. Канцлер характеризует последнего как правителя, «ничего не скрывшаго от офицера, который... к нему посылан» [14].

Торговые переговоры убедили посольство в большой перспективности и обоюдной выгодности товарообмена для обеих сторон, что подчеркивал в своем рапорте от 9 сентября 1796 г. Штрандман. Опираясь на сведения посольства и используя опыт ташкентских купцов, он указывал на выгодность широких торговых связей с Ташкентом через города Сибирской линии, так как «тракт со здешней линии... и особенно с Иртышской до Ташкента гораздо ближе, нежели с Оренбургской линии», и менее опасен для

[11] «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году». «Вестник Императорского русского географического общества» (ИРГО) на 1851 год. Ч. I, кн. 1-я. География историческая, VI. 1851, стр. 1—44.

[12] Мухаммед Салих Кори Ташкенди. Указ. рукопись, л. 705.

[13] ЦГА МИД СССР, ФТД, д. 3, л. 2а.

[14] Там же, л. 11.

русских купеческих караванов, если отправлять их в сопровождении соответствующего военного отряда, содержание которого возлагать на самих купцов. «Торг же тот,— говорилось далее в рапорте,— заведенной пространно в ташкентских пределах может в пред идущее время безсомненно привлещи к таковому ж сношению не только народ соседственных к Ташкинии областей как-то, Коканской, Ходжанской, и бухарейской, но и других владений даже из Тибета, сверх же того получаемы там быть могут и китайския товары» [15]. Этот документ свидетельствует не только о стремлении сибирской администрации привлечь внимание правительства к Сибирской линии. В нем в какой-то мере отразилась также заинтересованность ташкентских торгово-ремесленных кругов в караванной торговле с Сибирью. Последние надеялись таким путем восстановить былое значение Ташкента как центра международной торговли в Средней Азии.

Во время переговоров по инициативе Юнуса Ходжи, кроме чисто торговых вопросов, были затронуты и политические. Ташкентский правитель просил царское правительство оказать ему помощь в налаживании местного металлургического производства, а также военную защиту в случае угрозы со стороны Китая. До этого ни одно из среднеазиатских государств с подобного рода просьбами к России не обращалось. Имеющиеся архивные материалы не позволяют судить о конкретном содержании этой части переговоров. Несомненно лишь то, что русские посланники, чтобы не превысить данных им полномочий, не давали никаких обещаний и не делали заявлений по вопросам, не предусмотренным инструкциями, предоставив рассмотрение выдвинутых Юнусом Ходжой предложений русским властям.

В связи с этим совместно с отбывавшими обратно в Омск членами русского посольства из Ташкента отправились Мулла Джан Ахун Махзум и Ашур Али Бахадур мингбаши, которым Юнус Ходжа предоставил широкие полномочия: «Посланные же мои Мулла Джан Махзум ближайший и первейший советник, и Ашур Али Багадур мингбаши, Вашему Императорскому Величеству что от имяни моего предлагать ни будут прошу в том им верить» [16]. Учитывая внутреннюю обстановку, сложившуюся в Ташкенте, и положение самого Юнуса Ходжи, можно предполагать, что ташкентские послы не были личными представителями одного лишь феодального правителя. На наш взгляд, такими послами в то время могли стать только люди, тесно связанные с городскими торгово-ремесленными кругами.

Послы Ташкента выехали вместе с миссией Д. Телятникова в июне 1797 г. и прибыли в Омск в августе. Начальник Сибирской линии позаботился о том, чтобы обеспечить их дальнейший путь, и назначил сопровождающими посольство в Петербург Дмитрия Телятникова (начальник поезда), унтер-офицера Безносикова и переводчика капрала Быкова. Д. Телятникову были выданы средства на содержание всего посольского поезда [17], а также предписывалось обеспечить «поверенным» во время следования в Петербург полное спокойствие и поручалось доставить в столицу рапорты сибирской администрации о результатах первого русского посольства в Ташкент. Выехав из Омска 22 сентября, ташкентские посланники и сопровождавшие их в качестве свиты двое родственников и слуга прибыли в Петербург в конце октября или начале ноября 1797 г., то есть именно в тот период, когда Павел I пересматривал направление внешней политики России. Необходимость внимательно ознакомиться в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел с материалами посольства Д. Телятникова, без чего практически нельзя было вести переговоры с посланниками Юнуса Ходжи, привела к тому, что официальный

[15] Там же, л. 3.
[16] Там же, д. 2, л. 1а.
[17] Там же, д. 3, л. 4.

прием посольства при русском дворе сильно задержался; посланники получили аудиенцию лишь 13 декабря. До этого послы передали в Азиатский департамент грамоту Юнуса Ходжи, а 29 ноября 1797 г. (1211 г. хиджры) подали туда же свое заявление, существенно дополнявшее грамоту. 7 декабря они вручили присланные царю подарки от ташкентского правителя и дар от имени главы посольства Муллы Джана Ахуна Махзума [18].

В обоих указанных выше дипломатических документах были поставлены очень важные по своему значению вопросы [19]. В них, в частности, выдвигалась просьба об оказании Ташкентскому владению помощи со стороны России в разработке природных богатств края путем посылки двух инженеров-металлургов (грамота Юнуса Ходжи), о предоставлении ташкентским купцам права свободной торговли в городах Сибирской пограничной линии, а русским купцам права свободного выезда для торговли в Ташкентском владении (заявление посланников) и о военной защите Россией Ташкента и прилегавших к нему районов от возможного нападения на него со стороны Китая. «Как область наша граничит с Китайскою империею,— говорилось в записке посланников,— то ежели учинено будет от нее на нас какое нападение, или сделана будет нам обида и последует за тем между ими и нами несогласие, то он же, владелец наш покорнейше просит его величество государя императора в таком случае принять его в свое покровительство не оставить сильным своим защищением, и о том нынеже его уверить высочайшею его величества граматою, что его владельца нашего Хаджи Мугамед Юнуса в высокое свое покровительство и защищение приемлет» [20].

Записка посланников и грамота Юнуса Ходжи являются важнейшими политическими документами, рисующими историческую обстановку в Ташкенте конца XVIII в. и указывавшими на огромный рост авторитета России в Средней Азии.

Россия к этому времени имела уже длительные связи со среднеазиатскими государствами [21]. К русскому правительству неоднократно обращались разные среднеазиатские владетели с просьбой о предоставлении льгот их купцам в России, и оно принимало меры к удовлетворению таких ходатайств. Естественно, что, получив принципиально новые по характеру и постановке вопросов ташкентские послания, царское правительство проявило к ним огромный интерес. Ташкентские документы детально изучались не только в Азиатском департаменте, но ими занимался и государственный канцлер А. А. Безбородко.

Особое внимание обращала на себя просьба о военной помощи Ташкенту в случае столкновения его с Китаем, так как она требовала принятия далеко идущих обязательств, могущих оказаться в противоречии с интересами страны, с которой Россия находилась издавна в дружбе и какое-либо обострение отношений с которой не соответствовало политике царского правительства. Вместе с тем, удовлетворяя такую просьбу, русское правительство формально признало бы Ташкентское владение суверенным государством, с которым оно заключало официальный договор, что также могло поставить Россию перед необходимостью активных дей-

---

[18] Там же, д 7, л. 3; в дар присланы: 45 кусков кутни (ткань) и 10 пар куниц (шкурок); от Муллы Джана Ахуна особо: 3 барсовые шкуры и одно черное (страусовое?) перо для императрицы.

[19] Тексты этих документов опубликованы. См. Ю. А. Соколов. Новые данные о связях России с Средней Азией в XVIII веке. «Труды» Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина. Серия история. Вып. 140, кн. 28. Ташкент. 1958.

[20] ЦГА МИД СССР, ФТД, д. 6, лл. 2, 2а.

[21] Более подробные данные по этому вопросу и библиография приводятся в статье: Ю. А. Соколов. К вопросу об исторических предпосылках присоединения Средней Азии к России. «Труды» Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина. Серия история. Вып. 142, кн. 30. Ташкент, 1958.

ствий в Средней Азии. Между тем царское правительство не было уверено в прочности установившегося в Ташкенте государственного порядка, а официальные документы этого феодального владения не содержали никаких обязательств, которые оно принимало бы на себя, и в частности ничего не говорили даже о гарантиях собственности и личной безопасности русских купцов в пределах Ташкентского владения. Поэтому решение выдвинутых ташкентским посольством вопросов не форсировалось царским правительством, которое в данном случае проявляло большую осторожность.

Недели через три после аудиенции, во время которой Павел I ограничился лишь поздравлением послов с благополучным приездом, состоялась их встреча с государственным канцлером (9 января 1798 г.). Архивные документы сохранили некоторые данные об официальных результатах этого приема. А. А. Безбородко долго беседовал с послами «о купечестве и обоюдном соотношении... о торговле, о здоровье Юнуса Ходжи» и в заключение заверил их в «добром и дружественном расположении империи Российской к оной земле их» [22].

Русское правительство, полностью поддерживая намечавшееся установление тесных хозяйственных, культурных и политических связей с Ташкентским владением и принимая практические меры к выполнению высказанных Юнусом Ходжой пожеланий, пришло к выводу о необходимости в дальнейшем продолжить переговоры на более широкой основе. Одновременно оно воздержалось от официального дипломатического соглашения с Ташкентским владением по затронутым вопросам. Юнусу Ходже были посланы с возвращавшимся посольством подарки от русского двора [23]. 28 февраля 1798 г. посланникам была дана Павлом I краткая прощальная аудиенция [24].

Отъезд, назначенный на 11 марта, из-за болезни Муллы Джана Ахуна Махзума задержался до 16 марта [25]. Обратный путь посольства был обставлен удобствами, какие только возможны были в то время. Выданная Коллегией иностранных дел проезжая предписывала: «По указу... императора Павла... в городах и на заставах по тракту до Омска пропуская их без всякого задержания давать им не токмо пристойные квартиры и по подорожной подводы, но и сверх того оказывать им всякое в дороге вспоможение» [26]. В ордере на имя сопровождавшего посольский поезд поручика Д. Телятникова говорилось: «Во все время следования вашего с вышеозначенными чиновниками, обращаться ласково, и никакого предосуждения ни им, ни людям их не чинить, и других к тому не допускать, да и самих и оных чиновников и людей их удерживать от того, чтоб и с их стороны никому предосуждения или обиды делано не было» [27].

Ташкентские посланники благополучно прибыли в Омск 22 июня 1798 года. Получив здесь еще одно письмо для Юнуса Ходжи — от вновь назначенного начальника Сибирской линии генерал-майора Горчакова, они вскоре выехали в Ташкент. До русской границы их сопровождал чиновник из Омска. От русской границы до Ташкента предполагалось отпустить посольский поезд без сопровождения. Однако, учитывая обстановку в казахской степи, начальник Сибирской линии на это не решился. «На границе,— сообщал он канцлеру,— предписал я здать их на руки вытребованным мною верноподданным Российской империи киргисцам, кои уже их препроводят до Ташкента, без чего им во своясы благополучно доехать невозможно» [28].

---

[22] ЦГА МИД СССР, ФТД, д. 3, лл. 7, 8, 8а.
[23] Там же, лл. 18, 18а.
[24] Там же, лл. 8, 8а.
[25] Там же, л. 24.
[26] Там же, л. 19.
[27] Там же, лл. 20а, 21.
[28] Там же, л. 27а.

Посольство привезло Юнусу Ходже три документа: грамоту Павла I, исьма А. А. Безбородко и генерал-майора Горчакова. Наибольший инерес представляют письма канцлера и начальника Сибирской линии. Однако значение официального документа имела только грамота Павла I, аправленная с соблюдением всех существовавших тогда правил отсылки ажнейших государственных актов.

Грамота была написана на русском и на «татарском» языках, «запеатана государственной меньшою печатью на красном воску»[29]. Она не авала никаких официальных ответов на вопросы, поставленные ташентским посольством. Точка зрения русского правительства по ним изагалась лишь в личных письмах к Юнусу Ходже от канцлера и начальика Сибирской линии. Но эти документы, хотя и были направлены по повелению» царя, не имели силы государственного акта. Таким образом, усское правительство временно воздержалось от прямого ответа ташентскому правителю, и царская дипломатия, обеспечив правительству оссии широкие возможности осуществления практических мероприятий о всем затрагивавшимся вопросам, не связала себя никакими формальыми обязательствами. Проявляя такого рода предусмотрительность, усская дипломатия получила время для детального рассмотрения слокившейся обстановки и разработки соответствующих соглашений с соблюдением принципа обоюдности обязательств.

Письмо канцлера извещало Юнуса Ходжу о том, что, предоставляя от ныне впредь подданным купцам вашим, в знак своего к вам высокотепенный владетель благоволения, всякую по границе империи его безопасность, свободу и другие свойственные тому удобства и выгоды», имерия намерена дать разрешение и «своему подданному пограничному упечеству... ездить с товарами во владение ваше», но лишь с того времени, как «обнадежено будет оно от вас, такою же безопасностью, свободою и другими удобствами и выгодами, какие ...со стороны своей дорогать соизволяет вашему ташкентскому купечеству»[30], о чем и рекомендовалось дать письменное официальное уведомление русскому правительству через начальника Сибирской линии. В письме сообщалось также о огласии направить в Ташкент горных инженеров — минералогов для обследования открытых в Ташкенте пяти рудных месторождений, а также том, что в случае необходимости Россия окажет действенную защиту ашкентскому владению.

В обоих письмах ясно указывалось, что Китай и Россия находятся дружественных и добрососедских отношениях, и поэтому русское правительство, зная «миролюбивые китайского правительства расположения», е допускает мысли о возможности неспровоцированного нападения Китая а Ташкентское владение. Поэтому правительство России рекомендует Онусу Ходже соблюдать в своих действиях должное «благоразумие» и е давать поводов к обострению отношений с Китаем. Но если, говорилось в письме канцлера, «против всякого чаяния», такое нападение все же роизойдет, «чего однако ж предполагать никак не можно», то Россия ойдет в посредничество и примет надлежащие меры, так как, «соображая остояние владения вашего с силами Китайского правительства», имперaор «весьма наклонен к мысли, что ваше высокостепенство по самой необходимости принуждены испрашивать высокого его покровительства и ащиту, а потому... снисходя и на сие ваше прошение, соизволяет принять ас и благонамеренных подданных ваших под высокое свое покровительство, надеясь, что вы пребудете со всем потомством своим Империи Российской навсегда верны и усердны»[31].

Одновременно с этим заявлением царское правительство через на-

[29] Там же, д. 2, л. 5.
[30] Там же, лл. 11, 11а.
[31] Там же, лл. 12, 12а.

чальника Сибирской линии разъяснило Юнусу Ходже, что до тех пор, пока не возникнет действительная нужда в выступлении России в защиту Ташкента, о чем его правитель должен особо известить Петербург, русское правительство считает нецелесообразным оформлять свое заявление официальным государственным актом, так как «формальное соглашение тогда же (то есть в случае необходимости практического действия.—*Ю. С.*) с ним владельцем лучше и удобнее поставлено может быть, нежели ныне, когда ни какой надобности в том не настоит» [32].

Приведенные документы показывают, что царское правительство в конце XVIII в., продолжая твердо придерживаться традиционной политики укрепления и расширения связей со странами Средней Азии, проявляло все увеличивавшуюся заинтересованность в упрочении этих отношений. Высказанное в полуофициальной форме обещание помощи Ташкентскому владению при одновременном отказе от официального соглашения не было дипломатической формой отклонения просьбы о военной защите. Это обещание не являлось простой декларацией. Русское правительство, по-видимому, твердо решило предпринять меры для осуществления соответствующих предварительных мероприятий. Об этом свидетельствует письмо канцлера начальнику Сибирской линии, направленное 9 марта 1798 года. В нем наряду с другими указаниями сибирской администрации по поводу последующих переговоров с Юнусом Ходжой канцлер обязал генерал-майора Горчакова при отправлении одного или двух сведущих лиц для осмотра открытых в Ташкентском владении рудных месторождений возложить на них также обязанность обследовать указанный район на случай «просимого тамошним владельцом от здешней стороны защищения» [33].

Конкретизируя указанную задачу, канцлер изложил программу наблюдений. Члены русской инженерно-технической миссии обязывались, во-первых, тщательно изучить путь следования и установить «способность (его.— *Ю. С.*) физическим своим положением доставлять проезжающим и проходящим потребное в дороге продовольствие и пристанище и какое в одно время количество могло б туда итти» и, во-вторых, выяснить «состояние той земли, положение ея и вместность людей какую могла б она к себе принять и продовольствовать» [34]. Обращает на себя внимание отсутствие в этой программе указаний об изучении военных объектов страны, чем она значительно отличается от подавляющего большинства подобного рода документов [35]. Такая направленность программы объясняется специфичностью обстоятельств, вызвавших необходимость сбора сведений, и полной уверенностью царского правительства в том, что русский военный отряд в Ташкентском владении будет встречен лояльно как населением, так и властями.

Итоги переговоров рассматривались в Ташкенте весьма благоприятно. Об этом свидетельствует исключительное внимание и почет, с которыми были встречены прибывшие в город вслед за возвратившимися послами русские горные инженеры М. Поспелов и Т. Бурнашев.

В своем отчете о поездке они писали, в частности, о торжественном церемониале встречи их ташкентскими властями. По прибытии в пределы Ташкентского владения (28 июня 1800 г.) М. Поспелов и Т. Бурнашев ненадолго остановились вблизи Ташкента в ожидании разрешения на въезд в город. «В день принятия в этот город», говорится в описании, им была оказана пышная встреча, «которой другим не устраивали». «Два чи-

---

[32] Там же, д. 3, лл. 14, 14а.

[33] Там же, л. 11.

[34] Там же, лл. 11, 11а.

[35] Для сравнения можно указать хотя бы на программу наблюдений Мир Иззет Уллы, обследовавшего Кокандское и Бухарское ханства в 1812—1813 гг. по заданию английских властей в Индии. См. об этом Ю. А. Соколов. Путешествие Мир Иззет Уллы. «Труды» Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78, кн. 11. Ташкент, 1956, стр. 42.

новника приехали из оного и просили именем владельца о въезде. Между тем поставлены были люди до самого города и через оный по обеим сторонам со всем их вооружением и знаменами. Чиновники вели за поводья лошадей и, по приезде к дому владельца, сняли (помогли слезть с лошадей.— *Ю. С.*) и провождали в его пребывание, где множество стоящих чиновников окружали... По сделании приветствия, даны места, устланные коврами и сделано угощение тамошними плодами. После того проводили в назначенный для пребывания дом» [36]. Поспелов и Бурнашев оказались первыми европейцами, которым в Средней Азии были оказаны такие почести.

Этот беспрецедентный случай очень показателен. Значение его можно оценить, только учитывая сложившуюся в то время обстановку. Поездка в Ташкент в 1800 г. Поспелова и Бурнашева была первым практическим результатом только что завершившихся переговоров с Россией, окончившихся для Ташкентского владения весьма благоприятно. Приезд представителей русской инженерно-технической интеллигенции был важным событием в жизни Ташкента. Это было начало нового периода, особенностью которого стало установление более тесных взаимоотношений Ташкентского владения с Россией. Торжественный церемониал встречи Поспелова и Бурнашева местными жителями был выражением дружественного отношения к России, как к государству, в котором они видели могущественного покровителя и связи с которым открывали широкую возможность для дальнейшего развития хозяйственной и общественно-политической жизни Ташкентского владения.

Подводя итоги, следует отметить, что документы фонда «Ташкентские дела» раскрывают нам одну из интереснейших страниц истории Средней Азии и дают новый важный материал для изучения процесса развития взаимоотношений русского и узбекского народов.

Известно, что государства Средней Азии поддерживали торговые связи с Россией, так как местное производство не могло полностью удовлетворить потребности феодалов. Ташкентский правитель впервые в конце XVIII в. попытался использовать связи с Русским государством также для развития хозяйства, обратившись в 1794 г. к России с просьбой не только о предоставлении льгот своим купцам, но и о содействии в налаживании местной металлургии. Подобные факты свидетельствуют о том, что определенные группы ташкентского населения шли на сближение с Россией для получения от нее инженерно-технической помощи. Этот политический курс диктовался интересами не только феодальной верхушки, но и торгово-ремесленного населения, нуждавшегося в такого рода поддержке. Жители Ташкента, по данным Д. Телятникова, составляли 77% всего населения Ташкентского владения, и игнорировать их желания Юнус Ходжа, конечно, не мог.

Посольство Дмитрия Телятникова способствовало превращению вышевшейся к тому времени в Ташкенте тенденции к сближению с Россией во внешнеполитический курс Ташкентского владения. Этим и определяется историческое значение первого русского посольства в Ташкент в 1796 году.

[36] «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году», стр. 12.

История СССР

С. Ф. НАЙДА. *О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР.* Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР. М. 1958. 242 стр. Цена 4 руб. 90 коп.

Руководствуясь решениями XX съезда партии и постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», советские историки активизировали свою научную деятельность. В последние годы вышел в свет ряд серьезных исследований по истории советского общества, в том числе и по периоду гражданской войны в СССР.

Среди последних большой интерес представляет новая книга С. Ф. Найды. В ней рассмотрены важнейшие проблемы истории гражданской войны и интервенции в СССР, которые в свое время под влиянием культа личности односторонне, а иногда неправильно освещались нашими учеными или оставались вне поля их зрения. В книге использованы новые архивные материалы и иностранные источники.

В основу работы автор положил лекции и доклады, прочитанные им в 1956—1957 гг. на курсах пропагандистов МК и МГК КПСС, на заседании Ученого совета Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в научных учреждениях и высших учебных заведениях, в Обществе по распространению политических и научных знаний и т. д.

Ряд положений, выдвинутых в книге, является результатом большого и кропотливого исследовательского труда всего коллектива научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в настоящее время завершающих издание «Истории гражданской войны в СССР».

★

Книга состоит из предисловия и семнадцати, по существу, самостоятельных очерков. Некоторые вопросы автором обстоятельно разработаны, другие — только поставлены и требуют дальнейшего изучения.

Как известно, в 30—40-х годах под влиянием культа личности в научной литературе о гражданской войне в нашей стране недостаточно освещалась роль Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, В. И. Ленина в руководстве борьбой советского народа против интервентов и белогвардейцев. Что же касается успехов военного руководства на различных фронтах, то их фактически стали приписывать одному лишь И. В. Сталину. Особенно это проявилось в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и в краткой биографии И. В. Сталина.

В разделе «Коммунистическая партия — организатор победы над иностранными интервентами и белогвардейцами» автор отмечает, что И. В. Сталин принимал активное участие в гражданской войне как один из выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства и, бесспорно, имел немалые заслуги. Но эти заслуги чрезмерно преувеличивались. Например, в краткой биографии И. В. Сталина говорилось, что «непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной Армии был Сталин. Всюду, где на фронтах решались судьбы революции, партия посылала Сталина. Он был творцом важнейших стратегических планов. Сталин руководил решающими боевыми операциями... С именем Сталина связаны самые славные победы нашей Красной Армии» [1].

Показывая вред культа личности, автор в то же время пишет, что некоторые исто-

[1] «Иосиф Виссарионович Сталин». Краткая биография. М. 1950, стр. 82—83.

и под видом критики культа личности
ались подвергнуть сомнению правиль-
ь политики Коммунистической партии и
етского государства, подходили к оцен-
деятельности И. В. Сталина с неправиль-
позиций, умаляя и замалчивая его
ь в образовании и укреплении нашего
ударства, в организации защиты его от
ервентов и белогвардейцев. И. В. Ста-
как член ЦК и Политбюро ЦК партии,
ВЦИКа и правительства в числе дру-
видных партийных и государственных
телей принимал активное участие в раз-
отке и решении основных вопросов жиз-
и деятельности партии, в осуществле-
ее внутренней и внешней политики,
росов обороны Советской республики,
дания и упрочения ее Вооруженных
.

а основе конкретных исторических фак-
и новых документов С. Ф. Найда, кри-
уя ошибочные положения, связанные с
ьтом личности, раскрыл руководящую
ь Коммунистической партии и ее Цен-
льного Комитета, возглавляемого
И. Лениным, показал деятельность мест-
партийных организаций в мобилиза-
всех сил и средств советского народа
достижения победы над внешними и
тренними врагами.

бщее руководство страной в период
жданской войны осуществлялось Цен-
льным Комитетом, принимавшим реше-
и издававшим директивы по важней-
вопросам внутренней и внешней по-
ики Советской республики. Так, в по-
новлении ЦК РКП(б) о политике воен-
ведомства (декабрь 1918 г.) говори-
ь, что военная политика «ведется на
ном основании общих директив, да-
мых партией в лице ее Центрального
итета и под его непосредственным кон-
лем» [2].

собое внимание автор уделил анализу
тельности Центрального Комитета
П(б) как подлинно коллективного орга-
руководства партией и страной. В пе-
д гражданской войны, как и в после-
щие годы при жизни В. И. Ленина, ре-
ярно созывались пленумы ЦК, партий-
конференции и съезды, на которых об-
ждались важнейшие вопросы партийного
советского строительства, внутренней и
шней политики. Это имело огромное
чение, ибо коллективное обсуждение
ущных задач давало партии возмож-
ность намечать единственно правильную линию и успешно осуществлять ее в трудных условиях гражданской войны.

Несмотря на то, что в последнее время появился ряд работ и статей о военной деятельности В. И. Ленина (например, книга Д. Гринишина [3]), этот вопрос в исторической литературе все еще не освещен достаточно глубоко и полно.

Автор критикует неправильные утверждения И. В. Сталина о том, что будто бы В. И. Ленин не был знатоком военного дела. Приведенные в книге многочисленные документы свидетельствуют о том, что В. И. Ленин глубоко и систематически изучал и разрабатывал не только вопросы политической стратегии и тактики, но и многие важнейшие военные проблемы.

В книге подчеркивается, что в годы гражданской войны ни один важный военный вопрос не решался в ЦК или в правительстве без самого активного участия В. И. Ленина. Он был автором многих принятых партией и правительством в области военной стратегии и строительства Советских Вооруженных Сил решений, имевших историческое значение.

В разделе «О некоторых вопросах партийно-политической работы в Красной Армии и Флоте в годы гражданской войны» отмечается, что, несмотря на огромное значение партийно-политической работы, являющейся составной частью всей деятельности партии, опыт ее до настоящего времени еще мало изучен. Сравнительно небольшие по объему книги Ю. П. Петрова [4] далеко не исчерпали данной темы.

В книге говорится о необходимости серьезного изучения деятельности партийно-политического аппарата Красной Армии и Флота (военных комиссаров, политорганов и партийных организаций частей и подразделений). Это тем более необходимо, что состоявшийся в октябре 1957 г. пленум ЦК КПСС особо подчеркнул роль партийной работы в Советских Вооруженных Силах, ее первостепенное значение для дальнейшего укрепления боеспособности армии и флота, воспитания и сплочения

---

[2] «Правда», 26 декабря 1918 года.

[3] Д. Гринишин. Военная деятельность В. И. Ленина. М. 1957.

[4] Ю. П. Петров. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М. 1952; его же. Военные комиссары в годы гражданской войны. Госполитиздат, 1956; его же. Партийные мобилизации в Красную Армию. 1918—1920 гг. М. 1956.

всего личного состава вокруг Коммунистической партии.

У нас до сих пор недостаточно разработаны вопросы партийного и советского строительства в годы гражданской войны. Сейчас, когда еще шире открылись двери центральных и местных архивов, исследователям необходимо, как справедливо отмечает С. Ф. Найда, начать обстоятельное изучение истории партийного и советского строительства в период гражданской войны.

Значительный интерес представляет раздел о начале гражданской войны и интервенции. Следует отметить, что во многих работах по истории КПСС и истории СССР содержались иногда противоречивые положения. Например, в 30—40-х годах многие историки считали, что гражданская война и военная интервенция начались в первой половине 1918 г.; позднее в программах по истории партии и истории советского общества начало гражданской войны и интервенции стали относить к июлю 1918 года. По мнению автора, гражданская война началась в ноябре — декабре 1917 года. В это время интервенция носила преимущественно скрытый характер. Что же касается классовой борьбы внутри страны, то она в ряде случаев уже тогда приобрела форму вооруженной борьбы. Гражданская война при активной поддержке империалистов разгорелась на Украине, на Дону, в Белоруссии, на Севере, на Урале, в Сибири, в Средней Азии.

С. Ф. Найда правильно отмечает, что главным поджигателем и организатором гражданской войны явилась кадетская партия — руководящая сила лагеря контрреволюции в России. Эта партия стала тем притягательным центром, вокруг которого собирались все другие антисоветские партии и организации. 28 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции», в котором говорилось, что кадеты как враги народа подлежат преданию суду революционного трибунала. Этому декрету предшествовали два обращения Совнаркома от 25 ноября (8 декабря) 1917 г.— ко всему населению и к трудовым казакам. В первом подчеркивалось, что Каледин на Дону и Дутов на Урале подняли контрреволюционные мятежи, а кадетская буржуазия снабжала мятежников средствами для борьбы против Советской власти. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствовал доставке хлеба на фронт, собирал силы, угрожал походом на Екатеринослав, Харьков и Москву. К нему на помощь прибыл бежавший из заключения генерал Корнилов. В Оренбурге атаман Дутов арестовал Исполнительный и Военно-революционный комитеты, разоружил солдат и пытался захватить Челябинск. Буржуазная Центральная рада на Украине помогала Каледину стягивать силы на Дон и всячески мешала Советскому правительству направлять войска через Украину для борьбы с Калединым.

В эту пору борьба велась как в открытой, так и в скрытой форме (подавление заговоров, диверсий и т. д.). Однако тогда интервенция и гражданская война не достигли еще той остроты и размаха, какого они получили весной и летом 1918 года. Война еще не определяла общего положения Советской республики.

В то время, особенно после заключения Брестского мира, доминирующим фактором в жизни нашего государства был процесс мирного развития социалистической революции и упрочения Советской власти. В стране осуществлялись первые социалистические преобразования на основе разработанного партией во главе с В. И. Лениным плана приступа к социалистическому строительству.

Если бы не широкая помощь, оказанная внутренней контрреволюции империалистами США, Англии, Франции и других стран, то к лету 1918 г., как указывает автор, Советское государство покончило бы с мятежниками и ликвидировало в самом зародыше гражданскую войну.

Весной и летом 1918 г. началась открытая военная интервенция против Советской республики. Антанта решилась на это лишь тогда, когда убедилась, что Советская Россия, заключив Брестский мир и выйдя из войны, не только не стала слабее, а, наоборот, с каждым днем становилась сильнее. На Север, Дальний Восток, в Среднюю Азию и Закавказье вторглись вооруженные отряды империалистических держав.

С конца мая 1918 г. страны Антанты организовали выступление 50-тысячного белочехословацкого корпуса. Этот мятеж активизировал силы внутренней контрреволюции Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Открытая военная интервенция Антанты, развернувшаяся в середине 1918 г., прервала мирную передышку. Наступил новый период в жизни Советского госу

ства, когда в центр всей работы пар- и правительства стали военные задачи. Весь вопрос российской социалистиче- й революции свелся к вопросу военно- [5].

На основе новых документальных мате- лов в книге раскрывается подлинная ь американского империализма как ор- изатора и вдохновителя вооруженной ьбы против Советской республики в 7—1920 годах. Буржуазные американ- е историки и публицисты прилагали и лагают большие усилия к тому, чтобы ьсифицировать историю и оправдать шательство реакционных кругов США внутренние дела Советской России. Стре- ь обелить американских империалистов, изображают их действия «как оказа- помощи русскому народу» и т. п. При- ом такой фальсификации может слу- ть книга Кеннена «Россия выходит из ны» [6]. Кеннен пытается снять ответ- енность с империалистов США за их ущее участие в интервенции против Со- ской республики.

. Ф. Найда отмечает, что некоторые со- ские историки неправильно освещали стие США в интервенции против Совет- й республики; они не поняли подлинно- империалистического характера полити- американских империалистов по отно- ию к Советской России, в известной ени оказались в плену официальной жуазной пропаганды. Эти неправильные ляды относительно роли американского ериализма противоречат указаниям И. Ленина, который в августе 1918 г. в ьме к американским рабочим указывал: енно теперь американские миллиар- ы, эти современные рабовладельцы, рыли особенно трагическую страницу в вавой истории кровавого империализма, согласие — все равно, прямое или венное, открытое или лицемерно-при- тое,— на вооруженный поход англо- нских зверей с целью удушения первой иалистической республики» [7]. В. И. Ле- назвал президента США Вудро Виль- а главой американских миллиардеров, служником акул капиталистов.

уководствуясь ленинской оценкой, ользуя многочисленные документы и ериалы, советские историки А. В. Березкин [8], А. В. Гулыга [9], Г. Е. Мымрин [10] и другие обстоятельно показали захватнические цели американских империалистов, мечтавших о разделе России и о превращении ее в колонию империалистических держав. Разоблачение преступной политики правящих кругов США в годы гражданской войны помогает глубже понять их агрессивную роль в современных условиях.

В рецензируемой книге правильно охарактеризованы главные фронты в различные периоды гражданской войны [11]. В течение многих лет считалось, что летом 1918 г. главным якобы являлся не Восточный фронт, а Царицынский участок Южного фронта. Опираясь на труды В. И. Ленина, на июльское постановление ЦК РКП(б) 1918 г., автор восстанавливает историческую правду о военных событиях лета и осени 1918 г., когда главным был Восточный фронт, где решалась судьба социалистической революции. В. И. Ленин требовал направить сюда основные силы. 10 августа 1918 г. он писал: «Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт» [12]. В июльском постановлении ЦК РКП(б) указывалось, что «вопрос о судьбе революции решается ныне на Волге и Урале». Центральный Комитет обязывал все партийные организации «отдавать лучшие, наиболее стойкие части для отражения опасности на Востоке, оставляя на местах лишь минимальное количество вооруженных сил» [13].

В книге по-новому освещаются события на Южном и Восточном фронтах зимой 1918/1919 г. и так называемая Пермская катастрофа. Как известно, продолжительное время военное положение в эту зиму на Южном и Восточном фронтах изображалось

В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 13.

G. F. Kennan. Russia Leaves the War. nceton. 1956.

В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 44.

[8] А. В. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М. 1952.

[9] А. В. Гулыга. Американские империалисты — злейшие враги советского народа. М. 1951.

[10] Г. Е. Мымрин. Американские империалисты — вдохновители и организаторы военной интервенции против Советской России. Архангельск. 1951.

[11] До выхода в свет 3-го тома «Истории гражданской войны в СССР» автором этот вопрос освещался в газете «Советский флот» (см. номер от 21 октября 1956 г.). В рецензируемой книге данный вопрос подвергнут дальнейшей разработке. Свои выводы автор подтверждает новым фактическим материалом.

[12] В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М. 1957, стр. 63.

[13] Журнал «Коммунист», 1956, № 12, стр. 56.

неправильно: замалчивалось значение Украинского фронта и всячески преувеличивалась так называемая Пермская катастрофа; ничего не говорилось об успехах 1-й, 2-й, 4-й и 5-й армий Восточного фронта. С. Ф. Найда объективно осветил действия 3-й армии.

Автор пишет, что к концу 1918 г. главным становился Южный фронт. Здесь противник готовился нанести основной удар по советским войскам. В книге много внимания уделено первому объединенному походу Антанты, его плану и выбору главного направления операций колчаковской армии. С. Ф. Найда творчески решает вопросы о начале второго объединенного похода Антанты и о формуле И. В. Сталина «Колчак был сброшен со счета». Ряд советских историков, опираясь на статью И. В. Сталина «Новый поход Антанты на Россию», относил начало второго похода Антанты к осени 1919 года. Другие, оспаривая это положение, утверждали, что поход начался летом 1919 года. С. Ф. Найда, основываясь на новых документах Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, показывает, что второй объединенный поход Антанты начался в июле 1919 г., когда Деникин подписал так называемую «Московскую директиву».

Уже в конце июня — начале июля для Коммунистической партии было ясно, что Антанта меняет направление главного удара. В связи с этим ЦК РКП(б) принял меры к отражению второго похода Антанты и, в частности, удара с юга.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)», отмечает С. Ф. Найда, неправильно говорится, что якобы только в связи с приближением деникинцев к Москве партия забила тревогу и призвала народ к отпору врагу. В действительности партия сделала это не в октябре, а в начале июля 1919 г., когда ясно обозначились первые признаки задуманного Деникиным похода на Москву. В подтверждение этого в книге приведены многочисленные документы, в числе которых решения пленума ЦК партии, состоявшегося 3—4 июля 1919 года.

Автор вносит ясность в вопрос об оперативном плане разгрома Деникина. Долгое время в исторической литературе, особенно в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и краткой биографии И. В. Сталина, утверждалось, что летний план борьбы с Деникиным будто бы являлся неправильным. На самом деле этот план, подвергшийся в сентябре — октябре лишь некоторым изменениям, был планом ЦК РКП(б).

Автор уделил немало места истории возникновения и выработки плана борьбы с Деникиным и его реализации. Он привел факты, разоблачавшие попытки Троцкого провалить план. Следует отметить, что ранее со статьей на указанную тему автор выступил в газете «Советский флот»[14]. Кроме того, в журнале «Вопросы истории» (1956, № 7) была напечатана статья Н. Ф. Кузьмина «К истории разгрома белогвардейских войск Деникина». Данной проблеме посвящена и статья Н. Кузьмина, С. Найды, Ю. Петрова, С. Шишкина «О некоторых вопросах истории гражданской войны», опубликованная в журнале «Коммунист» (1956, № 12).

В книге освещается также разгром третьего похода Антанты — похода буржуазно-помещичьей Польши и Врангеля. С. Ф. Найда приводит при этом новые документы и факты, раскрывающие преступную роль империалистов США в организации третьего похода[15].

В литературе 20-х — начала 30-х годов поражение советских войск под Варшавой в августе 1920 г. объяснялось в основном причинами военного порядка: нарушением взаимодействия Западного и Юго-Западного фронтов, неправильной организацией наступления войск Западного фронта, задержкой переброски 1-й Конной Армии с Юго-Западного фронта на Западный и т. д. На основе трудов В. И. Ленина, материалов партийных конференций, решений ЦК и других автор более обстоятельно и всесторонне показывает причины неудач советских войск под Львовом и Варшавой. Он вскрывает не только военные ошибки командования Юго-Западного фронта (командующий фронтом А. И. Егоров, члены Реввоенсовета И. В. Сталин и Р. И. Берзин), но и его просчеты в оценке военно-политического положения в тот период. Одной из причин неудач под Варшавой являлась известная переоценка советским командованием наших сил.

Интересен раздел о борьбе между империалистическими группировками за руководящую роль в объединении сил внутренней контрреволюции. Этот вопрос до последнего времени все еще мало изучен.

Из книги видно, что борьба между раз-

[14] См. «Советский флот», 30 октября 1956 года.

[15] См. также «Советский флот», 25 ноября 1956 года.

ными империалистическими державами
а неразрывно связана с противоречиями
ду такими врагами Советской власти,
Колчак и Деникин, каждый из которых
емился единолично возглавить российс-
ю контрреволюцию. Приведенные авто-
факты показывают, как умело Коммуни-
тическая партия и Советское правитель-
о использовали противоречия между
ппировками внутренней контрреволюции,
ду интервентами.

ажное значение имеет освещение авто-
решений VIII съезда РКП(б) по воен-
у вопросу. Доклад по этому вопросу, а
же содоклад представителя военной
озиции и принятые съездом резолюции в
е время были опубликованы в стено-
мме съезда. Была напечатана в сокра-
ном виде и речь И. В. Сталина. Что
касается выступлений по военному
росу В. И. Ленина и других делегатов,
эти материалы не были изданы. О них
лись лишь упоминания в комментариях
-му изданию Сочинений В. И. Ленина,
акже в 4-м томе «Истории ВКП(б)»,
ышедшем в 1930 г. под редакцией
М. Ярославского. Эти материалы съезда
да не публиковались по соображениям
итического и военного характера. Кроме
, стенограммы заседаний военной сек-
и закрытого заседания съезда по воен-
у вопросу остались невыправленными.
убликованию их мешало также и влия-
культа личности. Автор показал острую
ьбу на съезде по военному вопросу,
вел документальные материалы из речей
И. Ленина и его сторонников, боровших-
за создание регулярной, массовой Крас-
Армии, армии дисциплинированной,
оящейся на основе передовых достиже-
военной науки.

. Ф. Найда в своей книге разоблачает
равильные взгляды военной оппозиции и
дные, предательские действия Троцкого.
подчеркивает, что решения VIII съезда
П(б) по военному вопросу вооружили
тию четкой программой борьбы за
дание могучей многомиллионной, регу-
ной, дисциплинированной Красной
мии с хорошо поставленной партийно-
итической работой, системой подготовки
андно-политических кадров и необходи-
х резервов. Осуществление исторических
ений VIII съезда РКП(б) дало возмож-
ть создать могучие Советские Воору-
нные Силы, разгромившие интервентов
белогвардейцев.

В рецензируемом труде подробно, на основе новых материалов освещен вопрос о военно-партийных отрядах — частях особого назначения (ЧОН), которые в годы гражданской войны сыграли важную роль в борьбе с контрреволюцией.

В марте 1918 г. ЦК РКП(б) дал директиву местным партийным организациям о вооружении коммунистов и обучении их военному делу, чем было положено начало созданию военно-партийных отрядов особого назначения. В своем развитии эти части прошли три периода. Первый — с марта 1918 до середины апреля 1919 г., то есть до постановления ЦК РКП(б) о реорганизации отрядов особого назначения в части особого назначения. В этот период ЦК рекомендовал создать отряды особого назначения при всех партийных организациях и привлекать в них не только коммунистов, но и наиболее сознательных беспартийных рабочих, рекомендованных заводскими партийными организациями и райкомами партии. Зачисленные в отряды лица обучались стрельбе из винтовок, пулеметов, бросанию гранат, артиллерийскому делу и т. д.[16]. Уже весной 1918 г. отряды несли охрану важнейших объектов, участвовали в подавлении контрреволюционных мятежей, в ликвидации кулацко-эсеровских банд, вражеских заговоров и диверсий.

Начало второму периоду боевой деятельности частей особого назначения (середина апреля — конец ноября 1919 г.) было положено постановлением ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 года. Согласно этому постановлению, военизировались все партийные организации для борьбы с контрреволюцией, усилившей свою деятельность в связи с успешным наступлением белогвардейских войск Колчака.

8 мая ЦК РКП(б) разослал партийным организациям письмо, в котором несколько изменялся порядок комплектования частей особого назначения. В ЧОН предлагалось принимать только коммунистов, причем в первую очередь тех, кто вступил в ряды партии до Октябрьской революции. В письме говорилось, что ЧОН следует создавать только в столичных и губернских городах, тогда как раньше разрешалось создавать их при всех партийных организациях. Военное обучение коммунистов предлагалось проводить в нерабочее время. Зачисление в ЧОН не могло служить основанием для освобождения коммунистов

[16] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, ед. хр. 760, л. 22.

от партийной мобилизации на фронт или от очередного призыва в Красную Армию.

К концу июня 1919 г. части особого назначения были созданы в Рязанской, Тульской, Ярославской, Тамбовской, Тверской, Пензенской, Гомельской, Вятской, Пермской и других губерниях [17]. В сентябре 1919 г. эти части имелись в 33 губерниях. В том же году ЧОН были образованы в ряде крупных партийных организаций Украины. 30 августа 1919 г., когда Туле угрожали войска Деникина, Центральный Комитет партии принял решение об отправке сюда из ближайших к Москве губернских городов войск ЧОН. Партийные организации Москвы, Орла, Иваново-Вознесенска, Пензы, Вятки направили в распоряжение Реввоенсовета Тульского укрепрайона первые части особого назначения [18].

Третий период — с ноября 1919 до августа 1921 года. В это время по указанию ЦК РКП(б) Главное управление Всевобуча пересмотрело штаты территориальных округов и участков Всевобуча с учетом включения в них частей особого назначения. 5 февраля 1920 г. эти штаты были объявлены приказом Реввоенсовета республики [19]. Войска ЧОН были укреплены военными руководителями, была упорядочена система их подготовки, снабжения, вооружения и т. д.

В свете указаний X съезда РКП(б) ЧОН были реорганизованы на тех же принципах, что и территориально-милиционные части Красной Армии. Части особого назначения сыграли важную роль в борьбе с силами внутренней и внешней контрреволюции.

До сих пор, как известно, в советской литературе слабо исследован вопрос о материальном ущербе, причиненном нашей стране интервентами в годы гражданской войны. По неполным данным, от интервентов и белогвардейцев пострадало более 7,6 млн. советских граждан. Было убито и замучено в тюрьмах и лагерях смерти около 112 тыс. человек. Получили ранения и увечья, подверглись насилию и издевательствам более 100 тыс. человек. Десятки тысяч советских людей погибли на фронтах гражданской войны, а миллионы умерли от голода и эпидемий. Общие убытки Советской республики от военных действий интервентов и белогвардейцев составили свыше 50 млрд. золотых рублей. Промышленности был нанесен ущерб на сумму более 10 млрд., а сельскому хозяйству — свыше 7 млрд. рублей. Руки американских, английских, французских и других империалистов обагрены кровью советских людей. Советский народ никогда не забудет кровавых злодеяний, которые творили на его земле интервенты.

В 20-е годы специальная комиссия собрала материалы о жертвах белого террора и разрушениях, совершенных интервентами. Но эти материалы еще не изучены и даже не обработаны в архивах.

В книге говорится о необходимости более глубокого освещения роли Коммунистической партии и рабочего класса, а также трудового крестьянства в защите Советского государства в годы гражданской войны. До настоящего времени нет капитальных трудов, посвященных данным вопросам.

Ряд вопросов гражданской войны в СССР, одного из важнейших периодов в истории нашей Родины, все еще требует пересмотра, уточнения и дальнейшей разработки в свете решений XX и XXI съездов партии, указаний ЦК КПСС, на основе изучения архивных и других документов и материалов.

В книге правильно и своевременно подняты и решены актуальные проблемы. Однако в ней имеются и некоторые недостатки. Отдельные вопросы автором поставлены без документального обоснования. Например, считая, что начало второго похода Антанты следует датировать июлем 1919 г., С. Ф. Найда ссылается на ряд документов Центрального партийного архива, но не приводит эти документы. В небольшой по объему работе затронуто много проблем, что не могло не отразиться на полноте их освещения.

За последние годы, в особенности в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции, написан ряд работ по истории гражданской войны и интервенции. Поэтому автору следовало бы высказать свое мнение об основных направлениях историографии гражданской войны и интервенции. Надо внимательно, критически изучать и зарубежные работы по этим вопросам.

Важное значение имеет разработка истории международного рабочего движения в защиту Советской России. С. Ф. Найда касается этой темы, но рассматривает ее недостаточно обстоятельно. Ему следовало бы также ярче подчеркнуть значение борьбы

[17] Там же.
[18] Там же, ед. хр. 756, лл. 3—4.
[19] Там же, ед. хр. 760, л. 26.

ед Советской республики для развития рового революционного движения.

В целом рецензируемая книга является ным вкладом в советскую историческую ку. В ней ряд проблем поставлен по-ому, в свете решений XX съезда партии казаний ЦК КПСС. Работа С. Ф. Най- окажет большую помощь исследовате-, преподавателям и пропагандистам в чении истории гражданской войны в СР.

следует пожелать автору продолжить ра-у над книгой. Это можно сделать как путем расширения проблематики, так и путем некоторой доработки имеющихся разделов. В частности, было бы желательно шире развернуть вопросы о роли рабочего класса и крестьянства в годы гражданской войны, о деятельности Советов, профсоюзов и других массовых организаций. Было бы целесообразно также выделить особо разделы о социалистическом строительстве и военно-политическом союзе республик в гражданской войне.

Н. Семенов, Н. Чикин

. Н. СОБОЛЕВ. *Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции.* Госполитиздат. 1958, 338 стр. Тираж 10 000. Цена 7 руб.

Для советской исторической науки рос о союзе рабочего класса и крестьян-а, о роли этого союза в пролетарской олюции, в социалистическом и коммуни-тическом строительстве представляет льшую актуальность.

особенности России, страны с преобла-шим крестьянским населением, требо-и от русских марксистов внимательного ошения к крестьянскому вопросу. И. Ленин глубоко исследовал ход эко-ического и политического развития сии и указал рабочему классу пути ьбы за установление им своего полити-кого господства. В работе «Что такое узья народа» и как они воюют против иал-демократов?» он впервые в исто-марксизма сформулировал идею союза очего класса и крестьянства как ре-ющей силы свержения царизма, помещи-и буржуазии. История полностью под-дила справедливость этого положения ксистско-ленинской теории. Союз рабо-и крестьян явился той великой силой, рая обеспечила победу Октябрьской олюции и социалистического строитель-в СССР, победу народно-демократиче-революций в Китае и других странах и Европы.

бъективные предпосылки для возникно-ия и упрочения союза рабочих и кре-н были заложены в экономическом и итическом развитии России, но он воз-не стихийно, а в результате упорной итической и организаторской деятельности революционной партии пролетариата, ее ожесточенной борьбы с кадетами, меньшевиками, эсерами, троцкистами, бухаринцами и буржуазными националистами.

Советская историография располагает рядом работ на эту тему. Сразу же после Октябрьской революции крестьянский вопрос привлек внимание историков и экономистов, занявшихся его изучением и подготовивших некоторые труды и сборники материалов. В 1918—1922 гг. Народным комиссариатом земледелия были изданы статистические и документальные сборники, показывающие, какие изменения произошли в деревне после октября 1917 года [1]. В то же время по данной проблеме появились книги Хрящевой, Книпович [2].

Авторы этих работ не смогли полностью преодолеть меньшевистско-эсеровского взгляда на крестьянское движение и аграрную революцию 1917—1918 годов. Крестьянское движение они рассматривали в отрыве от выступлений рабочих, преувеличивали его стихийный характер, преуменьшали результаты аграрной реформы, проведенной

[1] «Материалы по земельной реформе 1918 г.». Вып. I и III.

[2] А. И. Хрящева. Крестьянство в войне и революции (статистико-экономические очерки). М. 1921; ее же. Эволюция классов в крестьянстве. «Эволюция классов в русской революции». М. 1928; ее же. Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.; Б. Книпович. Направление и итоги аграрной политики 1917—1919 гг. Сборник статей «О земле». Вып. I. М. 1921—1922.

на основе Декрета о земле и других законодательных актов Советского правительства.

К десятилетию Великого Октября появились новые труды, авторы которых исследовали крестьянское движение в 1917 году. Среди них — работы А. В. Шестакова, С. М. Дубровского и других, а также некоторые документальные публикации [3].

Эти книги отличаются обилием фактического материала, использованием архивных источников. Их появление было шагом вперед в изучении проблемы союза рабочего класса и крестьянства в Октябрьской революции, однако и здесь имелись ошибки, свойственные исторической науке того времени. Выступления крестьян в них представлены порой в отрыве от рабочего движения, преувеличивается роль крестьянства в победе над буржуазией в Октябрьской революции, слишком резко подчеркивается стихийный характер конфискации помещичьих имений после Октября, недостаточно раскрывается политическая и организационная роль партии пролетариата в завоевании крестьянских масс на сторону социалистической революции.

Разгром троцкизма и правого оппортунизма оказал благотворное влияние на исследование проблемы союза рабочих и крестьян. Победа колхозного строя в СССР и ликвидация кулачества как класса повысили интерес советских историков к деятельности комитетов бедноты. В этой связи появились некоторые документальные сборники [4], а также работы, раскрывающие значение политики комбедов. В 1935 г. был выпущен первый том «Истории гражданской войны», где ленинская концепция Октябрьской революции и решающая роль в ней союза рабочего класса и крестьянства получили систематическое изложение, подкрепленное конкретно-историческим материалом (хотя на современном этапе ряд положений этой книги требует уточнения). Важную роль в разработке проблемы союза рабочего класса и крестьянства сыграл вышедший в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)». Однако присущий этому труду схематизм в освещении некоторых вопросов, догматическое отношение ряда историков к положениям «Краткого курса» привели и к отрицательным явлениям, к снижению научного уровня исследований. Завоевание крестьянских масс на сторону социалистической революции некоторыми авторами показывалось упрощенно, вследствие этого тактика большевистской партии в период Октябрьской революции представлялась обедненной.

В послевоенный период появились новые работы, посвященные союзу рабочего класса и крестьянства в социалистической революции [5]. В них в той или иной степени исследуется эта важная проблема, вводится в научный оборот свежий материал, содержатся выводы и обобщения, отражающие возросший уровень советской исторической науки.

Следует отметить сборник статей «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг.» (1953 г.) под редакцией А. М. Панкратовой, А. Л. Сидорова и Д. А. Чугаева, вышедший в Академии общественных наук при ЦК КПСС. В этом сборнике разработаны вопросы, слабо освещенные в литературе. В нем показано установление Советской власти в центральных губерниях Европейской России и борьба партии большевиков за крестьянство в период «триумфального шествия» Советской власти. В 1954 г. Академия наук СССР издала публикацию «Аграрная политика Советской власти в 1917—1918 гг.», в которой помещено много новых документов, не бывших ранее объектом научного исследования.

XX съезд КПСС явился важнейшей вехой в развитии нашей исторической науки на современном этапе. Он активизировал разработку советскими историками проблемных вопросов, в том числе и вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства и

---

[3] С. М. Дубровский. Крестьянство в 1917 г. М.-Л. 1927; А. В. Шестаков. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. Л. 1927; И. В. Игрицкий. 1917 год в деревне. М.-Л. 1929; «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации (март — октябрь 1917 г.)». Сборник документов. М. 1929.

[4] Сборники материалов «Комитеты бедноты». Т. I, II. М. 1933; «Комбеды РСФСР». М. 1933, и др.

[5] В. Л. Игнатьев. О политике партии по отношению к крестьянству в первые годы Советской власти. М. 1948; Е. Кочетовская. Национализация земли в СССР. М. 1952; А. Н. Лопаткин. Из истории разработки аграрной программы большевистской партии. М. 1952; В. Зайцев. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения Советской власти. М. 1953; А. М. Панкратова. Союз рабочего класса и крестьянства — незыблемая основа советского общества. М. 1954; В. Строжев. Союз рабочего класса и бедняцкого крестьянства в социалистической революции. М. 1954, и др.

личных этапах социалистической рево-
ции и социалистического строительства.
1957 г. Институт марксизма-ленинизма
ЦК КПСС издал третий том «Истории
жданской войны в СССР», охватываю-
период с ноября 1917 до марта
года. В этом томе поставлены и на
ове фактических данных правильно
ещены вопросы борьбы партий проле-
ната за упрочение союза рабочего клас-
крестьянства в первые годы после Ок-
рьской революции, приведен большой
ериал о социалистических преобразова-
к в деревне.

связи с празднованием 40-й годовщи-
Октябрьской революции появилось боль-
количество документальных сборни-
выпущенных преимущественно област-
и издательствами и показывающих раз-
ывание социалистической революции в
не. Этими публикациями введено в
ный оборот много новых документов,
ным образом из местных архивов, в
числе и материалы о союзе рабочего
са и крестьянства. Одновременно были
ны книги, брошюры, статьи, осве-
щие борьбу большевистской партии за
тьянские массы в период Октябрьской
люции как в центре, так и на местах.
давая оценки этой обширной литера-
[6], следует сказать, что сейчас созданы
оприятные условия для широкого
щения накопленного материала, для
сания монографий, охватывающих дан-
проблему более глубоко и всесто-
е.

дной из таких работ, вызвавших боль-
интерес специалистов, является рецен-
емая книга. Она представляет собой
езное научное исследование, показы-
ее борьбу Коммунистической партии
рестьянские резервы в период подго-
и и проведения Великой Октябрьской
алистической революции.

льшинство ранее вышедших трудов,
матривающих проблему союза рабоче-
ласса и крестьянства на этом этапе,
заканчивалось изложением событий
брьского вооруженного восстания в
ограде, либо начиналось с него и до-

водилось до ликвидации комбедов или до VIII съезда РКП(б). И хотя нельзя отрицать известной правомерности такого подхода к теме, тем не менее для полного выяснения вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства в период пролетарской революции в целом указанные хронологические рамки недостаточны, ибо социалистическая революция в деревне, пройдя через буржуазно-демократический этап, политически завершилась комбедами. П. Н. Соболев правильно избрал рамками своего исследования период проведения в жизнь второго стратегического лозунга партии по отношению к крестьянству. Приходится лишь пожалеть, что П. Н. Соболев отвел очень мало места организации и деятельности комитетов бедноты, в результате чего он не имел возможности более полно показать развертывание социалистической революции в деревне.

В начале рецензируемой книги говорится, что политика Коммунистической партии по отношению к крестьянству строилась прежде всего с учетом объективных факторов, вытекала из глубокого марксистского анализа характера крестьянского движения в России. Еще накануне первой русской революции В. И. Ленин указывал на две социальные войны, которые происходили в деревне: борьба всех крестьян против помещиков за ликвидацию помещичьего землевладения и борьба пролетарских и полупролетарских элементов в деревне против сельской буржуазии. Отсюда вытекали стратегические лозунги партии, определявшие задачи рабочего класса — завоевать на свою сторону все крестьянство в буржуазно-демократической революции и беднейшую его часть в социалистической.

Автор показывает, что с осуществлением буржуазно-демократической революции в России первый стратегический лозунг исчерпал себя. К социалистической революции Коммунистическая партия шла с новым лозунгом: «Вместе с беднейшим крестьянством против капитализма в городе и деревне, при нейтрализации среднего крестьянства, за власть пролетариата» (стр. 11).

Опираясь на работу В. И. Ленина «Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу», автор раскрывает научное понятие, определяет экономическое и политическое содержание категорий «беднейшее крестьянство», «среднее крестьянство» и «кулаки» (стр. 12—18). Соотношение раз-

---

См. в этой связи рецензии: И. Г. Ды-
Ф. В. Чебаевский. О некоторых
графиях об установлении Советской
ти на местах. Журнал «История
Р». 1957, № 4; П. Н. Соболев.
рос о союзе рабочего класса и крестьян-
в литературе по истории Октябрьской
люции, «Вопросы истории». 1958, № 9,

личных социальных групп крестьянства в 1917 г. выглядело следующим образом: бедняки составляли 65%, середняки — 20% и кулаки — 15%. Завоевание беднейшего крестьянства на сторону пролетариата практически означало завоевание подавляющего большинства сельского населения.

На стр. 13 П. Н. Соболев раскрывает положение о нейтрализации среднего крестьянства в социалистической революции как особую форму союза рабочего класса с этим слоем крестьянства. По отношению к середняку, отмечает автор, пролетариат не может ставить себе цель — привлечь его на свою сторону немедленно, а должен ограничиться задачей сделать его нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией, лишь затем, после захвата власти пролетариатом, установить союз с середняком.

Хотя темой исследования П. Н. Соболева и является вопрос о беднейшем крестьянстве как союзнике пролетариата в социалистической революции, однако, на наш взгляд, он скупо рассматривает тактику партии по отношению к среднему крестьянству в указанный период.

Социалистическая революция в России началась и осуществлялась в условиях первой мировой войны, когда огромные массы крестьян были призваны в армию. Крестьянство, таким образом, оказалось как бы разделенным на две части: меньшая, наиболее активная и революционная, была на фронте, бóльшая, сравнительно пассивная и труднее поддающаяся в силу условий производства влиянию пролетариата, осталась в деревне. Поэтому автор правильно подчеркивает, что «лишь при условии одновременного анализа борьбы за крестьянские резервы в деревне, в тыловых гарнизонах и на фронте можно составить более или менее целостное представление о той гигантской работе, которую вел сознательный пролетариат, завоевывая на свою сторону крестьянскую бедноту» (стр. 5).

Недостатком многих предыдущих работ, посвященных этой проблеме, было то, что в них слишком мало, а иногда и вовсе не рассматривалась борьба большевиков за крестьян, одетых в солдатские шинели, а если и упоминалось о ней, то декларативно, без достаточного анализа этого вопроса. В книге П. Н. Соболева освещается деятельность большевистской партии не только в деревне, но и среди солдатских масс, в ней показывается, какая работа проводилась в этом плане в Советах рабочих и солдатских депутатов, Советах ме стьянских депутатов, в армейских коми тах в тылу и на фронте.

Серьезное внимание уделяет автор иссл дованию объективных предпосылок сою рабочего класса и беднейшего крестьянс в социалистической революции. Русск буржуазия, будучи экономически и пол тически связана с самодержавием и по щиками, не способна была революционны путем уничтожить помещичье землевла ние и связанные с ним полуфеодальн производственные отношения в дерев Более того, опыт восьми месяцев пребы ния буржуазии у власти показ крестьянам, что Временное правительст и соглашательские партии меньшевиков эсеров всеми средствами стремились сохр нить помещичье землевладение и привил гии помещиков. Трудящимся крестьян стало ясно, что уничтожить помещич землевладение может только пролетари в союзе с беднейшим крестьянством, сове шив социалистическую революцию.

На основе научного анализа аграрн отношений, сложившихся в стране 1917 г., П. Н. Соболев делает вывод: в р зультате столыпинской аграрной реформ и империалистической войны расслоен крестьянства достигло такой степени, ч беднейшие крестьяне и сельская буржуаз разошлись между собой в вопросах о бу жуазно-демократических преобразовани в деревне. Кулаки выступали не толь против национализации земли, которая отвечала их интересам, но неохотно ш и на конфискацию помещичьего землевл дения, все более склоняясь на компроми с помещиками. Эта особенность крестья ского движения после Февральской рев люции недостаточно учитывалась некотор ми историками, хотя В. И. Ленин еще апреле 1917 г. указывал: «Уже теперь м видим в решениях ряда крестьянски съездов мысль обождать с разрешение аграрного вопроса до Учредительно собрания,— это победа зажиточного кр стьянства, склоняющегося к кадетам Зажиточное крестьянство будет, ест ственно, тянуть к буржуазии, к Време ному правительству. Оно может оказать правее Гучкова»[7].

В решительной ломке земельных отнош ний были заинтересованы прежде все пролетариат и беднейшая часть крестья ства. П. Н. Соболев делает правильный в

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 117.

, что конфискация помещичьей земли и ионализация всей земли могли быть ществлены только в ожесточенной класой борьбе между беднотой и кулаками еликом зависели от перехода государенной власти в руки пролетариата . 19).

ассмотрев экономические и политиче- предпосылки создания и укрепления за рабочего класса и беднейшего кренства в социалистической революции, р далее показал, что в этот период жились чрезвычайно благоприятные овия для непосредственного воздействия летариата и Коммунистической партии широкие крестьянские массы. Во-первых, оде империалистической войны в армию о призвано около 13 млн. крестьян, зным образом бедняков, и до 40% кадых рабочих, наиболее революционно наенных. Царская армия, вобрав в себя нительные массы рабочего класса и стьянства, объединила и сблизила их. торых, за время войны рабочий класс олнился за счет крестьян. Это тоятельство имело двоякие последствия: дной стороны, вновь пришедшие рабопринесли в ряды пролетариата мелкожуазные взгляды и явились питательной дой для соглашательской политики ьшевиков и эсеров, что потребовало от ьшевиков новых усилий для того, чтобы светить и революционизировать этот рабочих; с другой стороны, значительлучшились связи рабочего класса с деней, так как многие рабочие не порвали рестьянским хозяйством, оставив в деге свои семьи. Наконец, и это было ым главным, сразу же после Февральи революции повсеместно возникли Сол, крестьянские и армейские комитеты, большевики развернули активную ра по завоеванию основных масс крестьян сторону пролетариата.

авным противником большевиков в бе за крестьянство была партия эсе которая стремилась подчинить кренское движение интересам буржуазии. ьшевики и эсеры после февраля г. выступали в едином блоке, проводя ашательскую политику по отношению ржуазии, хотя до Февральской революменьшевики больше тянулись к каде и даже обвиняли большевиков в том, они якобы недостаточно резко критиг позиции эсеров. Чтобы сохранить изное влияние на массы, меньшевики и ы широко использовали различные демагогические приемы. Империалистическая по своей сущности война, которую вело Временное правительство, была объявлена ими революционной, оборонительной, ликвидацию помещичьего землевладения они предлагали произвести «законным путем» и отложить ее до Учредительного собрания.

П. Н. Соболев правильно поступил, сосредоточив свое внимание на борьбе большевиков с меньшевистско-эсеровским влиянием в Советах. На основе анализа решений Советов, армейских комитетов, собраний и митингов рабочих и солдат автор шаг за шагом прослеживает, как менялось настроение народных масс и как они все больше отходили от эсеров и меньшевиков на сторону большевиков. Отход попавшей под влияние меньшевиков и эсеров части рабочего класса и беднейшего крестьянства от соглашательской политики удачно показан в книге на примерах апрельского кризиса Временного правительства, июньской демонстрации, июньского наступления на фронте, июльских событий, корниловского мятежа.

Борьба большевиков за крестьянскую бедноту, разоблачение в ее глазах соглашательской политики меньшевиков и эсеров, по мнению автора, проходили в основном по трем линиям: по отношению к империалистической войне и борьбе за выход из войны, по аграрному и национальному вопросам.

Если в первые месяцы после Февральской революции меньшевикам и эсерам удавалось удерживать за собой определенные группы трудящихся лозунгом революционного оборончества, то в аграрном вопросе им приходилось не только маневрировать, но и прибегать к явному обману крестьян, как это хорошо показано автором на примере I Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Бедняки не хотели откладывать решения земельного вопроса до Учредительного собрания. Крестьяне привезли на этот съезд 242 местных наказа о земле, которые отражали настроения крестьянской бедноты, требовали немедленной ликвидации помещичьего землевладения и отмены частной собственности на землю. Эсеровское руководство съездом, чтобы не противопоставлять себя рядовым делегатам, вынуждено было согласиться принять решение о том, что частная собственность на землю должна быть отменена Учредительным собранием, а до этого времени все земли переходят в ведение крестьянских земельных комитетов. Чтобы не допу-

стить немедленного захвата крестьянами помещичьих земель, в резолюции было сделано примечание, в котором говорилось, что переход в руки земельных комитетов всех земель может быть произведен лишь при согласии на это Временного правительства. Подобное примечание, сводящее на нет существо резолюции, не взяла в расчет, не говоря о рядовых делегатах, даже часть делегатов — членов эсеровской партии, которые, не поняв маневра своих лидеров, стали проводить на местах эту резолюцию съезда в жизнь. Буржуазный Главный земельный комитет и эсеро-меньшевистский исполком Совета вынуждены были в печати специально разъяснять смысл принятой I Всероссийским съездом Советов резолюции и отменять действия тех местных земельных комитетов, которые успели издать по этому поводу свои постановления (стр. 117—118).

Расхождение крестьянской бедноты с партией эсеров по вопросу о земле автор показывает на примерах ряда съездов губернских Советов, которые вслед за Всероссийским съездом проходили по всей стране (стр. 119—123).

Рост крестьянских выступлений, самочинный захват помещичьих земель испугал эсеро-меньшевистских лидеров, которые наряду с обманом стали прибегать и к насильственным мерам борьбы против крестьян. Это подтверждает фактический материал рецензируемой книги. Так меньшевистско-эсеровские министры после июльских событий стали на путь открытого насилия, посылая карательные экспедиции против крестьян, арестовывая членов крестьянских земельных комитетов.

Однако следует отметить, что автор недостаточно раскрыл другую сторону борьбы большевиков и эсеров за крестьянскую бедноту. В этот период эсеры полностью стали поддерживать позиции кадетской партии. Соглашательская политика, проводившаяся ими совместно с меньшевиками, а также колебания зажиточных слоев деревни, которые склонялись к компромиссу с помещиками, закономерно привели эсеров к тому, что они окончательно скатились к помещичьей программе кадетов. Это проявилось довольно ярко уже тогда, когда в Главном земельном комитете разрабатывался аграрный законопроект к Учредительному собранию.

Так, в июле 1917 г. Комиссия распределения земельного фонда при Главном земельном комитете, где руководящая роль принадлежала эсерам, рассматривал вопрос о судьбах помещичьего землевладения. Комиссией был предложен следующий план: значительная часть помещичьих имений не должна подлежать дроблению и распределению и остается в руках прежних владельцев на 15—20 лет. По истечении указанного срока этот вопрос вновь будет рассматриваться. Те имения, которые, по мнению комиссии, могли либо распределяться, либо перейти к государственным или общественным организациям, должны быть выкуплены по справедливой цене [8].

Вместе с тем в августе 1917 г. эсеры от имени ЦК своей партии опубликовали сводку крестьянских наказов, составленную на основании 242 местных наказов, создав, таким образом, видимость, будто они поддерживают крестьянские требования. В. И. Ленин обращал особое внимание на это расхождение между заявлениями эсеровских лидеров и их практическими делами.

В таком серьезном исследовании, каким является рецензируемая книга, этому положению следовало бы придать большее значение, так как анализ данного вопроса дает ключ к пониманию многих проблем, связанных с оценкой Декрета о земле и дальнейшей политикой большевистской партии в деревне.

П. Н. Соболев дает глубокую характеристику соотношения классовых сил накануне Октябрьской революции, при этом он опирается на работу В. И. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата». Известно, что, анализируя данные о выборах в Учредительное собрание, проходившие в ноябре 1917 г., В. И. Ленин сделал такой вывод: поскольку эсеровская партия шла на этих выборах одним списком, то выборы в какой-то степени отражали ту расстановку классовых сил, которая сложилась в стране накануне Октябрьского вооруженного восстания. Что же показали выборы в Учредительное собрание? Основная борьба за массы проходила между большевиками и эсерами, кадеты и меньшевики получили незначительное число голосов, утратив свое влияние на трудящихся. Судя по итогам выборов, эсеры имели в целом некоторый перевес над большевиками (за счет

[8] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 930, оп. 1, ед. хр. 4, л. 109.

тьян), но зато в Центрально-промыш-ном районе, северных и западных гу-ниях за большевиками шло большин-населения: сознательная и револю-ная часть пролетариата, значительное о крестьянской бедноты тех районов ны, где прежде всего решалась судьба алистической революции. Большевики и решающий перевес над всеми пар-ти, вместе взятыми, в обеих столицах: ограде и Москве — и на прилегающих м фронтах: Северном и Западном. Это беспечило сравнительно легкую победу буржуазией в период Великого бря.

д авторов, исследовавших проблемы брьской революции и, в частности, ос о союзе рабочего класса и крестьян-в этот период, обычно подчеркивал, большевики к вооруженному восста-в октябре 1917 г. вели за собой боль-ство крестьян. Эта мысль, конечно, ильная. Итоги выборов в Учредитель-собрание показали, что даже та часть тьянства, которая голосовала за эсе-кую партию, фактически отдавала свои а большевикам, ибо левые эсеры хотя говорками, но в этот период поддер-ли Советскую власть и изданные ею еты: о мире, о земле, о передаче всей оты власти в руки Советов.

рьба большевиков за окончательный в крестьян от эсеров хорошо показана ом на примерах работы крестьянских ов Советов (Чрезвычайный крестьян-съезд Советов, II Всероссийский Советов крестьянских депутатов, нские съезды Советов крестьянских атов), которые проходили в ноябре — бре 1917 года. На этих съездах в ре-ате активной организационной и про-дистской деятельности большевиков е эсеры были изгнаны из руковод-крестьянскими Советами и последо-объединение Советов рабочих и сол-их депутатов и Советов крестьян-депутатов, закрепленное на III Все-йском съезде Советов в январе года.

ьба за трудовое крестьянство законо-ь полной победой большевиков: пра-эсеры оказались изолированными, а приняли условия соглашения, пред-нные большевиками. Автор убедитель-показывает умелое маневрирование левиков на крестьянских съездах. я тактика по отношению к мелкобур-ым партиям помогла большевикам не только удержать завоеванные массы крестьян и солдат, но и привлечь на свою сторону среднее крестьянство. По мнению автора, те крестьяне, которые шли за левыми эсерами, ввиду состоявшегося соглашения между большевиками и левыми эсерами оказались нейтрализованными и оторванными от буржуазии.

Говоря о «триумфальном шествии» Советской власти, П. Н. Соболев придает большое значение установлению власти Советов на фронтах (кстати, данный вопрос почти не освещался историками, несмотря на то, что этот факт оказывал существенное воздействие на дальнейшее развитие социалистической революции) и делает вывод, что, «завоевав подавляющее большинство солдат на фронте, добившись их сочувствия и поддержки, большевики имели на своей стороне не только рабочий класс, но и передовой вооруженный авангард крестьянской бедноты» (стр. 275). В классовой борьбе в деревне, развернувшейся во время аграрной реформы, проводившейся Советской властью на основе Декрета о земле и других законодательных актов, революционные солдаты-фронтовики наряду с промышленными рабочими, посланными партией в качестве комиссаров, агитаторов, эмиссаров по земельным делам, сыграли выдающуюся роль в организации и просвещении деревенской бедноты, в ее борьбе с кулачеством, в установлении Советской власти на местах.

Следует также остановиться на вопросе о соотношении аграрной программы большевистской партии и аграрного законодательства первых лет Советской власти. Меньшевики, эсеры, оппортунисты II Интернационала (Каутский и др.) пытались представить дело так, будто большевики, взяв за основу аграрного законодательства крестьянские наказы о земле, тем самым якобы отказались от своей аграрной программы и провели в жизнь программу эсеров. В. И. Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» опроверг эти клеветнические измышления на большевистскую партию и показал, что советское законодательство по аграрному вопросу отражало пролетарскую политику большевиков, направленную на победу социалистической революции и социалистического строительства как в городе, так и в деревне.

В этой связи следует сказать о дискуссионной статье Е. А. Луцкого «О сущности уравнительного землепользования в Совет-

ской России» («Вопросы истории», 1956, № 9), в которой автор фактически пытался отождествить эсеровскую аграрную программу с большевистской и доказать, что конфискация помещичьего землевладения в России могла произойти только через уравнительный раздел помещичьих земель среди крестьян, стремился обосновать этот вывод экономическим анализом состояния помещичьих и крестьянских хозяйств. Эта точка зрения глубоко ошибочна. Экономически возможными путями ликвидации помещичьего землевладения были и уравнительный раздел помещичьих земель среди крестьян и передача помещичьих имений в собственность государства с тем, чтобы на их базе были созданы общественные хозяйства. Последний путь был наиболее целесообразным в интересах строительства социалистических производственных отношений в деревне. Партия большевиков в резолюции по аграрному вопросу, принятой на Апрельской конференции РСДРП(б), рекомендовала крестьянам именно так поступить с помещичьими имениями.

Другое дело, когда в силу ряда причин крестьяне предпочли уравнительно разделить помещичьи имения. Тогда большевики, чтобы укрепить союз рабочего класса и крестьянства для завоевания диктатуры пролетариата, пошли на известную уступку крестьянам. Они считали, что при наличии диктатуры пролетариата «...уравнительное землепользование было бы лишь одной из переходных мер к полному социализму. Такие переходные меры пролетариату нелепо было бы навязывать; он обязан, в интересах победы социализма, уступить мелким трудящимся и эксплуатируемым крестьянам в выборе этих переходных мер, ибо вреда делу социализма они не принесли бы»[9]. Вместе с тем В. И. Ленин отмечал, что уравнительное землепользование есть «идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производителя». Большевистская партия, согласившись на уравнительное землепользование, проводила разъяснительную работу, способствовавшую изживанию среди крестьян мелкобуржуазных иллюзий.

Большевики дали возможность беднейшему крестьянству убедиться на практике, что уравнительный дележ не дает выхода из нищеты и только общественная обработка земли спасет бедноту от разорения и кулацкой кабалы. Е. Луцкий рассматривает уравнительное землепользование только как одну из переходных мер к социализму и умалчивает о том, что это требование явилось следствием еще не изжитого влияния эсеров на крестьян, что оно тормозило переход к общественной обработке земли. Обвинив ряд советских историков в догматизме и начетничестве, Е. Луцкий сам не разобрался в особенностях аграрной политики большевистской партии в период Октябрьской революции и оказался на неверных, политически вредных позициях.

П. Н. Соболев не рассмотрел в должной мере вопрос о соотношении аграрной программы большевистской партии и аграрного законодательства первых лет Советской власти. По нашему мнению, следовало бы дать более широкую оценку аграрного законодательства Советской власти (Декрет о земле, основной закон о социализации земли, положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию) как в связи с задачами укрепления союза рабочего класса и крестьянства, так и в связи со строительством социалистических производственных отношений в деревне.

Несмотря на некоторые недостатки, рецензируемая книга является крупным историческим исследованием проблемы союза рабочего класса и крестьянства в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Ее достоинством является сочетание всестороннего анализа фактов и событий, сделанного на основе глубокого изучения трудов В. И. Ленина и солидной источниковедческой базы. Борьба пролетарской партии за крестьянские резервы рассматривается в книге на фоне общего развития революции и соотношения классовых сил на различных ее этапах, в конкретных проявлениях. Широко показана также деятельность большевиков в центральных и местных Советах, других массовых организациях, в армейских комитетах в тылу и на фронте.

Исследование П. Н. Соболева вносит много нового в разработку сложного и интересного вопроса о складывании союза рабочих и трудящихся крестьян, в значительной степени преодолевает схематизм и упрощенчество в показе тактики Коммунистической партии по завоеванию крестьянских резервов в социалистической революции.

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 299.

ецензируемая книга представляет боль-
й интерес не только для тех, кто инте-
уется проблемами союза рабочего клас-
и крестьянства, но и для работающих
историей Октябрьской революции в це-
лом, ибо в ней дан материал о ряде важ-
нейших событий, связанных с подготовкой
и проведением Великой Октябрьской со-
циалистической революции.

Л. С. Жарихин

Библиография русской библиографии по истории СССР». Аннотирован-
ый перечень библиографических указателей, изданных до 1917 года. Ми-
истерство культуры РСФСР. Государственная публичная историческая
иблиотека РСФСР. Изд-во Всесоюзной книжной палаты. М. 1957. 198 стр.
Тираж 2 300. Цена 6 руб. 40 коп.

подборе и использовании различных
ериалов научным работникам сущест-
ную помощь оказывает библиография.
ако ориентироваться в обширном и раз-
бразном комплексе библиографических
обий чрезвычайно трудно. Облегчают
работу указатели библиографий.

о недавнего времени библиографии по
рии СССР указывались лишь в неболь-
статьях М. И. Ахуна и А. А. Боров-
о [1]. Конечно, авторы этих работ не мог-
охватить многих библиографических ма-
алов, особенно опубликованных в жур-
ах и сборниках. В связи с этим назре-
потребность в специальном указателе,
рый дал бы перечень имеющихся биб-
графий по истории народов СССР. Та-
рода указатель был составлен Госу-
ственной публичной исторической биб-
текой в Москве. Охватывает он библио-
рические материалы, изданные до Вели-
Октябрьской социалистической револю-

его подготовке приняли участие:
Г. Витухновская, Б. В. Златоустовский,
. Кремлева, Л. М. Маслова, В. П. Но-
льская, Н. М. Савицкая, А. А. Солен-
ова, З. Л. Фрадкина.

сторики-педагоги и исследователи полу-
пособие, значение которого состоит
кде всего в том, что оно впервые дает
ную информацию о дореволюционных
иографиях по истории народов СССР.
атель является результатом многолет-

ней работы большого коллектива по выяв-
лению, отбору, описанию и аннотированию
библиографий в области дореволюционной
истории.

В рецензируемую книгу включено более
400 материалов различного вида: отдельно
изданные указатели, библиографии, опубли-
кованные на страницах общих и специаль-
ных журналов и сборников, прикнижные
библиографии, списки трудов историков,
специальные историографические обзоры,
обзоры литературы, содержащиеся в от-
дельных исследованиях, каталоги библио-
тек, книжных магазинов, научных обществ.
В результате в указатель наряду с такими
известными библиографиями, как работы
В. И. Межова и братьев Ламбиных, вошли
библиографии, содержащиеся в отдельных
книгах, например, в девятитомной «Истории
России в XIX в.». СПБ. 1907—1911
(стр. 106), ориентирующие исследователей в
обширной дореволюционной литературе,
часть которой нередко выпадала из их поля
зрения ввиду трудностей ее отыскания.

Рецензируемая книга дает материал о
деятельности в области исторической биб-
лиографии Академии наук, научных
обществ при Петербургском и Московском
университетах, Археологической и архео-
графических комиссий, журналов «Со-
временник», «Историческое обозрение»,
«Исторические известия», а также библио-
тек. В ней учтены также и библиографиче-
ские обзоры, составленные такими истори-
ками, как Н. И. Костомаров (стр. 15),
В. С. Иконников (стр. 18—19), Ю. В. Готье
и В. И. Пичета (стр. 27) и др.

Исходя из целевого назначения указа-
теля, составители отобрали библиографии,
сохранившие свою научную и практическую

М. И. Ахун. Обзор русской историче-
й библиографии. «Вспомогательные ис-
ические дисциплины». Сборник статей.
I. 1937; А. А. Боровский. Как на-
ить литературу по истории СССР. «Ис-
ический журнал», 1939, № 8.

ценность. «При наличии ряда библиографических указателей на одну и ту же тему в основной ряд включались наиболее полные из них, остальные либо назывались в аннотациях к последним, либо вовсе отсеивались. Исключение сделано в тех случаях, когда менее полные библиографии разнятся от более полных своей структурой или методикой описания и оценки литературы. Такие библиографии, как правило, включались в указатель» (стр. 4).

Такой принцип отбора дал возможность не перегружать указатель устаревшими материалами. В связи с этим следует отметить, что функции библиографа не должны сводиться лишь к регистрации литературы. Квалифицированный библиограф, изучая имеющуюся по той или иной проблеме литературу, обязан избавить исследователей от необходимости просмотра книг и статей, утративших свою научную значимость.

Материалы рецензируемого указателя сгруппированы в семи разделах. В начале каждого из них имеются вводные замечания, которые знакомят читателя с тематикой библиографий и порядком их расположения, что облегчает пользование книгой.

В первый раздел — «Библиографии общего характера» — включены общеисторические работы. Поскольку они не охватывают полностью русскую дореволюционную литературу, составители указывают издание М. В. Сокуровой [2], в котором дается описание ряда универсальных по тематике библиографий и каталогов книжных магазинов и библиотек.

Содержанием второго раздела — «Библиографии источников по истории СССР» — являются общие и специальные указатели, посвященные отдельным видам источников (летописи, манифесты, мемуары).

Третий раздел — «Библиографии по отдельным темам» — включает указатели по вопросам социально-экономического развития, классовой борьбы, государственного строя, права и управления, внешней политики и международных отношений, военной истории, религии и церкви, а также истории отдельных народов нашей страны.

В четвертом разделе — «Библиографии истории СССР с древнейших времен до 1917 г.» — собраны материалы, посвященные различным периодам русской истории и важнейшим ее событиям.

Указатели изданий Археологической археографических комиссий, научных исто рических обществ, губернских ученых и архивных комиссий, Московского архив министерства юстиции и сенатского архив сгруппированы в пятом разделе.

В шестом разделе учтены библиографии по дореволюционной истории народов СССР, опубликованные в центральной периферийной печати.

Списки трудов крупнейших русских исто риков приведены в седьмом разделе.

Материалы группируются в указатель хронологически (разделы I, IV), тематиче ски (разделы II, III), в алфавитном поряд ке названий научных обществ, учреждений журналов, а также фамилий историко (разделы V—VII), что облегчает пользо вание рецензируемым пособием. Библио графические описания, имеющиеся в указа теле, дают важные для исследователей све дения.

Издание представляет собой аннотиро ванную библиографию. В аннотациях дает ся тщательная характеристика библиогра фий, раскрываются их тематика, хроноло гические границы, способ расположения и объем материалов. Кроме того, в аннота циях сообщаются сведения о вспомогатель ных указателях и приводятся данные об имеющихся в печати отзывах и рецензиях на отдельно изданные библиографические указатели.

Рецензируемое издание снабжено вспомогательными алфавитными указателями авторов и заглавий работ, включенных в библиографию и упомянутых во вводных замечаниях, а также именным указателем.

Рецензируемой работе присущи и существенные недостатки. Главный из них состоит в том, что составители не учли советские библиографии. Из поля их зрения совершенно выпали такие важнейшие проблемы, как история революционного движения; очень слабо представлена история отдельных народов СССР, то есть вопросы, которые не получали широкого освещения в дореволюционной исторической литературе. По нашему мнению, неоправданно сужено число библиографий в разделе «История отдельных народов СССР».

Не совсем ясен критерий отбора авторов в разделе «Списки трудов русских историков». Составители отмечают, что они включили в указатель «...лишь наиболее полные из дореволюционных списков трудов историков, внесших заметный вклад в разработку русской истории. Как правило,

[2] М. В. Сокурова. Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955. Л. 1956.

ключались небольшие списки из биогра-
ских словарей и указанные в некроло-
а также статьи, в тексте которых дают-
бзоры трудов историков» (стр. 156).
едставляется правильным, что в отли-
от работы О. И. Шведовой[3] составите-
ми были отобраны только наиболее
ые списки трудов отдельных истори-
Но при этом оказались пропущенны-
имена таких, например, ученых, как
. Дьяконов, В. В. Латышев, несмотря
о, что в указанной выше книге списки
рудов имеются.

нотируя библиографии дореволюцион-
литературы, составители обязаны
раскрыть идейную направленность
одимых ими указателей. Однако это
ано лишь в отдельных случаях. Так, в
тации на библиографию, содержащую-
издании «История России в XIX веке»
1—9. СПБ. 1907—1911), составители
т: «Отдельные главы сборника напи-
разными авторами, подчас противопо-
ых идейных направлений: либераль-
народнического, украинофильского,
ал-демократического. Списки литерату-
о своей идеологической направленно-
соответствуют главам, к которым они
влены» (стр. 107). В аннотации на
иографию П. Д. Драганова «Bessara-
» (Кишинев. 1911) также указывает-
то «в критических аннотациях и био-
ических справках обнаруживается чер-
енная позиция Драганова» (стр. 72).
давляющем же большинстве вопрос об
ной оценке литературы обходится мол-
ем, что придает многим аннотациям в
стной степени объективистский харак-

Составители допустили непоследовательность в расположении однотипных материалов и работ. Так, «Указатель трактатов и сношений России. С 1462 по 1826» (М. 1838) включен в раздел «Библиографии по отдельным темам» (стр. 57) и не упомянут в «Библиографии источников по истории СССР». Обзор «Литература по внешней русской истории XVIII—XIX вв. за 1900—1915 гг.» отмечен в разделе «Библиографии по отдельным темам» (там же), а обзор литературы, вышедший в начале XX в. под названием «Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией», в котором рассматриваются русско-английские связи XVI—XVII вв., помещен в «Библиографии истории СССР с древнейших времен до 1917 г.» (стр. 83).

Выделив в третьем разделе ряд тематических рубрик, составители не дали ссылок на материалы, имеющие к этим рубрикам прямое отношение, но содержащиеся в других разделах. Так, к теме «Военная история» указано всего шесть названий. В то же время почти в каждой рубрике четвертого раздела содержатся библиографии по военной истории (например, о А. В. Суворове, об Отечественной войне 1812 г. и т. д.). В результате содержание рубрики «Военная история» оказалось в значительной степени обедненным. Чтобы избежать такого рода недостатков, необходимо было, очевидно, гораздо шире воспользоваться системой перекрестных взаимных отсылок. К тому же это облегчило бы пользование указателем.

В целом издание рецензируемой книги полезно. Она окажет помощь исследователям и библиографам в подборе библиографической литературы по истории народов СССР, явится пособием для преподавателей и студентов исторических факультетов.

А. О. Зильберман

). И. Шведова. Историки СССР. атель печатных списков их трудов. 941.

Всеобщая история

ОБ ОДНОЙ ФАЛЬСИФИКАТОРСКОЙ РАБОТЕ ПО НОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ.

MARY CLABOUGH WRIGHT. *The Last Stand of Chinese Conservatism. The Tung-chih. Restoration. 1862—1874.* Stanford. 1957. 426 p.

МЭРИ КЛЭБОУ РАЙТ. *Последнее сопротивление китайского консерватизма. Реставрация Тунчжи. 1862—1874.*

В конце 1957 г. издательство Стэнфордского университета в Калифорнии выпустило очередную, 13-ю монографию из серии книг по истории, экономике и политическим наукам под названием «Последнее сопротивление китайского консерватизма», посвященную исследованию так называемой «реставрации Тунчжи», периода, охватывающего 60-е — начало 70-х годов XIX века. Автор Мэри Клэбоу Райт, профессор Стэнфордского университета, хранитель китайских коллекций Гуверовского института и университетской библиотеки, специализируется по вопросам новой и новейшей истории Китая. В течение длительного периода она собирала в Китае и Японии материалы по теме своего исследования. Рецензируемое издание написано на основе большого количества источников с привлечением китайской и иностранной литературы.

Под «реставрацией Тунчжи» китайская феодальная, а вслед за ней и западноевропейская и американская буржуазная историография подразумевают период относительной временной стабилизации правящего лагеря Китая после подавления тайпинского восстания. Современный китайский ученый-марксист Фань Вэнь-лань в своей книге «Новая история Китая» отмечает, что так называемая «эпоха возрождения годов Тунчжи» является «успехом контрреволюции, одержанным благодаря поддержке иностранных держав» [1].

Обращение М. Райт к истории Китая периода, когда при военной и экономической помощи Англии и Франции и активном участии американских военных наемников лагерю маньчжуро-китайской феодальной реакции удалось потопить в крови грандиозные восстания китайских крестьян, является весьма показательным для характеристики общего направления американских исследований по новой истории Китая.

Современная американская буржуазная историография по новой истории Китая проникнута непримиримой враждой к национально-освободительному движению китайского народа, пытается всячески обелить грязную роль, которую иностранный, в том числе и американский, капитал играл в истории колониального закабаления Китая в XIX веке. Работа Райт, продолжая развивать те же «идеи», что и опубликованные ранее книги буржуазных историков Морзе, Мак-Нейра, Деннета, Латуретта и др.[2], пропагандирует «неагрессивность» внешней политики США, которая, по уверению всех этих авторов, отличается якобы от политики европейских держав своим «миролюбием», тенденцией к сохранению «целостности» и «независимости» Китая, отсутствием стремления к колониальным захватам. Для Райт, как и для остальных американских историков этого направления, характерно изображение экспансии США в Китае как якобы бескорыстной политики распространения христианства и «цивилизации» и оправдание преступной роли капиталистических держав в развитии опиумной торговли, в зверских расправах с населением в ходе усмирения народных восстаний и т. д.

По своим взглядам на развитие исторического процесса М. Райт принадлежит к числу последователей английского историка-идеалиста А. Тойнби. Творцами исторического прогресса в книге Райт выступают высшие маньчжурские и китайские сановники цинской империи; китайский и другие народы представлены в качестве темной, слепой, всеразрушающей силы. Заимствуя у Тойнби идеи периодизации дальневосточ-

[1] Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М. 1955, стр. 295.

[2] Подробный критический разбор основных направлений американской буржуазной историографии по новой истории Китая дан в книге А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895 гг.». М. 1956, стр. 37—47.

цивилизации с чередованием циклов
ема и упадка, Райт в отличие от него
ает периодом «кратковременного по-
ного расцвета» цинского владычества
оды Канси — Цяньлуна (1662—1796 гг.),
риод Тунчжи (1862—1874 гг.). Ненаучн
подход Райт к трактовке историческо-
роцесса наглядно проявляется в той об-
ющей характеристике, которая дает
о всему исследуемому периоду, называ-
у «эпохой реставрации». Автор счи-
что на протяжении всей истории Ки-
аналогичные «периоды реставрации»
и место трижды: при чжоуском царе
ньване (827—782 гг. до н. э.); при ханьс
императоре Гуанъу (25—57 гг. н. э.);
императоре Танской династии Сыцзуне
—763 гг.).

еханическое сравнение четырех отделен-
друг от друга VI—XI вв. различных
одов истории Китая по чисто формаль-
и условным признакам, идеализация
ельности цинских сановников, отрица-
активной роли народных масс в исто-
— все это свидетельствует о несостоя-
ности исторической концепции автора
неспособности дать подлинно научный
из истории Китая.

рицая решающую роль трудящихся
в историческом прогрессе общества,
описывает лишь деятельность правя-
феодального лагеря, сознательно за-
ивая тот факт, что народ в этот период
ужием в руках выступал против маньч-
кого деспотизма, феодально-помещичь-
произвола и иностранного вторжения,
говор властей с иностранными захват-
ми встречал всеобщее осуждение со
оны самых широких слоев китайского
ления.

тор рецензируемой книги поставила пе-
собой задачу — показать, что «реста
я Тунчжи» была первой и почти успеш-
попыткой изменить китайское государ-
так, чтобы оно смогло эффективно су-
вовать в современном мире «без рево-
ционных изменений традиционных китай-
ценностей и представлявших эти цен-
и институтов» (стр. 8).

деализируя деятельность китайских кон-
аторов, Райт восхищается их «дости-
ями», среди которых она называет по-
ение мощных восстаний тайпинов,
цзюней и неханьских народов, сокра-
е армии, уменьшение земельного нало-
и увеличении общего объема налого-
поступлений казны; открытие новых зе-
для культивации; поднятие эффектив-
ности чиновничьего аппарата и образова-
тельной системы, содействие китайским
торговцам в их соревновании с иностранны-
ми купцами и т. д. (стр. 7—8).

Стремление снять с капиталистических
держав ответственность за пагубные для
Китая последствия их агрессии, а также
идеализация политики маньчжуро-китай-
ских правящих кругов — эти две тенденции
пронизывают красной нитью монографию
М. Райт. Чтобы облегчить выполнение сво-
ей задачи по оправданию агрессивной по-
литики держав в Китае, автор сузила хро-
нологические рамки своего исследования
(1860—1870 гг.), хотя подзаголовок книги
«Реставрация Тунчжи. 1862—1874», казало
бы, ясно указывает на хронологические
грани.

С первых же страниц Райт стремится со-
здать у читателя впечатление о том, что по-
литика держав в отношении Китая в этот
период была продиктована исключительно
заботой о прогрессе и процветании страны
и что эту политику по достоинству оценива-
ли китайские руководящие политические
деятели, вроде великого князя Гуна
(стр. 14). Оговариваясь, что «любая попыт-
ка обелить весь мрачный список специаль-
ных привилегий Запада в Китае была бы
глупой», автор, тем не менее, активно зани-
мается этой бессмысленной работой, пыта-
ясь доказать, что на протяжении десяти
лет, с 1860 по 1870 г., державы «ушли с
ринга, предоставив решение китайской ис-
тории самому Китаю» (стр. 20—21).

Многочисленные свидетельства не только
китайских и советских, но даже некоторых
американских историков убедительно опро-
вергают голословное утверждение Райт о
том, что крупные капиталистические держа-
вы в этот период не вмешивались во внут-
ренние дела Китая. Например, в известной
совместной работе англичанина Морзе и
американца Мак-Нейра «Международные
отношения на Дальнем Востоке», в главе,
посвященной международному аспекту тай-
пинского восстания, приводятся обширные
материалы о вооруженном участии ино-
странцев в гражданской войне на стороне
правительственных войск в период 1860—
1864 гг., об использовании капиталистиче-
скими государствами благоприятной обста-
новки для получения от маньчжуро-китай-
ских властей концессий и сеттльментов,
учреждения консульских судов и т. д.[3].

[3] H. B. Morse and H. F. MacNair. Far Eastern International Relations. Cambridge, Massachussetts. 1931, pp. 258—261.

Англия и Франция при содействии США активно участвовали в подавлении революционного движения в Китае. В начале 1862 г. интервенты располагали в портовых китайских городах двумя тысячами солдат регулярных войск, охранявших эти порты от тайпинов. Иностранные военные суда и их экипажи также участвовали в борьбе против тайпинов. В марте 1862 г. английское правительство предписало, чтобы эскадра адмирала Хоупа отразила натиск тайпинов на Шанхай и другие договорные порты и конвоировала английские суда, плававшие по Янцзы. Сотни и тысячи джонок, подвозивших продовольствие и подкрепление тайпинам, были потоплены. Для наступательных действий против тайпинов были созданы отряды под командованием иностранных офицеров; наиболее крупным из них был иностранный легион во главе с американцем Ф. Уордом, а затем англичанином Гордоном. В провинции Чжэцзян действовал отряд под командованием французских офицеров. Англичане и французы снабжали цинские войска вооружением и направляли им своих инструкторов. Для переброски правительственных войск широко использовались английские пароходы [4].

В июне 1864 г., после роспуска иностранного легиона (вследствие близкой победы над основными силами тайпинов), англичане и французы продолжали оказывать вооруженную помощь маньчжурам в борьбе с остатками тайпинских армий на границе провинций Фуцзянь и Гуандун. Через консульства в Фучжоу и через Гонконг они направляли современное вооружение и боеприпасы для правительственных войск, перевозили на своих морских судах части хуайской и сянской армий в Фуцзянь, блокировали своим флотом побережье, помогая правительственным судам. Французские суда, вооруженные артиллерией, непосредственно участвовали в боях с остатками тайпинских войск весной 1865 года [5].

После непрерывной 25-летней вооруженной агрессии капиталистических держав в Китае (1839—1865 гг.) период с 1865 по 1870 г. может считаться относительно спокойным, однако это временное изменение форм колониальной политики в стране было вызвано отнюдь не стремлением капиталистических государств к сотрудничеству с китайским правительством во имя «поддержания достоинства, независимости, мир стабильности и процветания Китая», ка это пытается представить Райт (стр. 22). работах современных китайских историко (Фань Вэнь-ланя и др.), а также в труда советских историков (Г. В. Ефимова, А. Л Нарочницкого и др.) убедительно показан что закабаление Китая было главной цель колониальной политики капиталистически держав в Восточной Азии во второй поло вине XIX в., что «во время опиумных вой и тайпинского восстания была выработан политика соглашений и сделок капитал стических государств с реакционным ци ским правительством феодального Китая з счет китайского народа» [6].

Называя по примеру своих предшестве ников политику держав в отношении Кита в период 1860—1870 гг. «политикой сотру ничества», М. Райт пишет, что эта полит ка «оказывала международную помощь деле восстановления и укрепления цен ральной власти» (стр. 22), то есть, по сущ ству, признает сложившийся в эти год сговор капиталистических держав с прав щей верхушкой цинской империи. Одна тут же она заявляет, что «политика сотру ничества», проводившаяся в тот период А глией, Францией, США и Россией, с одно стороны, и Китаем — с другой, была н правлена якобы на «обеспечение мирно разрешения споров и постепенную модерн зацию Китая по западному образцу». Пр оритет в выработке этой политики авто приписывает американскому посланнику Китае Ансону Берлингхэму. Райт при это совершенно затушевывает серьезные проти воречия, имевшиеся в тот период межд державами в борьбе за влияние в Кита В качестве основного стража и исполните «политики сотрудничества» Райт предста ляет английского посланника в Китае Р зерфорда Олкока, причем для доказател ства эффективности этой политики испол зует лишь официальные широковещател ные заявления и депеши Берлингхэма Олкока своим правительствам, явно пре назначавшиеся их авторами для огласки публикации.

М. Райт даже защищает тезис о том, чт многие видные иностранные дипломаты Китае и иностранные специалисты, нах дившиеся на китайской службе, видите л до того полюбили страну, что «стояли гд то между китайским и западным миром (стр. 268).

[4] А. Л. Нарочницкий. Указ. соч., стр. 93—94.

[5] Журнал «Синь шисюэ тунсюнь» («Новые исторические сообщения»), 1956, № 1.

[6] А. Л. Нарочницкий. Указ. со стр. 57.

Идеализация автором личности иностранных дипломатов в Китае и иностранных советников, находившихся на службе у маньчжуров, в частности Берлингхэма и Олкока, также связана с основной целевой установкой книги. Как известно, Берлингхэм активно поддерживал палачей тайпинского восстания — американских авантюристов Уорда и Буржевайна [7]; да и в отношении правящих кругов цинской империи Берлингхэм отнюдь не придерживался принципов равноправного сотрудничества. Самозванно выступая от имени Китая на банкете в Нью-Йорке 23 июня 1868 г., Берлингхэм в своей речи заявил, например, что «Китай ...приглашает ваших торговцев, он приглашает ваших миссионеров, он говорит последним, чтобы они устанавливали сияющие кресты на каждом холме... в каждой долине...» [8].

Олкок был типичным представителем агрессивных колониальных кругов Англии, заслужившим репутацию ярого противника народов Азии еще на посту английского дипломатического представителя в Японии [9]. Известно, что, прощаясь с Олкоком в 1869 г., великий князь Гун сказал ему: «Жаль, что вы не увозите с собой опиума и миссионеров» [10].

Наиболее ярким документом, характеризующим «политику сотрудничества», Райт считает так называемую «конвенцию Олкока» 1869 г., которая якобы «знаменовала собой крупный поворотный пункт в истории китайско-иностранных сношений не только ввиду методов, которыми велись переговоры об этой конвенции, но и ввиду ее формы и существа» (стр. 286). Восхваление автором «конвенции Олкока» (кстати так и не ратифицированной правительством Англии ввиду оппозиции английских купцов, считавших содержавшиеся в ней уступки со стороны Китая недостаточными) также преследует цель обеления агрессивной политики капиталистических держав в Китае. В действительности же эта конвенция была типичным неравноправным для Китая соглашением: § 1 конвенции распространял на все государства преимущества, полученные в Китае хотя бы одним из них; § 3 предусматривал освобождение от внутреннего налогового обложения иностранных товаров, в первую очередь английского текстиля; § 6 предусматривал открытие для иностранной торговли двух новых портов — Вэньчжоу и Уху. Китайское правительство вынуждено было согласиться на проживание иностранцев в глубинных районах страны и на плавание по всем внутренним водоемам принадлежащих иностранцам судов китайского типа. Конвенция содержала, таким образом, только уступки со стороны Китая. Неверно поэтому утверждение автора о том, что «конвенция Олкока была первым и одним из немногих соглашений между Китаем и иностранным государством, переговоры о которых велись при обоюдном согласии» (стр. 295). Райт при этом совершенно игнорирует свидетельство китайских источников о том, что Цзунлиямынь отмечал в ходе переговоров прямые угрозы со стороны Олкока (стр. 281).

Расхваливая на все лады пресловутую «политику сотрудничества», ее авторов и исполнителей — дипломатических представителей США и Англии в Китае,— М. Райт, тем не менее, в нескольких местах своей работы делает серьезные оговорки, по существу, опровергающие основной вывод автора о возвышенных якобы мотивах политики держав в Китае. К их числу можно отнести свидетельства о том, что сменивший Берлингхэма в 1868 г. на посту американского посланника в Китае Росс Браун был ярым сторонником установления жесткой иностранной опеки над Китаем (стр. 37), что даже «китайские чиновники периода реставрации никогда не знали, что же скрывается за этой политикой сотрудничества» (стр. 41) и, наконец, что сам Олкок в 1868 г. был склонен разделять «дипломатию канонерок» (стр. 283) и санкционировал применение силы английскими судами, обстрелявшими населенные пункты на Тайване.

М. Райт в своей монографии умалчивает о том, что открытым вооруженным вмешательством в ход гражданской войны в Китае на стороне цинского правительства державы преследовали свои сугубо корыстные цели, не помышляя об интересах китайского народа. Сознательно автор обходит вопрос об иностранной интервенции в Китае в период 1860—1865 гг., о которой мы говорили выше.

С не меньшим упорством М. Райт пытает-

---

[7] М. И. Барановский. Американо-английские капиталисты — душители тайпинского восстания. «Вопросы истории», 1952, № 1, стр. 117—118.

[8] H. F. MacNair. Modern Chinese History. Selected Readings. Shanghai. 1933, стр. 426.

[9] А. Л. Нарочницкий. Указ. соч., стр. 105—106.

[10] М. Венюков. Очерки современного Китая. С.-Петербург. 1874, стр. 252.

ся представить в розовом свете и деятельность маньчжуро-китайского правящего лагеря: «Достижения эпохи правления Тунчжи были в первую очередь политическими и социальными» (стр. 50). Карательную, палаческую деятельность маньчжуро-китайской помещичьей реакции автор представляет как невинное и даже благородное движение, якобы направленное лишь на восстановление авторитета официальной философии правящего феодального лагеря — конфуцианства. М. Райт, например, пишет, что «великой целью реставрации Тунчжи было возрождение конфуцианских ценностей и институтов» (стр. 63).

В работах современных китайских историков убедительно показано, что главной отличительной чертой так называемой «эпохи Тунчжи» было вовсе не возрождение конфуцианской идеологии, а приход к власти на равных правах со старой придворной маньчжуро-китайской камарильей новой феодально-помещичьей клики, представлявшей как столичную знать и бюрократию (великий князь Гун), так и лидеров китайских феодалов-помещиков бассейна Янцзы (главари хуайской и сянской группировок Цзэн Го-фань, Цзо Цзун-тан, Ли Хун-чжан и др.). Для упрочения контрреволюционного лагеря эта новая клика выступила с рядом мероприятий, снискавших ей прозвище сторонников «подражания иностранцам». Основными из них были: создание дипломатического аппарата для связи с капиталистическими державами, привлечение иностранных войск для подавления народной борьбы и так называемое «самоусиление», то есть ввоз из-за границы оборудования для создания некоторых отраслей промышленности (особенно военной), модернизация вооруженных сил по иностранному образцу и наступление реакции в идеологической области. В результате этих мероприятий произошло усиление полуколониальной зависимости Китая, углубление народных бедствий, усугубление раскола между группировками внутри правящего лагеря [11].

Оправдывая неслыханную жестокость деятелей помещичьего лагеря при подавлении восстания крестьянства, М. Райт не скрывает своих симпатий к правящим кругам. Называть палача Цзэн Го-фаня «защитником дисциплины», а восставших крестьян «бандитами» и «разбойниками» (стр. 63) может только человек, враждебно настроенный к китайскому народу и его славн борьбе за национальную независимос В то же время автор отводит много ст ниц для восторженной характерист Цзэн Го-фаня, великого князя Гуна, В Сяна, Ху Линь-и и других китайских маньчжурских главарей контрреволю

М. Райт, не понимая социально-эконо ческих причин восстаний крестьянства неханьских народов против маньчжурс деспотии, их целей и т. д., искажает п линную историю и в своем стремлении городить иностранных интервентов и ман журо-китайский правящий лагерь догова вается до того, что утверждает, будто восставшие крестьяне «проиграли Цин потому, что они проиграли соревнование народную поддержку» (стр. 107) и «иностранная помощь, хотя и принимаем иностранцами за главную причину триум Цинов, совершенно очевидно была вто степенным фактором» (стр. 101). У Райт лучается, что восставший китайский тру вой народ потерпел поражение из-за отс ствия «народной поддержки» и иностр ная интервенция якобы не сыграла реша щей роли в разгроме тайпинов. Это очев ная фальсификация истории.

Китайскими историками на основе глу кого и всестороннего изучения многоч ленных документов тайпинского государст доказано, что восстание тайпинов было своему характеру крестьянской войной. П ли тайпинского государства и политика, торую оно проводило, отражали требован крестьянства. Объективные причины по жения восстания тайпинов заключал главным образом в том, что реакцион маньчжурско-цинское правительство, с стыдно распродававшее национальные ин ресы государства, вступило с английски французскими, американскими и други иностранными агрессорами и китайски феодально-компрадорскими классами сговор, имевший целью совместное под ление революции, уничтожение самыми ж стокими средствами тайпинского госуд ства.

Не менее грубо фальсифицирует Райт вопросы борьбы правительственных войс восстаниями неханьских народов в пров ции Юньнань и на северо-западе Китая. здесь автор пытается выгородить иностр ных захватчиков, указывая, что, хотя А лия и Франция снабжали цинские армии вейшим вооружением, исход борьбы б решен не иностранной помощью, «а ко лексом внутренних сил» (стр. 117). С эти

[11] Фань Вэнь-лань. Указ. соч., стр. 294—295.

ским спокойствием описывая огромные разрушения, которые были причинены экономике этих районов правительственными войсками, и ужасающие по своей жестокости расправы с беззащитным мусульманским населением, автор не находит ни единого слова для осуждения политики Цинов и китайского помещичьего лагеря, потопивших в крови эти восстания.

В главах книги, посвященных политике правящих кругов в области экономики, просвещения и культуры, М. Райт лишь вскользь упоминает о том, что в этот период издавались только конфуцианские книги и была объявлена суровая борьба «фривольной» и неортодоксальной литературе вроде народного романа, сатирических новелл и т. д. Автор не решается показать крайне реакционный, антидемократический курс правящих кругов в идеологической области. Наоборот, она ставит своей целью оправдание всех правительственных мероприятий этого периода, вплоть до таких ультрареакционных, как введение системы круговой поруки «баоцзя», позаставного налога «лицзиня», тормозившего развитие торговли, и т. д. (стр. 137, 169).

Особое внимание М. Райт уделяет описанию экономической политики правительства. Но, несмотря на всевозможные похвалы в адрес правящего лагеря Китая в период Тунчжи, она вынуждена в конце концов признать бесплодность экономической политики этого лагеря. Автор пишет: «Фатальной слабостью земельной программы реставрации были ее неспособность справиться с растущей проблемой арендаторов злоупотребления своим положением со стороны более крупных землевладельцев» (стр. 167).

Утверждение М. Райт о том, что экономическая политика цинского правительства в правление Тунчжи якобы была успешной, опровергается многочисленными свидетельствами современников и документами той эпохи. В «Сборнике материалов по истории сельского хозяйства Китая в новое время. 1840—1911 гг.», изданном Институтом экономики АН КНР под редакцией Ли Вэньжи, ряд разделов посвящен арендным отношениям, налоговой политике и феодально-помещичьей эксплуатации китайского крестьянства после подавления восстания тайпинов [12]. Эти материалы (преимущественно выдержки из хроник различных уездов провинций Аньхой, Хубэй, Чжэцзян, Цзянсу, Хунань и др.) убедительно свидетельствуют об усилении эксплуатации крестьян со стороны помещиков и правительственных чиновников в период правления Тунчжи, о росте налогового гнета и усилении произвола властей. Приведенные в «Сборнике» материалы о росте цен на землю и арендной платы в различных районах империи также свидетельствуют об ухудшении положения китайских крестьян-арендаторов в рассматриваемый период.

О плачевных результатах политики правящих кругов Китая в период Тунчжи в отношении восстановления кустарной промышленности, разрушенной во время подавления тайпинского восстания, свидетельствуют данные, приведенные в «Сборнике материалов по истории кустарной промышленности Китая в новое время. 1840—1949 гг.», изданном Институтом экономики Академии наук КНР под редакцией Пын Цзе-и. Так, число веретен, которое имелось в 1853 г. на Нанкинской шелкоткацкой фабрике, уменьшилось к 1880 г. с 50 тыс. до 5 тысяч. Число веретен на Сучжоуской шелкоткацкой фабрике сократилось с 12 тыс. до 5,5 тысячи. Из десяти с лишним частных шелкоткацких предприятий, имевшихся ранее в уезде Шаоян, провинции Чжили, к 1867 г. осталось лишь два. Число печей на Цзиндэчжэнской фарфоровой мануфактуре, провинции Цзянси, к 1869 г. сократилось до 60 (с 270—290, имевшихся ранее). К концу правления Тунчжи на 50% упала производительность Хуайнаньских соляных полей, на 73% — производство олова в уезде Гэцзю, провинции Юньнань, а число занятых на этих копях рабочих сократилось на 80%. Общее количество металлургических предприятий в провинции Юньнань уменьшилось вдвое против довоенного уровня [13].

Даже через несколько лет после окончания периода Тунчжи в китайских официальных и частных материалах встречается немало описаний тяжелого экономического положения страны. Например, в 1875 г. видный китайский экономист той эпохи Сюэ Фу-чэн в одном из своих меморандумов императору, касаясь положения в провинции Цзянсу, писал: «Эта провинция долгое время страдала от военных действий, раны войны еще свежи, народ стонет от страда-

[12] «Чжунго цзиньдай нунъе ши цзыляо» («Сборник материалов по истории сельского хозяйства Китая в новое время. 1840—1911 гг.»). Т. 1. Пекин, 1957, стр. 251—385.

[13] «Чжунго цзиньдай шоугунъе ши цзыляо» («Сборник материалов по истории кустарной промышленности Китая в новое время. 1840—1949 гг.»). Пекин. 1957, стр. 612.

ний, и до сих пор еще не восстановлена нормальная жизнь... Всем хорошо известно, что силы народа уже иссякли. Я видел собственными глазами, что на улицах и переулках из десяти домов пустуют девять, цены на товары непомерно велики. Простой народ хотя и старается изо всех сил добыть средства к существованию, однако испытывает большие трудности, и жить ему тяжело... Невозможно описать скитания, голод и нищету народа. На примере одной этой провинции можно составить себе представление о том, как обстоит дело и в остальных местах» [14].

Делая в отдельных местах книги правильные, хотя и недостаточно четкие и последовательные выводы, М. Райт через несколько страниц вновь продолжает превозносить «заслуги» иностранного капитала в Китае и успехи правящего маньчжуро-китайского лагеря и защищает их представителей от справедливой критики китайских ученых. Например, она отмечает: «Внешняя политика реставрации преуспела в области защиты китайских интересов без ущерба для законных иностранных интересов» (стр. 249). Внешняя политика цинского правительства так оценивается автором, видимо, потому, что в результате ее «фактическое положение типичного иностранного резидента значительно улучшилось. 15 портов, и в дополнение к ним Пекин, были открыты для его проживания. Почти повсеместно он находил спокойные условия для путешествия и вежливое обращение» (стр. 249).

Утверждение М. Райт о том, что внешняя политика реставрации преуспела в области защиты интересов Китая, не выдерживает никакой критики. В действительности вся внешняя политика правящей клики цинской империи в этот период была направлена на умиротворение капиталистических держав, на беспрекословное выполнение всех кабальных условий, которые были навязаны ими Китаю по тяньцзинским договорам и пекинским конвенциям. Неуклонно соблюдались цинскими властями в период правления Тунчжи и навязанные иностранными державами силой пушек невыгодные и унизительные для Китая условия таможенного обложения иностранных товаров (таможенные пошлины составляли не более 5% от стоимости товара). Иностранцы освобождались от уплаты высоких внутренних пошлин — «лицзиня»,— которыми облагались китайские товары, и взамен уплачивали небольшую надбавку в размере всего лишь 2,5% со стоимости. Китай был, по существу, лишен в эти годы таможенной автономии. Во главе китайских морских таможен до 1863 г. находился англичанин Нельсон Лей, а с 1863 г. в течение последующих 45 лет генеральным директором китайских таможен был англичанин Роберт Харт.

О каких успехах во внешней политике Китая в рассматриваемый период может идти речь, когда лишь официальный ввоз иностранцами страшного яда — опиума — с 50 087 пикулей [15] в 1863 г. увеличился до 65 797 пикулей в 1873 году [16]. Какие эффективные меры по прекращению торговли «желтыми рабами» и по защите своих подданных, обманом вывезенных в США и страны Центральной и Южной Америки предприняло цинское правительство? В 1865 г. торговцы «желтыми рабами» вывели на плантации и рудники Кубы и Перу свыше 16 тыс. китайских рабочих из Гуанчжоу и Аомыня [17].

Разве провал дипломатической миссии во главе с маньчжуром Пин Чунем, направленной правительством в 1866 г. в столицы европейских государств, может быть отнесен к «успехам» правительства в области внешней политики? Что касается оценки результатов другой дипломатической миссии, посланной Цинами за границу в 1868—1870 гг. во главе с бывшим американским послом Берлингхэмом, то даже буржуазные историки Х. Б. Морзе и Х. Ф. Мак-Нейр склонны рассматривать их как весьма плачевные [18]. О полном провале внешней политики Цинов свидетельствует и то, что пересмотр условий тяньцзинских договоров, который должен был иметь место в 1868 г., так и не состоялся ввиду нежелания капиталистических держав, в первую очередь Англии и США, отказаться от каких-либо привилегий, захваченных ими в Китае в период 1858—1860 годов. Наконец, в 1871 г., после подавления властями массовых выступлений в Тяньцзине, направленных против иностранных капиталистов, маньчжурское правительство послало в Париж специальную дипломатическую миссию во главе с наместником столичной провинции Чжили

[14] «Собрание сочинений Сюэ Фу-чэна» («Юаньань вэнь бянь», «Юньань цюаньцзи», стр. 19а—20б).

[15] 1 пикуль = около 60 килограммов.

[16] H. B. Morse. The Trade and Administration of the Chinese Empire. London, 1908, p. 343.

[17] H. B. Morse and H. F. MacNair. Указ. соч., стр. 264.

[18] Там же, стр. 271—272.

Чун Хоу, чтобы принести свои извинения французскому правительству. Это был один из последних внешнеполитических актов эпохи Тунчжи, и он весьма символичен для всего периода, характеризовавшегося полной капитуляцией цинского правительства перед агрессивной политикой капиталистических держав в Китае.

Как уже отмечалось выше, в ходе изложения Райт часто делает весьма противоречивые выводы, свидетельствующие о том, что поднятый ею фактический материал не укладывается в те тенденциозные и узкие рамки, в которые их пытается втиснуть автор.

Заключительная глава книги, освещающая проблемы «наследия реставрации», наглядно свидетельствует о неверной оценке автором событий новой и новейшей истории Китая [19]. Критикуя гоминьдан и его руководителей за то, что после разрыва блока с Коммунистической партией Китая в 1927 г. они слепо брали за образец реставрацию Тунчжи и пытались в борьбе с китайским народом применять в середине XX в. те же феодальные военные и административные меры, какие применяли маньчжуро-китайские правящие круги против восставшего крестьянства в середине XIX в. (в книге приведены многочисленные выступления Чан Кай-ши и других главарей гоминьдана с призывами следовать примеру Цзэн Го-фаня, Ху Линь-и, Цзо Цзун-тана и других палачей крестьянской революции), Райт сожалеет, что империалистические державы не оказали такой помощи и поддержки Чан Кай-ши и гоминьдану, которая смогла бы сохранить их у власти, не помогли им успешно преодолеть консерватизм, ошибки и трудности и не поддержали либеральные традиции, якобы имевшиеся у отдельных лидеров гоминьдана, вроде Ху Ши и Цзян Тин-фу. В результате, как считает автор, «вся «новая реставрация» гоминьдана окончилась полным крахом и была куда более грустным спектаклем, чем реставрация Тунчжи, которой она пыталась подражать» (стр. 312).

При всем этом Райт ничего, разумеется, не говорит об антинародной сущности гоминьдана, еще в 1927 г. окончательно отошедшего от завещанной Сунь Ят-сеном политики опоры на рабоче-крестьянские массы, политики союза с Коммунистической партией Китая и дружбы с Советским Союзом, называет этих ставленников американского империализма и феодально-компрадорской реакции «политической силой», которая «при соответствующих условиях» могла бы якобы сохранить столь милые сердцу автора старые порядки в Китае.

История разбила эти надежды американского империализма и его апологетов на сохранение с помощью гоминьдана своего господства в Китае. В конце книги Райт, столь возвышенно и патетически описывавшая в предыдущих главах «достижения» правящих кругов цинской империи периода правления Тунчжи, вынуждена признать крах политики правящего лагеря в период реставрации Тунчжи, но объясняет это тем, что «требования современного государства, как оказалось, шли наперекор требованиям конфуцианского порядка» (стр. 312).

Попытка возложить основную вину за крах политики правящего лагеря на конфуцианскую философию является прямым результатом идеалистической трактовки истории автором рецензируемой книги. В работе Райт содержится явная гиперболизация роли конфуцианства — официальной философии правящего феодального лагеря,— в котором автор, с одной стороны, видит «чудодейственное» средство, позволившее спасти цинскую династию от гибели, а с другой — основную причину неудачи политики реставрации. В связи со своей идеалистической концепцией истории Райт не может понять, что основной причиной поражения политики умеренной модернизации периода правления Тунчжи было не конфуцианство, а господство в стране феодальных общественных отношений и агрессия иностранного капитала.

Отдавая дань распространенной в реакционных кругах США антикоммунистической истерии, автор на страницах своей монографии допускает грубые и тенденциозные выпады против марксистско-ленинской исторической науки, Коммунистической партии Китая и китайских ученых-марксистов, обильно «оснащает» книгу ссылками на высказывания ренегата КПК Чэнь Ду-сю, цитатами из «трудов» подвизающегося на ниве американского реакционного китаеведения троцкиста Витфогеля, книг троцкиста Чжу Ци-хуа, которого она выдает за историка-марксиста, и т. д., и т. п.

[19] Эта глава в значительной своей части повторяет содержание ранее опубликованной автором журнальной статьи Mary C. Wright. From Revolution to Restoration. The Transformation of Kuomintang Ideology. «Far Eastern Quarterly». Vol. XIV. 1955, pp. 512—532.

М. Райт пытается в своем исследовании полемизировать с современными китайскими учеными-марксистами Фань Вэньланем, Ху Шэном и другими относительно оценки роли капиталистической агрессии в Китае, политики правящих кругов цинской империи эпохи реставрации Тунчжи. Хотя автор, по ее собственным словам, и пытается занять какую-то промежуточную позицию между «правыми и левыми в вопросе о роли империализма во внутреннем развитии Китая», она, тем не менее, рьяно выступает против положения, выдвигаемого современными китайскими историками, о том, что зарождающийся китайский капитализм был с самого начала стеснен империалистическими державами (стр. 21).

Защищая иностранный капитал, Райт выступает также против историков-марксистов по вопросу о роли иностранцев в таможенном аппарате Китая. Она, например, пишет: «Морскую таможню можно успешно очистить от коммунистического обвинения в том, что она была орудием иностранных интересов» (стр. 181). Если посмотреть, каковы источники, на которых основывает свое утверждение Райт, то ее следует упрекнуть в недобросовестном подходе к использованию литературы. В полемике против книги Ху Шэна «Империализм и китайская политика» Райт приводит только материалы иностранных газет, издававшихся в Китае (например, «North China Gerald»), и донесения английских дипломатов и на их основании доказывает, что генеральный инспектор морских таможен Китая англичанин Роберт Харт якобы защищал интересы Китая против частных иностранных купцов и что иностранное управление таможнями принесло лишь пользу Китаю. Поскольку подобные газеты издавались в Китае самими иностранцами, то они, конечно, не могли писать обратное.

Эта идеализация Райт личности Харта наряду с извращенным толкованием ею роли иностранного контроля над китайск ми таможнями, не выдерживает никак критики, поскольку общеизвестна та небл говидная роль, которую играл в Кит Харт, неоднократно и грубо вмешивавши ся во внутренние дела страны на сторо английского капитала.

Нападки на труды современных кита ских историков разбросаны у Райт по все главам ее объемистой работы. Даже «Библиографии», помещенной в конце кн ги, автор пытается набросить тень на д стижения исторической науки в Китайск Народной Республике и отрицает т факт, что в КНР издано много сборник уникальных документов, которые име большую ценность при изучении истор Китая периода 60—70-х годов XIX век В действительности китайская историч ская ассоциация за последние 9 лет собр ла и издала объемистую серию документ по новой истории Китая, в которую входя 8 томов материалов по восстанию тайп нов, 6 томов по восстанию няньцзюне 4 тома по восстанию неханьских народ середины XIX в., 7 томов, относящихся японо-китайской войне 1894—1895 г 4 тома — к движению за реформы 1898 и т. д., и т. п. Все эти книги Райт игнор ровала в своем исследовании, как и раб ты советских историков по новой истор Китая.

В целом рецензируемая монография я ляется типичной для основного направл ния современной буржуазной американск историографии Китая, враждебного к тайскому народу и его героической наци нально-освободительной борьбе, стремящ гося обелить захватническую агрессивну политику США и других капиталистич ских держав в Китае, берущего под защ ту лагерь китайской реакции и выступа щего со злобными нападками на марксис ско-ленинскую историческую науку.

С. Л. Тихвинский

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ ПАРТИИ МК и МГК КПСС

В Институте истории партии МК и МГК КПСС состоялось совещание, которое подвело итоги работы института за 1958 г. и обсудило перспективный план научно-исследовательской и издательской деятельности на 1959—1960 годы.

В прошлом году коллективом института был подготовлен ряд научных трудов, освещающих деятельность Московской организации КПСС на различных исторических этапах. Всего выпущено в свет около 100 печатных листов научной литературы.

К ленинским дням выйдет дополнительный тираж книги «Ленин в Москве» (места пребывания, даты и события), которая познакомит читателя со 150 памятными местами в Москве и Подмосковье, где жил, работал, выступал с докладами и отдыхал Владимир Ильич.

Вышел в свет сборник статей «Москва в двух революциях (февраль — октябрь 1917 г.)». В книге рассказывается о революционных традициях московских большевиков, о том, как наше старшее поколение героически боролось за власть Советов и добилось победы.

Знаменательная дата 40-летия Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи отмечена выпуском очерка «Боевая молодость» (из истории комсомола). Книга посвящена первым шагам Московской организации комсомола и боевому пути московских комсомольцев в гражданской войне.

Издан сборник документов «Большевистские военно-революционные комитеты», характеризующий боевую деятельность Петроградского, Московского и местных военно-революционных комитетов, освещающий подготовку и проведение под руководством Коммунистической партии вооруженного восстания в Петрограде, Москве и других городах страны в октябре 1917 года. Впервые публикуются документы 58 местных революционных комитетов.

Документальный сборник «Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии» рассказывает о борьбе московского пролетариата во главе с большевиками за укрепление Советской власти. Сборник подготовлен институтом совместно с Государственным архивом Московской области. В нем свыше 300 документов, большая часть которых публикуется впервые.

Интерес представляет работа З. И. Игумновой «Женщины Москвы в годы гражданской войны». Книга рассказывает о героизме женщин — работниц Москвы и Подмосковья, проявленном ими на фронте и в тылу в 1917—1920 годах.

В исторических журналах и газетах сотрудниками института был опубликован ряд статей и документов по отдельным вопросам истории революционного рабочего движения и деятельности Московской парторганизации.

В прошлом году сданы в издательство очерки: «Московская партийная организация в годы столыпинской реакции», «Московская партийная организация в годы нового революционного подъема (1910—1914)», «Московская организация КПСС в борьбе за завершение реконструкции народного хозяйства (1933—1937 гг.)».

Героической борьбе партийной организации и трудящихся Москвы в период Великой Отечественной войны посвящены подготовленные к печати сборник документов «В боях за Родину» (о партизанском движении в Подмосковье 1941—1942 гг.) и брошюра «Московская партийная организация в обороне Москвы в 1941 г.».

В процессе доработки находятся следующие брошюры и сборники, издание которых будет осуществлено в 1959 г.: «Московские большевики в годы гражданской войны», «Московская партийная организация в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.)», «Пять лет борьбы за осуществление крутого подъема сельского хозяйства в Подмосковье 1953—1958 гг.», воспоминания участников гражданской войны — «От первых боев до последних», документальный сборник «Москвичи на защите завоеваний Октября (июль 1918 — март 1919 г.)».

За последние годы институтом установлены связи с кафедрами истории КПСС Московского государственного университета имени Ломоносова, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Московского государственного педагогического института имени В. П. Потемкина и Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Здесь по планам института ведется разработка следующих тем по истории Московской партийной организации: «Московская областная партийная организация в борьбе за реализацию решений XX съезда КПСС», «Московская организация КПСС в борьбе за индустриализацию страны», «Борьба за крутой подъем сельского хозяйства в период между XX и XXI съездами КПСС».

Документальные материалы архива института используются исследователями и работниками кафедр истории партии многих высших учебных заведений при изучении различных периодов истории Московской организации КПСС. В 1958 г. в читальном зале партархива занималось 112 исследователей.

Партархив проводит значительную работу по подготовке материалов, необходимых для написания истории крупнейших фабрик и заводов Москвы и Московской области.

К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина институт выпустит сборник воспоминаний москвичей о жизни и деятельности великого вождя. По плану 1959—1960 гг. будут подготовлены отдельные очерки: «Рабочее и социал-демократическое движение в Москве и губернии, создание Московской большевистской организации», «Московская организация большевиков в революции 1905—1907 гг.», «Московская организация большевиков в годы мировой империалистической войны и второй революции в России», «Московская окружная организация в трех революциях», «Московская организация КПСС в период перехода к мирному хозяйственному строительству», а т же сборники документов: «Московск организация КПСС в период разгрома ходов Антанты» и «Московские большеви во главе трудового подъема (192 1925 гг.)».

Дальнейшей научной разработке исто Московской партийной организации в ветский период будут посвящены рабо «Московская организация КПСС в го Великой Отечественной войны», «Моск ская партийная организация в борьбе восстановление и дальнейшее развитие родного хозяйства (1946—1953 гг.)», «М сковская организация КПСС в борьбе крутой подъем сельского хозяйства в риод между XX и XXI съездами парти «Коммунисты Москвы в борьбе за пе стройку и дальнейший подъем промышл ности в период между XX и XXI съезда партии».

Выступившие при обсуждении плана боты института на 1959—1960 гг. товари указали на ряд недостатков в его деяте ности: отставание в исследовании соврем ной тематики, недостаточная связь с ор низациями, занимающимися изучени истории КПСС, слабое вовлечение в рабо по написанию очерков внештатных ав ров, особенно из среды старых коммун стов.

Участники совещания отметили, что числу важнейших задач, стоящих пер коллективом института, относятся успе ное завершение издания очерков и на ос ве их создание монографии по истории М сковской организации КПСС.

Недавно коллектив института разраб тал также перспективный план на 1959 1965 годы. Основное внимание в предст щем семилетии будет сосредоточено изучении борьбы Московской партийн организации за осуществление историческ решений XXI съезда Коммунистическ партии Советского Союза.

Т. В. Игнатошви

Хроникальные заметки

◆ К 40-летию Белорусской ССР Академия наук БССР и Главное управление геодезии и картографии выпустили «Атлас БССР». Атлас дает общее представление о природе, населении, экономике, культуре и политико-административном устройстве республики. Он содержит 140 карт разного содержания, составленных по новейшим материалам. Большой интерес представляют карты истории революционных событий на территории Белоруссии, партизанского движения и освобождения республики в годы Великой Отечественной войны.

«Атлас БССР» является первым опытом создания республиканских атласов.

◆ В Музее революции Латвийской ССР открылась большая выставка, посвященная 40-летию Советской Латвии и I Вселатвийского съезда Советов. На стендах демонстрируются листовки и воззвания латышских большевиков, фотографии, газеты, брошюры, книги 1919 г., когда латышский народ под руководством Коммунистической партии сверг господство иностранных интервентов и националистической буржуазии и установил Советскую власть.

Работники Музея революции проделали большую работу по выявлению участников подпольной борьбы, которую в труднейших условиях буржуазной Латвии вела Коммунистическая партия.

◆ В Центральном государственном архиве Латвийской ССР обнаружены важные исторические документы — протоколы заседаний Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии за 1917 и 1919 гг., которые до сих пор считались утраченными. Это две папки, содержащие лаконичные записи о 18 заседаниях ЦК, проходивших в книге после Февральской революции. Особый интерес представляют протоколы, характеризующие деятельность ЦК партии в январе — мае 1919 года.

◆ Вильнюсский историко-революционный музей закончил оборудование новой экспозиции, посвященной 40-летию Коммунистической партии Литвы и пролетарской революции 1918—1919 гг. в Литве. Многочисленные экспонаты представлены в разделах «Организация Коммунистической партии Литвы» и «Борьба за создание Советской власти в Литве». Здесь собраны подлинные документы, фотоснимки, репродукции и другие материалы, повествующие о деятельности первых коммунистических ячеек и органов Советской власти, созданных в различных городах и районах Литвы. Особый интерес представляют документы, снимки и другие экспонаты, отображающие подготовку и проведение I съезда Коммунистической партии и создание Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы.

◆ В 1908 г. в Вологде, в одной из частных типографий, была издана серия оригинальных почтовых открыток. На каждой из них на одной половине был помещен портрет К. Маркса, а на другой — миниатюрная брошюрка в 14 страниц, форматом 8 × 6,5 сантиметра, в которой напечатана краткая биография основоположника научного коммунизма.

В брошюрке приведены основные данные о жизни и научной деятельности К. Маркса, даны краткая аннотация и библиографический справочник произведений, которые к 1908 г. были переведены на русский язык. Биография Маркса заканчивается так: «К. Маркс умер 14 марта 1883 г., и в этом, 1908 году, пролетариат всего мира будет отмечать 25-летний юбилей со дня смерти величайшего борца за его интересы, борца за социализм...».

В том же, 1908 г. аналогичная почтовая открытка была выпущена с портретом и биографией Ф. Энгельса. Под обеими биографиями стоит подпись «К. За-нко», а издателем их являлся В. О. Жеглинский, живший с 1901 по 1911 г. под надзором полиции в Вологде, куда он был выслан царскими властями за революционную деятельность в Киеве.

Эти ценные материалы переданы областному краеведческому музею наборщиком С. В. Клыпиным, который с 1897 г. работал в типографиях Вологды.

◆ За последнее время фонды Куйбышевского музея М. В. Фрунзе пополнились новыми документами, относящимися к самарскому и ташкентскому периодам жизни и деятельности прославленного полководца. Среди этих документов несомненный интерес представляют: фотокопия с приказа № 1 от 26 апреля 1919 г., подписанного М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым, о проведении трудовой мобилизации населения Самары, листовка по поводу проведения партийной недели в ноябре 1919 г. и приветственный адрес личного состава Туркестанской дивизии, преподнесенный командиру в день его отъезда из Самары в Ташкент, 25 января 1920 года.

◆ В Иркутском областном архиве обнаружены новые материалы о последних годах жизни одного из первых революционных марксистов в России, Н. Е. Федосеева. Документы сосредоточены в деле, озаглавленном: «По предложению иркутского генерал-губернатора о высылке в Восточную Сибирь за политическое преступление в административном порядке административно-ссыльного Вологодской губернии Николая Федосеева».

В статейном списке на имя Н. Е. Федосеева, составленном 13 января 1897 г., указывается, что ему в то время было 27 лет. Как известно, уже в конце 80-х годов Н. Е. Федосеев был организатором и руководителем марксистских кружков в Казани. В одном из этих кружков участвовал и молодой Ленин. В июле 1889 г. Федосеев был арестован. Местом его сибирской ссылки был далекий Верхоленск. Из имеющегося в деле донесения верхоленского окружного исправника видно, что Федосеев прибыл туда 21 июня и тотчас же был взят под надзор полиции. В том же деле имеет-

ся рапорт верхоленского исправника о трагической гибели Н. Е. Федосеева.

◆ Публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде предпринято описание рукописных и печатных материалов по истории польского освободительного восстания 1863 года. Значительную часть собрания составляют печатные документы на польском, русском, белорусском и других языках: воззвания, постановления, распоряжения и приказы руководящих органов восстания за период с 23 августа 1862 по 12 ноября 1863 года. Большой интерес представляют отдельные экземпляры подпольной газеты на белорусском языке «Мужицкая правда».

Широко представлены и рукописные документы: материалы следственной комиссии, протоколы допросов и записки участников восстания. Среди них — перевод письма Гарибальди Зыгмунту Сераковскому.

Материалы описания войдут в многотомное издание «Документы по истории восстания 1863 года», подготовляемое академиями наук СССР и Польши.

◆ Издательство социально-экономической литературы готовит к выпуску многотомный труд одного из крупнейших историков XIX в., С. М. Соловьева, «История России с древнейших времен». Это — первое советское издание данного обобщающего исторического исследования. Ранее выпущенные издания стали уже библиографической редкостью. Пятнадцатитомное издание намечено осуществить в 1959—1962 годах.

◆ Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина на расширенном заседании ученого совета отметила 375 лет со дня смерти основателя русского и украинского книгопечатания Ивана Федорова. В библиотеке открылась интересная выставка о первопечатнике. На стендах представлены редчайшие памятники типографского искусства XVI века. На отдельных витринах можно увидеть рукописные книги первой половины XVI в., предшествовавшие печатным изданиям.

◆ Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина приобрела рукописный сборник в ветхом кожаном переплете. Среди поучений и статей из «Великого Зерцала» в книге оказалось описание стрелецкого бунта, вспыхнувшего при Петре I. Участник и очевидец этих событий Савва Романов привел многие факты, неизвестные советским историкам.

◆ В январе 1959 г. исполнилось 250 лет со дня основания Центрального военно-морского музея. В ознаменование этого события Монетный двор в Ленинграде начал изготовление памятной бронзовой медали.

◆ Недавно советским исследователям удалось обнаружить в архивах Москвы и Ленинграда неизвестные документы, относящиеся к первому плаванию русских мореходов в Тихий океан. Ленинградский историк Б. П. Полевой на заседании Отделения истории географических знаний Географического общества СССР сделал доклад о найденных документах. Первый поход русских мореплавателей был совершен 1 октября 1639 года. На своих судах с вышли из устья реки Ульи, добрались реки Охоты и вернулись обратно. По этого русские казаки пришли к выводу, для плавания по бурному Охотскому мо нужно строить большие суда — кочи. мой 1639—1640 г. были построены два ких судна. На них в апреле 1640 г. под ководством Ивана Москвитина было сов шено еще одно плавание в Тихий оке Во время этого похода мореплаватели крыли не только Шантарские острова, но как теперь выяснилось, остров Сахалин.

Московским историком Яковлевым об ружены материалы, позволяющие уточни состав экспедиции, проследить судьбы м гих ее участников. Самой замечательн находкой являются так называемые «Р спросные речи Ивана Москвитина и Дм рия Копылова», относящиеся к 1646 го Они содержат интереснейшие расска землепроходцев и много новых сведений первых походах русских мореплавателей Тихом океане.

◆ В отдел рукописей Публичной библи теки имени М. Е. Салтыкова-Щедри (Ленинград) поступил дневник капита военного транспорта «Байкал» Н. И. Ш рыпова, участника Амурской экспедиц под руководством выдающегося исследов теля Г. И. Невельского. «Байкал» был пе вым парусным судном экспедиции, проше шим в 1854 г. Татарский пролив и устан вившим фарватер Амура.

◆ Самаркандский республиканский м зей искусства и культуры узбекского нар да получил в подарок от А. И. Исхако инкрустированный тыквенный сосуд, покр тый китайскими иероглифами. Сосуд мно десятков лет сохранялся в доме А. И. Исх кова, куда попал к его родителям из Кита Научные работники Эрмитажа, куда бы послано описание сосуда, подтвердили е ценность. Когда в Самарканде проезд побывал профессор Пекинского институ этнографии Фэн Цзя-шэн, он по прось сотрудников Самаркандского музея ра шифровал нанесенные на тыквенный сос иероглифы и графические знаки. По слова Фэн Цзя-шэна, тыквенные сосуды в стар ну считались в Китае символом долгол тия. Сосуд инкрустирован в 1801 году. Э устанавливается надписью «Шестой г правления императора Цзянцина», что со ветствует 1801 году. На сосуде изображе буддийские святые и солнце.

◆ В 1714 г. русский флот под команд ванием Петра I одержал у Гангу блестящую победу. В память этого в игранного у шведов сражения были учре дены медали. Одну из таких медалей давно получил Центральный музей Каза стана от школьников Бориса Россихина Вадима Баева, нашедших ее в земле. лицевой стороне медали изображена голо Петра I, увенчанная лавровым венком, а оборотной стороне вычеканена панора Гангутского боя и выбита надпись «Пр лежание и смелость превосходить сильн Июля 27 дня 1714 года».

СОРОКАЛЕТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПОЛЬШИ

Сорок лет назад, 16 декабря 1918 г., была создана Коммунистическая партия Польши (КПП). Этой знаменательной дате в истории польского рабочего движения посвящены тезисы ЦК Польской объединенной рабочей партии «К 40-летию Коммунистической партии Польши»[1]. Тезисы раскрывают историческое значение деятельности КПП, анализируют опыт ее борьбы в условиях буржуазно-помещичьего режима, показывают источники силы КПП и роль идейного наследства партии для борьбы польских трудящихся, строящих социализм. В тезисах говорится, что история КПП является неразрывной частью истории польского народа. В течение двадцати лет эта революционная партия рабочего класса в тяжелых условиях возглавляла борьбу народных масс против буржуазно-помещичьего гнета и эксплуатации. КПП была единственной последовательно революционной партией, защищавшей коренные интересы пролетариев и всех трудящихся масс Польши.

1918 год, когда возникла КПП, был для Польши годом исторического перелома. Страна, разорванная еще в конце XVIII в. на три части, получила независимость. Великая Октябрьская социалистическая революция провозгласила право польского народа на самостоятельное государственное существование. Таким образом, ход исторических событий показал бесплодность буржуазных концепций разрешения польского национального вопроса. Эпоха пролетарских революций и социальных битв, началом которой была победа Октябрьской революции, привела к образованию во многих странах коммунистических партий. На этой волне, одной из первых охватившей Польшу, произошло объединение двух революционных марксистских рабочих партий: СДКПиЛ и ППС-левицы,— возникла Коммунистическая рабочая партия Польши. Во главе ее стали испытанные руководители польского рабочего движения А. Варский, М. Кошутская (Костшева), Ф. Гжельщак, С. Круликовский и др. Платформой объединения обеих партий была программа борьбы за диктатуру пролетариата и победу социализма в Польше.

Рабочий класс Польши имел уже опыт славных боев 1905 года. В 1918 г. во многих центрах страны возникли Советы рабочих депутатов, в Домбровском бассейне была создана Красная гвардия. В этих условиях встал вопрос о том, в чьи руки перейдет власть в стране. КПП была тогда единственной партией, которая вела борьбу за власть рабочего класса. В то же время ППС выступала против революционного движения масс, шла на соглашение с буржуазией, содействовала установлению в Польше буржуазной власти во главе с Пилсудским.

Далее в тезисах дается анализ ошибок КПП в период образования независимой Польши. Неправильной была теория, разделяемая как СДКПиЛ, так и ППС-левицей, об одновременной победе социалистической революции в европейском масштабе, благодаря чему якобы должны были исчезнуть всякие государственные границы и тем самым была бы разрешена проблема национального освобождения. Кроме того, КПП недооценивала значение таких важных вопросов, как национальное освобождение и воссоединение польских земель в едином независимом государстве, установление демократических свобод, проведение социальных реформ (в первую очередь аграрной). Однако «социалистическая революция в Польше,— как указывают тезисы ЦК ПОРП,— могла наступить лишь в результате развития классовой борьбы под руководством пролетариата за осуществление основных задач революционно-демократического характера». КПП тогда еще не учитывала полностью необходимость соединения в один революционный поток патриотических и демократических требований широких слоев польского народа с классовыми стремлениями пролетариата и крестьянства.

[1] Газета «Trybuna Ludu», 11 декабря 1958 г.; журнал «Nowe Drogi», 1958, № 12.

Объективная расстановка классовых сил, буржуазно-демократические иллюзии основной части рабочих, крестьян и интеллигенции, связанные с созданием независимого государства, соглашательская политика ППС и крестьянских партий, усиливавшая эти иллюзии,— все это привело к тому, что польской буржуазии удалось не только захватить власть, но и удержать ее в своих руках. Серьезное значение при этом сыграла поддержка польской буржуазии международным капиталом, который стремился превратить Польшу в свой форпост на западных границах Советской России. Восстановление независимости было исторической победой польского народа. Оно было куплено дорогой ценой крови, пролитой в борьбе за национальное и социальное освобождение, в совместных с русским пролетариатом боях против царской тирании.

Поскольку власть буржуазии и помещиков в Польше устанавливалась в условиях ожесточенной борьбы против нее пролетариата, возглавленного коммунистами, правящие классы вынуждены были пойти на ряд уступок (8-часовой рабочий день, социальное обеспечение, право создания профсоюзов, обещание аграрной реформы и т. п.). Когда революционная волна спала, буржуазия признала ненужным дальнейшее существование так называемого «народного правительства» под эгидой ППС и передала власть явно реакционным партиям. В создавшихся новых условиях КПП повела решительную борьбу против антинародной политики имущих классов.

«Возникновение КПП,— отмечают тезисы,— было началом нового этапа в истории польского революционного рабочего движения. КПП, которая восприняла героические традиции предыдущих поколений борцов за свободу и социализм, обогатила польское революционное рабочее движение новыми идеями, вытекающими из опыта международного движения, и прежде всего из опыта партии большевиков и совершенной под ее руководством первой победоносной пролетарской революции,— идеями ленинизма». КПП стала боевым авангардом польского пролетариата в борьбе против буржуазно-помещичьего строя, за революционный союз рабочих и крестьян.

Имущие классы, которые правили Польшей свыше двадцати лет, оказались неспособными разрешить основные социально-экономические проблемы, стоявшие перед страной. Они не сумели вырвать Польшу из состояния хронического хозяйственного застоя и повысить уровень развития ее производительных сил. Политика буржуазных правительств, которая вела к подчинению польской экономики иностранному капиталу, являлась серьезным препятствием для развития страны. Польская буржуазия сохранила и старый аграрный строй, при котором ⅔ земли оставались в руках помещиков, в то время как миллионы безземельных и малоземельных крестьян задыхались от земельного голода. Развитие экономики Польши тормозилось монополиями, грабившими страну и жестоко эксплуатировавшими народные массы. Государственный бюджет страны в значительной степени расходовался на непроизводительные цели, в том числе на покрытие процентов и платежей иностранным кредиторам. Кризисы и хозяйственная депрессия носили очень острый и затяжной характер. В результате за двадцать лет своего существования буржуазно-помещичья Польша по ряду ключевых отраслей промышленности (уголь, железо, сталь) так и не достигла уровня производства 1913 года. Кроме развития некоторых отраслей народного хозяйства, общий уровень производства, занятости и материального положения рабочего класса и крестьянства был на протяжении всего двадцатилетия чрезвычайно низким по сравнению с большинством европейских государств. В стране свирепствовала безработица.

КПП, которая указывала, что свержение капитализма и строительство социализма в Польше откроют перед нею перспективу всестороннего развития, была тогда единственной партией, выдвинувшей программу выведения страны из хозяйственного тупика. Польские коммунисты добивались передачи помещичьей собственности крестьянам, радикального изменения хозяйственных связей с заграницей с тем, чтобы избавить свою родину от иностранной зависимости и вступить в тесное экономическое сотрудничество с СССР. Для реализации этих требований КПП призывала трудящихся к борьбе с буржуазным правительством, стоявшим на страже интересов помещиков и крупного капитала, с самого начала враждебно относившихся к Советскому Союзу.

Уже в первые месяцы существования независимой Польши правительство Пилсудского толкнуло страну на войну с Советской Россией, несмотря на то, что именно Советское правительство немедленно признало независимость Польши и неоднократно предлагало мирным путем урегулиро-

вать польско-советские отношения. Антисоветская политика стала с тех пор ведущей линией всей внешней политики Польши вплоть до 1939 г.; она не только ставила Польшу в зависимость от великих империалистических держав Запада, но и усиливала реакционные тенденции внутри страны. В состав буржуазно-помещичьей Польши вошли в 1918 г. западные области Украины и Белоруссии, население которых подвергалось эксплуатации и угнетению со стороны польских магнатов и капиталистов, что привело к усилению национально-освободительной борьбы в этих районах.

В отличие от пилсудчиков и эндеков, проводивших антисоветскую политику, а также главарей ППС и крестьянских партий, поддерживавших эту политику, КПП была единственной партией, которая противостояла агрессивной войне с Советской Россией, а затем постоянно разоблачала пагубную для Польши антисоветскую политику. КПП указывала, что сотрудничество Польши с Советским Союзом явилось бы для нее действительной гарантией против экспансии возрождающегося германского империализма, поддерживаемого Англией и США.

Реакционная внутренняя и агрессивная внешняя политика буржуазных правительств служила причиной постоянного крайне напряженного положения в Польше. Она была страной непрерывного массового рабочего и антипомещичьего, крестьянского, а также национально-освободительного движения. В этих условиях буржуазные правительства искали выход в ограничении и ликвидации демократических завоеваний, достигнутых народными массами в 1918—1919 гг. и признанных мартовской конституцией 1921 года. Преследование КПП и связанных с нею революционных и прогрессивных организаций стало постоянным элементом внутренней политики правящих кругов Польши.

Пока у власти были эндеки, руководители ППС и других близких ей группировок иногда критиковали правительство. Но, по сути дела, они оставались на соглашательских позициях, тормозили борьбу масс, как это было осенью 1923 г. во время Краковского восстания, а в 1925 г. пошли даже на создание правительства совместно с эндеками. Зато к КПП они неизменно проявляли враждебное отношение. Только КПП последовательно выступала против реакционной политики всех буржуазно-помещичьих правительств и стояла во главе борьбы масс, достигшей особенной остроты во время тяжелого кризиса 1923 года. В этот период КПП выдвинула на своем II съезде такую платформу, которая отвечала коренным интересам рабочих и крестьян, всех трудящихся страны. КПП выступила за создание союза рабочего класса и крестьянства, за ликвидацию помещичьего землевладения, за право наций на самоопределение, за коренное изменение внешней политики Польши. Все эти требования, указывала КПП, могли быть осуществлены путем создания рабоче-крестьянского правительства. Тезисы ЦК ПОРП подчеркивают, что лозунги КПП являлись результатом творческого применения ленинской революционной стратегии для анализа польской действительности.

Деятельность КПП снискивала ей все более широкое признание в рабочем классе, а также среди крестьян и интеллигенции. На сторону КПП переходили истинно революционные силы из ППС и других партий и политических группировок, она завоевала симпатии и поддержку многих выдающихся, передовых представителей польской науки и искусства. Решительная борьба за передачу земли крестьянам, которую вела КПП, оказала серьезное влияние на радикализацию крестьянских партий. В результате этого возникла революционная партия сельской бедноты — Независимая крестьянская партия (1924—1927 гг.), которая тесно сотрудничала с КПП. Работа, проводимая автономными организациями КПП — Коммунистической партией Западной Белоруссии (КПЗБ) и Коммунистической партией Западной Украины (КПЗУ),— оказывала глубокое воздействие на политическую жизнь этих областей. Здесь возникли массовые организации: «Белорусская рабоче-крестьянская громада» (1925—1927 гг.) и «Сельроб» (1926—1929 гг.),— которые работали под руководством коммунистов.

Борьба против наступления реакции в 1921—1926 гг., за демократизацию жизни в стране не дала ожидаемых результатов. Главари ППС и «Вызволене» в борьбе с реакцией, отвергая сотрудничество, предлагаемое КПП, искали опору в пилсудчине, расчищая ей дорогу к власти. Пилсудчики — представители той части буржуазии и помещиков, которая стремилась к установлению в Польше диктатуры фашистского типа. Санационная диктатура, установленная в мае 1926 г. после переворота, совершенного Пилсудским, усилила наступление буржуазии и помещиков на трудящиеся

массы, на КПП и связанные с нею революционные организации. Буржуазно-демократическая мартовская конституция 1921 г. была заменена в 1935 г. конституцией фашистского типа. Внешняя политика Польши была связана тогда с наиболее антисоветскими силами капиталистического мира. Результатом этого курса была изоляция Польши в момент гитлеровского нападения и национальная катастрофа в сентябре 1939 года.

Когда Пилсудский начал все сильнее ограничивать парламентскую систему и добился раскола в рядах ППС и крестьянских партий, последние от поддержки санации перешли к оппозиции, создав в 1929 г. блок «Центролев», выступавший под лозунгом восстановления парламентского режима. Но «Центролев», оторванный от масс, был быстро ликвидирован санационным правительством. КПП разоблачила фашистский характер майского переворота и заняла позицию решительной борьбы за свержение санационной диктатуры. С тех пор она неустанно организовывала многочисленные стачки и боевые выступления рабочих и крестьян в защиту жизненных интересов народа. Эту борьбу КПП вела, опираясь на Коммунистический союз молодежи, левые профсоюзы и левые элементы в других профессиональных организациях трудящихся. Она проводила ее через свою фракцию в сейме, через партийную прессу. На выборах в сейм 1928 г., несмотря на репрессии и аннулирование революционных списков в ряде округов, за эти списки было подано около миллиона голосов. В годы кризиса (1929—1933 гг.), когда страна стояла перед лицом разрухи, КПП выступала как наиболее энергичный и решительный защитник интересов масс. Коммунисты организовали боевые стачки варшавских трамвайщиков, горняков Домбровского бассейна, лодзинских и белостокских текстильщиков, «оккупационные» забастовки, которые получили во всем мире название «польских забастовок». Коммунисты стали также во главе многочисленных крестьянских выступлений.

Сложившаяся в тот период политическая ситуация поставила на повестку дня вопрос о необходимости единства действий всех оппозиционных санации сил. Однако эта задача тогда не была в надлежащей степени оценена КПП, над которой тяготели, между прочим, односторонний, сектантский подход к оценке «Центролева» и отсутствие терпеливости в борьбе за создание единого антифашистского фронта.

Далее в тезисах ЦК ПОРП подробно охарактеризована деятельность КПП по сплочению всех антифашистских сил в Народный фронт. Гитлеровский переворот в Германии, дальнейшая фашизация Польши и заключение ею в январе 1934 г. пакта с Германией создали новую ситуацию в стране. В этих условиях КПП стала инициатором объединения патриотических и демократических сил вокруг рабочего класса для совместной борьбы против фашизма, в защиту мира и независимости Польши. Центральный Комитет КПП, во главе которого стояли тогда Ю. Леньский, Э. Прухняк, Я. Пашин, Б. Бортновский, выработал программу Народного фронта, включающую требование разрыва с гитлеровской Германией, заключения союза с СССР и другими миролюбивыми государствами с целью организации системы коллективной безопасности и предупреждения агрессии. Одновременно КПП указывала, что только свержение санационного режима и уничтожение фашизма сплоченными вокруг рабочего класса силами демократии могут спасти Польшу от грозящей ей катастрофы. КПП выдвинула лозунг создания правительства Народного фронта.

Лозунг единства действий, провозглашенный коммунистами, подхватили многие рабочие — члены ППС. В ППС образовалось левое крыло, создававшее единый фронт с коммунистами. За сотрудничество демократических сил высказались тысячи крестьян-людовцев, ряд политических деятелей, представители науки, литературы и искусства. Под этим лозунгом по инициативе Коммунистического союза молодежи благодаря поддержке передовых молодежных организаций создавался Фронт молодого поколения. В стране нарастала волна народного гнева. 65% избирателей бойкотировали выборы в сейм в 1935 году. В 1936 г. антифашистское движение в городах и промышленных центрах достигло чрезвычайно большого размаха. Совместные первомайские демонстрации и действия коммунистов и социалистов при выборах в городской совет Лодзи, антифашистский конгресс в защиту культуры во Львове, мощные крестьянские выступления 1936—1937 гг. показали огромные возможности совместной борьбы трудящихся с санацией, за власть народа.

Однако санационная клика, располагавшая мощным аппаратом насилия, сумела удержаться у власти. Это облегчала ей в немалой степени позиция правых главарей

ППС и Стронництва Людового. В момент наибольшей угрозы судьбам народа они еще раз обнаружили то, что характеризовало их всегда: глубоко укоренившийся оппортунизм и соглашательство в отношении ярых врагов трудящегося народа и одновременно непримиримая враждебность в отношении революционных представителей и защитников народа — коммунистов. Покинутая своими правителями и преданная западными великими державами слабая и одинокая Польша в сентябре 1939 г. пала под ударами фашистской Германии. Однако выдвинутые КПП лозунги Народного фронта глубоко запали в сердца рабочих и крестьян, подготовили почву для их совместной борьбы в период гитлеровской оккупации.

В тезисах ЦК ПОРП характеризуются обстоятельства, приведшие к роспуску КПП: «Летом 1938 г. деятельность КПП была прервана. В атмосфере, созданной искривлениями, связанными с культом личности, Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала поверил фальшивым обвинениям, что в КПП вражеская агентура широко проникла в ряды руководящего партийного актива; КПП была распущена. Польскому рабочему движению был нанесен тяжкий удар. В новой ситуации, которую создал XX съезд КПСС, Центральные комитеты пяти коммунистических партий: КПСС, КП Италии, КП Болгарии, КП Финляндии и ПОРП — подтвердили в своем заявлении в марте 1956 г., что роспуск КПП был необоснованным, опиравшимся на фальшивые обвинения». После роспуска КПП польские коммунисты не сложили оружия. Они продолжали бороться во имя интересов рабочего класса и польского народа. Они создали в период гитлеровской оккупации первые боевые организации, из которых возникла Польская рабочая партия (ППР) — продолжательница дела КПП. Из рядов КПП вышли руководители и выдающиеся деятели ППР М. Новотко, П. Финдер, В. Гомулка, Б. Берут и др.

В тезисах ЦК ПОРП тщательно анализируются источники силы КПП. Польским коммунистам нужна была безграничная сила, чтобы неустанно выполнять свою историческую миссию. Эту силу они черпали в любви к своему народу, в преданности делу рабочего класса, из среды которого они вышли. Они черпали силу в глубокой уверенности в правильности и неизбежности победы идей коммунизма. В своей работе они вдохновлялись боевыми традициями польского революционного и рабочего движения. Свою силу они черпали в идеях победоносной Октябрьской революции и успехах первой в мире страны социализма — Советского Союза и его славной ленинской партии. Уверенность в своей грядущей победе черпали польские коммунисты в пролетарской солидарности со всеми революционными и освободительными движениями на земле, в преданности идеям пролетарского интернационализма. Источником силы КПП был непрерывный приток в ее ряды лучших сынов рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. КПП имела многочисленные руководящие кадры, выросшие и закаленные в долголетней революционной борьбе, своих революционных трибунов — коммунистических депутатов сейма, выдающихся профсоюзных деятелей. КПП воспитала целую плеяду героев, бесстрашно шедших на смерть за дело партии. Из ее рядов вышли многие героические борцы с фашизмом, за свободу и независимость Польши.

Убедительным свидетельством силы идейного и политического влияния КПП было то, что эта партия на протяжении целого двадцатилетия была инициатором массового движения, хотя сама она оставалась численно небольшой, не превышавшей нескольких тысяч членов. Каждые несколько месяцев организации КПП подвергались разгрому, но на место одних борцов приходили другие, и ничто не могло парализовать революционную деятельность партии. Буржуазия и ее правительства не могли уничтожить КПП, как не могли они уничтожить революционного сознания рабочего класса, сломить неотразимое стремление миллионов людей труда к тому, чтобы поставить Польшу на путь социализма.

Специальный раздел тезисов ЦК ПОРП посвящен анализу идеологического наследства КПП. Здесь говорится об огромном вкладе КПП в историю борьбы и развития революционной мысли польского рабочего движения. Идеология КПП, формировавшаяся в ходе борьбы рабочего класса, опиралась на ленинизм, являющийся развитием марксизма в новую историческую эпоху. КПП унаследовала от польского революционного рабочего движения свой глубокий интернационализм. Она была одной из основательниц Коммунистического Интернационала и одним из самых боевых его отрядов. Уже в момент своего возникновения КПП выдвинула программный

лозунг диктатуры пролетариата, встала на сторону Октябрьской революции, признала историческое значение пути, указанного пролетариатом России и его ленинской партией рабочему классу всего мира. Она всегда считала также защиту первой страны социализма от враждебных ей сил своим наивысшим интернациональным долгом.

Опыт революционной борьбы 1918—1923 гг. послужил для КПП основой для выработки программы, которая была применением принципов марксизма-ленинизма к тогдашним социально-экономическим и политическим условиям Польши. Выработав новую аграрную программу, КПП сделала решительный шаг к ликвидации обособленности революционного рабочего движения от крестьянского. КПП была первой партией в Польше, перекинувшей мост между этими движениями, выступившей за создание союза рабочих и крестьян под руководством пролетариата в борьбе с влиянием буржуазии и аграрными теориями правого крыла крестьянского движения. КПП выдвинула лозунг рабоче-крестьянского правительства, как единственной власти, способной путем революционных преобразований разрешить противоречия, делавшие невозможным дальнейшее социально-экономическое развитие Польши. КПП была единственной партией, которая предостерегала, что власть буржуазии в Польше является смертельной опасностью для независимости страны. КПП провозгласила, что революционный польский пролетариат должен выступить на историческую арену не только как защитник своих собственных интересов, но и как представитель всего народа. КПП полностью осознавала, что новый период истории выдвинул в качестве основного противоречия в мировом масштабе противоречие двух систем: капиталистической и социалистической,— указывала, что вступление Польши на путь социализма совпадает с ее национальными чаяниями. Прочное обеспечение интересов польского народа, его независимости и развития она видела в союзе с СССР и социалистическими силами в других странах. Эти идеи нашли свое выражение в решениях II съезда КПП в 1923 году.

Правильность указанной программы была полностью подтверждена всем ходом истории. Ведя последовательную борьбу с буржуазной идеологией и реформизмом, КПП могла успешно преодолевать ошибки оппортунистического типа в своей деятельности. Однако, как указано в тезисах ЦК ПОРП, «КПП была не вполне устойчива от тенденций, с которыми Ленин боролся в международном коммунистическом движении, называя их «детской болезнью левизны». КПП была склонна преувеличивать объективные возможности развития революционного движения, субъективно оценивать степень зрелости рабочих и особенно непролетарских слоев к борьбе за программу, выдвинутую коммунистами. Следствием этого была ожесточенная фракционная борьба в КПП, происходившая после ее II съезда. Внутрипартийная борьба ослабляла КПП, усиливала сектантские тенденции, что затрудняло работу коммунистов по созданию единого фронта в рабочем движении.

Глубоко правильный лозунг единого фронта КПП выдвинула уже в 1922 году. Только враждебное отношение правого руководства ППС к коммунистам сделало невозможным объединение сил рабочего класса. Продолжением творческой линии II съезда КПП и ее развитием в новой ситуации была политика партии в период ее борьбы за Народный фронт в Польше. Эту работу по сплочению всех демократических сил продолжила в годы гитлеровской оккупации Польская рабочая партия.

Далее в тезисах ЦК ПОРП говорится: «КПП завещала нам в наследство программные задачи коммунистического движения: установление власти рабочих и крестьян под руководством партии революционного пролетариата; строительство социализма в Польше путем революционных общественных преобразований, аграрной реформы, национализации промышленности, социалистической индустриализации страны, постепенной социалистической перестройки деревни и культурной революции; опора политики независимого Польского государства на прочный союз и сотрудничество с Советским Союзом и на солидарность со всеми силами социализма на свете».

После сентябрьской катастрофы 1939 г., показавшей народу полное банкротство буржуазии, стала особенно ясной необходимость коренным образом изменить судьбы страны после победы над фашизмом. Ни одна из партий, действовавших в период гитлеровской оккупации внутри страны и в эмиграции, начиная от санации и эндеков и кончая правой ППС и Стронництвом Людовым, не была способна указать путь возрождения Польши. Такую

программу выработало лишь польское коммунистическое движение и его представительница — Польская рабочая партия.

Героическая борьба ППР и сотрудничавших с нею демократических групп левых социалистов и людовцев в период гитлеровской оккупации была увенчана победой — установлением в Польше народной власти. Эта победа была достигнута благодаря освободительному походу Советской Армии и разгрому фашизма общими силами народов. Так через двадцать шесть лет после образования КПП ее дело и ее идеи победили.

Последний раздел тезисов ЦК ПОРП посвящен продолжательнице славного дела Коммунистической партии Польши — Польской объединенной рабочей партии. Пятнадцать лет существования и развития Польской Народной Республики со всей ясностью показывают значение наследства КПП в истории польского рабочего движения. История подтвердила правоту польских коммунистов. Идеи КПП, воспринятые ППР, выдержали испытания жизни и проложили Польше дорогу к освобождению и возрождению на новых основах как рабоче-крестьянского государства. Эти идеи в новой исторической ситуации в народной Польше были развиты и претворены в действительность сначала ППР, действовавшей в едином фронте с возрожденной ППС, а затем Польской объединенной рабочей партией.

В современной Польше воплощена в жизнь идея диктатуры пролетариата в форме народной демократии. Государственная власть в стране опирается на сотрудничество рабочей партии со Стронництвом Людовым и Стронництвом Демократичным; осуществлены важнейшие социалистические преобразования в народном хозяйстве. Польша ныне по всем основным показателям превысила средний мировой уровень. Впервые страна получила прочные и нерушимые границы, ее соседями являются дружественные страны социалистического лагеря. Ныне народная Польша — неотъемлемая часть мирового социалистического лагеря. Быстрый прогресс во всех областях хозяйства и культуры в народной Польше был достигнут в результате огромных усилий рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, в борьбе с реакционными элементами и всем, что тянет страну назад. Решающим фактором социалистического развития Польши, руководителем масс, ведущей силой государства и Фронта единства народа является Польская объединенная рабочая партия. «40-я годовщина образования КПП,— отмечают тезисы ЦК ПОРП,— совпадает с другой важной датой — с десятилетием объединения польского рабочего движения — слиянием ППР и ППС в Польскую объединенную рабочую партию. ППР последовательно реализовала политику единого фронта рабочего класса». Возрожденная после разгрома фашизма Польская социалистическая партия под влиянием марксистско-ленинской программы ППР в ходе борьбы за народно-демократический строй шаг за шагом приближалась к марксизму. «Это позволило в течение нескольких лет ликвидировать существовавший более полувека раскол в польском рабочем движении. Этот переломный акт был выражением победы революционного течения и его марксистско-ленинской идеологии, осуществлением стремлений КПП и левого крыла ППС, которые всегда в единстве действий рабочего класса видели источник его силы».

Руководя строительством социализма в стране, ПОРП успешно преодолевала все трудности. Ее заслугой является то, что она сумела преодолеть в 1956 г. сектантско-догматические искривления в своей работе, ослаблявшие ее связи с трудящимися. Политика, выработанная VIII пленумом ЦК ПОРП, позволила не только упрочить, но и расширить доверие масс к партии, создать благоприятные условия для более быстрого движения страны по пути социализма. В борьбе с ревизионизмом как основной опасностью на нынешнем этапе рабочего движения, а также в борьбе с догматизмом ПОРП еще теснее сплотила свои ряды. Верность идеям пролетарского интернационализма ПОРП подтвердила своим участием в выработке Декларации 12 партий и Манифеста мира на ноябрьском совещании в Москве в 1957 году.

В заключение тезисы ЦК ПОРП указывают, что реализация задач, содержащихся в директивах развития народной Польши на ближайшее семилетие (1959—1965 гг.), приблизит окончательную победу социалистического строя в Польше и полное осуществление идей, за которые боролась Коммунистическая партия Польши.

★

40-летие КПП широко отмечалось в Польской Народной Республике. В декабре 1958 — январе 1959 г. по всей стране проходили партийные активы, торжественные

пленумы воеводских комитетов ПОРП и собрания трудящихся, специальные сессии местных народных Советов, многотысячные митинги и встречи с участием старых деятелей КПП, КПЗУ, КПЗБ, а также революционного крестьянского движения. Во многих городах были открыты мемориальные доски в память важнейших событий польского рабочего движения, и в частности Советов рабочих депутатов, возникавших и действовавших в промышленных центрах Польши в 1918—1919 годах. Состоялось также возложение венков на могилы революционеров. В ряде городов Польши в торжествах по случаю 40-летия КПП принимали участие партийные делегации из Германской Демократической Республики, УССР и БССР.

Государственный совет Польской Народной Республики в ознаменование 40-й годовщины со дня возникновения КПП наградил орденами многих ветеранов польского революционного рабочего и крестьянского движения.

16 декабря 1958 г. в Варшаве, в зале конгрессов Дворца культуры и науки, состоялось торжественное собрание, на котором с докладом выступил Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ В. Гомулка. Основную часть своего доклада он посвятил характеристике главных этапов деятельности КПП и ее революционному наследству. На заседании с приветственными речами выступили: член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян, член Политбюро ЦК КПЧ И. Гендрих, член Политбюро ЦК СЕПГ Г. Варнке, а также представитель Коммунистической партии Германии. Кроме того, в адрес ЦК ПОРП по случаю 40-й годовщины КПП поступили приветствия от коммунистических и рабочих партий многих стран.

В связи с 40-летием КПП почти во всех воеводских центрах Польши были открыты выставки, посвященные этой знаменательной дате. На выставках представлены многочисленные документы и материалы, отображающие события польского революционного движения и в первую очередь деятельность КПП. На выставке «40 лет КПП», открытой в Варшаве 16 декабря 1958 г. в недавно созданном Музее истории польского революционного движения, широко представлены транспаранты, фотографии демонстраций, документы, карты с указанием мест, где были организованы Советы рабочих депутатов, а также происходили крестьянские выступления. Специальный раздел выставки рассказывает об участии поляков в защите республиканской Испании (1936—1939 гг.). Отдельный наиболее интересный зал выставки — зал «Красной помощи» — посвящен политзаключенным. На выставке представлены также документы о деятельности коммунистов в сейме буржуазно-помещичьей Польши, рукописи известных деятелей науки, литераторов и публицистов, поддерживавших Коммунистическую партию Польши в ее борьбе.

Газеты и журналы народно-демократической Польши отметили славную годовщину публикацией статей, воспоминаний и т. д. Среди материалов, связанных с историей борьбы КПП, напечатанных в газете «Trybuna Ludu» от 16 декабря 1958 г., были приведены сведения о количестве политзаключенных в буржуазно-помещичьей Польше (в подавляющем большинстве имн были коммунисты). Если к началу сентября 1924 г. их число достигало 6 тыс., то к февралю 1935 г. оно возросло до 16 тыс человек.

В связи с 40-летием КПП очередной (4-й) номер квартальника «Z pola walki» (посвященного истории рабочего движения) опубликовал ряд статей, имеющих большой научный интерес. Журнал открывается вступительной статьей Первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки «В 40-ю годовщину образования Коммунистической партии Польши». Возрождение польской государственности, указывает В. Гомулка, стало возможным благодаря Октябрьской революции, благодаря усилению антиимпериалистических сил на международной арене и в самой Польше. В буржуазно-помещичьей Польше, пишет далее автор, существовали реформистские и буржуазно-демократические партии, критиковавшие реакцию и фашизм, но неспособные вести решительную борьбу против капитализма, за социализм. «Единственной партией, которая со всей последовательностью стремилась к этому, была Коммунистическая партия Польши. Представляя наиболее передовые социальные требования польского пролетариата, она олицетворяла силы, от победы которых зависело будущее Польши. В этом заключалась ее историческая роль».

В обширной статье Ю. Ковальского «К вопросу об идеологическом развитии КРПП в 1918—1923 годах» рассматриваются основные этапы деятельности КПП в период от ее возникновения до II съезда, сделавшего большой шаг вперед по пути

преодоления люксембургианских ошибок и усвоения партией ленинской стратегии и тактики. Из сообщений, напечатанных в журнале (Ф. Светликова «Образование Коммунистической рабочей партии Польши»; А. Гвиждж «Коммунистическая фракция в польских буржуазных сеймах 1921—1935 гг.»), привлекает внимание работа А. Гвиджа, повествующая о героической борьбе, которую вели в сейме представители КПП. В этом же номере журнала помещены списки членов и кандидатов в члены ЦК КПП, избранных на ее съездах, фотоснимки III—VI съездов КПП, воспоминания старых деятелей КПП Я. Гутовского и К. Марианьского о первых месяцах деятельности Коммунистической партии Польши. Кроме того, в журнале опубликованы протоколы II съезда КПП, биографии некоторых ее руководящих деятелей (Э. Прухняка, М. Горвица-Г. Валецкого, Ю. Лещиньского-Леньского, Я. Пашина) и другие материалы, касающиеся истории борьбы польских коммунистов.

40-летию КПП был посвящен в Польской Народной Республике также ряд научных сессий. В Ольштыне 3 декабря состоялась научная сессия, организованная воеводским комитетом ПОРП, местным архивом и обществом историков, на которой был заслушан доклад «ППР в борьбе за упрочение народной власти в Вармии и Мазурах». 6—7 декабря в Катовице проходила научная сессия, организованная воеводским комитетом ПОРП, в которой приняло участие свыше двухсот научных и партийных работников, старых деятелей КПП и учителей. С докладом о 40-летии КПП выступил зам. директора Института истории партии при ЦК ПОРП Ю. Ковальский. На сессии был также зачитан доклад С. Поправского и А. Калужи о деятельности Советов рабочих депутатов Домбровского бассейна. 11 декабря в Жирардове, известном своими славными боевыми традициями, на научной сессии был заслушан доклад Зволиньского «Возникновение и деятельность КПП в Жирардове в 1918—1919 гг.». В Замостье 13 декабря проходила научная сессия, посвященная 40-летию восстания в Замостье (28 декабря 1918 г.), на которой присутствовали участники этого восстания и старые деятели КПП.

19 декабря 1958 г. в Варшаве состоялась научная сессия, организованная Институтом истории партии при ЦК ПОРП. В ней участвовали историки рабочего движения, актив научных журналов, старые деятели КПП, КПЗБ и КПЗУ. Основные исследовательские проблемы истории КПП осветил в своем докладе Ю. Ковальский. На сессии были заслушаны интересные доклады и сообщения («Проблемы истории предшественниц КПП — СДКПиЛ и ППС-левицы в 1914—1918 гг.»; «Советы рабочих депутатов в Польше»; «Развитие взглядов по аграрному вопросу в КПП в 1918—1923 гг.»; «Организационная структура КПП в 1918—1923 гг.»; «Начало деятельности КПП в войсках в 1918—1920 гг.»; «Стачечная борьба текстильщиков Лодзинского округа в 1923—1933 гг.»; «Проблемы крестьянских стачек 30-х годов» и др.).

Плодотворную работу по изучению польского рабочего движения ведут сотрудники Института истории партии при ЦК ПОРП. Передача этому институту ряда важных материалов, находившихся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (протоколы съездов и конференций КПП, корреспонденция ее руководящих деятелей, материалы пленумов ЦК КПП) позволила польским историкам усилить внимание к изучению деятельности КПП. В 1958 г. велись преимущественно работы по исследованию первых лет деятельности КПП (1918—1923 гг.), был издан двухтомник сочинений одного из основателей и руководителей КПП, А. Варского. В настоящее время в институте создается многотомная история польского рабочего движения со времени его зарождения до основания в 1942 г. Польской рабочей партии, а также подготавливается ряд публикаций документов.

Празднование 40-летия КПП проходило в Польской Народной Республике под знаком подготовки к III съезду ПОРП, под лозунгом дальнейшего укрепления сотрудничества с коммунистическими и рабочими партиями и народами всех стран социалистического лагеря и прежде всего упрочения польско-советской дружбы на основе идей пролетарского интернационализма. Центральный орган ЦК ПОРП газета «Trybuna Ludu» 16 декабря 1958 г. писала в своей передовой статье: «В соответствии с главным направлением деятельности КПП на ленинских принципах мы укрепляем наше единство и братство с коммунистическими и рабочими партиями всего мира, с первой страной социализма и всеми странами народной демократии, с силами мира и прогресса во всем мире».

★

16 декабря 1958 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института славяноведения Академии наук СССР, посвященное 40-летию Коммунистической партии Польши. В его работе приняли участие гости из Польской Народной Республики: польские историки профессор Н. Гонсёровская, доцент В. Найдус и Г. Заторский. Заседание открыл краткой вступительной речью профессор С. А. Никитин.

С докладом «Образование Коммунистической партии Польши» выступил зам. директора Института славяноведения И. А. Хренов. Он отметил, что возникновение КПП было подготовлено всем предшествующим ходом польского рабочего движения и являлось шагом вперед в ликвидации раскола, существовавшего в нем с конца XIX века. КПП возникла в результате мощного революционного подъема, вызванного победой Великой Октябрьской социалистической революции. Докладчик детально показал процесс постепенного идейного сближения двух польских революционных рабочих партий: Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польской социалистической партии-левицы (ППС-левицы).

СДКПиЛ, во главе которой стояли Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Р. Люксембург и др., была марксистской революционной партией с самого своего возникновения, и в этом отношении она резко противостояла оппортунистически-националистической Польской социалистической партии (ППС). СДКПиЛ разоблачала соглашательскую политику ППС, выступала за тесное сотрудничество с русским пролетариатом. Она возглавила борьбу польских рабочих во время революции 1905—1907 годов. Революция привела к расколу в рядах ППС, в результате которого в 1906 г. возникла ППС-левица, развивавшаяся в дальнейшем по революционному пути. Во время первой мировой войны, когда главари ППС встали на сторону Германии и Австро-Венгрии, СДКПиЛ и ППС-левица стояли на интернационалистических позициях и совместно выступали против империалистической войны. Для координации действий обеих партий 5 августа 1914 г. ими был создан Межпартийный рабочий совет.

Далее докладчик остановился на том влиянии, которое оказали на польское рабочее движение победа Октябрьской революции и первые декреты Советской власти, в частности августовский декрет 1918 г. о аннулировании всех договоров о разделе Польши, подписанный В. И. Лениным. Революционный подъем привел к возникновению в Польше свыше 120 Советов рабочих депутатов в городах и промышленных центрах страны. В этих условиях, как никогда прежде, требовалось единство действий рабочего класса. В ноябре 1918 г. обе партии образовали Межпартийную комиссию, которая должна была выработать политическую платформу объединения. И. А. Хренов подробно остановился на обстоятельствах, предшествовавших Объединительному съезду, и показал также существо ошибок СДКПиЛ по национальному, аграрному и другим вопросам.

15 декабря 1918 г. в Варшаве одновременно начали работу XII съезд ППС-левицы и краевая конференция СДКПиЛ. Объединив свои заседания 16 декабря, они провозгласили образование Коммунистической рабочей партии Польши. Объединительный съезд принял политическую платформу партии и временный устав. Манифест, обращенный КРПП к рабочим, призывал их к борьбе за диктатуру пролетариата и социализм. КРПП возникла как боевая революционная партия, хотя в ее политической платформе и имелись в то время ошибочные положения (особенно по национальному, аграрному и другим общедемократическим вопросам).

В заключительной части своего доклада И. А. Хренов кратко охарактеризовал путь, пройденный КПП в 1919—1923 гг., и подчеркнул важнейшее значение решений II съезда КПП (сентябрь — октябрь 1923 г.). Докладчик указал также на роль, которую сыграла деятельность КПП и партий, продолживших ее дело,— ППР и ПОРП — в борьбе за утверждение в Польше народно-демократического строя.

С докладом «Польские коммунистические группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти (1917—1919)» выступил кандидат исторических наук А. Я. Манусевич. Он рассказал о том, что к моменту Октябрьской революции на территории России (к востоку от линии фронта) находилось свыше 3 млн. поляков. Из них около 1,5 млн. составляли беженцы; сосредоточены они были главным образом в промышленных центрах России. Кроме того, в русской армии насчитывалось до 500 тыс. поляков-солдат и офицеров, среди военнопленных было также не менее 100 тыс. поляков. Среди этой массы

населения, большинство которой составляли крестьяне и рабочие, активную работу вели в 1917 г. группы СДКПиЛ, которые входили в состав РСДРП(б). В Петроградской группе СДКПиЛ насчитывалось, например, около 500 членов. Группы СДКПиЛ существовали также в Москве, на Украине, на Урале, в Поволжье и т. д. В июне 1917 г. был создан ЦИК групп СДКПиЛ в России, издававший газету «Trybuna».

Докладчик охарактеризовал работу групп СДКПиЛ по привлечению польских трудящихся в революционные профсоюзы, в Красную гвардию, по борьбе с националистической контрреволюцией. После победы Октябрьской революции группы СДКПиЛ активно боролись за власть Советов. Активное участие в революции принимали Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт, Б. Весоловский и др.; они были избраны на II Всероссийском съезде Советов в состав ВЦИК. А. Я. Манусевич назвал далее десятки имен поляков — борцов за дело рабочего класса и пролетарской революции, своим участием в борьбе за Советскую власть скрепивших нерушимую дружбу польского и советских народов (Гжельщак, Свирчевский, Брониковский, Матушевский, Лещиньский, Фигельский, Козловский и др.).

После победы Октября русская контрреволюция напрасно надеялась на помощь польских воинских частей. Так, Белгородский польский запасной солдатский полк (насчитывал около 17 тыс. чел.) в конце ноября 1917 г. разгромил отряд белых офицеров-ударников, пытавшихся прорваться на Дон, а затем был преобразован в 1-й польский революционный полк. В составе Красной Армии действовали и такие польские боевые единицы, как полк имени Ю. Боревича, Люблинский и Сувалкский полки, Варшавский полк красных гусар и др.

Докладчик подробно охарактеризовал деятельность групп СДКПиЛ в 1918—1919 годах. В январе 1918 г. состоялась III конференция групп СДКПиЛ. Она призвала поляков к защите дела революции и прокламировала свою неразрывную связь с РСДРП(б). В ЦИК групп СДКПиЛ были избраны Ф. Дзержинский, Ю. Лещиньский и др. Группы СДКПиЛ вели большую работу по пропаганде декретов Советской власти, произведений В. И. Ленина и т. п. Под влиянием этой работы на революционные позиции стали переходить и члены ППС-левицы, находившиеся в тот период в России. III конференция групп СДКПиЛ в ноябре 1918 г. поставила на повестку дня вопрос о необходимости переименовать СДКПиЛ в КПП.

После образования в Польше КПП группы СДКПиЛ были переименованы в группы КПП. Они приняли активное участие в реэвакуации поляков. В связи с тем, что основная часть поляков, в том числе и членов групп КПП, к лету 1919 г. выехала в Польшу, дальнейшее существование этих групп стало излишним, и ЦИК групп КПП в июне 1919 г. принял решение о их ликвидации.

В заключение А. Я. Манусевич сказал, что польские революционеры, сражавшиеся на фронтах гражданской войны под лозунгом «За нашу и вашу свободу», выполнили с честью свой интернациональный долг. Советский народ высоко ценит это проявление братской дружбы и солидарности польских рабочих и крестьян.

Выступивший от имени польских историков Г. Заторский рассказал об огромном значении благородного акта Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, передавших Польше ценнейшие материалы и документы о деятельности КПП. Особую важность представляют материалы о Варшавском Совете рабочих депутатов, который играл в Польше роль центрального Совета и выступил за созыв всепольского съезда Советов. 23 ноября 1918 г. Варшавский Совет рабочих депутатов принял резолюцию, подписанную Ф. Гжельщаком, которая призывала фабричные комитеты выполнять все решения Совета. Этот документ является свидетельством того, что Варшавский Совет рассматривал себя как орган рабочей власти.

В. Найдус просила присутствующих на заседании Ученого совета участников революционных событий, работавших в рядах СДКПиЛ и КПП и живущих в настоящее время в СССР, записать и передать свои личные воспоминания Институту истории партии при ЦК ПОРП в Варшаве.

И. В. Созин

24-я КОНФЕРЕНЦИЯ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ ГЕРМАНИИ В ТРИРЕ

Если проследить за развитием историографии в Западной Германии между 22-й и 24-й конференциями западногерманских историков (Бремен, 1953 г. — Трир, сентябрь 1958 г.), сразу станет очевидным упадок в этой области науки в ФРГ за истекший период.

По мере того как реакционные западногерманские историки все более рьяно становятся на службу ремилитаризации Западной Германии, поддерживая идеи вооружения и психологической войны против лагеря социализма, они все чаще вынуждены прибегать к таким приемам, которые влекут за собой их дискредитацию в научном отношении. И если уже предыдущие конференции показали, на какой опасный путь вступили руководители Общества историков Германии (ОИГ), то Трирская конференция наглядно подтвердила, что большинство представителей западногерманской историографии полностью восприняло поставленную перед ними правящими кругами задачу обеления агрессивной политики НАТО и готово предоставить для этого в распоряжение возрождающегося германского милитаризма так называемые «исторические» аргументы. Поддерживая Атлантический пакт и пропаганду антисоциалистической идеологии, правление ОИГ и многие его члены продемонстрировали свое враждебное отношение к демократическому пути воссоединения Германии.

Историки Германской Демократической Республики, принимая во внимание сложившуюся еще до конференции в Трире обстановку, не только имели право, но и должны были (это их национальный долг) создать свою собственную организацию. Цель ее — помочь исторической науке первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства успешно развиваться и занять полагающееся ей по праву место как в национальном, так и в международном масштабе. Естественно, что историки ГДР — страны, строящей социализм,— не могли выступать в качестве своего рода придатка ОИГ, в котором ведущая роль принадлежит врагам рабочего класса, противникам марксистско-ленинского мировоззрения. В борьбе за прогресс и мир, демократию и социализм они должны были образовать свое Общество историков. И оно было создано в марте 1958 года.

Общество с самого начала поставило перед собой задачу — укреплять и расширять связи с прогрессивными миролюбивыми учеными Западной Германии. Тем самым оно внесло важный вклад в дело мирного, демократического воссоединения страны, в борьбу всего немецкого народа против атомного вооружения боннского бундесвера, милитаризма и шовинизма.

Несмотря на то, что историки ГДР всемерно старались наладить научное сотрудничество с западногерманскими историками, такими, в частности, как Геймпель, Шрамм, Губатч, Грундман и др., правление ОИГ пренебрегло этими начинаниями. Ведущие историки ФРГ не откликнулись на приглашение немецко-советской исторической комиссии принять участие в научной конференции (ноябрь 1957 г.), на которой было представлено большое число иностранных и особенно советских ученых. Они игнорировали достижения марксистско-ленинской историографии и стремились заставить замолчать ее сторонников. Такие методы не случайны. В Западной Германии, где любят говорить о «свободных дискуссиях» в науке, в высшие учебные заведения не допускают марксистских историков, зато там немало «ученых», которые во времена фашизма активно участвовали в терроре против прогрессивных исследователей.

В день открытия Трирской конференции тогдашний президент ОИГ Г. Аубин позволил себе клеветнические выпады по адресу историков Германской Демократической Республики. Он осмелился говорить о «политическом насилии над совестью» в ГДР, хотя действительность полностью опровергает эти вымыслы. Именно в Западной Германии повседневно преследуются миролюбивые и демократически настроенные деятели, тогда как в ГДР ни один человек не был подвергнут гонениям за свое мировоззрение. В то же время нельзя назвать ни одного случая, когда Аубин или другие члены правления ОИГ открыто выступили бы против самого ужасного в истории Германии политического насилия над совестью — фашистского террора.

Клеветническими обвинениями против ГДР и ее историков изобиловала и та часть выступления Аубина, в которой шла речь о «принципах» так называемой «свободной

науки». Что представляют собой эти «принципы», можно наглядно судить по тому факту, что именно ведущие историки ОИГ пользуются финансовой поддержкой «Немецкого исследовательского общества» (НИО), то есть живут на средства капиталистов Федеративной Республики Германии (президентом НИО является генеральный директор объединенных фабрик искусственного шелка Витс). Не случайно всем участникам конференции были вручены рекламные проспекты журнала «Tradition», посвященного «Истории фирм и биографиям предпринимателей».

В своей приветственной речи на конференции представитель боннского министерства внутренних дел невольно раскрыл подлинную цену утверждений западногерманских реакционеров о «свободной науке». Он прямо заявил о практике «стимулирования исторических трудов» в Западной Германии и объявил, что министр внутренних дел Шрёдер «принял принципиальное решение создать историческую комиссию в Федеративной Республике Германии» для продолжения традиций «Исторической имперской комиссии».

Таким образом, Бонн стремится официально подчинить науку агрессивной политике. Да и вопросы, обсуждавшиеся на конференции, позволяют сделать вывод, что империалистическая идеология господствует в ОИГ. Не случайно в центре повестки дня находились проблемы создания империи, не случайно и то, что такие открытые представители реакционной идеологии, как Р. Виттрам и М. Зильбершмидт, выступили с основными докладами на конференции.

Для реакционной историографии Западной Германии показателен и доклад Х. Хёлцле «Дуализм современных мировых держав как историческая проблема», посвященный развитию США и России после 1917 года. В этом докладе особенно резко проявились идеализм автора, его методологическая беспомощность. В связи с этим Ф. Фишер (Гамбург) констатировал в ходе обсуждения, что пренебрежение к экономической истории и социальным проблемам, свойственное Хёлцле, как и другим ученым ФРГ, неизбежно приведет к краху западногерманской историографии.

Совершенно неслыханными по своей грубости явились попытки на заседаниях секций (древней истории, истории церкви, восточноевропейской и современной истории) помешать выступлениям историков ГДР, которые хотели опровергнуть провокационные заявления правления ОИГ. Все историки Германской Демократической Республики, прибывшие в Трир — город, где родился великий Маркс,— с намерением принять участие в научных дискуссиях по самым насущным вопросам современной германской истории, были вынуждены ввиду бесцеремонного обращения с ними покинуть в знак протеста заседание. Причины своего ухода они изложили от имени делегации Общества немецких историков в письменном заявлении, переданном правлению ОИГ.

Трирская конференция показала, что реакционеры от науки, «заслуги» которых в психологической войне так превозносил журнал «Spiegel» в интервью с одним из сотрудников военного министерства ФРГ, играют ныне ведущую роль в этой части Германии. В то же время конференция показала, что и сейчас в ФРГ есть историки, хотя их и немного, не желающие служить интересам милитаристов. Некоторые участники конференции, например, положительно отозвались о гостеприимстве, проявленном по отношению к ним в ГДР, и высказали надежду, что представители реакционного курса будут обузданы подобно тому, как это имело место на V Международном конгрессе по вопросам древней истории (Гамбург, сентябрь 1958 г.), руководство которого и прежде всего его президент Берзу (Франкфурт-на-Майне) не допустили никаких провокаций со стороны реакции и предотвратили выпады против представителей ГДР. Благодаря этому все одиннадцать представителей ГДР не только смогли принять участие в конгрессе, но трое из них были избраны председателями секций. Состоявшаяся затем экскурсия в Германскую Демократическую Республику, в которой приняло участие около 100 западногерманских и иностранных историков, прошла очень успешно. Президент конгресса, бывший в числе экскурсантов, в интервью, данном по радио, обратил внимание на успехи, достигнутые ГДР в области изучения древней истории.

Разрыв связей с ГДР, к которому так упорно стремятся реакционные западногерманские историки, может лишь ускорить упадок историографии в Западной Германии. Сетования по поводу неудовлетворенности западногерманского населения, и прежде всего молодежи, состоянием исторической науки были слышны также и на Трирской конференции.

Результаты конференции в Трире — убедительное свидетельство того, что западногерманская историография, стоящая на службе агрессивных сил, переживает глубокий кризис. Даже такие газеты, как гамбургская «Die Welt», которой весьма близок реакционный курс правления Общества историков Германии, вынуждена была признать, что последняя конференция «не дала ничего ценного в научном отношении не выдвинула никаких новых идей».

В противоположность западногерманско историографии историческая наука в ГДР развивающаяся в условиях борьбы трудя щихся масс республики за мир, социализ и национальное возрождение, находится н подъеме.

Г. Шильфер

Хроникальные заметки

◆ В конце декабря 1958 г. научный отдел ЦК СЕПГ провел совещание историков ГДР — специалистов по новейшей истории. Совещание обсудило задачи историков в борьбе против западногерманского империализма и милитаризма. С докладом выступил первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт, который разоблачил реакционных буржуазных историков ФРГ, пытающихся оправдать участие германских империалистов в НАТО, сформулировал важнейшие задачи историков ГДР.

◆ В Румыно-советском институте Академии наук РНР в июне 1958 г. состоялась сессия, посвященная исследованиям в области румыно-русских и румыно-советских связей.

В сессии приняли участие румынские и советские историки. Акад. П. Константинеску-Яшь сделал доклад на тему «Проблемы изучения румыно-русских и румыно-советских связей». Чл.-корр. АН РНР М. Мэнеску выступил с сообщением «Румыно-советское экономическое и культурное сотрудничество». Проф. Н. Кориван посвятил свое сообщение теме «Русско-французские взаимоотношения в 1859 г. в связи с объединением румынских княжеств».

На сессии выступили также акад. А. Оцетя, Д. П. Богдан, В. Костакел и ряд других румынских историков. С советской стороны в сессии приняли участие проф. Л. В. Черепнин («Соборное уложение 1649 г.» и «Правила» Василия Лупу как источники по истории крестьянского закрепощения»), Н. А. Мохов («Русско-румынские политические отношения во второй четверти XVII века»), Ф. П. Шевченко («Участие румын в партизанских боях на Украине во время Великой Отечественной войны Советского Союза») и М. Г. Сазина («Борьба советской делегации за демократический мирный договор с Румынией на Парижской мирной конференции 1946 года»).

◆ В 1958 г. Италию посетил академик Э. Кондураке, директор Института археологии Академии наук Румынской Народной Республики. В Риме румынский ученый прочел две публичные лекции о результатах археологических исследований Истрии, а в Милане — лекцию о состоянии археологической науки в РНР.

◆ 8 января 1959 г. в Институте истории Академии наук СССР состоялась встреча историков-американистов с известным американским прогрессивным ученым доктором Уильямом Дюбуа и его супругой писательницей Шэрли Грэхем.

Доктор Дюбуа рассказал собравшимся о положении и борьбе негров в США за свои права, против расовой дискриминации. Он отметил также большой размах, который приняла борьба народов Африки за свою свободу и независимость. За последние годы в Африке появился ряд независимых государств, своим возникновением нанесших сильный удар по всей системе колониальной эксплуатации в этом районе.

В заключение У. Дюбуа и Шэрли Грэхем ответили на многочисленные вопросы присутствовавших, поделились с ними своими научными и творческими планами.

◆ В Англии с весны 1958 г. начал издаваться новый журнал — «Archaeometry» — бюллетень исследовательской группы по археологии и истории искусств при Оксфордском университете.

◆ В июле 1959 г. в Дублине (Ирландия) намечено провести Международный конгресс кельтологов. В двух секциях будут обсуждаться вопросы, связанные с изучением кельтских языков, литературы, фольклора, истории, археологии и т. д.

◆ На юге Турции, близ г. Тарсус, глубоко под землей обнаружена огромная каменная плита весом около 2 тонн с неизвестным скульптурным изображением Александра Македонского. По-видимому, ваятель присутствовал при погребении Александра Македонского: на барельефе великий завоеватель изображен на своем смертном ложе; его голова покоится на величественном полумесяце. Древний памятник, имеющий большую историческую ценность, передан археологическому музею в Адане.

内 容

社論——苏联共产党第二十一次代表大会是党和人民生活中的历史事件

論 文

大不列顛共产党执委会主席波立特——共产国际四十周年
匈牙利工农革命政府主席明尼赫——十月革命与匈牙利的紅軍
弗·帖·帕苏托——所謂"东方研究"是西德复仇主义的思想
尤·米·麦尔尼科夫——美德矛盾在第二次世界大战爆发中的作用

討論与商榷

米·雅·秀久莫夫（斯維尔德洛夫斯克）——拜占庭史的若干問題
瓦·伊·科列次基——摘自十七世紀初叶的俄国农民战爭史

历史学

伊·格·卡宾——德国統一社会党反对修正主义、爭取自己队伍团結一致的斗爭

情 报

格·科里白（德意志民主共和国），約·采尔特（德意志民主共和国）——德国共产党党員和匈牙利苏維埃共和国
尤·亚·索科洛夫（塔什干）——塔什干的第一个俄国大使館

書 評

历史科学在苏联

塔·瓦·伊格納托什維里——在苏共莫斯科省市党部的党史研究所里

历史科学在国外

伊·瓦·索津——波兰共产党四十周年
盖·什尔菲尔特（德意志民主共和国）——德国特里尔历史学家协会的第二十四次会議。

CONTENTS

Editorial: The Twenty-First CPSU Congress—An Historic Event in the Life of the Party and the People. Articles: **Harry Pollitt, Chairman, Executive Committee, Communist Party of Great Britain.** The Fortieth Anniversary of the Communist International; **Münnich Ferenc, Chairman of the Hungarian Revolutionary Workers' and Peasants' Government.** The October Revolution and the Hungarian Red Army; **V. T. Pashuto.** The So-Called "Study of the East"—An Ideology of West-German Revanchism; **Y. M. Melnikov.** The Role of U.S.-German Contradictions in Unleashing World War II. Forum: **M. Y. Syuziumov** (Sverdlovsk). Certain Problems of Byzantine History; **V. I. Koretsky.** From the History of the Peasant War in Russia in the Early Part of the 17th Century. Historiography: **I. G. Kabin.** The Socialist Unity Party of Germany in the Struggle Against Revisionism and for Cementing the Unity of Its Ranks. Reports: **H. Kolbe** (G.D.R.) and **I. Zelt** (G.D.R.). The German Communists and the Hungarian Soviet Republic; **V. A. Sokolov** (Tashkent). The First Russian Embassy in Tashkent. Criticism and Bibliography. Historical Science in the U.S.S.R.: **T. V. Ignatoshvili.** In the Party History Institute of the Moscow (Regional and City) Committee of the CPSU. Historical Science Abroad: **I. V. Sozin.** The Fortieth Anniversary of the Polish Communist Party; **G. Schilfert** (G.D.R.). The 24th Conference of the German Historians' Society in Trier.

SOMMAIRE

Editorial: Le XXIe congrès du P.C.U.S. est un fait historique dans la vie du parti et du peuple. Articles: **Harry Pollitt, Président du Comité Exécutif du Parti communiste de la Grande Bretagne**. Le 40e anniversaire de l'International Communiste; **Münnich Ferenc Président du Gouvernement révolutionnaire des ouvriers et des paysans hongrois**. La Révolution d'Octobre et l'Armée Rouge hongroise; **V. T. Pachouto**. La dite «Etude de l'Orient» — idéologie du révanchisme d'Allemagne occidentale; **J. M. Melnikov**. Le rôle des contradictions américano-germaniques dans la naissance de la 2e guerre mondiale. Discussions et délibérations: **M. J. Suzumov** (Sverdlovsk). Certains problèmes de l'histoire de la Byzance; **V. I. Koretsky**. De l'histoire de la guerre des paysans en Russie au commencement du XVII siècle. Historiographie: **I. G. Kabin**. La lutte de P.S.U.A. contre le révisionnisme, pour la consolidation de l'unité de ses rangs. Communications: **H. Kolbe** (R.D.A.), **I. Zelt** (R.D.A.) Communistes allemands et la République Soviétique hongroise; **J. A. Sokolov** (Tachkent). La première ambassade russe à Tachkent. Critique, bibliographie. Science historique en U.R.S.S.: **T. V. Ignatochvilly**. A l'Institut de l'histoire du parti près du Comité de Moscou et de ville de Moscou du P.C.U.S. Science historique à l'étranger: **I. V. Sozin**. Le 40-e anniversaire du Parti Communiste de la Pologne; **G. Chilfert** (R.D.A.). La 24e Conférence de la Société des historiens de l'Allemagne à Trir.

INHALT

Leitartikel: Der XXI. Parteitag der KPdSU — ein historisches Ereignis im Leben der Partei und des Volkes. Beiträge: **Harry Pollitt, Vorsitzender des Exekutivkomitees der Kommunistischen Partei Großbritanniens.** Der 40. Jahrestag der Kommunistischen Internationale; **Münnich Ferenc, Vorsitzender der ungarischen revolutionären Arbeiter- und Bauernregierung**. Die Oktoberrevolution und die ungarische Rote Armee; **W. T. Paschuto.** Die sogenannte „Ostforschung" als Ideologie des westdeutschen Revanchismus; **J. M. Melnikow.** Die Rolle der amerikanisch-deutschen Gegensätze im Ausbruch des zweiten Weltkrieges. Diskussionen und Erörterungen: **M. J. Sjusjumow** (Swerdlowsk). Einige Probleme der Geschichte von Byzanz; **W. I. Korezki**. Aus der Geschichte des Bauernkrieges in Rußland Anfang des 17. Jahrhunderts Historiographie: **I. G. Kabin.** Der Kampf der SED gegen den Revisionismus, für die Festigung der Einheit ihrer Reihen. Mitteilungen: **H. Kolbe** (DDR), **J. Zelt** (DDR). Die deutschen Kommunisten und die ungarische Räterepublik; **J. A. Sokolow** (Taschkent). Die erste russische Botschaft in Taschkent. Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **T. B. Ignatoschwili.** Im Institut für Parteigeschichte beim Moskauer Gebiets- und Stadtkomitee der KPdSU. Die Geschichtswissenschaft im Ausland: **I. W. Sosin**. Der 40. Jahrestag der Kommunistischen Partei Polens; **G. Schilfert** (DDR). Die 24. Versammlung des Verbandes der Historiker Deutschlands in Trier.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора), А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, тел. Д 3-55-08.

А 00637. Подписано к печати 19/II 1959 г. Тираж 29 800 экз.

Изд. № 474. Заказ № 132. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НОВЫЕ КНИГИ

ЧЭНЬ ДАН-ЮАНЬ. **Го ши цзювэнь** Древняя история Китая). Т. 1. Пекин. Саньлянь шудянь. 1958. 680 стр.

ЛИ ГУАН-БИ И ДР. **Чжунго нунинь ции лунь цзи** (Сборник статей о крестьянских восстаниях в Китае). Пекин. Саньлянь шудянь. 1958. 2, 462 стр.

Няньцзюнь цзыляо бецзи (Сборник материалов по восстанию факельщиков). Шанхай. Жэньминь чубаньшэ. 1958. 362 стр.

ДЭН ЮНЬ-ТЭ. **Чжунго цзюхуан** (Очерки по истории Китая). Пекин. Саньлянь шудянь. 1958, 6, 4, 376 стр.

Дигочжун цинь хуа ши (История империалистической агрессии в Китае). Т. 1. Пекин. Кэсюе чубаньшэ. 1958. 6, 333 стр.

Чжунго жэньминь цинчжоу шиюэ гэин сыши чжоунянь цзинянь вэньцзи Сборник материалов о праздновании в Китае 40-й годовщины Октябрьской революции. Статьи и речи). Пекин. Жэньминь чубаньшэ. 1958. 3, 428 стр.

Чжунго цзиньдай сысян ши лунь эньцзи (Сборник материалов по истории современной идеологии в Китае) Шанхай. Жэньминь чубаньшэ. 1958.

Гун нун цюньчжунды вэйда чуанью (Великий созидательный труд рабочих и крестьянских масс в Китае. Сборник статей). Т. 1. Пекин. Кэсюе чубаньшэ. 1958. 2, 120 стр.

Самгук саги (История трех царств). Т. 1. Пхеньян. 1958. 685 стр.

КИМ ЕН ЧЖУН. **Когурё кобун пёкхва ёнгу** (Исследование настенной живописи в могильниках Когурё). Пхеньян. Квахаквон чхульпханса. 1958, 234 стр. + 12 л. илл.

ЛИ НА ЕН. **Чосон минчжок хэбан тучэнса** (История национально-освободительной борьбы в Корее). Пхеньян. Чосон нодонтан чхульпханса. 1958, 462 стр.

Георги Димитров 1882—1949. София. Изд-во на БКП. 1958. 200 стр.

Лайпцигския процес и международната солидарност в борбата против фашизма 1933—1934. Документи и материали. София. Изд-во на БКП. 1958. XIV—827 стр.

АНГЕЛОВ Д. **Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през VI век.** София. Изд-во на БАН. 1958, 238 стр.

ДИМИТРОВ Г. Г. **Русско-българска бойна дружба през Освободителната война. 1847—1879.** София. БЗНС. 1958. 72 стр.

Ke vzniku ČSR. Sborník statí k ohlasu únorové revoluce a ke vzniku ČSR. Praha. NV. 1958. 305 s.

Mnichov v dokumentech. 1. díl. Zrada pádních mochnosti na Československu, připr. Ustav pro mezin politiku a ekonomii za red. V. Sojáka. Praha. SNPL. 1958. 303 s.

Mnichow v dokumentech. 2. díl. Zrada české a slovenské buržoasie na československém lidu. K výd. připr. Hl. výbor KSČ pri min. vnitra za spolupráce archivní spravy min. vnitra. Uvod: Zd. Nejedlý. Praha. SNPL. 1958. 427 s.

POLIŠENSKÝ J. **Nizozemská politika a Bílá hora.** Praha. NČSAV. 1958. 357 s.

ŠTEPAN M. **Přechlendý dějiny československých železnic 1824—1848.** Praha. Dopravní. 1958. 269 s.

Historia Polski. Tom I. Do roku 1764. Cz. 3. Chronologia, Bibliografia, Indeksy, Tablice genealogiczne. Mapy. Pod red. H. Łowmiańskiego. Warszawa. PWN. 1958. 219 s.

Studia i materiały do historii kultury wsi polskiej w XIX i XX w. Zajęcia pozarolnicze. Współdziałanie gospodarcze. Pod. red. K. Zawistowicz-Adamskiej. Wrocław. Ossolineum. 1958. 436 s.

Źródła z dziejów rewolucji 1905—1907 w okręgu łódzkim. Tom I. część 2. Wydał P. Korzec. Warszawa. KiW. 869 s.

GLOGEZ L. **Encyklopedia staropolska.** Warszawa. WP. 1958 T. I, 316 s. T. 2, 332 s. T. 3, 350 s. T. 4, 523 s.

PIWARSKI K. **Watikan a faszyzm.** Warszawa. KiW. 1958. 125 s.

STERN L. **Der Einfluß der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung.** Berlin. Rütten und Loening. 1958. 358 S.

ZELT J. **Proletarischer Internationalismus im Kampf um Sacco und Vanzetti.** Berlin. Dietz Verlag. 1958. 391 S.

NORDEN A. **Fälscher.** Zur Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. Berlin. Dietz Verlag. 1958. 304 S.

SAINT-PHALLE A. **Tour du monde.** T. VI. De Louis XIV à Wellington. Paris. Gallimard. 1958. 480 p.

VAN DER ESSEN A. **Le Cardinal-Infant et la politique européenne de l'Espagne.** Paris. Edit. Universitaires. 1958, 514 p.

Le choléra. La' première épidémie du XIXe siècle. Bibliothèque de la Révolution de 1848. T. XXI La Roche-sur-Jon Imprimerie Centrale de l'Ouest. 1958. 188 p.

TATON R. (Sous la dir. de). **Histoire générale des Science.** T. II. La Science moderne. Paris. Presses Universitaires de France. 1958 VIII—800 p.

CHEVALIER L. **Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIX siècle.** Paris. Plon. 1958. 608 p.

LEDRE CH. **Histoire de la presse.** Paris. A. Fayard. 1958.

SCHROEDER PAUL W. **The Axis Alliance and Japanese-American Relations.** 1941. New York. 1958, 246 p.

Цена 7 руб.

ГОССТРАХ

ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОРЫ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫЕ СРОКИ И СТРАХОВЫЕ СУММЫ

Наиболее распространенными видами страхования являются смешанное страхование жизни и страхование от несчастных случаев.

На смешанное страхование принимаются лица в возрасте от 16 до 60 лет на срок 5, 10, 15 и 20 лет, **а на страхование от несчастных случаев** — в возрасте от 16 до 70 лет — на срок от 1 года до 5 лет.

По договорам личного страхования Госстрах выплачивает страховую сумму самому застрахованному или его семье.

Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договора обращайтесь в инспекцию или к агенту Госстраха.

Главное управление государственного страхования РСФСР